

Муратовъ, А. Н.

ПРАВДА

ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

О

РИМСКОЙ И ПРОЧИХЪ ПАТРИАРШИХЪ

КАОБРАТУЪ.

—

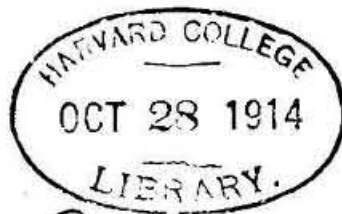
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ К. КРАЙЯ.

1849.

C 3325.13

2137-35

Treat fund

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позво-
ляется. Февраля 9 дня 1849 года. С. Петербургъ.

Ценсоръ Архимандритъ Аввакумъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Православная Каоолическая Церковь, съ глубокимъ чувствомъ прискорбія, видѣла нарушеніе единства между Западомъ и Востокомъ, отъ честолюбивыхъ притязаній Первосвятителей Римскихъ на верховную власть, подъ благовиднымъ предлогомъ общаго союза, котораго и сама всегда искренно желала, но только на основаніи древнихъ правилъ. Вся огражденная канонами соборными, какъ неприступною стѣною, она указывала на неразрывную связь своихъ догматовъ, обрядовъ и преданій, съ первыми вѣками Христіанства, которые отразились въ ея неизмѣнномъ богослуженіи, какъ въ чистомъ зеркалѣ, и съ внутреннимъ сознаніемъ силы Божіей, въ часы своей земной немощи, посреди обуревавшихъ бѣдствій, пребыла непоколебимою, памятуя,» что никто не можетъ положить ей инаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ» (1 Кор. III, 11.), и что не можетъ имѣть она другаго главы, кромѣ самаго Господа: «ибо его поставилъ Богъ превыше всего, главою Церкви, которая есть его тѣло.» (Ефес. I; 22, 23.)

Поелику же Римская Церковь оставляет безъ особеннаго вниманія, у присоединяемыхъ ею, разность исповѣданія о исхожденіи Духа Святаго, и другія важныя различія въ совершеніи таинствъ, прежде и свыше всего домогаясь установить власть своихъ Первосвященниковъ: то и съ нашей стороны, предметъ сей, какъ основной для насъ, долженъ обратить на себя ближайшее вниманіе. Отложивъ нынѣ, какъ несовмѣстныя съ истиною историческою, мнимыя декретація папскія первыхъ вѣковъ, которыя однако же долгое время служили руководствомъ для Европы, Римляне стараются исключительно основать ученіе свое, о господствѣ Апостола Петра и преемниковъ его каедръ, на словахъ Евангельскихъ и фактахъ историческихъ: будемъ и мы безпристрастно разсматривать — отколѣ могли они почерпнуть такое ученіе? и вникнемъ сперва въ Божественныя Евангелія, дѣянія и посланія Апостольскія, потомъ въ каноны тѣхъ же св. Апостоль, Соборовъ вселенскихъ и св. Отець, а наконецъ въ событія предшествовавшія раздѣленію, ибо и въ скрижаляхъ исторіи хранится истина.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	Стран.
О первенствѣ Апостола Петра	1
I. О камнѣ, основаніи Церкви и ключахъ царствія . . .	3
II. О пасеніи стада Христова	11
III. Свидѣтельства изъ дѣяній и посланій Апостольскихъ .	19
Отношенія Римскихъ Епископовъ въ Церкви вселенской:	
I. Въ первомъ вѣкѣ	28
II. Во второмъ вѣкѣ	33
III. Въ третьемъ вѣкѣ	35
Четвертый вѣкъ. Первый вселенскій Соборъ въ Никей	40
Второй вселенскій Соборъ въ Константинополѣ	59
Пятый вѣкъ. Третій вселенскій Соборъ въ Ефесѣ	69
Четвертый вселенскій Соборъ въ Халкидонѣ	78
Шестый вѣкъ. Пятый вселенскій Соборъ въ Константинополѣ .	89
Седьмый вѣкъ. Шестой вселенскій Соборъ въ Константинополѣ.	101
Осьмый вѣкъ. Седьмый вселенскій Соборъ въ Никей	108
Вѣкъ девятый. I. Состояніе Церкви	118
II. Патріархи Игнатій и Фотій	124
III. Сношенія съ Папою Николаемъ	134
IV. Споръ за Болгарію	147
V. Возвращеніе Патріарха Игнатія. Соборъ противъ Фотія.	158
VI. Возвращеніе Патріарха Фотія. Соборъ, называемый осьмымъ Вселенскимъ	172
Вѣкъ десятый	181
Вѣкъ одиннадцатый. I. Разрывъ Патріарха Михаила Керуларія съ легатами Римскими	183
II. Папа Григорій VII	195
Вѣкъ двѣнадцатый	198

	Стр.
Вѣкъ тринадцатый. I. Взятіе Царяграда Крестоносцами . . .	203
II. Императоръ Михаилъ Палеологъ	209
III. Соборъ Лионскій.	213
Вѣкъ четырнадцатый.	217
Вѣкъ пятнадцатый. I. Соборы Констанскій и Базельскій. . .	221
II. Приготовленія къ Собору вселенскому	228
III. Соборъ въ Феррарѣ	236
IV. Соборъ Флорентинскій	242
V. Послѣдствія Собора	257

О ПЕРВЕНСТВѢ АПОСТОЛА ПЕТРА.

Два изреченія Господни къ ученику своему и Апостолу Петру, въ Евангеліяхъ Матѳея и Іоанна, наипаче полагають Римляне въ основаніе верховнаго вѣдѣнства своего Епископа. Прочтемъ тексты сіи, вмѣстѣ съ толкованіями нѣкоторыхъ именитыхъ св. Отцевъ и учителей Восточныхъ и Западныхъ, чтобы яснѣ видѣть: какъ въ первые вѣка Христіанства, разумѣли ихъ величайшіе свѣдѣтели Церкви. Златоустъ, единодушно признанный лучшимъ истолкователемъ двухъ Евангелистовъ, дѣяній Апостольскихъ и посланій Апостола Павла, можетъ служить вѣрнѣйшимъ руководителемъ.

Однако, съ большою осторожностію и безпристрастіемъ должно приводить свидѣтельства св. Отцевъ, не усѣченными рѣчами, но полными отдѣленіями, чтобы избѣгать суетныхъ словопрѣній; ибо часто одно сильное выраженіе, которое сперва кажется благопріятствуетъ притязаніямъ Римскимъ, не только бываетъ ограничено, но даже и совершенно уничтожено послѣдующими, въ истолкованіи того же стиха св. Писанія или иныхъ, судя по тому, какую собственно мысль старался выставить церковный учитель.

Изъ писаній Отческихъ видно, что доколѣ какое либо лжеученіе не вкрадывалось въ чистый догматъ вѣры, св. Отцы говорили о немъ съ большею свободою, не подозрѣвая лести еретической; но при малѣйшемъ покушеніи затмить истину, они становились чрезвычайно осторожными, ограничиваясь собственными словами Божественнаго откровенія, для выраженія небесныхъ истинъ, превосходящихъ разумъ человѣческой. — Такъ и въ первыхъ, самыхъ цвѣтущихъ столѣтіяхъ Церкви,

когда еще не угрожало ей владычество Римской кафедры, писатели духовные, без всякой мысли о верховномъ владычествѣ ея Епископа, превозносили должными хвалами Апостола Петра, признавая первенство его предъ другими, не въ смыслѣ однако господства, какъ явствуетъ изъ выраженія тѣхъ же Отцевъ о прочихъ первостепенныхъ Апостолахъ Павлѣ, Иоаннѣ, Иаковѣ; и стоить только сличить всѣ сии выраженія между собою, а иногда только сказать неопытному: прочти далѣе отрывокъ, приводимый Римлянами въ свою пользу, чтобы совершенно ихъ опровергнуть, основываясь на истинномъ разумѣ словъ св. Писанія. — Приступимъ къ изслѣдованію.

О КАМНѢ, ОСНОВАНІИ ЦЕРКВИ И КЛЮЧАХЪ ЦАРСТВІЯ.

„Пришедши же Иисусъ въ страны Кесаріи Филипповой, спрашивалъ учениковъ своихъ, говоря, за кого человеки почитаютъ меня, Сына человеческого? Они сказали: нѣкоторые за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, а иные за Іеремію, или за котораго нибудь изъ Пророковъ; Иисусъ говоритъ имъ: а вы за кого меня почитаете? Симонъ же Петръ отвѣтствуя сказалъ: Ты Христосъ Сынъ Бога живаго. Тогда Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: блаженъ ты Симонъ сынъ Іонинъ, потому что не плоть и не кровь открыли тебѣ то, но Отецъ мой сущій на небесахъ. Скажу и я тебѣ: ты Петръ, и на семъ камнѣ я создамъ церковь мою, и врата адовы не преодолѣютъ ея; и дамъ тебѣ ключи царствія небеснаго, и что свяжешь на земли, связано будетъ на небесахъ; а что разрѣшишь на земли, разрѣшено будетъ на небесахъ.“ (Матѳ. XVI, 13 — 19.)

Такъ пишетъ Евангелистъ Матѳей и такъ изъясняетъ Златоустъ: „на семъ камнѣ, говоритъ Иисусъ Христосъ, созижду Церковь мою, т. е. на сей вѣрѣ и на семъ исповѣданіи; сими словами свидѣтельствуешь онъ, что многіе нѣкогда должны въ него увѣровать. Онъ возвышаетъ духъ и мысли Апостола и поставляетъ его пастыремъ, и врата адовы не одолѣютъ Церкви.“ (Бесѣд. 54 на Матѳ.) И такъ, хотя самое имя Петра значитъ камень, камнемъ полагается здѣсь не лице Петрово, но исповѣданіе вѣры въ Господа Иисуса, сущаго краеугольнаго камня.

Продолжая изъяснять обѣщаніе ключей царствія небеснаго тому же Апостолу, Златоустъ, хотя и называетъ его верховнымъ, не домогается однако же доказывать симъ текстомъ, какъ Западные писатели, преимущество Петрово надъ прочими учениками, а только власть Сына Божія, равнаго во всемъ Отцу, ибо сіе было главною цѣлію проповѣдника, лице же Петрово смѣшиваетъ онъ съ другими Апостолами. „Что значать, спрашиваетъ онъ, слова: Я дамъ тебѣ? — Какъ Отецъ дамъ

тебѣ познаніе обо мнѣ, такъ и Я дамъ тебѣ; не сказалъ умолю Отца, но дамъ тебѣ. — Видишь ли какъ Христосъ, сими двумя обѣщаніями, возводитъ Петра къ высокому о немъ мнѣнію, какъ открываетъ себя и показываетъ истиннымъ Сыномъ Божиимъ!“ И такъ вотъ мысль и цѣль Златоуста, а не та, которой нѣкоторые здѣсь ищутъ, — т. е. возвеличенія катедры Петровой, хотя далѣе тотъ же витія говоритъ: „Господь обѣщаетъ ему даровать то, что собственно принадлежитъ единому Богу, а именно: разрѣшать грѣхи, сдѣлать Церковь неколебимою среди всѣхъ волненій, и простаго рыбака явить крѣпчайшимъ всякаго камня, когда встанетъ вселенная. Подобнымъ образомъ и Богъ Отецъ сказалъ, бесѣдуя съ Пророкомъ Іереміею, что полагаетъ его какъ столпъ мѣдный и какъ стѣну (Іер. 1, 18.); но Іеремія поставленъ былъ для единого народа, а Петръ для цѣлой вселенной. — Хотѣлось бы мнѣ спросить тѣхъ, которые унижаютъ Сына, какіе большіе дары: тѣ ли, которые далъ Отецъ, или тѣ, которые далъ Сынъ? — Для чего же тотчасъ запретилъ онъ ученикамъ своимъ говорить всѣмъ, что онъ Христосъ? — Поеліку могущество его еще не столь очевидно обнаруживалось, то хотѣлъ, чтобы Апостолы тогда начали проповѣдывать, когда очевидная истина проповѣдуемаго и сила событій будутъ подтверждать слова ихъ!“ (на Матѣ. Бесѣд. 54.)

И такъ вотъ вслѣдъ за обѣщаніемъ, даннымъ Петру, говорится вообще о проповѣди всѣхъ Апостоловъ, а не о господствѣ его надъ ними. Выраженія же подобныя симъ, что Петръ поставленъ пастыремъ и противоборствуетъ цѣлой вселенной, встрѣчаются неоднократно, у того же Златоуста, и о другихъ Апостолахъ, наипаче о Павлѣ, какъ увидимъ далѣе, при постепенномъ разсматриваніи толкованій сего великаго учителя Церкви.

Но если и обѣщаніе дано было одному прежде другихъ, за скорое исповѣданіе Божества Христова, предварившее прочихъ, то исполненіе сего обѣщанія въ пользу одного, не предварило общаго всѣмъ дара; ибо за возвеличивающими словами о ключахъ царствія, слѣдуютъ немедленно и унижительныя тому же Петру: „иди отъ меня, сатана, ты мнѣ соблазнъ, потому что ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое,“ когда Петръ сталъ противорѣчить Господу о его страданіяхъ. (Матѣ. XVI, 23.) Спаситель не сказалъ: дамъ тебѣ, но „дамъ тебѣ ключи царствія,“ потому что, дабы действительно даровать власть вязать и рѣшить грѣхи, прежде искупилъ самъ, смертію своею, міръ отъ грѣха; по воскресеніи же далъ власть сію, не исключительно од-

ному Петру, а всѣмъ Апостоламъ вмѣстѣ, дунувъ на нихъ и сказавъ: „примите Духъ Святый, кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ оставите, на томъ останутся.“ (Іоан. XX, 22, 23.) Здѣсь уже не одно обѣщаніе будущихъ ключей, съ запрещеніемъ немедленно проповѣдывать, но уже самое дѣйствіе дуновения, вмѣстѣ съ словами, безразлично относящимися ко всѣмъ Апостоламъ, которыхъ дѣйствительно посылаетъ на проповѣдь.

По сей причинѣ напрасно утверждаетъ Боссюетъ, въ бесѣдѣ своей о единствѣ Церкви: „что слова Христовы Петру обнаруживаютъ желаніе дать прежде одному то, что даровалъ потомъ многимъ, ибо послѣдствіе не опровергаетъ начала, и первый не теряетъ своего мѣста; и будто бы начальное изреченіе Христово Петру: „что свяжешь на земли, связано будетъ на небесахъ,“ сказанное ему одному, въ ту же минуту подчинило ему тѣхъ, которымъ Господь имѣлъ сказать то же самое послѣ, ибо обѣщанія Христовы, какъ и дары его непреложны.“ — Не натянуто ли это толкованіе у Боссюета? Могъ ли получить начальство не получившій еще власти, когда и при полученіи оной ничѣмъ не былъ отличенъ отъ прочихъ причастниковъ того же дара?

Вотъ другое толкованіе церковнаго учителя, блаженнаго Августина, столь же знаменитаго на Западѣ, сколько Златоустъ на Востокѣ (Tract. in. Iohan. 124, c. 5.): „Петръ, ради первенства своего Апостольства, носилъ на себѣ образъ Церкви, знаменуя ея всеобщность. Что касается до него собственно, то по природѣ своей онъ былъ только одинъ человекъ, по благодати, одинъ Христіанинъ, по обильнѣйшей благодати одинъ и вмѣстѣ первый Апостоль. Но когда ему сказано было: „тебѣ дамъ ключи царствія небеснаго и проч.“ тогда знаменовалъ онъ вселенскую Церковь, которая въ нынѣшнемъ вѣкѣ, различными искушеніями, какъ бы дождями, рѣками, бурями, потрясается и не падаетъ, поелику основана на камнѣ, отъ коего Петръ получилъ имя. Не отъ Петра камень, но отъ камня Петръ, такъ какъ не отъ Христіанина именуется Христосъ, но отъ Христа Христіанинъ. Господь сказалъ: „на семъ камнѣ созижду церковь мою,“ поелику Петръ сказалъ: „ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго“ (Матѣ. XVI, 16 — 19.), т. е. на семъ камнѣ, который ты исповѣдалъ, созижду церковь мою, „камень же былъ Христосъ,“ (1 Кор. X, 4.), на какомъ основаніи утвержденъ и самъ Петръ; „ибо никто не можетъ положить иного основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Христосъ Иисусъ“ (1 Кор. III, 11.) И такъ Церковь, утверждаемая на Христѣ, отъ него приѣмлетъ,

въ лицѣ Петровомъ, ключи царствія, т. е. власть вязать и рѣшить грѣхи.“

Далѣе превосходно объясняетъ Августинъ знаменательность двухъ Апостоловъ Петра и Іоанна (тамъ же гл. 7). „Никто да не раздѣляетъ сихъ двухъ именитыхъ Апостоловъ, ибо и то, что знаменовалъ Петръ, оба они были, и то что знаменуетъ Іоаннъ, оба имѣли быть. Знаменательно слѣдовалъ за Христомъ Петръ и оставался Іоаннъ; вѣруя же, оба терпѣли бѣдствія настоящаго убожества и ожидали благъ грядущаго блаженства. И не они одни, но то же исполняетъ и вся святая Церковь, обуреваемая здѣшними бѣдами, сохраняемая для будущихъ благъ. Петръ и Іоаннъ образовали собою двѣ жизни, временную и вѣчную. — Оба истинно и знаменательно ходили вѣрою во времени, и оба наслаждаются ею въ вѣчности. Такимъ же образомъ для всѣхъ Святыхъ, нераздѣльно принадлежащихъ къ тѣлу Христову, ради управленія бурной сей жизни, принялъ съ ключами царствія небеснаго власть вязать и рѣшить первый изъ Апостоловъ Петръ; и для сихъ же Святыхъ, ради сладостнаго покоя той таинственной жизни, возлежалъ на персяхъ Христовыхъ Евангелистъ Іоаннъ. Посему не Петръ одинъ, но вся Церковь (т. е. ея іерархія) вяжетъ и рѣшаетъ грѣхи, и не одинъ Іоаннъ почерпнулъ на истинномъ лонѣ Господнемъ тайну о безначальномъ пребываніи Слова у Бога, и о Божествѣ Христовѣ, и троичности и единствѣ Божества, но самъ Господь излилъ свое Евангеліе по всему міру, дабы каждый черпалъ изъ него по своей удобопріемности.“ — Какое великолѣпное сравненіе и толкованіе, чуждое всякой мысли влстительства Римскаго.

Вездѣ у Августина Петръ знаменуетъ собою Церковь, и не въ одномъ, но во многихъ мѣстахъ, говоритъ онъ, что въ немъ Церковь пріяла власть вязать и рѣшить, на примъ: „хотя Апостоловъ было числомъ двѣнадцать и всѣ вопрошены, одинъ Петръ отвѣтствуетъ: ты Христосъ Сынъ Бога живаго, и ему сказано: тебѣ дамъ ключи царствія небеснаго, какъ будто бы одинъ получилъ власть вязать и рѣшить; но хотя и одинъ за всѣхъ произнесъ слова сія, со всѣми однако получилъ власть, какъ представляющій лицемъ своимъ единство; такимъ образомъ одинъ во всѣхъ, ибо единство во всѣхъ.“ (Трас. in Iohan. 128, с. 4.)

Въ книгѣ *Retractationes* (Lib. 1, с. 21), въ которой онъ исправлялъ или замѣчалъ погрѣшности своихъ многочисленныхъ сочиненій, Августинъ касается и сего текста: „въ нѣкоемъ мѣстѣ сказалъ я объ

Апостолъ Петръ, что на немъ, какъ на камнѣ, основана Церковь, и такія слова поются, устами многихъ, въ стихирахъ блаженнаго Амвросія, который говоритъ о возгласившемъ алекторѣ: „сему поющу и камень Церкви омылъ вину свою.“ — Но знаю также, что я часто изъяснилъ потомъ сказанное Господомъ: „ты еси Петръ и на семь камней созижду Церковь мою,“ такимъ образомъ, чтобы подъ симиъ камнемъ разумѣли того, кого исповѣдалъ Петръ Христомъ, Сыномъ Бога живаго. И такъ Петръ отъ сего камня названный, образуетъ собою лице Церкви, основанной на камнѣ и пріемлетъ ключи царствія; ибо не сказано ему: ты еси камень, но только: ты еси Петръ; камнемъ же былъ Христосъ, котораго исповѣдалъ Симонъ, какъ исповѣдуетъ вся Церковь, названъ Петроу. Изъ сихъ двухъ толкованій пусть избираетъ читатель.

Если же, вопреки толкованію Златоуста и Августина, отнести собственно къ лицу Петрову слова Спасителя: „ты еси Петръ, и на семь камней созижду церковь мою,“ то одинаковыя выраженія встрѣчаются въ св. Писаніи и о другихъ Апостолахъ и даже о Пророкахъ, имъ предшествовавшихъ. — „Вы уже не чуждые пришельцы, говоритъ вѣрующимъ Павелъ, но сожители Святыхъ и свои Богу, будучи утверждены на основаніи Апостоловъ и Пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ самаго Иисуса Христа, на которомъ все зданіе стройно возрастаетъ въ храмъ, посвященный Господу. (Ефес. II, 19, 20, 21.) Ибо никто не можетъ положить инаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ.“ (1 Кор. III, 11.)

И возлюбленный Господу ученикъ Іоаннъ, который, одинъ изъ всѣхъ Апостоловъ, написалъ книгу откровенія, о грядущихъ судьбахъ Церкви до кончины міра, такъ изображаетъ новый Іерусалимъ, сходящій съ неба отъ Бога, т. е. Церковь: „стѣна города имѣетъ двѣнадцать основаній, и на нихъ имена двѣнадцати Апостоловъ Агнца.“ (XXI, 14.) И такъ не одинъ Петръ, но и всѣ Апостолы положены въ основаніе Церкви, и въ одно время, вмѣстѣ, посылаются на дѣло созиданія, возносящимся отъ нихъ Господомъ, во всѣ концы вселенной, имѣя средоточіемъ того, „кто обѣщалъ быть съ ними во всѣ дни до скончанія вѣка,“ и о коемъ сказано было Пророкомъ: „се я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный, избранный, драгоценный, и вѣрующій въ него не постыдится.“ (Иса. XXVIII, 16.)

Въ какомъ же смыслѣ Апостолы могутъ служить основаніемъ, прекрасно изъясняетъ св. Василій Великій въ словѣ о покаяніи: „Петръ

сказалъ: ты еси Сынъ Бога Всевышняго (Мате. XVI, 16), и похва-
ленъ, услышавъ отъ него: ты еси камень. Ибо хотя онъ камень, однако
камень не такъ какъ Христосъ, но камень такъ какъ Петръ. Господь
есть камень неподвижный, Петра же дѣлаетъ камнемъ, ибо сообщаетъ
другимъ свои свойства, но сообщаетъ не совлекаясь ихъ самъ. Онъ
есть свѣтъ и говоритъ Апостоламъ: вы свѣтъ міру; онъ священникъ и
творитъ священниками; онъ агнецъ, и посылаетъ ихъ какъ агнцевъ
среди волковъ; онъ камень, и утверждаетъ камень, рабамъ своимъ да-
руя свое.“ (ар. t. 2. opog. V. m. ed. Paris. 1813. p. 863).

Такъ разумѣлъ и св. Кириллъ Александрійскій: „твердыня и непоко-
лебимое основаніе есть Христосъ, подъемающій все назданное и со-
держащій въ благостояніи, ибо на немъ всѣ зиждемся въ дошъ духов-
ный; ближайшими же и сроднѣйшими основаніями могутъ почестъся
Апостолы и Евангелисты, бывшіе сперва очевидными свидѣтелями Слова
и сдѣлавшіеся потомъ основаніемъ вѣры.“ (на Исаію кн. IV, слов. 2.)

Амвросій же Медиоланскій, величайшій изъ пастырей Западной Церкви,
который и самъ былъ ей положенъ въ основаніе, для сокрушенія
язычества и Аріанства, не разиствуетъ въ мнѣніяхъ съ Кирилломъ,
ибо ясно говоритъ: „что Христосъ есть основаніе всѣхъ своихъ
Апостоловъ, подобно какъ и они суть основанія тѣхъ, которые чрезъ
нихъ увѣровали“ (толк. на Апок. XXI, 14.) и „что если вообще
Апостоловъ и Мучениковъ не одолѣли врата адовы, то и тѣхъ, кото-
рые сообщаются съ ними.“ (на празд. св. Муч. слово 77.)

Подобно какъ училъ св. Кириллъ: „что камнемъ называлъ Господь,
твердую вѣру ученика, на которой неколебимо основана и утверждена
Церковь, непобѣдимая для самыхъ вратъ адовыхъ;“ (бесѣд. IV, о Троицѣ)
такъ училъ и Амвросій: „что основаніе сіе есть вѣра, ибо не о плоти,
но о вѣрѣ Петра было сказано Господомъ, поелику вѣру не одолѣютъ
врата адовы.“ (О воплощ. гл. V.) — И сіе тѣмъ справедливѣе, что мы
видимъ въ Евангеліи Іоанновомъ, Апостола Петра, исповѣдующаго
Божество Христово не за себя одного, но отъ лица всѣхъ Апосто-
ловъ: „и мы вѣровахомъ и познахомъ, яко ты еси Христосъ Сынъ
Бога живаго.“ (VI, 69.)

Тотъ же Амвросій, изъясняя въ Апокалипсисѣ, что означаютъ двѣ-
надцать основаній стѣны Іерусалимской, на коихъ написаны имена
двѣнадцати Апостоловъ, говоритъ: „меня спросятъ: почему я назвалъ
Петра основаніемъ Церкви, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Господь сказалъ: ты
еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь мою? — Ежели Петръ

есть основаніе Церкви, какъ и прочіе Апостолы, что ясно доказываетъ настоящее чтеніе, то на немъ основана Церковь, такъ какъ и на другихъ.“ (толк. XXI, 14.)

Оговорка сія великаго Амвросія должна научить насъ сколь односторонни могутъ показаться намъ толкованія св. Отцевъ, если мы недобросовѣстно будемъ выписывать только то, что благопріятствуетъ нашей цѣли, ибо они сами дополняютъ въ одномъ мѣстѣ сказанное ими въ другомъ.—Такъ и блаженный Иеронимъ, современникъ Амвросія и великій ревнитель Римской кафедры, на которую едва не былъ избранъ, часто превознося въ письмахъ своихъ ея достоинство, иногда однако же пишетъ: „ты говоришь, что на Петръ основана Церковь, но то же самое въ другомъ мѣстѣ говорится и о другихъ Апостолахъ: сей домъ построенъ на основаніи Апостоловъ и Пророковъ.“ (прот. Ювиніан. кн. 1.)

Два иныхъ именитыхъ писателя Западной Церкви III и IV вѣка, Тертуліанъ и Иларій, говорятъ вообще о всѣхъ Апостолахъ, первый „что они суть камни и основанія, на которыхъ зиждется“ (прот. Марк. кн. IV.), а второй, „что они столько были совершенны, что сдѣлались основаніями и столпами Церкви.“ (изъясненіе на псал. 67, 10.) Славный же учитель Александрійскій Оригенъ, даже вооружается, въ толкованіи своемъ на Маттея, противу тѣхъ, которые отдаютъ особенное преимущество Петру: „если ты думаешь, что на немъ одномъ отъ Бога построена Церковь, то что скажешь о Іоаннѣ, сынѣ громовомъ и о каждомъ изъ Апостоловъ? — Не ужели дерзнешь сказать, что врата адавы не одолбютъ только Петра, но одолбютъ прочихъ Апостоловъ? Не всѣмъ ли и каждому принадлежитъ вышесказанное? Не ужели также одному только Петру даны отъ Господа ключи царствія небеснаго, и никто другой изъ блаженныхъ не получилъ оныхъ?“

Столь же сильное возраженіе, о ключахъ царствія, дѣлаетъ блаженный Августинъ, утвердивъ насъ прежде своими толкованіями о значеніи камня, положеннаго въ основаніе Церкви: — „Петръ во многихъ мѣстахъ св. Писанія является носящимъ лице Церкви, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: тебѣ дамъ ключи царствія небеснаго. Не ужели Петръ получилъ тѣ ключи, а Павелъ не получилъ? Петръ получилъ, а Іаковъ, Іоаннъ и прочіе Апостолы не получили? Не въ Церкви ли тѣ ключи, гдѣ ежедневно отпускаются грѣхи? Но поелику знаменательно носилъ Петръ образъ Церкви, а Церковь есть тѣло Христово, то что дано ему одному, дано и Церкви.“ (Sermo 149, с. 7).

Много иныхъ свидѣтельствъ, столько же Западныхъ, сколько и Восточныхъ, можно бы привести на сей замѣчательный текстъ Евангелиста Маттея, но и сего достаточно, чтобы утвердить насъ въ той непреложной истинѣ, что съ Петромъ, какъ съ камнемъ, соединены были другіе основные камни, совершенно ему равные, и не положены на немъ, а на нихъ всѣхъ выведено потомъ цѣлое стройное зданіе Церкви, какъ описано въ Апокалипсисѣ.

II.

О ПАСЕНІИ СТАДА ХРИСТОВА.

Вотъ и другое изреченіе Христово, на которое опираются Римляне, едва ли не болѣе еще сколько на первое, въ пользу верховнаго вѣлительства Папскаго, потому что подѣ именемъ агнцевъ, поручаемыхъ Петру, разумѣютъ всю Церковь, а подѣ именемъ овецъ самихъ пастырей, что весьма несовмѣстно: нигдѣ св. Писаніе не сравниваетъ пастырей стада съ овцами; именуется же ихъ иногда овцами, только въ смыслѣ жертвы, какъ и самаго Христа, а не какъ правителей его Церкви.

„По воскресеніи Іисусъ говоритъ Симону Петру: Симоне Іонинъ, любишь ли ты меня болѣе нежели они? Петръ говоритъ ему: ей, Господи, ты знаешь, что я люблю тебя; Іисусъ говоритъ ему: паси агнцевъ моихъ. Еще говоритъ ему въ другой разъ: Симоне Іонинъ, любишь ли ты меня? — Петръ говоритъ ему: ей, Господи, ты знаешь, что я люблю тебя; Іисусъ говоритъ ему: паси овецъ моихъ. — Говоритъ ему въ третій разъ: Симоне Іонинъ, любишь ли меня? — Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ его: любишь ли меня? и сказалъ ему: Господи, тебѣ все извѣстно, ты знаешь, что я люблю тебя. — Іисусъ говоритъ ему: паси овецъ моихъ.“ (Іоан. XXI, 15, 16, 17.)

Раскроемъ опять Августина и Златоуста, перваго Западнаго, втораго Восточнаго, и съ совершенною искренностію вникнемъ: какинъ образомъ каждый изъ нихъ разумѣлъ сію заповѣдь Христову данную ученику своему? ибо она точно есть болѣе заповѣдь и выраженіе должности, нежели почестъ, возвышающая лице Петрово, какъ и самъ Петръ выражался въ послѣдствіи, въ своемъ посланіи къ поставленнымъ отъ него Пресвитерамъ: „пасите стадо Божіе.“ (1 Петр. V, 2.); и какъ училъ Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Ефессямъ (IV, 11, 12.): „Господь поставилъ однихъ Апостолами, другихъ Пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, дабы все возвращали въ того, который есть глава, т. е. во Христа.“

Вотъ какъ толкуеть Августинъ слова Спасителя, равно восхваляя подвиги Петра и Павла, въ день ихъ памяти, и вкратцѣ изображая все достоинство Петрово (Sermo 295, с. 1.): „между Апостолами одинъ Петръ удостоился носить образъ Церкви, и потому въ лицѣ Церкви удостоился слышать: „тебѣ дамъ ключи царствія,“ ключи же сїи не одинъ человекъ, но единство Церкви прїяло. Симъ возвѣщается только превосходство Петра, носившаго образъ вселенства и единства Церкви, когда ему одному сказано то, что дано всѣмъ: но дабы вы знали, что Церковь прїяла власть вязать и рѣшить, то слушайте въ другомъ мѣстѣ Господа глаголющаго своимъ Апостоламъ: „прїимите Духъ Святой, кому отпустите грѣхи отпустятся, кого удержите, на томъ удержатся;“ (Иоан. XX, 22, 23.) и о ключахъ царствія, „все что свяжете на землѣ, связано будетъ на небесахъ.“ Но для того, чтобы ты зналъ, что Петръ носилъ тогда образъ всей Церкви, внемли какъ ему говорится то же, что и всѣмъ вѣрнымъ: „если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой и проч.“ (Матѣ. XVIII, 16—18.) Голубица связываетъ, голубица и разрѣшаетъ, зданіе на камнѣ вяжетъ и рѣшить. Отсель и крѣпость Церкви предлагается наипаче въ Петръ, ибо послѣдовалъ за идущимъ на смерть Господомъ, и немощь нѣкая указана въ немъ же, ибо вопрошенный рабынею, отрекся отъ Господа, изъ любителя внезапно сдѣлавшись отступникомъ.

Послѣ же воскресенія достойно поручилъ Господь овецъ своихъ Петру; не одинъ онъ удостоился между учениками пасти овецъ Христовыхъ, но когда Христосъ говоритъ одному, внушаетъ тѣмъ единство и Петрово первенство, ибо онъ въ Апостолахъ первый. „Симоне Юнинъ, любишь ли меня,“ спрашивалъ Господь; „люблю,“ отвѣчалъ онъ, и еще вопрошенный огорчился, какъ будто ему не вѣрятъ. Не огорчайся Апостоль, отвѣчай трижды, дабы трижды побѣдило исповѣданіе любви, поелюку трижды побѣждена была въ страхѣ надмѣнность. Трижды должно разрѣшить то, что ты связалъ трижды; разрѣши любовію связанное страхомъ. И однако Господь, опять и опять, поручаетъ овецъ своихъ Петру. Внемлите братіе: „паси овецъ моихъ,“ говоритъ Господь, моихъ, а не твоихъ; благой рабъ, паси овецъ Господнихъ, нѣбующихъ на себѣ печать Господню, ибо не Павелъ за васъ распялся, и не во имя Петра или Павла вы крестились. (1 Кор. I, 13. Sermo 296, с. 5.)

Еще нѣчто хочу сказать вамъ братіе: — то что поручено и повелѣно было Петру, не одинъ Петръ прїялъ, но всѣ Апостолы слышали. получили и сохранили, наипаче же соучастникъ его страданій Па-

велъ слышалъ сіе и предалъ нашему слышанію. Пасемъ васъ и съ вами пасемся. И такъ Господь поручилъ намъ овецъ своихъ, поелику онъ поручилъ ихъ Петру, хотя съ другой стороны мы едва достойны касаться слѣдовъ Петровыхъ, однако намъ поручилъ Господь овецъ своихъ. Вы овцы, мы съ вами овцы, и какъ я уже сказалъ, пасемъ и пасемся! любите Бога, чтобы васъ возлюбилъ Богъ.“ (Sermo 297. с. 11.)

Во всѣхъ сихъ выраженіяхъ видно достоинство или первенство Петрово и вмѣстѣ равенство его во власти съ прочими Апостолами, и ни въ какомъ случаѣ это не касается до властительства Римскаго Епископа, о коемъ и не думалъ упоминать здѣсь Августинъ, хотя и Западный писатель.

Столь же смиренно для лица Петрова, изъясняетъ слова сіи Златоустъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и возвеличиваетъ его достоинство: „истиннѣ многое можетъ внушить намъ упованіе на Бога и сдѣлать насъ предъ нимъ славными и пріятными; но радѣніе, но любовь къ ближнимъ все превосходить и намъ притягиваетъ намъ благоволеніе и покровительство Божіе. Сего собственно и требуетъ Господь отъ Петра, когда говоритъ ему: „Симоне Іонинъ, любишь ли меня болѣе сихъ?“ и услышавъ отвѣтъ: ей, Господи, ты знаешь, что я люблю тебя, опять говоритъ: „паси овецъ моихъ.“ И отчего Іисусъ Христосъ, оставляя прочихъ Апостоловъ, говоритъ одному Петру о сей любви и заботѣ? — Между Апостолами Петръ былъ отличный, онъ былъ устами и верховъ ихъ лика, почему и Павелъ предпочтительно хотѣлъ его видѣть. И такъ Іисусъ Христосъ обращался къ Петру для того, чтобы показать ему, что отнынѣ онъ долженъ имѣть дерзновеніе и почитать отреченіе свое изглаженнымъ. Ему поручаетъ онъ предстательство братій своихъ и не напоминаетъ, не укоряетъ за его отреченіе, но говоритъ: если любишь меня, предстательствуй братіямъ твоимъ, покажи нынѣ пламенную любовь, которую всегда мнѣ показывалъ и которою похвалялся; за меня хотѣлъ ты дать жизнь свою, отдай ее за овецъ моихъ. Когда послѣ двукратнаго вопрошенія сердца, Петръ услышалъ и третій вопросъ, о той же любви къ нему, онъ смутился духомъ; память прежняго проступка сдѣлала его робче и осторожнѣе, ибо тогда, за сильнымъ и увѣрительнымъ отвѣтомъ, слѣдовали близко малодушіе и паденіе. Господи, ты все знаешь, ты знаешь, что я люблю тебя, отвѣчаетъ нынѣ Петръ: замѣтьте, братіе, какъ много онъ измѣнился, какъ остороженъ и скромнѣе! Въ немъ уже нѣтъ прежней надмѣнности, уже не смѣетъ онъ противорѣчить; онъ говоритъ самъ въ себѣ: какъ! и я

думаю, что люблю, а быть может не люблю, подобно прежнему? много на себя надѣясь, я отвѣчалъ тогда съ твердостію, и рабыня меня побѣдила! Трижды вопрошаетъ Господь Петра и трижды даетъ ту же заповѣдь, чтобы показать, какъ много должно заботиться о спасеніи овецъ, и что сія забота есть наибольшее доказательство любви къ нему.“ (на Іоан. бесѣд. 88.)

Древніе отцы, когда смотрѣли на Церковь, какъ на стадо, видѣли ее управляемою, не отъ единого Петра, но отъ всего Собора Апостольскаго. „Единое стадо, говоритъ Св. Кипріанъ, въ словѣ о единствѣ Церкви, является пасомымъ, въ единодушномъ согласіи, всѣми Апостолами.“ „Господь поставилъ по себѣ пастыремъ Церкви Петра, поучаетъ великій Василій, но всѣмъ будущимъ пастыремъ далъ ту же власть.“ (Постан. монашескія XXII, 5.) И другъ его Григорій Богословъ, (въ бесѣдѣ 39 противъ Новаго, отвергавшаго покаяніе,) приводитъ въ примѣръ текстъ Іоанна, не для возвеличенія Петрова: „не ужели ты не-пріемлешь того великаго Петра, съ которымъ случилось, во время спасительной страсти, нѣчто человѣческое? Не принялъ ли его самъ Іисусъ и, трикратнымъ вопрошеніемъ и исповѣданіемъ, не исцѣлился ли онъ отъ трикратнаго отреченія?“

Но всѣхъ полнѣе объясняетъ намъ сіе мѣсто Евангелія Іоанна, кониъ превозносятся Римляне, Св. Кириллъ Александрійскій: „блаженный Петръ рукоположенъ былъ въ санъ Божественнаго Апостольства, вмѣстѣ съ прочими Апостолами; поелику же случилось произойти навѣту Іудейскому, и между тѣмъ Апостоль сей нѣкоторымъ образомъ палъ, (ибо блаженный Петръ, будучи объятъ неудободержимымъ страхомъ, трижды отрекся Господа), то Господь врачуетъ рану его и требуетъ трикратнаго исповѣданія, какъ бы полагая оное въ равновѣсіе съ отверженіемъ, и какъ бы совершая исправленіе равносильное паденіямъ. Ибо грѣхъ, сдѣланный языкомъ и имѣющій силу вины только въ словахъ, тѣмъ же способомъ долженъ быть и уничтоженъ. Былъ же спрошенъ: любить ли болѣе другихъ? потому что когда онъ большее получилъ прощеніе и, какъ бы отъ болѣе щедрой руки, принялъ отпущеніе преступленія, то, поистиннѣ, не долженъ ли былъ собрать въ себѣ болѣе любви предъ другими, и безпредѣльнымъ расположеніемъ заплатить благодѣтелю?—Ибо хотя и всѣ святые ученики обратились въ бѣгство, отъ безчеловѣчія Іудеевъ, нашедшаго на нихъ нестерпимый страхъ, и отъ лютой воиновъ, угрожавшихъ имъ жестокою смертію, однако особенный грѣхъ случился съ Петромъ, до трехъ разъ отвергшимся.

Почему, какъ получившій большее прочихъ прощеніе, и вопрошается: болѣе ли другихъ любить? ибо по гласу Спасителя, „кому мало отпущается, тотъ меньше любить.“ (Лук. VII, ст. 47). Изъ созерцанія вышесказаннаго открывається наставленіе для учителей, что они не иначе могутъ угодить Пастыреначальнику всѣхъ, т. е. Христу, какъ если будутъ пещись о благостояніи и благой жизни овецъ. И такъ, чрезъ троекратное блаженнаго Петра исповѣданіе, упраздняется преступленіе троекратнаго отверженія. Подъ словами же Господа: „паси овцы моя,“ разумѣется какъ бы нѣкоторое обновленіе даннаго ему Апостольства, разрѣшающее между тѣмъ и поношеніе его паденія и уничтожающее малодушіе, происшедшее отъ немощи человѣческой.“ (Толков. на XXI главу Іоанна.)

Такимъ образомъ изъясненіе сего отрывка Св. Кирилломъ, еще смиреннѣе, для Петра, изъясненія Златоустаго, и не должно казаться необычайнымъ то, что сей витія церковный называлъ Петра устами и верхомъ Апостоловъ, ибо также выражается онъ и о Павлѣ. — „Не напрасно написалъ Лука, что приносима была молитва всей Церкви о Петрѣ, но дабы научить насъ, какую силу имѣетъ молитва на небесахъ, такъ что освобождаетъ отъ опасности Петра и Павла, столповъ Церкви, верхъ Апостоловъ, славныхъ на небесахъ, стѣну вселенныи, общую защиту всей земли и моря.“ (Слово 2 о молитвѣ.)

Въ толкованіи посланія къ Римлянамъ, говоря о долгѣ пастырей, Златоустъ приводитъ тотъ же текстъ и относитъ его смыслъ вообще къ пастырямъ: „Христось, ввѣря стадо свое верховному изъ Апостоловъ, который болѣе всѣхъ любилъ его, предварительно спрашивалъ: „любиши ли мя?“ дабы онъ уразумѣлъ, что попеченіе о стадѣ Христовомъ поставляется преимущественнымъ признакомъ любви къ самому Христу, потому что для сего нужна мужественная душа. Но это сказано мною о совершенныхъ пастыряхъ, не о мнѣ самомъ, и не о подобныхъ намъ, но о пастырѣ, ежели есть такой, каковъ былъ Павелъ, каковъ Петръ, каковъ Моисей.“ (Бесѣд. XXIX.)

Далѣе, въ томъ же толкованіи, нигдѣ не отдѣляетъ Петра отъ Павла и говорить, въ чемъ состоитъ истинное величіе Рима: „подобно великому и могучему тѣлу имѣетъ Римъ два свѣтлыя ока—тѣмеса обонхъ св. Апостоловъ. Не такъ блистательно небо, когда солнце разливаетъ лучи свои, какъ блистателенъ Римскій городъ, озаряющій всѣ концы вселенной сими двумя свѣтилами. Оттолѣ восхищенъ будетъ Павелъ, оттолѣ Петръ. — Помыслите и содрогнитесь: какое зрѣлище предста-

вится для Рима, когда Павелъ и Петръ встанутъ тамъ изъ своихъ гробовъ и будутъ восхищены во срѣтеніе Христу! Какія розы подносятъ Римъ Христу, какіе два вѣнца украшаютъ сей городъ, какія золотыя цѣпи его опоясываютъ, какими обладаетъ онъ источниками. Вотъ чему удивляюсь я въ Римѣ: не множеству золота, не колоннамъ и прочимъ украшеніямъ, но симъ столпамъ Церкви.“ (Бесѣд. XXXI.)

Такъ вмѣстѣ съ Златоустомъ величаетъ ихъ и вселенная Церковь, нераздѣльно одного отъ другаго, за равные подвиги и достоинства:

„Апостоловъ первопрестольницы и вселенныя учителяе, Владыку всѣхъ молитѣ: миръ вселенной даровати и душамъ нашимъ велию милость.“

„Твердые и боговъщанные проповѣдатели, верхъ Апостоловъ твоихъ, Господи, пріимъ еси въ наслажденіе благихъ твоихъ и покой; болящи бо тѣхъ и смерть пріимъ еси паче всякаго витійства, едине свѣдѣй сердечная.“

„Камень Христокъ, камень вѣры прославляетъ свѣтло, учениковъ прензрядна, и съ Павломъ весь дванадесятчисленный соборъ днесъ, ихъ же память совершающе вѣрно, сихъ прославльшаго прославляемъ.“ (Тропар. 29, 30 Іюня.)

Есть другія пѣсни церковныя, уже позднѣйшихъ вѣковъ, прославляющія то одного, то другаго Апостола, которыя, если взять отдѣльно, безъ сличенія съ прочими, могутъ подать мысль, будто Церковь исключительно величаетъ верховнаго Петра; такъ на прим. въ день памяти его поютъ ему:

„Верховное основаніе Апостоловъ, ты вся оставивъ, последовалъ еси Учителю, вопія ему: съ тобою уиру, да и живу блаженную жизнь! Рима же ты былъ и первый Епископъ, превеликаго градовъ слава и похвала, и Церкви утвержденіе, и врата ада не одолѣютъ ея во истинну, якоже Христокъ предрече.“ (Минея Іюня 30 на хвалит.)

Но въ тѣхъ же пѣсняхъ церковныхъ встрѣчаемъ мы равносильныя выраженія и о прочихъ Апостолахъ, наипаче же о Павлѣ, котораго память празднуется вмѣстѣ:

„Павле, уста Господня, основаніе ученія, иногда убо гонитель Іисуса Христа, нынѣ же первопрестольникъ Апостоловъ былъ еси, блаженне.“ (Минея 29 стихира.)

И не только Павлу, но и Іакову Апостолу въ день его памяти поется: „яко князь Апостоловъ поставленъ былъ еси по всей землѣ.“ (Мин. 30 Апрѣл. пѣснь 8.) А другой Іаковъ, братъ Господень и первый

Епископъ Іерусалимскій, величается: „преемникомъ началопастыря Христа (Мин. 23 Окт. стих.), первопрестольникомъ, первоепископомъ, лучшимъ изъ Апостоловъ, пастыремъ паствы воплощагося Агнца вышшняго и Сына Божія;“ (Пѣснь 9. Мин. недѣля по рожд.) и самый престолъ его именуется старшимъ въ тѣхъ же пѣсняхъ: „Сіоне, возвѣщай Церкви старѣйшинство, ибо мати Сіонъ глаголетъ человекъ;“ и Церковь Іерусалимская точно почиталась матерію прочихъ. — Изъ сихъ свидѣтельствъ явствуетъ неоспоримо, что подобныя выраженія: „уста, верхъ, князь Апостоловъ, основаніе, камень Церкви“ хотя и встрѣчаются въ пѣсняхъ церковныхъ, (которыя не суть догматы, а только изліянія благодарнаго сердца угодникамъ Божіимъ,) относятся однако Церковію не къ лицу одного Петра, но и другихъ Апостоловъ, равныхъ ему честію, предъ коими онъ имѣлъ только первенство порядка, какъ сказано и въ Евангеліи:

„Дванадцати же Апостоловъ имена суть сія: первый Симонъ, иже нарицается Петръ;“ (Матѣ. X, 2.) что изъясняетъ Златоустъ такимъ образомъ: „Господь поставляетъ Петра и Андрея прежде прочихъ, потому что они прежде всѣхъ позваны были, потомъ поставляетъ Іакова прежде Іоанна, не по достоинству, а просто по возрасту, какъ обыкновенно считаютъ одного изъ братьевъ выше другаго, ибо мнѣ кажется, что Іоаннъ былъ не только больше другихъ, но и больше брата своего.“ (Бесѣда 32 на Матѣ.)

Я привелъ тропари сіи и изреченія Св. Отцевъ въ свидѣтельство, какимъ образомъ вселенская Церковь, отъ первыхъ вѣковъ Христіанства, воздавала должную хвалу Апостолу Петру, не унижая предъ нимъ прочихъ. Какъ неотъемлемо въ писаніяхъ имя первозваннаго у Андрея, и возлюбленнаго у Іоанна, и дѣтей грома у обоихъ сыновъ Зеведеевыхъ, какъ неотъемлемо, что они оба съ Петромъ предпочтительно были свидѣтелями великихъ знаменій Христовыхъ, такъ неотъемлемо и первенство Петрово между Апостолами; ибо его всегда называютъ вначалѣ Евангелисты, и къ нему обращены нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ изреченій Христовыхъ, и послѣ вознесенія онъ первенствуетъ словомъ въ матери всѣхъ церковей Сіонѣ. Такимъ образомъ вполне сбываются надъ нимъ слова Христовы, сказанныя на вечерахъ, когда возвѣстивъ ему славу, равную съ прочими: „вы же, которые пребыли со мною въ искушеніяхъ моихъ, сядете на престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ,“ потомъ, не огорчая еще предсказаніемъ о его тройномъ отреченіи, говоритъ въ утѣшеніе и предосторожность: „Симонъ, Си-

монъ, се сатана проситъ, чтобы сѣять васъ какъ пшеницу, но я молился, чтобы не оскудѣла вѣра твоя; и ты нѣкогда обратясь утверди братьевъ твоихъ.“ (Лук. XXII, 28, 30, 31, 32.)

И сіе изреченіе, на которое опираются Римляне, не возвеличиваетъ Петра, по толкованію древнихъ Отцевъ, но напротивъ только смиряетъ и утѣшаетъ въ его лицѣ всѣхъ падшихъ. „Почему, объясняетъ Златоустъ, если діаволь всѣхъ просилъ, не сказалъ Господь, я за всѣхъ молился? — Онъ обращаетъ къ одному Петру рѣчь свою, чтобы показать, что его паденіе опаснѣе паденія другихъ, и требуетъ большей помощи: потому что и противурѣчалъ ему, и себя предпочиталъ другимъ; есть и третіе болѣе важное преступленіе — то, что онъ все приписывалъ себѣ. Для уврачеванія сихъ ранъ Господь попустилъ паденіе и потому, оставивъ другихъ, говоритъ съ нимъ однимъ: Симоне, Симоне и проч.“ (Бесѣда 82 на Мате.)

III.

СВИДѢТЕЛЬСТВА ИЗЪ ДѢЯНІЙ И ПОСЛАНІЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ.

Послѣ сихъ изреченій Евангельскихъ, должно внимательно рассмотреть, изъ дѣяній и посланій Апостольскихъ, въ чемъ собственно состояло первенство Петрово, дабы, безъ современнаго приѣненія Божественныхъ словъ къ самымъ событіямъ, не увлечся въ послѣдствіи, на разстояніи многихъ вѣковъ, истолкованіемъ оныхъ по началамъ человѣческимъ, а не по Христу. Но въ такомъ внимательномъ разборѣ, прежде и выше всего, должно быть безпристрастнымъ, воздавая „ему же честь честь:“ ибо нѣтъ никакой выгоды утаить одно обстоятельство отъ неопытныхъ, для того только, чтобы болѣе опытные на него указали, и тѣмъ бы поколебали довѣренность. — Истина не боится свѣта и не требуетъ хитрости человѣческой.

Чѣмъ открывается книга дѣяній Апостольскихъ? — избраніемъ двѣнадцати на мѣсто Іуды. Кто предлагаетъ? — Петръ. Какъ совершается избраніе? — „тогда поставили двоихъ, и помолились, и бросили о нихъ жребій и вышелъ жребій Матѳію; и онъ причисленъ былъ къ одиннадцати Апостоламъ.“ (Дѣян. I, 23 — 26.) — Нѣкто изъ Западныхъ писателей привелъ здѣсь, отрывкомъ, свидѣтельство Златоуста, въ пользу главенства Петрова, говоря, что онъ могъ будто бы самъ собою совершить сіе избраніе; прочтемъ полнѣе Златоуста, для обличенія истины:

„Въ одинъ изъ сихъ дней, Петръ ставъ посреди учениковъ, сказалъ: „мужи и братіе“ и т. д. Петръ всегда предназначаетъ слово, говоритъ Златоустъ, какъ пламенный, какъ тотъ, кому ввѣрена отъ Христа паства и какъ первый въ лѣкѣ. — Почему же Петръ одинъ не обращается ко Христу, чтобы онъ даровалъ ему кого либо на мѣсто Іуды? Для чего не производятъ они также избранія сами отъ себя? Теперь уже Петръ сдѣлался лучшимъ самаго себя. Сіе надлежитъ отвѣчать на предложенный вопросъ. — Замѣть, что Петръ все дѣлаетъ по общему согласію, а не по полномочію и властительски. Братіе, говоритъ онъ, ибо если Господь называлъ такъ своихъ учениковъ, то кольми паче

Петръ долженъ былъ называть братіями соучениковъ; вотъ достоинство Церкви, вотъ Ангельское состояніе. Необходимо было исполнить число Апостоловъ; но развѣ Петръ не могъ самъ собою избрать? Конечно могъ, но не хотѣлъ, чтобы его обвинили въ лицепріятіи; притомъ еще и не получилъ Духа Святаго. И такъ представили двухъ; не онъ одинъ, но всѣ; мысль же подалъ онъ, показывая притомъ, что не отъ него сія мысль, но свыше по пророчеству; — и такъ онъ былъ здѣсь только истолкователемъ, а не учителемъ“ (III бесѣд. на дѣян.).

Вотъ какъ осторожно объясняетъ Златоустъ примѣръ предствоятельства Петрова, о коемъ онъ упоминалъ въ толкованіи на Іоанна. Онъ представляетъ Петра, во всемъ дѣйствующимъ съ согласія прочихъ Апостоловъ, и не присуждаетъ ему даже имени учителя, чтобы не превознести его предъ прочими; а потому, если приписываетъ ему возможность одному избрать на мѣсто Іуды, то симъ выражаетъ нравственную силу довѣрія, которую онъ имѣлъ въ собраніи Апостольскомъ, а не преимущество власти надъ ними.

При сошествіи Св. Духа на всѣхъ Апостоловъ, не сугубая благодать сходитъ на Петра; однако же онъ опять начинаетъ слово къ народу и обращаетъ три тысячи, и здѣсь опять даетъ замѣтить Златоустъ въ своемъ толкованіи: „согласіе, которое царствовало между Апостолами, уступившими добровольно Петру почеть говорить именемъ всѣхъ.“ (Бесѣд. IV.) При входѣ въ храмъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, Петръ исцѣляетъ разслабленнаго, и еще разъ обращаетъ словомъ пять тысячъ народа, и властію Апостольскою наказываетъ Ананію и Сапфиру, солгавшихъ Духу Святому, когда утаили свое имущество, которое должны были принести къ ногамъ Апостоловъ. Свидѣтельствуется же, о истинѣ ученія Христова предъ Первосвященниками, сперва съ Іоанномъ, а потомъ со всѣми, говоря: „надобно болѣе повиноваться Богу, нежели людямъ.“ (Дѣян. V, .29.)

Наступила важная минута въ размножающейся Церкви Христовой, — учрежденіе степени Діаконовской; кто же дѣйствуетъ? — пусть разкажетъ сіе Евангелистъ Лука: „тогда двѣнадцать Апостоловъ, созвавъ множество учениковъ, сказали: не прилично намъ, оставя слово Божіе, служить трапезамъ; и такъ, братіе, выберемъ изъ себя семь человекъ извѣданныхъ, исполненныхъ Св. Духа и мудрости, ихъ поставимъ на сіе дѣло, а мы непрерывно пребудемъ въ молитвѣ и въ служеніи Слову. Сіе предложеніе одобрено всѣмъ собраніемъ и избрали Стефана и прочихъ; ихъ поставили предъ Апостолами; а сіи помолясь

возложили на нихъ руки.“ (Дѣян. VI, 2—6.)—Здѣсь, въ столь важномъ іерархическомъ дѣйствіи, не видно отдѣльно не только лица, но и слова Петрова, а дѣйствуютъ всѣ вкупѣ.

Когда же по смерти Стефановой, всѣ, кромѣ Апостоловъ, разсѣялись по окрестнымъ мѣстамъ, и Діаконъ Филиппъ окрестилъ Самарію, то услышавъ о томъ находившіеся въ Іерусалимѣ Апостолы, послали къ нимъ Петра и Іоанна. И такъ вотъ уже соборъ Апостольскій посылаетъ первоверховнаго, наравнѣ съ Іоанномъ, и оба Апостола одинаково возлагаютъ руки на крестившихся, исполняя данное имъ порученіе.

Здѣсь является въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ другое лице, столь же великое, какъ и лице Петрово, подвиги коего займутъ большую половину сей книги, писанной ученикомъ его и Евангелистомъ Лукою, который однако же нигдѣ вначалѣ не умалчивалъ о подвигахъ Петровыхъ и о первенствѣ его въ дѣлѣ проповѣди и знаменіяхъ. Кто сей? Павелъ, гонитель Церкви, обращенный къ вѣрѣ, не къмъ либо изъ челоуѣковъ, но самимъ Господомъ, какъ самъ о себѣ свидѣтельствуесть въ посланіи къ Галатамъ (1, 11, 12, 15). Господь, посылая къ нему ученика Ананію для его крещенія, говоритъ о немъ: „сей челоуѣкъ есть мое избранное орудіе, и понесетъ имя мое къ народамъ и царямъ и сынамъ Израилевымъ, и я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя мое.“ (Дѣян. IX, 15, 16.) Павелъ есть единственный изъ Апостоловъ, обращенный самимъ Іисусомъ Христомъ, послѣ его вознесенія, и получившій отъ него непосредственно заповѣдь слова Божія, не къ однимъ Іудеямъ, но ко всей вселенной, подобно какъ и Петру, по воскресеніи, поручено было стадо Христово. Любопытно, какъ встрѣчаются, въ возложенномъ на нихъ подвигѣ, оба подвижника; послушаемъ самаго Павла: „и такъ, пишетъ онъ, объявляю вамъ, братія, что Евангеліе, которое мною проповѣдано, не есть челоуѣческое; ибо я получилъ оно и научился оному не отъ челоуѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа. Вы слышали, какъ я нѣкогда жилъ въ Іудействѣ; какъ жестоко гналъ церковь Божию и опустошалъ ее, и преуспѣвалъ въ Іудействѣ, болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ, будучи жаркимъ ревнителемъ отеческихъ моихъ преданій. Но когда Богъ, избравшій меня отъ утробы матери моей, и призвавшій благодатію своею, благоволилъ открыть во мнѣ Сына своего, дабы я проповѣдалъ его язычникамъ, то я съ того времени не совѣтовался съ плотію и кровію, и не пошелъ въ Іерусалимъ къ бывшимъ прежде

меня Апостоламъ: а пошелъ въ Аравію, и опять возвратился въ Дамаскъ. Потомъ, чрезъ три года, ходилъ я въ Іерусалимъ видѣться съ Петромъ, и пробылъ у него пятнадцать дней. Другаго же никого изъ Апостоловъ я не видалъ, кромѣ Іакова, брата Господня. (Пиша сіе къ вамъ, предъ Богомъ, не лгу). Послѣ сего ходилъ я въ страны Сирскія и Киликійскія. Церквамъ Христовымъ въ Іудеѣ я лично не былъ извѣстенъ, а только слышали онѣ, что бывший некогда гонителемъ ихъ, нынѣ проповѣдуетъ вѣру, которую прежде старался истреблять; и прославляли за меня Бога. — Потомъ, спустя четырнадцать лѣтъ, я опять ходилъ въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ съ собою и Тита. А ходилъ по откровенію, и тамъ, особенно же знаменитымъ, предложилъ благовѣствованіе, проповѣдуемое мною язычникамъ, изъ предосторожности, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался. Впрочемъ и Тита, бывшаго со мною, хотя онъ Еллинъ, не принуждали обрѣзаться. Но вопреки вкравшимся ложнымъ братіямъ, скрытно приходившимъ подсмотреть за нашею свободою, которую мы имѣемъ во Христѣ Іисусѣ, чтобы поработить насъ, мы ни на часъ не уступили имъ и не покорились, дабы истина благовѣствованія сохранилась въ васъ. Что же касается до знаменитыхъ чѣмъ-либо, ктобы они тамъ ни были, имѣ нужды нѣтъ; Богъ не взираетъ на лице человѣка. И знаменитые ничего не возложили на меня болѣе. Напротивъ того видя, что имѣ ввѣрено Евангеліе для необрѣзанныхъ какъ Петру для обрѣзанныхъ, (ибо тотъ, кто содѣйствовалъ Петру въ Апостольствѣ къ обрѣзаннымъ, содѣйствовалъ и мнѣ, къ язычникамъ); и узнавъ о дарованной мнѣ благодати, Іаковъ, и Кифа и Іоаннъ, считаемые столпами, въ знакъ согласія подали руку мнѣ и Варнавѣ, чтобы намъ итти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ, только чтобы мы помнили нищихъ; что и старался я исполнять въ точности. А когда Петръ пришелъ въ Антиохію, тогда я лично противусталъ ему; ибо онъ подверженъ былъ нареканію. Потому что до прибытія нѣкоторыхъ отъ Іакова, онъ ѣлъ съ язычниками; а когда они пришли, то сталъ таиться и устраниваться, опасаясь обрѣзанныхъ. Виѣсть съ нимъ лицемѣрили и прочіе Іудеи; такъ что и Варнава увлеченъ былъ ихъ лицемѣріемъ. Но я, видя, что они не прямо поступаютъ по истинѣ Евангельской, сказалъ Петру при всѣхъ: ежели ты, будучи Іудей, живешь по-язычески, а не по-Іудейски; то для чего язычниковъ принуждаешь жить по-Іудейски? (Галат. I, 11—24. II, 1—14).

Весьма замѣчательно, въ словахъ Павловыхъ, что онъ получилъ от-

кровеніе прямо отъ Христа, что ему вѣрено Евангеліе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ, что столпами Церкви тогда почитались не единственно Петръ, названный камнемъ, но еще Іаковъ и Іоаннъ, и даже Іаковъ названъ прежде Петра, будучи Епископомъ Іерусалимскимъ, и братомъ Господнимъ по плоти, поставленнымъ на кафедрѣ матери всѣхъ Церквей, Сіона, самимъ Господомъ, когда явился ему по воскресеніи, какъ свидѣтельствуеть о томъ Златоустъ, въ истолкованіи XV главы втораго посланія къ Коринтянамъ, основываясь на древнихъ преданіяхъ. Достойно обратить вниманіе и на то, что хотя, изъ книги дѣяній видно, что чрезъ посредство Петра впервые открылась дверь царствія Божія язычникамъ, обращеніемъ Римскаго сотника Корнилія, — однако же Павелъ прямо утверждаетъ „что не только ему вѣрено Евангеліе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ, но что и самъ Петръ подаль ему на то руку въ знакъ взаимнаго согласія.“ Книга дѣяній, описывающая проповѣдь Павлову въ Римѣ, нигдѣ не упоминаеть о Петровой, въ столицѣ языческаго міра, хотя преданія первыхъ вѣковъ Христіанства свидѣлствуютъ о мученической смерти обоихъ Апостоловъ въ Римѣ; но о томъ, что свѣтъ Христіанства впервые былъ принесенъ туда верховнымъ Апостоломъ, и что онъ тамъ епископствовалъ 25 лѣтъ, — безмолвствуютъ древнѣйшіе лѣтописцы.

Полезно всегда слычать подобныя мѣста Св. Писанія съ толкованіями великихъ учителей вселенской Церкви; — вотъ что говоритъ Златоустъ, о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ верховныхъ Апостоловъ:

„Потомъ, послѣ трехъ лѣтъ ходилъ я въ Іерусалимъ видѣться съ Петромъ.“ Можно ли было выразиться скромнѣе? Послѣ столь великихъ подвиговъ, не имѣя никакой нужды въ Петръ, и въ его одобреніи, ибо они имѣли оба равную власть, онъ однако же идетъ навѣстить его какъ старшаго, ради желанія его видѣть. — Онъ воздаеть ему всю почесть и все уваженіе, какія надлежало, и даже не хочетъ поставить себя наравнѣ съ нимъ, какъ явствуетъ изъ всего странствія; Св. Павелъ посѣтилъ Св. Петра, въ томъ же духѣ, какъ братія наши посѣщаютъ иногда святыхъ мужей, и даже есть еще нѣчто болѣе смиреннаго въ поступкѣ Павла: потому что тѣ, о коихъ я упомянулъ, странствуютъ для собственной пользы, а Павелъ нимало не нуждался, чтобы Петръ его наставлялъ и исправлялъ; онъ только хотѣлъ его видѣть и воздать ему почесть. „Я пошелъ, чтобы видѣть Петра,“ т. е. я не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только видѣть его; въ такомъ смыслѣ поступаютъ тѣ, которые странствуютъ чтобы видѣть прекраснѣйшіе

города; Павелъ же полагалъ, что ничего не должно щадить, чтобы видѣть мужа столь именитаго, и онъ доказалъ сіе пришедши въ Іерусалимъ, послѣ обращенія къ Евангелію столькихъ народовъ. Сперва идетъ онъ посѣтить Іакова, который былъ старшій и болѣе достойный уваженія, и съ терпѣніемъ слушаетъ его, хотя былъ противнаго ему мнѣнія.“ (Бесѣд. 1 на Галат.) Далѣе же говоритъ явственно Златоустъ о томъ, что Апостолъ Петръ далъ согласіе Павлу идти къ язычникамъ; „что значить сіе выраженіе? Мы, говоритъ онъ, раздѣляли между собой вселенную, чтобы озарить ее свѣтомъ Евангелія, и язычники достались въ удѣлъ ншѣ, какъ Евреи другимъ, потому что сіе угодно было Богу.“ (Бесѣд. 4).

Есть еще одно выраженіе Павла, въ посланіи къ Коринѳянамъ, въ которомъ, описывая трудъ свой для ихъ утвержденія въ вѣрѣ, дважды говоритъ о себѣ „что онъ ничѣмъ не меньше высшихъ Апостоловъ,“ (2 Кор. XI, 5. XII, 11.) и Златоустъ, объясняя мысль его, присовокупляетъ: „онъ не сравниваетъ себя съ лжеапостолами, но съ Петромъ и прочими; если же лжеапостолы его искусятъ, то и Петра и другихъ. — Однако же онъ умѣряетъ рѣчь свою, и не говоритъ рѣшительно, чтобы Апостолы ничего не сказали больше его, а только полагаетъ, что онъ ничѣмъ не меньше высшихъ Апостоловъ. Поелнку казалось, что они имѣли вѣкое преимущество надъ Павломъ, потому что прежде увѣровали во Христа и были въ большой славѣ, то Павелъ смѣло сравниваетъ себя съ ними и, называя ихъ, выражается съ уваженіемъ; не говоритъ просто, что они Апостолы, но именуетъ ихъ величайшими между Апостоловъ, означая Петра, Іакова и Іоанна.“ (Бесѣд. XXIII.) Здѣсь не видно особеннаго преимущества Петрова.

Любопытно также видѣть, какимъ образомъ въ первенствующей Церкви разрѣшается первое недоумѣніе, касательно обрѣзанія язычниковъ, когда еще главнѣйшіе Апостолы собраны въ Іерусалимъ и Петръ между ними первенствуетъ. Раскроемъ книгу дѣяній Апостольскихъ. Павелъ и Варнава посылаются отъ Церкви Антиохійской въ Іерусалимскую, какъ мать всѣхъ Церквей. Апостолы и Пресвитеры собрались для разсужденія о семъ дѣлѣ, и по долгомъ разсужденіи, Петръ, возставъ, сказалъ имъ: какимъ образомъ вначалѣ Богъ открылъ чрезъ него дверь язычникамъ, и въ чемъ состоитъ истинная вѣра въ заслуги Христовы. Тогда все собраніе умолкло и внимало повѣствованію Варнавы и Павла, о знаменіяхъ и чудесахъ, какія Богъ произвелъ чрезъ нихъ у язычниковъ; когда же они перестали говорить, Іаковъ (Епис-

копъ Иерусалимскій братъ Господень) началъ рѣчь и сказалъ: братія, послушайте меня, Симонъ изъяснилъ, какъ Богъ сперва призрѣлъ на язычниковъ и проч., — почему я полагаю, что не должно отягощать тѣхъ, которые изъ язычниковъ обращаются къ Богу. И послѣ сего Апостолы и Пресвитеры, разсудивъ со всею Церковью, положили послать съ избранными людьми письмо, содержащее собственныя слова рѣшенія Иаковлева; въ заглавіи же письма сказано вообще, не упоминая о лицѣ Петровомъ: „Апостолы, Пресвитеры и братія, собравшись единодушно, разсудили, — а въ заключеніи, — ибо благоугодно было Духу Святому и намъ.“ (Дѣян. XV, 1—29.)

Есть ли въ семъ первомъ Апостольскомъ Соборѣ, образецъ всѣхъ грядущихъ вселенскихъ и помѣстныхъ, и въ семъ первомъ окружномъ посланіи, хотя малый признакъ первенства и преимущества Петрова надъ прочими Апостолами? Онъ говоритъ первый, но послѣ долгаго разсужденія соборнаго, и потому что имѣлъ сказать о первомъ обращеніи чрезъ него язычниковъ, какъ и Павелъ вслѣдъ за нимъ, о проповѣди своей между ними; рѣшаетъ же дѣло Епископъ Иерусалимскій Иаковъ, и посланіе пишется безразлично отъ всего Собора. Вотъ истинный образецъ управленія церковнаго, и Павелъ выражаетъ также единство Церкви, не средоточіемъ одной каведры, но единствомъ духа въ союзѣ мира: „Одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе и одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, который надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ; каждому же изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова.— И онъ поставилъ однихъ Апостолами, другихъ Пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію Святыхъ, на дѣло служенія къ созиданію тѣла Христова, дабы все возвращали въ того, который есть глава, т. е. во Христа.“ (Ефес. IV, 5, 6, 7, 11, 12, 15.)

Златоустъ такъ изъясняетъ слова Павловы о сихъ различныхъ степеняхъ: „онъ ставитъ прежде Апостоловъ и Пророковъ, потомъ Евангелистовъ, но тѣхъ однако же, которые благовѣствовали въ мірѣ, подобно Апостоламъ. Пастыри и учителя, коихъ послѣ именуетъ Павелъ, суть тѣ, коимъ ввѣрены были народы какой либо отдѣльной Церкви и которые посему почитались меньшими, ибо они спокойно пребывали на одномъ мѣстѣ своего управленія, какъ Титъ и Тимофей, которые были меньше Апостоловъ, обтекавшихъ землю для проповѣди Евангелія.“ (Бесѣда XI.)—Почему же Тимофей и Титъ, поставленные Епископами въ Ефесъ и Критъ самимъ Павломъ, меньше его, а Линъ и Климентъ,

поставленные Петромъ въ Римѣ, равны ему властію и суть ему преемники, когда, какъ видно изъ словъ Павловыхъ, Петръ не былъ Епископомъ, а болѣе Епископа?

Замѣчательно также и то, что Іоаннъ Златоустъ, истолковавшій два Евангелія, дѣянія и всѣ посланія Павловы, и многократно говорившій о первенствѣ и достоинствѣ Петра, о Церкви и ея степеняхъ іерархическихъ, ни одного раза не возвеличивалъ каеэдры Римской, хотя и самъ прибѣгалъ къ защитѣ Папы Иннокентія, когда, проискавши старшаго изъ Патріарховъ Восточныхъ, свергнуть былъ съ престола Царградскаго; но о томъ будетъ сказано далѣе въ своемъ мѣстѣ.

Пробѣжавъ такимъ образомъ, съ Златоустомъ въ рукахъ, первыя времена Апостольскія, сколько они намъ открываются изъ книги дѣяній и посланій, и толкованія Св. Отецъ, мы видимъ при самомъ началѣ, каковы были таинственные пути промысла Божія для управленія рождающейся Церкви. Доколѣ малая семья вѣрныхъ собрана еще въ Іерусалимѣ, первенствуетъ между ними словомъ и дѣломъ Петръ, какъ уста и верхъ Апостоловъ, по выраженію Златоуста, не будучи однако же частнымъ Епископомъ сей Церкви, ибо Апостоламъ предлежала проповѣдь вселенская, и потому прежде ихъ разсѣянія по всѣмъ концамъ міра, уже поставленъ мѣстный блюститель Сіону, Іаковъ братъ Божій, самимъ Господомъ, къ которому благоговѣютъ Петръ и Павелъ и прочіе Апостолы, и отъ него даже истекаетъ рѣшительный совѣтъ на первыхъ собраніяхъ Церкви.—Потомъ Павелъ и Петръ проповѣдуютъ въ Антиохіи, но не епископствуютъ, и первымъ Епископомъ поставленъ тамъ Еводій, какъ Евангелистъ Маркъ Петромъ въ Александріи, а Титъ Павломъ въ Критѣ и Тимошей въ Ефесѣ, и хотя Павелъ три года жилъ въ Ефесѣ, Іоаннъ же провелъ тамъ остатокъ долгой жизни, никто изъ обоихъ Апостоловъ не почитался Епископомъ Ефесскимъ. Такъ возвышенъ былъ надъ всѣми санъ Апостольскій, т. е. двѣнадцати, а не еемидесяти, причтенныхъ къ лику учениковъ Христовыхъ подъ симъ именемъ, что хотя послѣ предательства Іуды число двѣнадцать немедленно пополнено было избраніемъ Матеія,—однако послѣ убіенія Іакова, весьма скоро приключившагося, никто изъ Апостоловъ не предлагалъ болѣе избрать кого либо на его мѣсто;—одинъ только Павелъ въ сіе время избранъ былъ свыше въ Апостолы, явленіемъ самаго Господа, и сравненъ Церковью съ верховнымъ Петромъ, по взаимному согласію раздѣливъ съ нимъ міръ, Іудеевъ и Еллинѡвъ.

Такимъ же образомъ оба они проповѣдуютъ, а не епископствуютъ

въ Римѣ, и, по свидѣтельству Иринея, писателя втораго вѣка, поставляютъ тамъ Епископомъ сперва Лина, потомъ Анаклета и наконецъ Климента, споспѣшника Павлова въ дѣлѣ проповѣди, который названъ, у того же Иринея, третьимъ отъ Апостоловъ, а не отъ одного Петра и Павла. И какъ кончина Евангелиста Іоанна въ Ефесѣ не положила его въ основаніе каедрѣ епископской сего города и всей Азии, Церквями коей онъ управлялъ до конца перваго вѣка, такъ и мученичество Петра въ Римѣ не положило его въ основаніе сего престола, а если бы его положило, то и Павла, въ одно время съ нимъ тамъ скончавшагося. — При жизни обоихъ Апостоловъ, мы не видимъ ни изъ ихъ дѣяній, ни изъ посланій, ни изъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ, какого либо центрального управленія Церкви въ столицѣ языческаго міра, да и не могло оно существовать, когда Церковь, была разобщена на землѣ, гоцеіями и самымъ разсѣяніемъ своимъ по всѣмъ частямъ вселенной, (ибо мы видимъ Апостола Фому въ Индіи, и Матеія въ Египтѣ, и Варфоломея у Бактровъ, и Андрея въ Скиѣи.) Она могла только соединиться духомъ въ Господѣ Іисусѣ, единомъ основаніи и главѣ своей, отъ котораго и Павелъ принялъ прямо Евангеліе, мимо Петра и прочихъ Апостоловъ, хотя и взывалъ въ посланіяхъ: „едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ.“ — (Ефес. IV, 5.) Тотъ же, который сказалъ некогда Самарянамъ „что придетъ время, когда не въ одномъ Іерусалимѣ поклонятся Богу, но по всей вселенной,“ (Іоан. IV, 21.) и допустилъ разрушеніе ветхозавѣтнаго святилища, и поруганіе самаго мѣста своихъ страданій, для того, чтобы не йологать земнаго основанія въ необходимый союзъ Церкви своей, не опредѣлилъ и Рима центральнымъ мѣстомъ ея управленія; ибо предвидѣлъ, что она должна была выдти изъ тѣсныхъ предѣловъ Римской имперіи, и не хотѣлъ, чтобы отъ временныхъ судьбъ, отъ мѣстности, зависѣло единство Церкви, но отъ едиодушнаго и непоколебимаго исповѣданія вѣры, выражаемаго устами ея блюстителей, благодатію Св. Духа, на Соборахъ вселенскихъ, какъ некогда Апостольскихъ.

ОТНОШЕНІЯ РИМСКИХЪ ЕПИСКОПОВЪ КЪ ЦЕРКВИ ВСЕЛЕНСКОЙ.

I.

ВЪ ПЕРВОМЪ ВѢКѢ.

Если въ теченіе перваго вѣка Христіанства, еще при жизни Апостола Іоанна, мы видимъ, что Церковь Коринѣская, страдающая раздорами внутренними, обращается не въ Ефесъ къ Евангелисту Іоанну, но въ Римъ къ Епископу Клименту, который пишетъ ей два умирительныя посланія, — то причина тому весьма ясная. Климентъ былъ споспѣшникъ Павла, основавшаго Церковь въ Коринѣ, какъ самъ онъ называетъ его въ посланіяхъ, и сверхъ того тѣ, въ домѣ коихъ началась Церковь Коринѣская, Аквила и Прискила, были выходцы Римскіе, изгнанные съ прочими Іудеями, указомъ Кесаря Клавдія. — Іоаннъ же не былъ въ Коринѣ и дѣйствовалъ болѣе въ Азіи, потому и Коринѣяне обратились къ знакомому имъ споспѣшнику Павла, и должно видѣть съ какимъ смиреніемъ онъ отвѣтствуетъ, даже не выставя имени своего, а просто: „Церковь Божія въ Римѣ, Церкви Божіей въ Коринѣ,“ какъ равная къ равной, имѣющая единымъ средоточіемъ и главою самаго Господа.

Не должно оставить безъ вниманія, какимъ образомъ историкъ первыхъ трехъ вѣковъ Христіанства, ученый Евсевій Епископъ Кесарійскій, сохранившій въ своемъ твореніи отрывки прежде бывшихъ лѣтописцевъ, описываетъ сіе происшествіе и отзывается о мнимомъ преименствѣ Климента:

„Блаженные Апостолы, основавъ и утвердивъ Церковь, Лину служеніе епископства вручили. Сего Лина Павелъ, въ посланіи къ Тимоѳею, воспоминаетъ; послѣ него воспріялъ Анакитъ; по семъ же, въ третьемъ мѣстѣ отъ Апостоловъ, епископство наследовалъ Климентъ, который и видѣлъ блаженныхъ Апостоловъ и жилъ съ ними. При семъ Климентъ, когда не малое произошло смятеніе между братією въ Коринѣ, Церковь суцая въ Римѣ, послала пространное писаніе къ Ко-

ринейнамъ, призывая ихъ къ миру и возобновляя ихъ вѣру, которую пріяли преданіемъ Апостоловъ.“ (Книга III, гл. 6. церк. истор. Евсевія; — Иринея книг. III, гл. 3.)

И другой, знаменитый писатель IV вѣка, Св. Епифаній Епископъ Кипрскій, говоритъ: „въ Римѣ были первые Апостолы Петръ и Павелъ, они и Епископы, потомъ же Линъ, а потомъ Клитъ, также Климентъ, бывший современникъ Петра и Павла, о которомъ воспоминаетъ Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ. Никто да не удивляется, что другіе пріяли прежде него епископство отъ Апостоловъ, когда самъ онъ былъ современникъ Петру и Павлу; ибо еще при жизни оныхъ пріялъ отъ Петра рукоположеніе епископства и отрекшись, остался празднымъ, какъ самъ о себѣ говоритъ въ одномъ изъ посланій. — Но мы не совсѣмъ извѣстно знаемъ, по преемничеству ли Апостоловъ, былъ онъ поставленъ послѣ Клита Епископа.“ (1 книга противъ Карпократа.)

Изъ сихъ двухъ отрывковъ мы видимъ, что два Апостола созидаютъ Церковь Римскую и вручаютъ при жизни своей епископство оной тремъ Епископамъ, одному за другимъ, по свидѣтельству Иринея и Евсевія, и хотя Епифаній называетъ обоихъ Апостоловъ вмѣстѣ Епископами, но и онъ говоритъ, что Петръ самъ рукоположилъ трехъ Епископовъ Рима, одного по другимъ, подобно какъ и прочіе Апостолы рукополагали Епископовъ и Пресвитеровъ по всѣмъ Церквамъ, гдѣ проходили. Почему же Епископъ Римскій есть исключительный преемникъ Петра, а не Антиохійскій Еводій, или Александрійскій Маркъ, и столько другихъ?

Не иначе принимаетъ сіе Церковь Православная, въ своихъ пѣснопѣніяхъ, величая не одного Климента преемникомъ Петровымъ: „ученикъ Петровъ бывъ, блаженные нравы того подражая, Клименте страдалъ, тѣмъ же и престола преемникъ показался еси, просвѣщая всю тварь;“ (Минея 25 Юня.) Мелетія Епископа Антиохійскаго она воспѣваетъ также: „явственно священнотанникъ преизяществовавъ, Петра престолъ еси наслѣдовалъ верховнаго; уподобився добродѣтелями Христовымъ Апостоламъ, тѣхъ власть и престолъ наслѣдовалъ еси, яко православія столпъ и благочестія поборникъ.“ (Минея 12 Февр.)

О преимуществахъ Римской Церкви объясняетъ Иринея, Епископъ Ліонскій втораго вѣка, ученикъ Поликарпа Смирискаго, ученика Евангелиста Іоанна, — въ книгѣ о ересяхъ для руководства вѣрныхъ. (кн. III, гл. 3.): „и такъ преданіе Апостоловъ, извѣстное во всемъ мірѣ, можно усмотрѣть въ каждой Церкви всякому, кто хочетъ видѣть истину: мы

можемъ перечислить тѣхъ, которые были отъ Апостоловъ поставлены Епископами въ Церквахъ, и преемниковъ ихъ даже до нашего времени, которые ничему такому не учили и ничего такого не знали, о чемъ еретики пустословятъ. Но поелику перечислять въ семь краткомъ сочиненіи преемства Епископовъ всѣхъ Церквей было бы слишкомъ долго: то мы, указывая на Апостольское преданіе и на возвыщенную людямъ и чрезъ преемство Епископовъ дошедшую до насъ вѣру, которую хранить величайшая, и древнѣйшая и всѣмъ извѣстная, двумя преславными Апостолами Петромъ и Павломъ въ Римѣ основанная и устроенная Церковь, посрамляетъ всѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ, изъ угожденія ли себѣ, или изъ тщеславія, или по слѣпотѣ и неразумію, разсуждаютъ неправильно. Ибо всѣ Церкви, т. е. вѣрующіе повсюду необходимо должны согласоваться съ сею Церковію, потому что она есть болѣе могущественная изъ главныхъ Церквей, (*propter potentiosem principalem*) въ которой всѣмъ вѣрующими повсюду сохранилось Апостольское преданіе. И такъ блаженные Апостолы, основавъ и устроивъ Церковь Римскую, служеніе епископства вручили Лину, о которомъ упоминаетъ Павелъ въ посланіяхъ къ Тимофею. Лину преемствуетъ Анаклитъ; послѣ него, третій отъ Апостоловъ, епископство принимаетъ Климентъ, который видѣлъ блаженныхъ Апостоловъ и обращался съ ними, самъ слышалъ проповѣдь Апостоловъ и преданіе ихъ имѣлъ предъ глазами, и притомъ не одинъ; ибо еще оставались тогда многіе ученики Апостоловъ. Клименту преемствуетъ Еварестъ, Еваресту Александръ, и наконецъ шестой отъ Апостоловъ поставляется Сикстъ; послѣ него Телесфоръ, который принялъ славное мученичество; потомъ Гигиній, послѣ Пій, послѣ него Аникита. Послѣ Сотера, преемника Аникиты, пріемлетъ жребій епископства двѣнадцатый отъ Апостоловъ Елвеерій. Такимъ порядкомъ и преемствомъ преданіе и проповѣдь истины въ Церкви отъ Апостоловъ дошли до насъ. И Поликарпъ, не только былъ ученикъ Апостоловъ и обращался со многими, видѣвшими Христа, но и отъ Апостоловъ поставленъ былъ Епископомъ въ Азіи въ Церкви Смирнской; его и мы видѣли въ дѣтствѣ нашемъ; ибо онъ жилъ долго и оставилъ жизнь въ глубокой старости, принявъ славное мученичество. Равно и Церковь Ефесская, основанная Павломъ и бывшая подъ управленіемъ Іоанна, до временъ Траяна, есть вѣрный свидѣтель преданія Апостольскаго.“

Ясно, что Епископъ Лионскій болѣе всѣхъ говоритъ о Церкви Римской, какъ величайшей на Западѣ, и къ ней обращаетъ желающихъ

знать Апостольское преданіе, какъ къ ближайшей. Но что говорить о ней, то должно разумѣть и о другихъ главнѣйшихъ Апостольскихъ Церквахъ: напр. называетъ ее величайшею и древнѣйшею, хотя тѣ же названія приличествуютъ Іерусалимской, Антиохійской, Александрійской, и тѣмъ больше, что онѣ древнѣе Римской, бывъ ранѣе основаны.

Современный Иринею Пресвитеръ Африканскій, знаменитый Тертуліанъ, учить также совѣтоваться въ дѣлахъ вѣры съ Церквами Апостольскими: „если желаешь, говорить онъ, лучше подвизаться въ дѣлѣ твоего спасенія, то обойди Апостольскія Церкви, въ которыхъ доселѣ стоятъ самыя ихъ каѳедры, въ которыхъ читаются подлинныя ихъ посланія, звуча голосомъ ихъ и представляя ихъ лице. Если не далеко отъ тебя Ахаія, то имѣешь Коринѣвъ, если не далеко живешь отъ Македоніи, то имѣешь Филиппы, имѣешь Фессалонику; если можешь идти въ Азію, то тамъ есть Ефесъ; если живешь не подалеку отъ Италіи, имѣешь Римъ.“ (36 cap. de praescriptionibus haereticorum.)

И такъ вотъ причина, по которой Церковь Римская важна для Христіанъ, особенно Западныхъ, куда не доходили далеко стопы Апостоловъ, ибо только о Павлѣ извѣстно, что былъ въ Испаніи, но далѣе Рима не видимъ Церкви, лично ими утвержденной. И конечно не Клименту и его преемникамъ, какъ бы главамъ видимой Церкви, послужествовалъ Евангелистъ Іоаннъ, жившій въ Ефесѣ до конца перваго столѣтія, но Тому, кто являлся ему въ Апокалипсисѣ, ходящій по среди златыхъ свѣтильниковъ, и, его устами, обличалъ различныя частныя Церкви.

Самъ Іоаннъ, заключившій собою вѣкъ Апостольскій и первое столѣтіе, раскрывая въ Апокалипсисѣ грядущую судьбу Церкви, не упоминаетъ ни единого слова о средоточіи церковнаго управленія въ Римѣ, хотя часто говоритъ о Іерусалимѣ, земномъ и небесномъ, и о Вавилонѣ; Римъ же, какъ древняя столица міра языческаго, если бы предназначался будущею столицею Христіанства, могъ бы однако обратиться на себя вниманіе пророчествующаго Апостола.

Памятникомъ Апостольскаго вѣка сохранились намъ, кромѣ книгъ Новаго Завѣта, постановленія Апостольскія, писанныя, какъ предполагаютъ, Климентомъ Епископомъ Римскимъ, и правила Св. Апостоловъ, изъ же собранныя, изъ коихъ Западная Церковь приѣмлетъ только 55. Но ни одно изъ сихъ правилъ не гласитъ въ пользу первенства и единоначалія Римскаго: напротивъ того правило 34 прямо говоритъ, что между Епископами всякаго народа есть первый Епископъ, не упо-

миная, что есть одинъ главный надъ всѣми. „Епископамъ всякаго народа подобаеъ знати перваго въ нихъ и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія; творити же каждому только, что касается до его епархіи и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый да ничего не творитъ безъ разсужденія всѣхъ, ибо тако будетъ единомысліе и прославится Богъ о Господѣ во Св. Духѣ, Отецъ и Сынъ и Св. Духъ.“ Правило 35 повелѣваетъ, чтобы ни одинъ Епископъ, внѣ предѣловъ своей Епархіи, не совершалъ рукоположенія въ городахъ, ему не подчиненныхъ; а 37 правило повелѣваетъ, чтобы дважды въ годъ были соборы Епископовъ въ каждой епархіи, для разсужденія о догматахъ благочестія, и для разрѣшенія возникающихъ споровъ, и нигдѣ не упоминаетъ о верховной власти Римскаго престола, хотя Климентъ, какъ преемникъ сего престола и собиратель правилъ, могъ бы лучше другихъ слышать о томъ отъ Апостоловъ, и не долженъ бы опускать столь важнаго правила, положеннаго на Западѣ въ основаніе управления церковнаго.

Въ VII книгѣ постановленій (гл. 46.) въ перечнѣ Епископовъ, рукоположенныхъ самими Апостолами, говоритъ онъ сперва о Іерусалимскихъ, потомъ о Антиохійскихъ и Александрійскихъ, и наконецъ о Римскихъ, какъ позднѣйшихъ, и даже такимъ образомъ: „первый Епископъ Римской Церкви рукоположенъ Линъ, Павломъ, а второй, по смерти Лина, Климентъ — мною Петромъ.“ И такъ Павелъ рукоположилъ перваго Епископа Церкви Римской, а не Петръ: (что вѣрнѣе, ибо сходствуетъ съ книгою дѣяній Апостольскихъ, упоминающихъ только о странствіи Павла въ Римъ.) А въ VIII книгѣ, (глав. 10) тѣхъ же постановленій, при описаніи Божественнаго служенія сказано сперва: „о Епископѣ нашемъ Іаковѣ и епархіяхъ его помолимся,“ а потомъ уже „о Епископѣ нашемъ Климентѣ и епархіяхъ его помолимся;“ чѣмъ доказывается братское равенство между собою Епископовъ и глубокое уваженіе къ лицу Іакова брата Божія, и къ каедрѣ Іерусалимской, какъ старѣйшей между всѣми престолами святительскими, въ послѣдствіи основанными Апостолами, потому что Іакова поставилъ, по древнимъ преданіямъ, самъ Господь Іисусъ Христосъ. (Истор. Патр. Досиоея, на Гречес. кн. I, гл. XI, пар. 6.)

Касательно важности сего престола вотъ что собралъ ученый писатель Бингамъ, изъ различныхъ древнихъ Отцевъ, говоря о Церквахъ, которыя приняли первыхъ Епископовъ прямо отъ Апостоловъ. (Кн. II, гл. 1.) „Іеронимъ пишетъ, что Апостолы рукоположили Іакова брата

Божія на престолъ Іерусалимскій, вскорѣ послѣ страданія Господня (Hier. catal. scrip. с. 3); Св. Елифаній называетъ его первымъ Епископомъ, первымъ, которому поручилъ Христосъ собственный престолъ свой на землѣ. (Epirh. haeg. 78 п. 7. haeg. 29 п. 3. haeg. 66 п. 19.) — Златоустъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ рукоположенъ въ Епископы самимъ Христомъ (бесѣд. 28 на 1 Кор. гл. 15.). Собиратель постановленій Апостольскихъ, — что Іакова рукоположили Христосъ и Апостолы (кн. 8, гл. 35.). Климентъ Александрійскій, древнѣйшій изъ всѣхъ учителей, приводимыхъ Евсевіемъ, пишетъ о поставленіи Іакова на престолъ Іерусалимскій: „что хотя Спаситель обыкновенно предпочиталъ прочимъ Петра, Іоанна и Іакова, однако же, послѣ его вознесенія, никто изъ нихъ не спорилъ между собою о сей высшей почести, но избрали Іакова, называемаго праведнымъ, Епископомъ Іерусалимскимъ, и далѣе: Господь по воскресеніи своемъ сообщилъ даръ вѣдѣнія Іакову праведному, Петру и Іоанну.“ И такъ вотъ Іаковъ стоитъ впереди всѣхъ и ему уступаютъ почестъ самые Апостолы, что видно изъ дѣяній и на ихъ соборѣ (Eus. lib. 2, с. 1.). А Евсевій въ исторіи своей пишетъ, „что послѣ его смерти, Апостолы и ученики Господни, сколько ихъ оставалось, сошлись изъ разныхъ мѣстъ съ родственниками Спасителя, чтобы избрать преемника Св. Іакову, и единодушно нашли Симеона сына Клеопова, двоюроднаго брата Господня по плоти, достойнымъ лицомъ для замѣщенія сей епископской катедры.“ (Eus. lib. III, с. 2.) Вотъ въ какомъ особенномъ уваженіи, была она у Апостоловъ, когда еще никто и не думалъ о важности Римской.

II.

ВО ВТОРОМЪ ВѢКѢ.

Послѣ перваго вѣка Апостольскаго слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе Епископовъ Римскихъ къ Церкви, до вселенскихъ Соборовъ, установившихъ твердыми канонами ея управленіе по всей землѣ, — и мы можемъ почерпнуть сіи свѣдѣнія изъ исторіи Евсевія Кесарійскаго, намъ сохранившейся отъ того времени. Достойно замѣчанія, что сей ученый Епископъ и лѣтописецъ, подробно описывая не только событія, но и рядъ Святителей первенствующихъ катедръ, одинаково именуетъ Римскихъ вмѣстѣ съ прочими преемниками Апостоловъ, не означая нигдѣ ихъ преимущества, или какого либо особеннаго права

надъ другими. Онъ описалъ и всѣ соборы, бывшіе до него и при немъ, и первый Вселенскій, на которыхъ однако же нигдѣ не обнаруживалось единовластіе Римскаго Епископа, а напротивъ только власть общая соборная; до такой степени мысль о верховной власти Папы была чужда его вѣку.

Евсевій привелъ однако свидѣтельство Иринея Ліонскаго, о томъ, какимъ образомъ въ половинѣ втораго вѣка Св. Поликарпъ, Епископъ Смирнскій, ученикъ Евангелиста Іоанна, посѣтилъ Римъ, гдѣ имѣлъ прѣніе съ Епископомъ Римскимъ Аникитою о времени празднованія Пасхи; ибо Церкви Азіійскія, держась преданія Апостоловъ Іоанна и Филиппа, праздновали оную 14 Марта, Церковь же Римская и прочія Западныя, въ первое воскресеніе послѣ весенняго полнолунія, основываясь на преданіи Апостоловъ Петра и Павла; но сіе разногласіе не нарушило между обоими Епископами общенія любви, и частное преданіе Петрово не превозмогло надъ частнымъ преданіемъ Іоанна, доколѣ не было утверждено властію всей Церкви на первомъ вселенскомъ соборѣ. Епископъ Аникита, какъ десятый отъ Апостоловъ, уступилъ даже въ своей Церкви при совершеніи литургіи освященіе даровъ Поликарпу, какъ мужу Апостольскому: т. е. ближайшему ученику самаго Евангелиста. Здѣсь не видно ни первенства Петрова, ни преобладанія его преемниковъ; послѣ сего трудно предполагать, чтобы самъ Іоаннъ Богословъ признавалъ надъ собою первенство Климента Римскаго, третьяго отъ Апостоловъ. (Евс. кн. V, гл. 24.)

Далѣе, у того же Евсевія видимъ, что когда, въ исходѣ втораго вѣка, вопросъ о празднованіи Пасхи занималъ всю Церковь, и соединились по сему предмету многіе частныя областныя соборы въ Римѣ, Галліи, Сиріи, Малой Азіи, Коринтѣ, то несогласіе Епископа Поликрата Ефесскаго и бывшихъ съ нимъ опять не нарушило единства, не смотря на превозношеніе Папы Виктора, который писалъ къ Восточнымъ Епископамъ, чтобы прервали съ ними общеніе. Многіе Епископы не одобрили его произвольнаго дѣйствія убѣждая хранить миръ и единство любви, а Иринея Ліонскій, строго обличилъ его своимъ посланіемъ, писаннымъ отъ лица всего собора Галліи, напоминая ему примѣръ Поликарпа и Аникиты, въ дѣлѣ касающемся не догмата, а только обычая. (Евс. кн. V, 24.)

Самъ Поликратъ, въ соборномъ посланіи своемъ, не обнаруживалъ также покорности Римской катедрѣ и исключительному преданію Петрову, на которое ссылался Викторъ. „Мы не безразсудно соблюдаемъ

день сей, отвѣчалъ онъ, ничего не прибавляя къ преданію Апостольскому и не отнимая отъ него, потому что и въ Азїи почли великія свѣтила: Филиппъ изъ числа дванадесяти, и возлежавшій на персяхъ Господа Іоаннъ, который былъ Іереемъ, носилъ на главѣ повязку Первосвященниковъ и почилъ учителемъ и мученикомъ въ Ефесѣ. И такъ братіе (т. е. Викторъ и сущіе съ нимъ въ Римѣ) я, уже имѣющій о Господѣ 65 лѣтъ, бесѣдовавшій съ братіями, обитающими по всей вселенной, прочитавшій все Св. Писаніе, не страшусь того чѣмъ угрожаютъ мнѣ; ибо люди, которые были выше меня, говорили: повиноваться должно Богу, паче нежели людямъ.“ (Кн. V, 24.)

Изъ сего посланія, какъ и изъ Иринеева, не видно, чтобы во второмъ вѣкѣ признавалась какая либо преимущественная власть Римскаго Епископа надъ прочими: ибо сопротивленіе Поликрата, не подвергло его никакой ответственности, а Викторъ принужденъ былъ оставить свое отлученіе, всѣми признанное тщетнымъ; вопросъ же о Пасхѣ, до времени, рѣшилъ частный соборъ въ Кесарїи Палестинской для Церквей Восточныхъ, кроивъ малой Азїи, окружнымъ посланіемъ Наркисса Епископа Іерусалимскаго и бывшихъ съ нимъ, въ коемъ ни слова не упоминалось о мнѣніи Виктора, а только указывалась въ примѣръ Церковь Александрійская.

III.

ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ВѢКѢ.

Подобное сему повторилось и въ третьемъ вѣкѣ, по случаю вопроса о правильности крещенія еретиковъ, между Папою Стефаномъ и двумя именитыми Епископами Азїи и Африки, Фирмилианомъ Кесарїи Каппадокійской, и Св. Кипріяномъ Карфагенскимъ. Стефанъ отвергъ рѣшеніе двухъ помѣстныхъ соборовъ Африканскихъ, на которыхъ Кипріянь, со многими Епископами, постановилъ правиломъ перекрещивать всѣхъ приходящихъ отъ ереси въ лоно Церкви, и когда Кипріянь, на третьемъ соборѣ, не принявъ рѣшенія Стефанова, послалъ къ нему братолюбивое посланіе, Папа не допустилъ къ себѣ даже посланныхъ отъ него. Услышавъ же, что и на Востокѣ соборъ Иконійскій, созванный Фирмилианомъ, утвердилъ рѣшеніе Кипріяново, онъ объявилъ отлученными отъ общенія церковнаго Епископовъ Восточныхъ и Африканскихъ, что подало поводъ ко взаимнымъ между ними посланіямъ.—

Письмо Фирмилиана къ Кипріану исполнено сильныхъ обличеній, противъ неумѣстной гордости Стефана, и показываетъ, что произнесенное имъ отлученіе принимаемо было отнюдь не за дѣйствіе признанной власти, а только за дѣйствіе равнаго противъ равныхъ, которые въ правѣ были опровергать оное предъ общимъ для обѣихъ сторонъ судомъ Церкви.

„Умолчимъ теперь о дѣлахъ Стефана, чтобы вспоминая о его гордости, намъ не опечалить себя еще болѣе; узнавши, что вы судите о поступкахъ Стефана, по правилу истинной вѣры и Христіанской мудрости, мы исполнились неизъяснимою радостію и пренного благодаримъ Господа, что въ братіяхъ, находящихся столь далеко, обрѣли единомысліе съ нами и единеніе въ вѣрѣ и истинѣ; ибо одинъ и тотъ же Господь, обитающій въ насъ, своихъ преемниковъ повсюду связываетъ союзомъ единенія, поелику во всю землю изыде вѣщаніе ихъ.“ (И такъ вотъ истинный союзъ единства, а не одна каеэдра Петра). Далѣе говоритъ онъ: „Римскіе Епископы не сохраняютъ вполне преданное изначала; это видно изъ того, что у нихъ есть нѣкоторыя особенности въ разсужденіи дней празднованія Пасхи и въ разсужденіи многихъ другихъ Божественныхъ таинствъ, и что они не все то соблюдаютъ, что соблюдается въ Церкви Іерусалимской. Равно и въ другихъ областяхъ, смотря по различію мѣстъ и названій, есть также много особенностей, но онѣ не нарушали мира и единства Каеэлической Церкви; одинъ Стефанъ дерзнулъ нынѣ разрывать жиръ, который соблюдали предшественники его, взаимною честію и любовію.“

„Единому Петру сказалъ Господь: елика аще свяжеши на земли, связано будетъ на небесахъ,“ (Матѣ. XVI, 19.) и на однихъ Апостоловъ дунулъ, говоря: „пріимите Духъ Святъ, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите, держатся;“ (Іоан. XX, 22, 23.) слѣдовательно власть отпускать грѣхи дана Апостоламъ и Церквамъ, которыя они основали, бывъ посланы Христомъ, и Епископамъ, заступившимъ ихъ мѣсто. Но я не могу не досадовать на столь явное неразуміе Стефана, который такъ много надѣваясь мѣстомъ своего Епископства и называя себя преемникомъ Петра, на которомъ утверждена Церковь, вноситъ многіе другіе камни и поставляетъ новыя зданія многихъ Церквей, доказывая, своею властію, что у еретиковъ есть крещеніе. Защищающій оное не разсуждаетъ, что такимъ предательствомъ и пренебреженіемъ единства, погрѣшается и нѣкоторымъ образомъ уничтожается истина Христіанскаго камня. Стефанъ, хвалящійся тѣмъ, что

онъ преемникъ катедры Петровой, не возбуждается никакою ревностію противъ еретиковъ, уступая имъ силу благодати, не въ малой, но въ величайшей мѣрѣ.“

На концѣ письма Фирмилианъ обращается къ лицу самаго Стефана: „сколько несогласій и раздоровъ посѣялъ ты между Церквами? какой грѣхъ на себя навлекъ, отлучивъ себя отъ толикаго числа людей? Не обманывайся, ты себя отлучилъ, а не другихъ: ибо тотъ дѣйствительно раскольникъ, кто сдѣлалъ себя отступникомъ отъ общенія единой Церкви; когда ты хочешь всѣхъ удалить отъ себя, то одинъ себя удаляешь отъ всѣхъ. Правилу истины и мира не могли тебя научить наставленія Апостола, который такъ увѣщаетъ: „молю убо васъ, азъ юзникъ о Господѣ, достойно ходити званію, въ неже званіи бысте, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ терпяще другъ другу любовію, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира. Едино тѣло, единъ духъ, якоже и званіи бысте въ единомъ упованіи званія вашего; единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе; единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ.“ (Еф. IV, 1—6.) Съ какими стараніемъ соблюлъ Стефанъ сіи спасительныя наставленія и увѣщанія Апостола, поставляющаго выше всего смиреніе и кротость! Ибо что можетъ быть менѣе уничиженно и смиренно, какъ быть въ несогласіи съ толикими Епископами, во всемъ мѣрѣ, и разрывая миръ съ каждымъ, имѣть раздоры разнаго рода со всѣми, то съ нами Восточными, о чемъ, вѣроятно, и вы слышали, то съ вами Южными?— посланныхъ вами Епископовъ онъ принялъ, съ такимъ смиреніемъ и кротостію, что даже не удостоилъ ихъ разговора съ собою, и сверхъ того, помня правила любви, запретилъ всей братіи принимать ихъ въ дома, такъ что когда они пришли, имъ отказано было не только въ мирѣ и общеніи, но и въ гостепріимствѣ и въ самомъ кровѣ! Это ли значить блюсти единеніе мира въ союзѣ духа? — отторгнуть себя отъ единенія любви, отчуждать себя во всемъ отъ братіи и дѣйствовать противъ таинства и вѣры, съ неистовствомъ упорнаго раздора! Возможно ли, чтобы для такого человѣка были едино тѣло и единъ духъ, когда у него, можетъ быть, и душа не едина, столь нетвердая, пережъичивая и неопредѣленная! но оставимъ говорить объ немъ.“ (Ист. Патр. Доснѣ. кн. I, гл. 17 на Гречес.)

Не смотря на столь явное сопротивленіе власти папской, Церковь вселенская Каѳолическая не признавала Фирмилиана отступникомъ и рѣшила вопросъ о крещеніи еретиковъ только на вселенскомъ соборѣ.

Признавая, какъ всегда, едино крещеніе, она опредѣлила нѣкоторыхъ еретиковъ принимать посредствомъ крещенія, потому что ихъ мнимо ничтожно, не бывъ соединено съ исповѣданіемъ Пресвятыя Троицы, а нѣкоторыхъ безъ крещенія, потому что совершившееся надъ ними не было повреждено еретическими мнѣніями, какъ относившимися до другихъ предметовъ. Фирмилианъ продолжалъ быть въ общеніи со всеми святыми Епископами своего времени: Григоріемъ чудотворцемъ Неокесарійскимъ и Діонисіемъ Александрійскимъ, писавшемъ также увѣщательное посланіе къ Стефану, о мирѣ; продолжалъ предсѣдательствовать на соборахъ Малой Азій, и судилъ за ересь Павла Епископа Антиохійскаго, безъ всякаго полномочія и даже участія Римской Церкви.

Равноумно и Священномученикъ Кипріянь, огорченный дѣйствіями Стефана, писалъ къ нему отъ лица Африканскихъ Епископовъ: „ради самаго достоинства (епископскаго) и ради искренней любви, мы довели сіе до свѣдѣнія твоего, любезнѣйшій братъ, зная, что согласно съ истиннымъ благочестіемъ твоимъ и вѣрою, тебѣ угодно все то, что благочестиво и истинно. Впрочемъ мы знаемъ нѣкоторыхъ, которые, однажды принявши что нибудь, не хотятъ отложить того и не легко перемѣняютъ свое расположеніе; но собственныя мнѣнія, обратившіяся у нихъ въ обыкновеніе, удерживаютъ, не нарушая союза мира и согласія между товарищами. Въ такомъ случаѣ, мы не принуждаемъ совѣсти и никому не даемъ закона, такъ какъ всякой предстоителю Церкви имѣеть свободное произволеніе въ управленіи оной, и отдастъ отчетъ въ своемъ поведеніи Господу.“ (посл. 72.)

Послѣ же строгихъ изреченій Стефана, Кипріянь говорилъ предъ соборомъ 80 Епископовъ въ Африкѣ, отъ коихъ требовалъ свободнаго голоса: „остается намъ сказать, что каждый изъ насъ думаетъ о семъ предметѣ. Мы не принуждаемъ никого и никого не лишаемъ права общенія, хотя бы кто мыслилъ и не одинаково съ нами; ибо никто изъ насъ не ставитъ себя Епископомъ Епископовъ, никто, страхомъ насильственной власти, не принуждаетъ братій къ повиновенію себѣ. Каждый Епископъ, съ полною свободою и властію, можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, и ни самъ быть судимъ отъ другаго, ни судить другаго не можетъ. Но всѣ мы идемъ суда Господа нашего Іисуса Христа, который одинъ только имѣеть власть избирать насъ для управленія своею Церковію и судить наше дѣйствованіе.“ (Ист. Патр. Доснѣ. на Греческ. кн. I. гл. 16. Соп. Carth. Cyprian.)

Должно замѣтить, что это говорилъ Кипріянь, написавшій о единствѣ

Церкви, которое разумѣлъ иначе, нежели толкуютъ Римляне; вотъ слова его: „Господь основываетъ Церковь свою на одномъ, хотя усвоитъ всѣмъ Апостоламъ равную власть; однако, для показанія единства, онъ своею властію устроилъ такъ, чтобы единство сіе начиналось отъ одного. Конечно то же самое были и всѣ Апостолы, что и Апостолъ Петръ, т. е. имѣли равную честь и достоинство, но сперва поставляется одинъ, дабы Церковь являлась единою. Не признающій сего единства можетъ ли думать, что онъ имѣетъ вѣру?—Противящійся Церкви и отдѣляющійся отъ нее можетъ ли надѣяться быть членомъ Церкви, когда Св. Павелъ рассуждаетъ о семъ предметѣ и, показывая таинство единства, говоритъ: „едино тѣло, одинъ духъ, якоже и званіи бысте во единомъ упованіи званія вашего.“ (Ефес. IV, 4.) Мы должны крѣпко держать и защищать единство Церкви, наипаче Епископы, имѣющіе первенство въ ней, дабы показать, что и самое Епископство одно и нераздѣльно. Никто да не обольщаетъ братства ложью, никто вѣроломною измѣною да не растлѣваетъ истинной вѣры; Епископство едино есть, въ коемъ каждый имѣетъ постоянную часть; Церковь также одна, хотя члены ея, съ распространеніемъ Церкви, сдѣлались весьма многочисленны.“ (кн. о единствѣ Церкви.)

Не только Стефану, но и предмѣстнику его Св. Корнилию, сказалъ онъ ту же истину, въ столь же сильныхъ выраженіяхъ, когда сей вздумалъ потребовать отъ него отвѣта: почему не извѣстилъ его грамотою, о неправильномъ поставленіи Фортуната на кафедрѣ Карфагенскую? „Между всѣми нами опредѣлено и весьма справедливо, чтобы каждый виновный судимъ былъ на мѣстѣ своего преступленія; ибо часть стада ввѣрена каждому пастырю, чтобы управлять ею и давать за нее отчетъ Господу. И такъ не должно позволять, чтобы подчиненные намъ скитались тамъ и здѣсь и возбуждали несогласіе между Епископами.“ (послан. 59.) Въ посланіяхъ же ихъ соблюдалось взаимно выраженіе совершеннаго равенства: „Кипріянь, Корнилию брату—спасеніе, и Корнилій Кипріяну брату, или Папѣ Кипріяну—спасеніе.“

Столь же сильно воспротивился онъ опять Стефану, когда Папа хотѣлъ возстановить на кафедрахъ двухъ Епископовъ Испанскихъ, Марціана и Василица, осужденныхъ областнымъ соборомъ за то, что во время гоненій, идоложертвовали, хотя и принесли покаяніе, и принудилъ его отказаться отъ своего рѣшенія, имѣніемъ всей Западной Церкви.—Если же языческій Императоръ Авреліанъ, чтобы окончить дѣло Павла Самосатскаго, низложеннаго на соборѣ Антиохійскомъ и не хотѣвшаго

оставить домъ епископскій, повелѣлъ впредь признавать законнымъ Епископомъ Антиохіи того только, кто будетъ признанъ Римскимъ и Италійскими Епископами, то и сіе языческое опредѣленіе гласитъ болѣе въ пользу общенія Церкви Восточной со всѣми Западными, а не въ пользу единовластія Папы. Доказательствомъ служить можетъ то, что Павелъ, хотя Епископъ первостепенной кафедры Востока, судимъ былъ однако безъ приглашенія и соучастія Римскаго Епископа, и только послѣ совершеннаго изложенія, собравшіеся въ Антиохіи Епископы, поставляя на его мѣсто другаго, извѣстили о томъ, въ видѣ общенія, Епископовъ Римскаго и Александрійскаго. Въ такомъ положеніи находились управление Церкви и отношенія между собою ея старѣйшихъ Епископовъ, до Вселенскаго собора, бывшаго въ Никей, въ 325 году.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ НИКЕЙ.

Прежде, нежели будемъ говорить о первомъ Вселенскомъ соборѣ, отъ коего сохранились намъ правила но безъ дѣяній, и который описанъ присутствовавшимъ на ономъ Евсеіемъ Кесарійскимъ, и другими летописцами вкратцѣ, должно замѣтить, что Епископъ Римскій не имѣлъ участія и даже средствъ къ его созванію. Когда ересь Арія уже возмутила Востокъ и окружныя посланія Александра, Епископа Александрійскаго, къ первостепеннымъ кафедрамъ, возвѣстили осужденіе ересиарха на частномъ соборѣ Египетскомъ, — Императоръ, по совѣту ближайшихъ къ нему Епископовъ Восточныхъ, а не Папы Сильвестра, ибо ересь сія была еще чужда Западу, послалъ великаго Осія Кордубскаго примирить Александра съ Аріемъ, на другомъ частномъ соборѣ въ столицѣ Египта, и потомъ, видя неуспѣшность сего, созвалъ Епископовъ всей имперіи въ Никей.

Святители старшихъ престоловъ Восточныхъ Александріи, Антиохіи, Іерусалима и двухъ Кесарій, присутствовали на ономъ, но въ число 318 отцевъ соборныхъ, не болѣе пяти явилось съ Запада, ибо пренія происходили въ Церквахъ Восточныхъ; не было и Сильвестра Римскаго, за старостію лѣтъ. Римляне домогаются доказать, что онъ предсѣдательствовалъ на соборѣ, въ лицѣ Осія Кордубскаго и двухъ своихъ Пресвитеровъ, Викентія и Витона (потому будто бы, что Осій былъ

самъ западный Епископъ, слѣдственно изъ области папской, и имя его стояло во главѣ всѣхъ актовъ собора); но предположеніе ихъ укрѣпляется только свидѣтельствомъ Геласія Кизическаго, позднѣйшаго писателя, весьма сомнительнаго, потому что онъ, очевидно по своимъ понятіямъ и догадкамъ, писалъ многое, чего не могъ достовѣрно знать, какъ на примѣръ, подробности состязаній съ языческими философами.

Геласій, ссылаясь на историка Евсевія, приводитъ слова его съ произвольнымъ прибавленіемъ: „когда видѣлъ Императоръ Церковь смятенную, онъ созвалъ Вселенскій соборъ, грамотами возбуждая Епископовъ, отсюда собраться въ Никею. (Здѣсь не видно участія папскаго или дозволенія созывать соборъ.) И такъ пришли изъ многихъ областей и городовъ Епископы, о которыхъ Евсевій Памфилъ въ 3-й книгѣ житія Константина говорилъ слѣдующее: „отъ всѣхъ Церквей, какія находятся въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, Божіи святители, почитающіеся первыми, сошлись воедино. Единый храмъ, какъ будто разширенный маноуеніемъ Божиимъ, заключилъ въ стѣнахъ своихъ Сиріанъ и Киликійцевъ, и проч. И самъ Осій изъ предѣловъ Испанскихъ, знаменитый славою своего имени, который заступалъ мѣсто Сильвестра Епископа великаго Рима, вмѣстѣ съ Римскими Пресвитерами Витомомъ и Викентіемъ, и съ многими другими, присутствовалъ въ томъ собраніи. Епископъ же города, имѣющаго державу, именемъ Митрофанъ, воспрепятствованъ былъ старческимъ возрастомъ; но Пресвитеры его заступали его мѣсто, изъ коихъ одинъ Александръ былъ впоследствии его преемникомъ.“ (Геласія о Никейскомъ соборѣ кн. II, гл. 5.)

Теперь раскроемъ самаго Евсевія и повѣримъ Геласія; онъ начинается тѣми же словами; когда же доходитъ до Осія, изобличается подлогъ, ибо Евсевій говоритъ только: „даже изъ Испаніи мужъ оный многоименный съ прочими возсѣлъ: царскаго же града Епископъ по старческому возрасту отсутствовалъ, но Пресвитеръ заступалъ его мѣсто.“ (Истор. жиз. Констант. кн. III, гл. 7.)

И такъ здѣсь не упомянуто даже о Пресвитерахъ Сильвестра Римскаго, не только о томъ, что его мѣсто заступалъ Осій; откуда же почерпнулъ это Геласій, и отважился вставить въ текстъ Евсевія, который, какъ современникъ и участникъ собора, конечно могъ о томъ лучше знать? Геласій прибавилъ отъ себя, въ составленныхъ имъ актахъ Никейскихъ, и подписи Епископовъ, поставивъ вначалѣ такъ:

Глава XXVIII. Подписи Епископовъ, утвердившихъ вѣру.

„Осій, Кордубскій Епископъ, святымъ Божиимъ Церквамъ, которыя суть въ Римѣ, Итали и всей Испаніи, и отдаленнѣйшимъ народамъ, обитающимъ даже до океана, чрезъ бывшихъ съ нимъ Пресвитеровъ Римскихъ, Витона и Викентія.“

Слишкомъ замѣчательна нелѣпость такой подписи, и она показываетъ, какъ трудно принимать вещи съ довѣренностію изъ чужихъ рукъ. Гдѣ слыхаво, чтобы подписи подъ какимъ нибудь актомъ составляли особую главу?—это выдумалъ Латинскій переводчикъ. „Осій—Церквамъ:“ это не подпись и здѣсь нѣтъ смысла.

Въ Греческомъ напечатано: *τῆς ἐκκλησίας*.—Въ членѣ ошибка, родительный единственнаго числа вмѣсто дательнаго во множественномъ; въ переводѣ Латинскомъ она поправлена; но текстъ Греческій дважды напечатанъ съ ошибкою, для того, чтобы, если можно, сбить читателя, и не допустить догадаться, что это не подпись. (pag. 41, 54.) *Per eos, qui cum ipso erant*. Когда же въ подписяхъ говорятъ о себѣ въ третьемъ лицѣ? что значить: „чрезъ бывшихъ съ нимъ?“—развѣ Осій не умѣлъ самъ подписаться?

Далѣе подпись Александрійскаго Епископа—„съ Аѳанасіемъ, который тогда былъ Архидіакономъ.“ Слѣдственно мнимая подпись составлена не тогда, а въ послѣдующее время.

Leontius Ecclesiis Domini ornamentum.—Кто когда доходилъ до такого безумія, чтобы подписываясь къ символу вѣры, называлъ себя: „Леонтій украшеніе Церквей Господнихъ?“

Protogenes ille admirabilis. „Протогенъ оный удивительный;“ сія мнимая подпись того же рода.

„Александръ тогда только Пресвитеръ Константинополя, послѣ же избранный въ Епископы онаго города.“ Слѣдственно это писано послѣ, а не въ свое время, и также не подпись; и что значать 13 подписей, когда Отцевъ на соборѣ было 318? Кажется ясно, что мнимыя подписи не могли существовать, откуда же онѣ взялись? Читайте далѣе: *ἀνταρτία προϋφεντων* т. е. не дѣянія перваго Вселенскаго собора, а сочиненіе дѣяній. — Не есть ли это доброе признаніе?—вы найдете:

Глава XXXVII. Списокъ Св. Епископовъ, чрезъ которыхъ Св. великій и Вседенскій соборъ, въ Никей собранный, послалъ всемъ во всемъ мірѣ Церквамъ, то, что они, Духомъ святымъ, на соборѣ опредѣлили.

За симъ слѣдуетъ, отъ слова до слова, тотъ самый реестръ именъ съ прибавленіями, который мы разсматривали выше. Теперь и казав-

шаяся бессмысленною подпись Осія, оказывается имѣющею правильный и ясный смыслъ, ибо это описаніе взято изъ Евсевія, а не Епископы сами о себѣ говорятъ.—„Осій—Церквамъ, которыя въ Италиі,“ и пр. то есть, послѣдъ опредѣленія собора. Не ясно ли теперь, что, подъ названіемъ подписей, переписана статья послѣдовавшаго времени, о лицахъ, имѣвшихъ исполнительное порученіе отъ собора? и это сдѣлано для того, что латинствующему нужно было, чтобы Осій и Пресвитеры Римскіе, въ знакъ предсѣдательства подписались выше всѣхъ. Такимъ образомъ статья справедливая превратилась въ недѣльную, подъ ложнымъ заглавіемъ.

Сей разборъ не излишнимъ казался между прочимъ для того, чтобы за доказательство важности книги, не принята была древность изданія, которое сдѣлано въ Германіи въ первый разъ въ 1604 году, послѣ предшествовавшаго въ Галліи (*purge in Gallia primum.*)

Вѣроятно основавшись на этомъ, авторъ книги *l'Eglise catholique justifiée* пишетъ, (стр. 203.) съ такою же впрочемъ вѣрностію, какъ и Геласій, что Пресвитеры Римскіе подписались на соборъ выше всѣхъ Епископовъ, и ссылается въ томъ на историка Сократа (кн. I, гл. 9) но во всей этой главѣ и вообще въ исторіи Сократа нѣтъ ничего подобнаго; ибо онъ только повторяетъ о Никейскомъ соборѣ, слово въ слово, сказанное Евсевіемъ и обличаетъ тѣмъ еще болѣе ложь Геласіеву; (Сокр. кн. I, гл. 8.) да и не откуда было почерпнуть вѣрнѣйшихъ свѣдѣній. А въ главѣ 13, той же книги, онъ говоритъ: „можетъ быть читателямъ пріятно будетъ знать имена Епископовъ, бывшихъ на соборѣ; вотъ они: Осій былъ Епископомъ Кордубы въ Испаніи, какъ я полагаю и какъ я сказалъ прежде, Витонъ и Викентій Пресвитеры города Рима, Александръ Епископъ Египта, Евставій великой Антіохіи, Макарій Іерусалима, Гарпократіонъ Кинополя; имена прочихъ находятся въ книгѣ Аванасія о соборахъ.“ Аванасій же бывшій лично на Никейскомъ соборѣ, ни слова не упоминаетъ о предсѣдательствѣ папскомъ, а только называетъ повсюду Осія предсѣдателемъ и отцемъ всѣхъ соборовъ его вѣка, и то не въ качествѣ мѣстоблюстителя: „не безъизвѣстный, но славнѣйшій старецъ, говоритъ онъ въ апологіи своей, былъ великій и святой исповѣдникъ Осій; какому собору не предсѣдательствовалъ онъ? кого не убѣдилъ правыми рѣчами? какая Церковь не украшена памятью его предсѣдательства?“

Посмотримъ, что говоритъ другой историкъ Созоменъ: „Императоръ собралъ въ Никее Епископовъ всѣхъ Церквей: пастыри трехъ Церквей,

основанныхъ Апостолами, тамъ находились: Макарій Епископъ Іерусалима, Евстаѳій Епископъ Антиохіи и Александръ Епископъ Александріи.⁶ (Соз. кн. I, гл. 17.) (Здѣсь Созоменъ соблюдаетъ постепенность основанія сихъ Церквей; но вотъ какую ошибку дѣлаетъ онъ далѣе, которая можетъ служить мѣрою довѣренности, имъ заслуживаемой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ, что Епископу Римскому, по достоинству его кафедръ, ввѣрена забота о всѣхъ вѣрныхъ.) „Іулій, Епископъ Рима, не могъ тамъ находиться по преклонности лѣтъ, но Витонъ и Викентій, Пресвитеры его Церкви, заступали его мѣсто.“ Такимъ образомъ Созоменъ вмѣсто Папы Сильвестра поставляетъ Іулія, но и онъ не говоритъ однако о предсѣдательствѣ его или Пресвитеровъ Римскихъ на соборѣ.— Молчатъ о томъ и Теодоритъ, который пишетъ только, „что Римскій Епископъ не пришелъ на соборъ по преклонности лѣтъ, а послалъ двухъ Пресвитеровъ, чтобы принять въ извѣстіе все, о чемъ будутъ разсуждать, и изъяснить свое согласіе на рѣшенія, какія на ономъ послѣдуютъ;“ (кн. I, гл. 7.) и такъ не для предсѣдательства или утвержденія, но съ предварительнымъ согласіемъ.

Если же всѣ три историка говорятъ, что Епископъ Іулій потребовалъ къ себѣ на судъ Аѳанасія съ его обвинителями, и первые два прибавляютъ, что есть канонъ, объявляющій ничтожнымъ все, что сдѣлано безъ соучастія Епископа Римскаго (Созомен. кн. III, гл. 10. Сокр. кн. II, гл. 8.), то весьма бы желательно было, чтобы они указали на сей канонъ. Папа Іулій пишетъ, въ посланіи своемъ къ Восточнымъ, которое сейчасъ увидимъ, только объ обычаяхъ во всемъ совѣщаться съ Римскою Церковію и объясняетъ причину онаго весьма удовлетворительно. — Канонъ же, объ окончательномъ рѣшеніи дѣлъ, Епископомъ Римскимъ, предложенъ былъ позже сего, изъ уваженія личнаго къ Іулію, и къ его кафедрѣ, основанной Апостолами, только на помѣстномъ соборѣ Сардикійскомъ, состоявшемъ изъ Западныхъ, и для нихъ только имѣвшемъ силу, поелику не есть Вселенскій, хотя они не однократно покушались выдавать его акты за продолженіе Никейскихъ. Историки сіи, жившіе въ V вѣкѣ, когда твердость Папы Св. Льва, въ слутныхъ обстоятельствахъ Востока, потрясеннаго ересями Несторія и Евтихія, давала, какъ мы увидимъ, особенную важность кафедрѣ Римской, привѣняли обстоятельства своего времени къ прошедшему, и не чужды погрѣшностей историческихъ, весьма значительныхъ, какъ мы уже видѣли въ Созоменѣ; а Сократъ самъ сознается, въ 1 главѣ второй книги своей, что онъ долженъ былъ ее передѣлывать, потому что основ-

вался на твореніи Руфина (Западнаго историка); но совсѣмъ тѣмъ у него остались еще многія ошибки, какъ и у Созомена.

Осіи, прозванный великимъ, по глубокому уваженію, какое къ нему питали всѣ Епископы, и какъ довѣренное лице Константина, разбиравшій дѣло Арія на мѣстѣ, при самомъ началѣ, председательствовалъ не на одномъ Никейскомъ, но и на всѣхъ помѣстныхъ соборахъ его времени, бывшихъ противъ Арія; но Испанія, его отечество, и Галлія и самая Италія, еще не находились тогда въ полной, непосредственной зависимости отъ престола Римскаго, какъ мы видимъ сіе изъ примѣровъ Африканской Церкви и изъ нѣкоторыхъ каноновъ соборныхъ, хотя и первенствовала на Западѣ Церковь Римская; узмы же совершенной подчиненности скрѣпились гораздо позже, въ среднихъ вѣкахъ. Если бы Осій дѣйствовалъ какъ мѣстоблюститель, то носилъ бы титулъ сей, какъ на другихъ соборахъ носили его нѣкоторые Епископы, легаты Папскіе.

По окончаніи собора, каждому изъ первостепенныхъ Епископовъ, поручено было обнародовать опредѣленія онаго въ своихъ предѣлахъ, и между прочими Цециліану въ Африкѣ, Осію во всемъ Западѣ; о Римскомъ же Епископѣ не упомянуто, и самые каноны Никейскіе совершенно противны всякому единовластію въ Церкви.

Правило 6. Да хранятсѣ древніе обычаи, принятыя въ Египтѣ, Ливіи и въ Пентаполѣ, дабы Александрійскій Епископъ имѣлъ власть надъ всѣми ими, понеже и Римскому Епископу сіе обычно; (т. е. имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ ближайшія Западная Церкви). Подобно въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества Церквей. Вообще же да будетъ извѣстно сіе: аще кто, безъ соизволенія Митрополита, поставленъ будетъ Епископомъ, о такомъ великій Соборъ опредѣлилъ, что онъ не долженъ быть Епископомъ.

Правило 7. Понеже утвердися обыкновеніе и древнее преданіе, чтобы чтить Епископа, пребывающаго въ Эліи (Іерусалимѣ); то да имѣетъ онъ послѣдованіе чести, съ сохраненіемъ достоинства присвоеннаго Митрополіи.

И такъ вотъ исключительно опредѣлены преимущества четырехъ вселенскихъ престоловъ; но притомъ Римскому не дано никакого преимущества, и правиломъ 5, за благо признано, чтобы въ каждой области дважды въ годъ были соборы, для разсужденія дѣлъ церковныхъ; а правиломъ 4 поставленіе Епископа предоставлено тремъ святителямъ единой области, если всѣмъ нельзя собраться, однако же съ общаго ихъ согласія; утверждать же поставленнаго подобаетъ въ каждой об-

дати ея Митрополиту, и ни слова не сказано о томъ, чтобы Римскій Епископъ давалъ утвердительныя грамоты каждому Епископу во вселенной, какъ сіе нынѣ принято закономъ на Западѣ.

Послѣ перваго Вселенскаго собора и до втораго, непрерывный рядъ помѣстныхъ соборовъ на Западѣ и на Востокѣ, противъ и за великаго Аванасія, гонимаго Аріянами, исполнилъ все четвертое столѣтіе, и ясно обозначилось на оныхъ управленіе церковное, какъ мы увидимъ сіе изъ каноновъ. Но великодушное покровительство Папы Іулія святому изгнаннику Аванасію, и особенно посланіе его къ Восточнымъ Епископамъ, по сему случаю, подали поводъ Риялянамъ доказывать, что верховный судъ принадлежалъ престолу древняго Рима. Разсмотримъ сими событія; вотъ что писалъ Іулій Восточнымъ Епископамъ въ отвѣтъ на ихъ посланіе, когда не хотѣли они притти на соборъ Римскій судиться съ Аванасіемъ, по его первому приглашенію. (Concil. T. 2 p. 585.)

„Я читалъ посланіе ваше, которое мнѣ принесли мои Пресвитеры, и изумился, что вы отвѣчали сварливо и неприлично на то, что было писано нами съ искреннею любовію и доброю совѣстію. Въ посланіи обнаружилась гордость и надмѣнность писавшихъ, которая чужды вѣрѣ во Христа; ибо подобало показать тому, кто вамъ писалъ съ любовію такую же любовь, а не вражду. И развѣ это не было признакомъ любви, что мы послали Пресвитеровъ сострадать страждущимъ и возбудить тѣхъ, которые просили суда, дабы спѣшили туда, гдѣ все сперва рассмотрѣно будетъ, и примется оправданіе, такъ что я братія наши и вы сами далѣе не терпѣли бы обиды или клеветы? Что же было сдѣлано достойнаго оскорбленія, или какую причину гнѣва далъ я вамъ своими письмами? — или потому, что возбуждалъ васъ притти на соборъ? Но это должно бы принять съ радостію, ибо тѣ, которые чувствуютъ себя правыми въ дѣлѣ, гдѣ они сами были судіями, не должны негодовать, если однажды осужденное ими, другими испытано будетъ, и тѣмъ болѣе окажется ихъ правда. Посему и Епископы, на великомъ соборѣ Никейскомъ, не безъ промысла Божія дозволили, чтобы дѣянія одного собора разсматриваемы были на послѣдующихъ, и если таковъ былъ древній обычай, память коего обновлена на великомъ соборѣ, не прилично намъ оный у себя запрещать, потому что не могутъ немногіе уничтожить утвержденный соборомъ церковный обычай.“ Здѣсь ничего не видно о единовластительствѣ Римскомъ; далѣе слѣдуетъ изложеніе дѣла Аванасіева и Іулій опять оправдываетъ свой поступокъ, почему справедливо припаялъ онъ въ свое общеніе Аванасія, когда его

обвинители не хотѣли придти на соборъ: „если же огорчаетесь, что я не ко всѣмъ писалъ, а только къ тѣмъ, которые ко мнѣ писали, то слѣдуетъ вамъ огорчаться для чего они одни ко мнѣ писали; но и въ этомъ, возлюбленные, могу дать отвѣтъ. Хотя я писалъ одинъ, однако не свое одно писалъ мнѣніе, но всѣхъ Италийцевъ и всѣхъ Епископовъ этихъ странъ; я не хотѣлъ, чтобы всѣ писали, дабы не обременились многіе; въ извѣстное же время собрались Епископы и это ихъ мнѣніе я вамъ опять объявляю. И такъ, возлюбленные, хотя и пишу одинъ, хочу однако, чтобы вы знали, что я пишу вамъ общее всѣхъ рѣшеніе. Сіе говоримъ вамъ противъ несправедливыхъ и подозрительныхъ обвиненій вашихъ. (pag. 590.)“ Здѣсь ясно видно, что не Іулій требуетъ повелительно предстать къ себѣ на судъ, но что всѣ Западные зовутъ чрезъ него Восточныхъ, и за сямъ слѣдуютъ опять оправданія. Онъ такъ заключаетъ смиренное свое посланіе: „о возлюбленные, суды церковные совершаются уже не по Евангелію, но клонятся или къ изгнанію, или къ смерти. Если и дѣйствительно, какъ говорите, Аванасій и другіе погрѣшили въ чезъ либо, надлежало произвести судъ по правилу церковному, а не такъ какъ случилось. Надлежало писать ко всѣмъ намъ, дабы такимъ образомъ всѣми опредѣлено было справедливое.“ Выраженіе сіе, историкъ Созоменъ, жившій сто лѣтъ спустя, измѣнилъ такимъ образомъ, будто Іулій писалъ: что существовалъ законъ, объявлявшій ничтожнымъ все то, что сдѣлано безъ утвержденія Римскаго Епископа. (Соз. кн. III, гл. 10.) Но такого правила соборнаго сами Римляне не могутъ указать ни на одномъ Вселенскомъ соборѣ. Далѣе сказалъ Іулій и причину, почему должно было относиться ко всему Западу о дѣлѣ Аванасія: „ибо тѣ, которые страдали, были Епископы, и не простыхъ Церквей, но такихъ, которыя наставили въ вѣрѣ сами Апостолы. Для чего же, въ особенности объ Александрійской Церкви, ничего не хотѣли писать къ намъ?—или не знаете, что есть обычай писать къ намъ, чтобы отселѣ могло быть опредѣлено справедливое? И такъ ежели возникло такого рода подозрѣніе на тамошняго Епископа, надлежало ѣтнестись къ нашей Церкви. Нынѣ же, не извѣстивъ насъ ни о чемъ и поступивъ по своей волѣ, хотятъ и насъ имѣть общниками своего суда, въ которомъ мы не участвовали.“ (И такъ вотъ настоящая, весьма законная причина.) „Не таковы распоряженія Павла, не такъ учили Отцы!— Это надмѣнность и новый порядокъ! умоляю васъ, внемлите; я пишу сіе для блага общаго; ибо что мы приняли отъ блаженнаго Апостола Петра, то вамъ и объявляемъ,

и я, почитая сіе извѣстнымъ у всѣхъ, не сталъ бы писать, если бы не возмутило насъ случившееся. — Епископы похищаются и лишаются мѣсть, другіе изъ чужихъ странъ на мѣсто ихъ поставляются; народамъ же причиняется то зло, что они скорбятъ о похищенныхъ и терпятъ принужденіе отъ посылаемыхъ къ нимъ, такъ что которыхъ хотятъ не получаютъ, а которыхъ не хотятъ, сихъ должны бывать принимать. Заклинаю васъ, чтобы не было болѣе ничего такого. Лучше же пишите противу тѣхъ, которые предпринимаютъ подобныя безпорядки, дабы Церкви не страдали болѣе, дабы никакой Епископъ или Пресвитеръ не терпѣлъ поношенія; ибо каждый, изъ нашихъ ли или вашихъ, кто такъ творить, дастъ отвѣтъ за сіе Богу; — здравствуйте о Господѣ, возлюбленные братіе!“ (concil. T. 2. p. 598. edit. Paris. 1644.)

Посланіе сіе приводитъ самъ Аѳанасій, въ своей апологій противъ Аріяна, и дѣйствія Іулія вполне соотвѣтствуютъ разуму вселенской Церкви; ибо когда Римская, со всѣмъ Западомъ, составляла почти ея половину, прилично ей было участвовать въ рѣшеніяхъ столь важныхъ, каково изложеніе Епископа первостепенной катедрѣ Александрійской. Не смотря на то Восточные не хотѣли принять сего посредничества и отвѣтствовали, на первый зовъ Іулія, какъ пишетъ о томъ историкъ Созоменъ: „что Церковь Римская заслуживаетъ всякое уваженіе, какъ основанная Апостолами, и потому что пользуется достоинствомъ метрополи отъ начала Христіанства, хотя принесшіе въ нее свѣтъ вѣры пришли съ Востока: однако и Восточные не должны стоять на второй степени потому только, что не имѣли преимущества большаго города и многолюдія, имѣя твердость и ревность; и что Іулію, несправедливо было, принявъ въ общеніе Аѳанасія, нарушать опредѣленія Восточныхъ Церквей и тѣмъ безчестить ихъ собраніе, вопреки правилъ церковныхъ; ибо и ихъ предшественники, Епископы Восточные, не воспротивились учиненному въ Церкви Римской, изложенію Новатіана.“ (Созом. кн. III, гл. 8. Сокр. кн. II, гл. 15.)

Хотя и нельзя оправдывать дѣйствія Восточныхъ противъ великаго Аѳанасія, однако такой ихъ отзывъ, равно какъ и краткое посланіе Іулія, даютъ несомнѣнное право думать, что мнѣніе о власти папской было неизвѣстно на Востокѣ въ четвертомъ столѣтіи, въ самое цвѣтущее время Церкви.

Лучшимъ доказательствомъ служить самъ великій Аѳанасій, который не думалъ, что есть въ Римѣ какое либо единоначальственное для вселенской Церкви достоинство; ибо будучи осужденъ и изложенъ на

Тирскомъ соборѣ, онъ прибѣгнувъ къ Императору Константину, и сосланный имъ въ Галлію, не взывалъ оттолѣ къ Церкви Римской или къ лицу Папы; изъ заточенія возвратили его дѣти Константина, а не Папа, и уже, вторично гонимый, бѣжалъ онъ изъ Египта въ Римъ, гдѣ вступился за него Іулій, ибо братъ гонителя, Императоръ Константъ покровительствовалъ Православнымъ; послѣ же его смерти, когда единоедержавіе Константія не давало нигдѣ пристанища, Аѳанасій не обращался къ Папѣ Ливерію, впадшему въ Аріяństwo вмѣстѣ съ прочими, но скрылся въ пустыню, отколѣ написалъ свою апологію и свидѣтельствовалъ въ посланіи къ Антиохійцамъ: (истор. Патр. Досноеса Іерусал. на Греческ. кн. I, гл. 17.) „что въ Церкви есть многіе равные вожди, подчиненные одному главному вождю, Господу нашему Іисусу Христу.“ Въ апологіи, о своемъ бѣгствѣ, ставитъ онъ имя Кордубскаго Епископа Осія выше имени Папы, выражаясь такимъ образомъ: „не пощадили ни великаго исповѣдника Осія, ни Епископа Римскаго, ни толкаго числа Епископовъ Испаніи, Галліи, Египта, Ливіи и другихъ странъ, и проч.“ а въ исторіи Аріяństwa, писанной для иноковъ, выражается еще сильнѣе: „отцы народовъ и учителя вѣры похищаются, нечестивые же вторгаются въ Церкви; кто не постигнетъ возводимой на нихъ клеветы, когда узнаетъ что Ливерій Епископъ Римскій сосланъ, а отецъ Епископовъ, великій Осій страдаетъ столько бѣдъ?“ И такъ, рядомъ съ Папою, Осій называется отцемъ Епископовъ! Аѳанасій удостовѣряетъ также, что Александрійскій соборъ, состоявшій изъ Епископовъ Египта и Ливіи, писалъ ко всѣмъ всюду Каѳолической Церкви Епископамъ и къ Іулію Епископу Римскому, и что Ливерій Папа, послѣ двухлѣтняго заключенія, наконецъ согласился подписать ученіе Аріянское; въ посланіи къ Епископамъ Африканскимъ Аѳанасій говоритъ: „написанное Дамасомъ, возлюбленнымъ нашимъ сослужителемъ (а не Владыкою, какъ теперь пишутъ Папѣ всѣ Архіереи Западные), Епископомъ великаго Рима, и прочими собравшимися съ нимъ Епископами, равно какъ и опредѣленія другихъ соборовъ, бывшихъ въ Галліи и Италиі, достаточно утверждаютъ здравую вѣру, которую даровалъ Христосъ, проповѣдали Апостолы и предали отцы, собравшіеся въ Никей отъ всея вселенныя.“ А въ окружномъ посланіи, къ Епископамъ Египетскимъ, для утвержденія ихъ вѣры, онъ изчислилъ знатнѣйшихъ Епископовъ, съ нимъ согласныхъ въ исповѣданіи, и называлъ сперва великаго исповѣдника Осія, Максимиана Гальскаго, Филогонія и Евстаѳія Антиохійскихъ, а потомъ Іулія и Ливерія

Римскихъ, (до паденія сего послѣдняго) и наконецъ своего блаженнаго предѣстника Александра. И такъ свидѣтельство Аѳанасія, равнающаго между собою всѣ Церкви, не въ пользу единовластія Римскаго.

Если привести свидѣтельства другихъ великихъ отцевъ сего вѣка, то и они не будутъ въ пользу Рима. Св. Василій великій, Архіепископъ Кесаріи, какъ истинный преемникъ Аѳанасія въ дѣлѣ православія, потрясаемаго на Востокъ Императоромъ Валентомъ, не однократно писалъ къ Аѳанасію и однажды къ Папѣ Дамасу, чтобы поспѣшилъ на помощь погибающимъ; но въ надписяхъ своихъ онъ одинаково называлъ, и Аѳанасія и Дамаса, отцемъ и владыкою.

„Какое иже издавна о тебѣ, достопочтеннѣйшій мужъ, мы иже, сіе подтверждаетъ всегда текущее время и еще умножаетъ чрезъ присовокупленіе того, что случается. Оставля прочее, довольно каждому о себѣ самомъ стараться, тебѣ же не довольно: но ты о всѣхъ церквахъ такое прилагаешь попеченіе, какое надобно прилагать о собственно вѣреннѣйшей тебѣ, отъ общаго нашего Владыки. Ты ни въ какое время не оставляешь бесѣдовать, увѣщевать, писать, безпрестанно посылать изрядныхъ совѣтниковъ: да и нынѣ мы посланнаго изъ причта твоего, пречестнѣйшаго брата Петра, съ великою радостію пріявъ, благой странствованія его трудъ похвалили, который онъ, по повелѣнію вашей честности, чрезъ примиреніе противныхъ и чрезъ совокупленіе раздѣленныхъ сторонъ, оказываетъ. Почему и мы, желая споспѣшествовать сему усердію, вознамѣрились дать способнѣйшее начало дѣлашъ, когда, какъ бы къ верховному изъ всѣхъ, къ тебѣ, совершеннѣйшій мужъ, прибѣгнемъ, и тебя совѣтникомъ и вождемъ въ дѣлахъ возымѣемъ. Сверхъ сего, мы почли за полезное писать и къ Римскому Епископу, о посѣщеніи насъ и о поданіи совѣта, чтобы онъ, поелику отъ общаго и соборнаго учрежденія трудно послать нѣкоторыхъ мужей, постарался о нашихъ дѣлахъ, и избралъ самъ могущихъ труды путешествія понести и, тихостію нрава, наставить у насъ развратившихся.“ (Письмо 65.)

„Древней любви законы возобновить, и согласіе отцевъ нашихъ, сей небесный и спасительный Христовъ даръ, отъ долговременности увядшій, въ свое дѣйствіе и силу привести, покажется для насъ нужнымъ и полезнымъ, а вашему, какъ я твердо увѣренъ, христорлюбивому благорасположенію пріятнымъ; ибо что можетъ быть благопріятнѣе, какъ раздѣленныхъ между собою, толкиниъ разстояніемъ ижесть, видѣть связуемыя, согласіемъ членовъ въ тѣлеси Христовомъ. Достопочтеннѣйшій

отецъ! весь почти Востокъ, (я называю Востокомъ страны лежащія отъ Иллирія до Египта) отъ великой бури и волненія колеблется, ересью врага истины Арія, опять нынѣ безстыдно оказывающейся, и какъ горькій корень пагубный плодъ приносящей, тѣмъ паче, что во всякомъ приходѣ, власти православнаго ученія, по клеветамъ и насильству, отъ церквей своихъ отставлены, а вся власть вручена плѣнющимъ души простыхъ челоуѣковъ. Всему сему одинаго рѣшенія ожидали мы,—посѣщенія вашего благоутробія; да и всегда насъ до сего времени ободрила чудная ваша любовь, и мы отъ радостнаго слуха, что вы насъ посѣтите, нѣсколько духомъ укрѣплялись. Какъ же скоро мы обманулись въ своихъ надеждахъ, то не терпя болѣе, рѣшились представить вамъ просьбу нашу, чрезъ письмо, чтобы васъ возбудить къ заступленію нашему, дабы вы послали нѣкоторыхъ единомыслящихъ съ нами, которые бы, или не согласующихся соединили, или привели церкви Божіи въ мирное дружелюбіе, или наконецъ виновниковъ возмущенія вамъ яснѣе представили съ тѣмъ, чтобы послѣ вамъ было извѣстно, съ кѣмъ надобно сообщаться. Въ самомъ дѣлѣ мы отъ васъ ничего новаго не ищемъ, а только того, что прочимъ древле блаженнымъ и Боголюбезнымъ мужамъ было обычно, а особливо вамъ: потому что мы по преданію знаемъ, какъ изъ словъ отецъ нашихъ такъ и изъ посланій, даже доселѣ еще у насъ соблюдаемыхъ, что блаженнѣйшій Епископъ Діонисій, у васъ православною вѣрою и прочими добродѣтелями прославившійся, посѣщалъ чрезъ посланія нашу Кесарійскую церковь, утѣшалъ отцевъ нашихъ писаніями, и посылалъ искупителей отъ плѣна братіямъ нашимъ. Нынѣ же, въ труднѣйшемъ и прискорбнѣйшемъ состояніи, находятся наши дѣла, и большаго требуютъ попеченія, тѣмъ паче что мы не зданій земныхъ превращеніе, но церквей Божіихъ низложеніе оплакиваемъ: не рабство плотское, но плѣненіе душъ, каждый день отъ защитниковъ ереси творимое видимъ. Почему, если вы не приступите къ заступленію, то мало спустя не найдете, кому подать руку помощи, когда все будетъ подъ властію еретическою.“ (Письмо 67.)

Св. Василій умолялъ о томъ же весь соборъ Западныхъ Епископовъ, между кѣими ставилъ и Дамаса; когда же замѣтилъ въ немъ холодность и нѣкоторую надмѣнность, не оставилъ обличить ее въ своихъ письмахъ, показывающихъ до какой степени не возможно было, даже по самой мѣстности, соединить правленія церковнаго въ Римѣ.

„Что касается до предпріятія пути въ Римъ, то я удивляюся, что

никто вашъ, благоумнѣйшій мужъ, не объявилъ, что зимою совсѣмъ сіе невозможно, когда отъ самаго Цараграда до нашихъ предѣловъ все мѣсто наполнено злодѣями. Если же надобно ѣхать моремъ, то еще будетъ время, только бы не отказался отъ мореплаванія, и отъ носольства, Боголюбивѣйшій Епископъ Григорій, братъ нашъ; потому что я не вижу, кто бы могъ съ нимъ отправиться въ путь и знаю, что онъ не совсѣмъ не искусенъ въ церковныхъ дѣлахъ, и приходъ его къ благоумному мужу достоинъ будетъ уваженія: но какая можетъ произойти польза для общихъ дѣлъ, отъ свиданія такого мужа, который чуждъ рабскаго ласкательства, съ великимъ, пышнымъ, высокоудѣющимъ, и не могущимъ выслушать истину вѣщающихъ на земли.“ (Письмо 212.)

„О дѣлахъ же Западныхъ ты самъ еще прежде извѣстился, когда о всемъ объявилъ братъ Дороеей, которому опять подобаетъ вручить посланія.—Мнѣ на память приходитъ Дионисова рѣчь: „пожалуй не умолий, потому что горделивъ сей мужъ.“ Въ самомъ дѣлѣ, когда кто горделивыми правами угождаетъ, то они чрезъ то дѣлаются болѣе надмѣнными. Ибо если надъ нами умилюствится Господь, то какого еще другаго пособія намъ требовать; ежели же пребудетъ гнѣвъ Божій, то какая намъ помощь отъ гордости Западныхъ, которые не знаютъ истины, ниже хотятъ научиться оной: но будучи преобладаемы ложными мнѣніями, то творятъ нынѣ, что прежде дѣлали при Маркеллѣ: съ вѣщающими имъ истину вступаютъ въ любопреніе, и чрезъ самихъ себя ересь подтверждаютъ. По сей причинѣ я самъ, безъ общаго образца писемъ, верховному ихъ начальнику ничего не хотѣлъ писать о церковныхъ дѣлахъ, а токмо скрытнымъ образомъ дать знать, что они не знаютъ истины о нашихъ дѣлахъ, и не приемятъ способа, чрезъ который бы могли оной научиться: и что не должно нападать на людей, искушеніемъ смирившихся, и достоинство ума не въ томъ состоитъ, чтобы судить по гордости, ибо сей единый грѣхъ въ состояніи подвигнуть Бога на гнѣвъ.“ (Письмо 236.)

А блаженный Іеронимъ, столько благопріятный Риму, какъ уроженецъ Запада и пресвитеръ, едва не избранный самъ, послѣ Дамаса, на его каеедру, сказалъ однако же неопровергаемую истину въ письмѣ къ Евагрію: „не должно почитать Церковь города Рима другою, нежели Церковь всего міра. Гдѣ бы ни былъ Епископъ, въ Римѣ или Евгубин, въ Константинополѣ или Регин, въ Александріи или Танансѣ, онъ есть того же достоинства и того же священства. Могущество богатства и

уничженіе бѣдности не дѣлають Епископа высшимъ или низшимъ, но всѣ они суть преемники Апостоловъ.“

Самый Златоустъ, на котораго указываютъ Римляне, какъ на другаго Леанасія, обратившагося къ защитѣ Римской Церкви, не можетъ служить доказательствомъ ея единоначальства, если только вникнуть въ самое происшествіе и въ смыслъ его посланія, и въ недѣйствительность защиты Римской. Когда блаженный его учитель Флавіанъ, избранный въ Епископы Антиохіи на второмъ Вселенскомъ соборѣ, приглашаемъ былъ потомъ Папою Дамасомъ въ Римъ, для инаго соборнаго разсужденія съ своимъ соперникомъ, неправильно поставленнымъ въ Епископы Антиохіи, онъ не захотѣлъ идти на такой вызовъ, и Императоръ Феодосій не допустилъ сего. Когда же Іоаннъ Златоустъ, Архіепископъ Царяграда старшей кафедрой на Востокъ, свергнуть былъ съ нее происками Θεοφιλα, Архіепископа второй великой кафедрой, Александрійской, и въ то же время имѣлъ врагами Епископа Порфирія, неправильно поставленнаго на третью великую кафедру Антиохійскую, и самаго Императора Восточнаго Аркадія,—къ кому оставалось ему обратиться, если не къ Папѣ Иннокентію и Западнымъ, наслаждавшимся миромъ, при державѣ брата Аркадіева, Гонорія? И хотя Іоаннъ писалъ, въ выраженіяхъ весьма приличныхъ достоинству обѣихъ Церквей, Востока и Запада, писалъ однако не къ одному Иннокентію, но и къ инымъ первостепеннымъ Епископамъ: къ Венерію Медиоланскому, ученику и современнику великаго Амвросія, къ Хроматію Аквилейскому и другимъ, какъ явствуетъ изъ множественнаго числа, употребленнаго въ посланіи. (Ист. Флери кн. XXI, гл. 49.)

„Ко всѣмъ обращаюсь, писалъ онъ имъ, чтобы безпорядокъ не распространился по всей подсолнечной; прошу васъ, чтобы незаконно сдѣланное въ отсутствіи нашемъ, никакой не имѣло силы, какъ и не имѣетъ въ самой сущности, (ибо мы никогда не отрекались отъ суда) и чтобы сдѣлавшіе такое беззаконіе, по обличеніи, подверглись наказанію по церковнымъ законамъ, и чтобы насъ гонимыхъ, не обличаемыхъ, и не найденныхъ виновными, удостоили вы въ скорости вашихъ писемъ, вашей любви и всѣхъ благъ общенія, которыми мы прежде наслаждались. — И такъ, достоуважаемые и благочестивѣйшіе мои Владыки, узнавши все, явите прилично вамъ мужество и ваше тщаніе для пресѣченія такого беззаконія, сдѣланнаго Церквамъ.“

Посланіе сіе, напоминавшее Василіево къ Западнымъ Епископамъ, имѣло одинаковый успѣхъ. Никто не подвигся тогда на помощь Васи-

лію; сподвижники же Златоуста, бѣжавшіе въ Римъ отъ насилія Цароградскаго, тщетно искали предстать предъ лице Императора, съ Епископами посланными отъ Римскаго собора; — Златоустъ кончилъ дни свои въ заточеніи.

Теперь надлежитъ обратить вниманіе на узаконенія главныхъ помѣстныхъ соборовъ того вѣка, бывшихъ на Западѣ и на Востокѣ, и на каноны втораго Вселенскаго, ибо въ нихъ явствуетъ управленіе церковное. — Вотъ что опредѣлилъ соборъ Антиохійскій въ присутствіи Императора Константія, въ 340 году:

Правило 9. „Въ каждой области Епископамъ должно вѣдати Епископа, въ митрополіи начальствующаго и нѣющаго попеченіе о всей области, такъ какъ въ митрополію отсюду стекаются всѣ нѣющіе дѣла; почему разсуждено, чтобы онъ и честію превнушалъ, и чтобы прочіе Епископы ничего, особенно важнаго, не дѣлали безъ него, по древле принятому отъ отецъ нашихъ правилу, кромѣ того токмо, что относится до епархіи принадлежащей каждому изъ нихъ, и до селеній состоящихъ въ ихъ предѣлахъ. Далѣе же, да не попускаютъ что либо творити безъ Епископа митрополіи, а также и сей безъ согласія прочихъ Епископовъ.“

Здѣсь, поелику соборъ происходитъ на Востокѣ, ни слова не упоминаютъ о власти Епископа Римскаго, подѣ Епископами же митрополіи разумѣются старѣйшіе святители Александріи, Антиохіи, Іерусалима, обѣихъ Кесарій и другіе. Сходно съ симъ правиломъ, соборъ Сардикійскій, подѣ предсѣдательствомъ великаго Осія Кордубскаго, состоявшій весь изъ Западныхъ Епископовъ, положилъ относиться въ важныхъ случаяхъ къ Папѣ Іулію: ибо его кафедра первенствовала на Западѣ, какъ основанная Апостолами, и самъ онъ внушалъ личное къ себѣ уваженіе, какъ поборникъ православія и заступникъ великаго Аванасія; но самое правило соборное изложено весьма осторожно, какъ дѣло необыкновенное для многихъ Епископовъ Запада.

Правило 3. „Подобаеть же и сіе предусмотрѣть: аще въ коей области, кто либо изъ Епископовъ, нѣеть дѣло съ братомъ своимъ и соепископомъ, ни который изъ нихъ да не призываетъ въ посредники Епископовъ изъ иныхъ областей. Аще же кто изъ Епископовъ въ нѣкоемъ дѣлѣ окажется осужденнымъ, но возмнеть не неправое себѣ нѣти дѣло, а праведное, и паки возстановитъ судъ, то аще угодно всѣмъ: — любовію почтимъ память Апостола Петра, и да валишется отъ нихъ судившихъ къ Іулію Епископу Римскому, да возобновится, аще

потребно, судъ чрезъ ближайшихъ къ той области Епископовъ, и да назначить онъ разсмотрителей дѣла. Аще же обвиняемый не возможетъ представить дѣла своего требующимъ вторичнаго сужденія, то единожды присужденное да не нарушается, но что содѣлано, то да будетъ твердо.“

Въ такомъ же духѣ изложены 4 и 5 правило сего собора; въ 9-мъ же касательно просьбъ Епископовъ къ Царю сказано: „приходящія въ Римъ прошенія, которыя имѣютъ принести Царю, должны представляти возлюбленному брату нашему и соепископу Іулію, да первѣе разсмотритъ, не суть ли нѣкія изъ нихъ безстыдны, и потомъ нослетъ оныя въ ставъ, присовокупляя и свое предстательство и попеченіе.“ Всѣ Епископы рекли, яко угодно имъ сіе и приличнѣйшій есть совѣтъ его, и поистиннѣ приличенъ, ибо и Іулій не названъ, какъ въ позднѣйшіе вѣка, главою видимою всея Церкви и намѣстникомъ Христовымъ на землѣ, но только братомъ и соепископомъ.

Когда же нѣсколько лѣтъ спустя братъ и соепископъ Римскій, Папа Зосима, хотѣлъ выдать правила Сардикійскаго собора, подъ именемъ вселенскихъ, будто бы утвержденныхъ въ Никей, и нѣстоблюстителъ его Епископъ Фавстинъ, представилъ ихъ Аврелію Епископу, предсѣдательствовавшему на соборѣ Кареагенскомъ, виѣстѣ съ письменнымъ наставленіемъ ему даннымъ отъ Папы, о перенесеніи судныхъ дѣлъ отъ епархіальнаго Епископа къ Римскому: то отцы Кареагенскіе отвѣтствовали, что они въ своихъ спискахъ Никейскаго собора, не находятъ сихъ правилъ; для разрѣшенія сомнѣнія положили они истребовать вѣрныя списки, отъ Епископовъ Константинополя, Александріи и Антіохіи, и получивъ оныя обнаружили ложное присвоеніе правилъ, помѣстнаго Сардикійскаго собора, вселенскому Никейскому. Вотъ къ какимъ неблаговиднымъ проискамъ, уже въ началѣ V вѣка, прибѣгала для своего возвышенія Церковь Римская.

Однако, съ чрезвычайною осторожностію и даже снисходительностію, поступили въ семъ случаѣ Отцы Кареагенскіе. Дѣло началось отъ нѣкоего Африканскаго Пресвитера Апіарія, который будучи лишенъ сана за преступленія, своимъ Епископомъ, бѣжалъ въ Римъ и возбудилъ къ себѣ несправедливое участіе Папы. Хотя же 36 правиломъ прежняго Кареагенскаго собора, строго запрещалось осужденнымъ клирикамъ, переносить суды за море, т. е. въ Италію и Римъ, а велѣно имъ обращаться къ первенствующимъ Епископамъ своей области, съ угрозою отлученія отъ Церкви за таковую дерзость,—но, по вниманію къ хо-

ходатайству Папы, соборъ согласился простить Апіарія, если покорится волѣ своего Епископа. Всѣ святители отвѣчали преемнику Зосимы Вонифатію, что касательно перенесенія судовъ за море, хотя и не отступать отъ прежнихъ своихъ правилъ, не будутъ однако противурѣчить и требованіямъ Римской Церкви, если только, по должномъ сличеніи присланныхъ списковъ съ подлинниками Никейскими, найдутъ ихъ достовѣрными.

Когда послѣ Вонифатія, благоразумно предавшаго забвенію столь постыдное для его престола дѣло, Папа Келестинъ возобновилъ оное, по просьбѣ того же Апіарія, опять лишеннаго сана за новыя преступленія, и принявъ его въ свое общеніе, вопреки всѣхъ правилъ, послалъ вновь Епископа Фавстина для насильственного принятія осужденнаго въ Африканской Церкви, то первенствующій Епископъ Аврелій, уже не потерпѣлъ такого несправедливаго поступка, и обличивъ Апіарія, собственнымъ добровольнымъ его признаніемъ, въ пространной грамотѣ, отъ лица всего собора Карфагенскаго, изложилъ Папѣ весь ходъ дѣла, и мнѣнія отцевъ о его поступкахъ и правахъ Римской Церкви.

„Возлюбленному владыкѣ и честнѣйшему брату Келестину: Аврелій, Палатинъ, Антонинъ, Титъ, Сервусдей, Терентій и прочіе, обрѣтшіеся на общемъ Карфагенскомъ соборѣ. Какъ твоя святыня изъявила вашу радость о прибытіи Апіарія, писаніемъ, посланнымъ чрезъ сопресвитера нашего Льва: подобно и мы желали бы, чтобы съ радостію послано было настоящее писаніе о его оправданіи. Ибо поистиннѣ, и наше и ваше расположеніе было чуждо недовѣрчивости, и не пытливымъ являлося оно, предварительно склоняясь въ пользу его, какъ бы уже выслушаннаго, тогда какъ его еще надлежало вопрошать. И такъ, когда прибылъ къ намъ святѣйшій братъ и соепископъ нашъ Фавстинъ, мы созвали соборъ, и полагали, что онъ съ Апіаріемъ посланъ ради того, дабы какъ сей, стараніемъ его возстановленъ былъ на пресвитерство, такъ и нынѣ возмогъ, его же попеченіемъ, оправдаться въ толикихъ обвиненіяхъ, принесенныхъ на него отъ жителей Фавракинскихъ. Но многочисленный соборъ нашъ нашелъ столь многія и столь великія беззаконія Апіарія, что онъ превозмогли дѣйствование вышереченнаго Фавстина, хотя то было покровительство паче нежели судъ, и ходатайство, паче еддику свойственное, нежели справедливость изслѣдователю приличная. Ибо во первыхъ, Фавстинъ сильно противостоялъ всему собору, нанося ему различныя оскорбленія, аки бы защищая преимушества Римской Церкви, и желая, чтобы принять былъ нами въ общеніе

Апіарій, котораго твоя сватыня пріала въ общеніе, повѣривъ его жалобѣ, коея онъ не могъ доказать: однако и сіе мало ему помогло, что ты лучше узнаешь прочитавъ дѣянія собора. Ибо когда, въ продолженіи трехъ дней, съ затрудненіемъ производился судъ, на которомъ мы съ сокрушеніемъ изслѣдывали различныя на Апіарія обвиненія: тогда Богъ, праведный Судія, крѣпкій и долготерпѣливый, вкратцѣ пресѣкъ и протяженіе дѣла соепископомъ нашимъ Фавстиномъ, и извороты самаго Апіарія, которыми онъ силится покрыть свои срамныя беззаконія; и когда же Богъ нашъ стѣснилъ его совѣсть и предъ всѣми челоуѣками обнаружилъ сокровенное въ сердцѣ, какъ бы уже осужденное самою гнусностію преступленій: тогда у коварно заправшагося внезапно изторглося признаніе во всѣхъ, принесенныхъ на него обвиненіяхъ, и онъ наконецъ, добровольно, самъ себя обличилъ во всѣхъ, едва вѣроятныхъ сквернахъ, и такимъ образомъ, и самую надежду нашу, которой мы вѣрили его, желая, чтобы онъ могъ очистить себя отъ столь постыдныхъ пятенъ, обратилъ въ плачь. И такъ, первѣе исполнивъ долгъ подобающаго почитанія, умоляемъ васъ, господине брате, дабы вы впредь не допускали легко до вашего слуха приходящихъ отсель, и не соизволяли впредь принимать въ общеніе отлученныхъ нами: ибо твоя досточтимость удобно обращаетъ, что сіе самое определено и Никейскимъ соборомъ. Ибо если сіе является тако соблюдаемымъ касательно низшихъ клириковъ и мірянъ: кольми паче хочетъ соборъ, чтобы сіе соблюдаемо было касательно Епископовъ. И такъ тѣ, которые въ своей епархіи отлучены отъ общенія, да не явятся воспріемлемыми въ общеніе твоею сватынею, съ намѣреніемъ, и якоже не подобаетъ. Подобно и безстыдные побѣги пресвитеровъ, и слѣдующихъ за ними клириковъ, да отженеть сватыня твоя, какъ сіе и достойно тебя. Ибо не возбраненъ судъ для Африканскія Церкви, никакимъ определеніемъ Отцевъ, да и определенія Никейскаго собора, какъ клириковъ низшей степени, такъ и самыхъ Епископовъ, явнымъ образомъ, обратно отсылають къ собственнымъ ихъ Митрополитамъ. Разумно и праведно призналъ онъ, что какія бы ни возникли дѣла, онѣ должны оканчиваемы быть въ своихъ мѣстахъ; ибо Отцы судили, что ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Св. Духа, чрезъ которую правда, Іереями Христовыми, зрится разумно и содержится твердо, и наипаче, когда каждому, если настоятъ сомнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ судей, позволено приступать къ соборамъ своея области, и даже ко Вселенскому собору. Развѣ есть кто либо,

который бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ одному токмо нѣкоему вдохнуть правоту суда, а безчисленнымъ Иереемъ, сошедшимъ на соборъ, откажетъ въ ономъ? Притомъ, какъ будетъ твердъ заграничный судъ, предъ которымъ необходимыя лица свидѣтелей не могутъ быть представлены, то по немощи или отъ тѣлеснаго сложенія, или отъ старости, то по многимъ другимъ препятствіямъ? О томъ, чтобы нѣкіе, аки бы отъ ребра твоея святыни, были посылаемы, мы не обрѣтаемъ опредѣленія ни единого собора Отцевъ. Ибо, что прежде отъ васъ, чрезъ того же соепископа нашего Фавстина, праслано было къ намъ, аки бы изъ постановленій Никейскаго собора, того мы никакъ не могли обрѣсти въ вѣрнѣйшихъ спискахъ правилъ сего собора, съ подлинниковъ снятыхъ, которые мы получили отъ святѣйшаго Кирилла, нашего соепископа Александрійскія Церкви, и отъ досточтимаго Аттика, Епископа Константинопольскаго, и которые, еще прежде сего, чрезъ пресвитера Иннокентія и иподіакона Маркела, принесшихъ оныя къ намъ, посланы были отъ насъ къ Вонифатію, блаженныя памяти Епископу, вашему предшественнику. И такъ не соизволяйте по просьбѣ нѣкоторыхъ, посылать сюда вашихъ клириковъ изслѣдователями, и не попускайте сего, да не явится мы вносящими дымное надѣніе міра въ Церковь Христову, которая желающія зрѣть Бога, приноситъ свѣтъ простоты и день смиреннудрія. Поелку же слезъ достойный Апірій, за непростительныя свои непотребства, даже братомъ нашимъ Фавстиномъ отлученъ отъ Церкви Христовой: то мы остаемся безъ опасенія, что его и впредь, при искусствѣ и точности твоея святыни, въ сохраненіи братскія любви, Африка отнюдь не потерпитъ.

„Богъ нашъ да хранитъ на должайшее время вашу святыню, господице брате, молящую о насъ.“ (Книга правилъ стран. 169—173).

ВТОРЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Благоразумно дѣйствовали отцы Карфагенскіе, когда съ такою твердостью защищали каноны Никейскіе, ибо и второй Вселенскій соборъ, соединившійся въ Константинополь, подтвердилъ ихъ, и опредѣленія его были приняты всѣмъ Западомъ, хотя онъ состоялъ изъ однихъ только Святителей Восточныхъ, и на ономъ даже не было и мѣстоблюстителей Римскихъ. Они же, общимъ согласіемъ, даровали вторую степень катедры Цареградской послѣ Римской, обозначивъ и причину такого возвеличенія, не духовную но мирскую, что еще болѣе объяснилось на четвертомъ Вселенскомъ соборѣ. Такъ опредѣляютъ 2 и 3 правила:

Правило 2. „Областные Епископы да не простираютъ власти на церкви, за предѣлами своей области, и да не смѣшиваютъ церквей: но, по правиламъ, Александрійскій Епископъ да управляетъ церквами токмо Египетскими; Епископы Восточные да начальствуютъ токмо на Востокъ, съ сохраненіемъ преимуществъ Антиохійской Церкви, правилами Никейскими признанныхъ: также Епископы области Асійскія да начальствуютъ токмо въ Асіи; Епископы Понтійскіе да имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи дѣла токмо Понтійскія области, Фракійскія токмо Фракіи. Не бывъ приглашены, Епископы да не переходятъ за предѣлы своей области для рукоположенія, или какого либо другаго церковнаго распоряженія. При сохраненіи же вышесказаннаго правила о церковныхъ областяхъ, явно есть, яко дѣла каждой области благоучреждать будетъ соборъ той же области, какъ опредѣлено въ Никее. Церкви же Божіи, у иноплеменныхъ народовъ, должны быть правимы, по соблюдавшемуся донныи обмкновенію Отцевъ.

Правило 3. „Константинопольскій Епископъ да имѣетъ преимущество чести, по Римскомъ Епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ.“

Римляне не могутъ равнодушно видѣть, что соборъ, по своей важности признанный Вселенскій, не только могъ соединиться безъ

всякаго участія ихъ Епископа, но даже и дѣйствовать безъ его мѣстоблюстителей, и потому приписываютъ созваніе онаго Папѣ Дамасу, вмѣстѣ съ Императоромъ Θεодосіемъ, равно какъ созваніе перваго Сильвестру съ Константиномъ. Доводами историческими современными, мы уже доказали противное о соборѣ Никейскомъ; заглянемъ и для втораго Вселенскаго, въ тѣ же, современные почти сказанія: Сократа, Созомена и Θεодорита, потому что намъ не осталось отъ него актовъ. — Вотъ что пишетъ Сократъ: „Императоръ Θεодосій созвалъ немедленно соборъ, какъ для того, чтобы утвердить ученіе Никейское, такъ и для того, чтобы постановить Епископа Царьграду. — На ономъ находились 150 Епископовъ, и въ числѣ тѣхъ, которые признавали единосущіе Сына со Отцемъ, были: Тимофей Епископъ Александрійскій, Кириллъ Іерусалимскій, Асколій Θεссалоникійскій и многіе другіе. Мелетій Антиохійскій былъ еще прежде призванъ для поставленія Григорія Богослова въ Царьградъ. (И такъ вотъ всѣ четыре Патріаршіе престолы Восточные, а о Римскомъ ни слова). Епископы сіи опредѣлили, чтобы Епископъ Константинопольскій пользовался честью первой степени послѣ Епископа Римскаго, по тому уваженію, что Царьградъ есть новый Римъ. (Здѣсь весьма ясно оговорена истинная причина преимуществва первой катедры и равенства съ нею второй, съ соблюденіемъ токмо порядка постепенности и безъ всякаго уваженія къ верховной власти папской и мнимоу господству катедры Петровой надъ всѣми.) Они же утвердили опять ученіе собора Никейскаго и опредѣлили Патріархаты и раздѣленіе областей, также чтобы никакой Епископъ не могъ впредь вступаться въ чужую епархію, что не наблюдалось прежде, по случаю гоненій возмутившихъ клиръ церковный. Тѣ же Епископы положили, что помѣстный соборъ каждой области будетъ рѣшать окончательно возникающія дѣла, и опредѣленія сіи были утверждены, одобреніемъ и согласіемъ Императора.“ (Сокр. кн. V, гл. 8).

Кажется не возможно выразить яснѣе порядка священноначалія, сходнаго во всемъ съ оставшимися отъ собора канонами, и мудроно послѣ сего предполагать, чтобы соборъ столь важный не оговорилъ, въ какомъ отношеніи должны находиться всѣ Епископы къ Римскому, если бы точно онъ признавался главою и начальникомъ всѣхъ, а не просто только первопрестольникомъ, имѣющимъ старшинство чести, какимъ признавали его и на всѣхъ послѣдующихъ соборахъ. Забѣательно также, что акты соборные утверждаетъ Императоръ, не имѣвшій

участія въ догматическихъ опредѣленіяхъ, но какимъ образомъ? — одобреніемъ и согласіемъ; точно также должно принимать слово „утвержденіе“ и въ тѣхъ случаяхъ, когда просятъ Епископа Римскаго утвердить своею подписью какіе либо акты, ибо всякое дѣло твердо общимъ согласіемъ. Къ великому же Θεодосію обратился соборъ еще и для того, чтобы опредѣленія были, чрезъ его признаніе, распространены по всей Имперіи, и потому писалъ къ нему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „желаемъ, челоуколюбивѣйшій Императоръ, чтобы какъ ты почтилъ Церковь письмами, которыми насъ созвалъ, такъ и опредѣленія собора оградилъ бы подписаніемъ твоей руки“. (Epis. Orient. ad Theodos. Concil. T. 3, pag. 585).

Созоменъ повторяетъ почти то же, что и Сократъ: „Императоръ немедленно созвалъ соборъ, чтобы утвердить опредѣленія Никейскаго и избрать Епископа въ Царьградъ. (Здѣсь опять не видно участіе Дамаса, и не Папа, а соборъ утверждаетъ уставы соборныя.) На соборъ присутствовали 150 Епископовъ, исповѣдовавшихъ единосущіе, которымъ предсѣдательствовали Тимофей, братъ и преемникъ Петра Александрійскаго Епископа, Мелетій Епископъ Антиохійскій и Кириллъ Іерусалимскій, (Сократъ и Созоменъ, оба неправильно присовокупляютъ, что онъ обратился отъ лжеученія, когда напротивъ того Св. Кириллъ былъ всегда свѣтильникомъ Православія и страдалъ за него). Епископы опредѣлили, чтобы вѣра Никейская была свято соблюдаема и всѣ противныя ей ереси осуждены, чтобы Церкви были управляемы по опредѣленіямъ древнихъ правилъ, чтобы каждый Епископъ оставался въ своей области, не вступаясь въ чужую, кромѣ какой либо необходимости, и не предпринимая рукоположеній вопреки права, какъ сіе случалось часто во время гоненій; что дѣла возникающія въ каждой Церкви должны оканчиваться судомъ областного собора; что послѣ Епископа Римскаго, Константинопольскій долженъ пользоваться преимущественно честию, какъ Епископъ новаго Рима, ибо не только городъ Константинополь имѣлъ уже тогда имя новаго Рима, но и Сенатъ, и сословія народныя и сановниковъ, и судилища и законы и преимущества древняго Рима.“ (Созом. кн. VII, гл. 7, 9).

Какъ согласить съ этими словами Созомена, сказанное имъ выше о Папѣ Іудіѣ, что есть канонъ, по которому ничтожно все, что дѣлается въ Церкви безъ соучастія Епископа Римскаго, и что онъ озабоченъ попеченіемъ о всѣхъ вѣрныхъ, ради достоинства его кафедры? — (кн. III, гл. 8. 10.) Здѣсь же напротивъ Созоменъ приводитъ

опредѣленія собора, что всякое дѣло рѣшается областными соборами и что преимущество чести дано Константинопольскому послѣ Римскаго, ради достоинства столицы. Конечно нельзя бы нигдѣ приличнѣе оговорить власть и преимущества Римскія, но здѣсь о нихъ умолчено, а видно только, что всѣ Церкви приводятся въ древній порядокъ и, для сохраненія Православія, Императоръ назначаетъ первостепенныхъ Епископовъ: Нектарія Царьградскаго, Тимофея Александрійскаго и нѣсколько другихъ, съ которыми должны пребывать въ общеніи всѣ прочіе. Здѣсь, кажется, прилично было бы сказать Θεодосію, Христіанскому Императору, что тѣ только признаются православными, которые будутъ въ общеніи съ каедрою Римскою, если она есть основанію и утвержденію вѣры по преемству Апостола Петра, подобно какъ сказалъ нѣкогда языческій Императоръ Авреліанъ, но дѣлу еретика Павла Самосатскаго, что тѣ только будутъ признаваться законными Епископами Антиохіи, которые будутъ въ соединеніи съ Епископами Римскими. Римляне, превозносящіеся снѣзъ языческихъ приговоромъ, не могутъ, однако, привести такого же приговора въ свою пользу изъ устъ сего Христіанскаго Императора, хотя дѣло касается не одной Антиохіи, но всего Востока, слѣдственно гораздо большей половиною Церкви Вселенской.

Мы найдемъ въ Θεодоритѣ еще болѣе удовлетворительныя свидѣтельства. Онъ говоритъ, „что когда послѣ Константинопольскаго собора вторично соединились Восточные Епископы въ ту же столицу, годъ спустя, то нашли тамъ грамоту Западныхъ Епископовъ, ихъ приглашавшихъ на соборъ въ Римъ; но они отказались предпринять путешествіе, отъ котораго не ожидали никакой пользы. Однако же послали имъ отвѣтъ, въ которомъ, описавъ силу бури волновавшей Церковь, замѣтили имъ, хотя слегка, какъ мало заботились Западные подать имъ руку помощи. „Я приведу исполнѣе письмо сіе, говоритъ Θεодоритъ, какъ ясное доказательство мужества и великодушія написавшихъ сіе посланіе Святителей.“ (Θеодор. кн. V, гл. 8, 9.) И такъ не только Папа Дамасъ не созвалъ второй Вселенскій соборъ, но даже Епископы Восточные отказались придти на помѣстный Римскій соборъ, на который приглашались не одни Дамасомъ, но всѣми Западными, подобно какъ и Папа Іулій, не отъ своего лица, но отъ всѣхъ соепископовъ, звалъ Восточныхъ въ Римъ по дѣлу Аѳанасія, и Θεодоритъ не почитаетъ ихъ за то отступниками, но восхваляетъ ихъ мужество. Вотъ что между прочимъ они писали:

„Будучи одушевлены истинно братскою любовью, вы приглашаете насъ гранатами царскими, присутствовать, какъ вашихъ сочленовъ, на соборъ, который предполагаете держать въ Римѣ, дабы послѣ того, какъ мы одни обречены были къ претерпѣнію столькихъ бѣдствій, вы бы не одни насладились радостію и торжествомъ, съ тѣхъ поръ, какъ Императоры содѣйствовали къ защитѣ благочестія, но желаете, чтобы и мы имѣли участіе въ вашей радости и соцарствовали вамъ, по выраженію Апостола. Но поелику мы не можемъ оставить Церкви, которая только что начинаютъ оживать, и уже мы были прошлаго года въ Царьградѣ (здѣсь слѣдуютъ многія нныя причины), то все, что мы могли сдѣлать для возстановленія порядка и для вашего удостовѣренія въ искренности нашей любви, ограничивается тѣмъ, что мы просили нашихъ возлюбленныхъ братьевъ и соепископовъ: Киріака, Евсевія и Приска, потрудиться пойти къ вамъ и засвидѣтельствовать, что и мы исполнены только желаніемъ мира, любви и единства и ревности къ вѣрѣ. Мы терпѣли гоненія, муки и угрозы, для защиты ученія Евангельскаго, проповѣданнаго Отцами Никейскими. Надобно, чтобы и вы утвердили одинаково съ нами сіе ученіе, и чтобы всѣ тѣ, которые не хотятъ опровергнуть вѣру, ее утвердили.“ (Какъ далеки сія слова отъ униженнаго прошенія особы папской объ утвержденіи соборныхъ опредѣленій, и здѣсь въ истинномъ свѣтѣ является опять настоящій смыслъ слова утверждать.) „Что касается до управленія частныхъ Церквей, то вамъ извѣстно, что есть каноны Святыхъ Отецъ Никейскихъ, которые повелѣли, чтобы рукоположенія дѣлались Епископомъ каждой области, а если пожелаютъ, то и сосѣдними Епископами, съ ними сошедшимися. Мы просимъ васъ вѣрить, что сіе правило свято соблюдается между нами, и что такимъ образомъ были поставлены Епископы величайшихъ городовъ. (Здѣсь опять не видно утвержденія Римскаго Епископа; слѣдуютъ примѣры поставленія Нектарія Константинопольскаго, Флавіана Антіохійскаго, утвержденного потомъ Вселенскимъ соборомъ, какъ правильно поставленнаго.) Мы извѣщаемъ васъ, что и благочестивый и достопочтенный Кириллъ былъ избранъ и поставленъ, по правиламъ, Епископомъ Іерусалимской Церкви, которая есть мати всѣхъ Церквей; (это выраженіе гораздо справедливѣе, нежели то, что Римская есть глава всѣхъ Церквей, ибо сказано у Пророковъ, „что отъ Сіона изыдетъ законъ, и мати Сіонъ, глаголетъ человекъ,“ и точно первая Церковь была въ Іерусалимѣ.) И такъ мы возбуждаемъ васъ изъяснить намъ радость вашу, о правиль-

номъ ихъ поставленіи между нами, и быть соединенными съ нами, любовію и страхомъ Божиимъ, попирающими возношенія человѣческіи и предпочитающими возвеличеніе Церкви, суетной любви къ тварямъ. Когда мы, общими согласіемъ между нами, установимъ истину вѣры и искренность любви, тогда перестанешь произносить слова, осужденныя Апостоломъ Павломъ: „я Павловъ, а я Аполлосовъ, я же Петровъ.“ (1 Кор. 1, 12.) Мы будемъ всѣ Христовы, который не будетъ разделенъ между нами. Мы сохранимъ единство тѣла Церкви и съ упованіемъ предстанемъ на судилище Христова“.

Нельзя было сильнѣе и яснѣе выразить, въ чемъ предполагали отцы соборныя четвертаго вѣка единство Церкви, и для лучшаго доказательства, что оно не утверждалось на одной Римской кафедрѣ, служить самая надпись ихъ грамоты. „Св. соборъ Православныхъ Епископовъ, собранныхъ въ великомъ градѣ Константинополѣ, возлюбленнымъ владыкамъ нашимъ и сослужителямъ, благочестивымъ братьямъ Дамасу, Амвросію и прочимъ св. Епископамъ, собраннымъ въ великомъ градѣ Римѣ., (Феодор. кн. V, гл. 10).

Если же Папа Дамасъ, по духу превозношенія, въ которомъ обвинялъ его Св. Василій Великій, отвѣчая на другое письмо Восточныхъ Епископовъ, писанное ему не отъ лица вселенскаго собора, называлъ ихъ чадами, онъ не именовалъ себя однако вселенскимъ и верховнымъ Епископомъ, или ихъ главою: „когда любовь ваша, возлюбленные и достопочтенные сыны, изъявляетъ глубокое уваженіе къ Апостольскому престолу, то она дѣйствуетъ такъ весьма благоприятно для васъ самихъ; ибо хотя я и долженъ держать коржило Церкви (т. е. собственно Римской, а не Вселенской), въ которой Апостольское проповѣдывалъ ученіе Евангельское, однако я почитаю себя совершенно недостойнымъ сей почести, и стараюсь, сколько могу, достигнуть вкушаемаго имъ блаженства.“

А въ изложеніи вѣры своей, писанной къ Епископу Павлину, Папа Дамасъ весьма правильно свидѣтельствуетъ, что онъ вполне принялъ догматъ о исхожденіи Духа Святаго, исповѣданный на второмъ Вселенскомъ соборѣ, и тѣмъ обличаетъ своихъ преемниковъ; ибо онъ предастъ въ письмѣ своемъ анаемѣ тѣхъ, которые не исповѣдуютъ, что Духъ Святой исходитъ истинно и собственно отъ Отца, какъ и Сынъ, и что онъ Божественнаго существа и есть истинный Богъ. Дамасъ не позволилъ себѣ никакихъ произвольныхъ прибавленій допущенныхъ позднѣе его Церковью, а напротивъ онъ присовокупилъ:

„если кто, имѣя православное мнѣніе объ Отцѣ и Сынѣ, не имѣеть его о Духѣ Святомъ, — тотъ еретикъ.“

Римляне, не въ состояніи будучи доказать, историческими свидѣтельствами, о участіи Папъ въ созваніи первыхъ двухъ Вселенскихъ соборовъ, отъ которыхъ не сохранилось намъ актовъ, ссылаются иногда на похвальное слово Императору Константину Погонату, произнесенное въ VII вѣкѣ, по заключеніи шестаго Вселенскаго собора, въ которомъ сказано: „соединеніе соборовъ всегда происходило для поправленія еретиковъ, которые противустояли Императорамъ и древнимъ Отцамъ. Восталъ Аріій раздѣлитель Св. Троицы, и внезапно Константинъ всеавгустѣйшій и Сильвестръ приснопамятный, созвали великій именитый соборъ въ Никей. Македоній отвергалъ Божество Св. Духа, но великій Императоръ Феодосій и Дамась, сей адамантъ вѣры, Григорій и Нектарій, въ царствующемъ градѣ созвали соборъ. Паки восталъ Несторій, и паки Келестинъ и Кирилъ низвергли раздѣлителя Христова съ помощію Христа и носившаго скиптръ. Потомъ безумствовалъ Евтихій, и какъ бы рыканіемъ львинымъ, Левъ возгласилъ на него изъ Рима, и грамоту его приняли Императоръ Маркіанъ и Патріархъ Анатолій, со всеміи Халкидонскимъ соборомъ. — Такъ въ послѣдствіи и съ благочестивымъ Юстиніаномъ, согласился Вигилій, и составилось пятое соборище; надлежало и вашей Христолюбивой крѣпости собрать сей священный и многолюдный соборъ и проч.“ (Concil T. 16, pag. 515.)

Напыщенность самыхъ выраженій, во славу Царя и Царьграда, названнаго вершиною міра, Сіономъ, котораго не одолѣють врата адовы, довольно показываютъ, каковъ былъ сочинитель сего похвальнаго слова и что отцы, которые его подписали (если только подлинно подписали, что весьма странно для панигирика), конечно не изслѣдывали каждаго выраженія, какъ изслѣдываются догматы, но просто выражали подписью усердіе свое къ Императору. (pag. 522.) Мы довольно видѣли, изъ современныхъ лѣтописей и писаній, принималъ ли какое либо участіе Сильвестръ въ созваніи собора Никейскаго и Дамась въ Царьградскомъ, и увидимъ позже, какъ Папа Вигилій противился даже пятому Вселенскому собору, хотя онъ тутъ представленъ содѣйствующимъ Юстиніану. Потому и весьма опасно принимать, въ собственномъ смыслѣ, напыщенные выраженія грамотъ царскихъ и соборныхъ къ Римскимъ Епископамъ, не сравнивая ихъ съ предъидущими первыхъ вѣковъ и съ обстоятельствами самаго времени; ибо начиная съ

третьяго Вселенскаго собора, легаты папскіе стали чрезвычайно превозноситься, слѣдуя инструкціи Келестина, который велѣлъ имъ стараться поддерживать на соборѣ преимущества катедръ Римской, забывъ слова Христовы ученикамъ своимъ: „знаете ли, что почитающіеся Князьми народовъ господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ обладаютъ ими; но между вами не должно быть такъ, а кто хочетъ быть большимъ между вами, будь всемъ слугою, и кто хочетъ быть первымъ, будь всемъ рабъ.“ (Марк. X, 42—43.)

Слова Спасителя достаточно думали исполнить Епископы Римскіе, подписываясь въ грамотахъ: рабами рабовъ Божіихъ, но дѣйствуя совершенно иначе, ибо почти ни въ одной изъ своихъ грамотъ, не опускали они случая упомянуть и истолковать въ свою пользу слова Христовы: „ты еси Петръ и паси овцы моя,“ которыхъ объясненіе истинное мы довольно читали у Отцевъ, хотя однако самъ Петръ Апостоль, посылая соборныя посланія, никогда о томъ не упоминалъ, для возвышенія власти, надъ прочими равными ему Апостолами, и называлъ себя въ посланіяхъ, подобно какъ и всѣ, только рабомъ и Апостоломъ Господа Іисуса Христа. Отцы же соборныя и Императоры, привыкшіе питать уваженіе къ катедрѣ древней столицы, гдѣ верховныя Апостолы запечатлѣли кровію своею ученіе, не подозревали грядущаго опаснаго влестительства Римскихъ Епископовъ, которое усилилось, присоединеніемъ мірской власти и достоинства церковнаго, вопреки словъ Христовыхъ: „царство мое не отъ міра сего.“ (Іоан. XVIII, 36.) Они, съ любовію и Христіанскимъ смиренномудріемъ, принимали грамоты папскія, особенно заключавшія въ себѣ изложеніе православныхъ догматовъ, и называли катедру Рима, какъ и прочія четыре, Апостольскою, самаго же Папу преемникомъ верховныхъ Апостоловъ, и тѣмъ утѣшали гордость Римскую, болѣе и болѣе превозносившуюся въ теченіи вѣковъ. Однако въ тѣхъ случаяхъ, когда представляли подложныя каноны, какъ напр. на Карагенскомъ и Халкидонскомъ соборахъ, не оставляли обличать ихъ, не смотря на уваженіе къ первенствующей катедрѣ; а когда, какъ на пятомъ соборѣ, оказывались Папы послушниками, ихъ исключали даже изъ поминовеній церковныхъ, и безъ нихъ рѣшали дѣла, или осуждали и самихъ умершихъ, какъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ.

И такъ, не смотря на стремленіе Папъ къ единой цѣли — возвысить свою катедру надъ прочими, должно болѣе обращать вниманіе на самыя дѣянія, нежели на громкія рѣчи, а съ рѣчами поступать

столь же осторожно, какъ съ текстами о первенствѣ Петровомъ, изъясненными св. Отцами.— Необходимо также помнить всегда, какую степень давала Церковь вселенская Епископамъ Римскимъ: она почитала ихъ первопрестольниками, т. е. Епископами древней столицы и катедры, основанной на Западѣ верховными Апостолами, а потому признавала ихъ первенство между прочими катедрами, также Апостольскими; но никогда не принимала первенства въ смыслъ начальства, потому что четыре Восточныя катедры почитались сопредстольными Римской.

О смыслѣ и достоинствѣ вселенскаго Епископа, вотъ что весьма благоразумно пишетъ Бингамъ, основываясь на фактахъ историческихъ и свидѣтельствахъ св. Отець. „Мы разбирали доселѣ о должности Епископовъ въ отношеніи своей частной Церкви, но у нихъ была еще и другая важнѣйшая обязанность въ отношеніи вселенской, въ которой каждый, какъ Епископъ, имѣлъ равное участіе, не въ дѣлахъ внѣшняго управленія, но въ томъ, что составляетъ сущность Христіанства, т. е. въ сохраненіи вѣры. Какъ только вѣра находилась въ опасности, отъ какой либо ереси или гоненія, каждый Епископъ почиталъ необходимымъ долгомъ и священною обязанностию простирать руку помощи и трудиться, столько же въ чуждой епархіи, сколько и въ своей; ибо епархіи были только условные предѣлы, для наблюденія порядка во время мира, но вѣра была общимъ дѣломъ, и когда подымалась противъ нее война, весь міръ обращался въ одну епархію и вся Церковь въ одно стадо, и каждый пастырь почиталъ себя обязаннымъ пасти стадо своего великаго Пастыря, судя по своимъ силамъ, въ какой бы части свѣта ни было оно разсыяно. Въ этомъ смыслѣ всякій Епископъ былъ вселенскимъ, какъ имѣющій общее участіе и заботу о всей Церкви Христовой. Это самое говоритъ блаженный Августинъ Воиифатію Епископу Римскому: „что забота пастырская обще принадлежитъ всѣмъ имѣющимъ должность Епископа, хотя онъ самъ занимаетъ болѣе высокое мѣсто на стражѣ.“ (August. epis. cont. Pelag.) То же свидѣтельствуется и св. Кипріянь: „общество Епископовъ такъ соединено, узами единства и согласія, въ одно тѣло, что если бы кто изъ нихъ впалъ въ ересь и покусился опустошать стадо Христово, прочіе должны вступиться, ибо хотя и многіе суть пастыри, но пасутъ одно стадо, и должны собирать и соблюдать всѣхъ овецъ, которыхъ Христосъ искупилъ своею кровію.“ (Epi. 67, 68.) Въ этотъ смыслъ и св. Григорій Богословъ говорилъ о Кипріянь: „что онъ былъ вселен-

скимъ Епископомъ, ибо предѣдательствовалъ не только Карфагенской Церкви, и въ Африкѣ, но надъ всеми странами Запада и на Востокъ, и въ сѣверныхъ и южныхъ предѣлахъ вселенной.“ (слово 18.) Такъ выражался и въ похвальномъ словѣ о Афанасіи великомъ: „что сдѣлавшись Епископомъ Александріи, онъ сдѣлался священноначальникомъ и предѣдателемъ всея вселенной,“ (слово 21.) и это согласно съ выраженіями Василія великаго о томъ же Святомъ, какъ видно изъ его писемъ.“ (Бинг. кн. II, гл. 5.)

Такимъ же образомъ и различныя почетныя наименованія давались не исключительно одному Епископу, но всемъ вообще въ первыя времена Христіанства, какъ о томъ разсуждаетъ Бингамъ, въ главѣ 11 той же книги. Какъ самыя Епископы въ началѣ назывались Апостолами или ихъ преемниками, такъ и ихъ катедры Апостольскими, особенно основанныя самими Апостолами. „Христіанская Церковь, пишетъ блаженный Августинъ, (Ер. 42 ad frat. Mad.) распространяется по всему міру, чрезъ Апостольскія катедры и преемство Епископовъ.“ Сидоній Аполлинарій въ то же время говоритъ объ одномъ частномъ Епископѣ Галліи: „что онъ возсѣдалъ 45 лѣтъ на своей Апостольской катедрѣ,“ (lib. 6 c. 1.) а св. Павлинъ, въ привѣтствіи къ Алипію Африканскому Епископу, выражается: „что Господь достойно сопричель его съ князьями своего народа, поставивъ на Апостольскую катедру.“ Блаженный Иеронимъ, изъясняя псалмы и Пророковъ, указывалъ: „что они называли грядущихъ Епископовъ князьями Церкви.“ Такъ же и многіе другіе, Кипріянь, Іустинъ мученикъ и Тертуліанъ, величаютъ ихъ вообще, а не исключительно кого либо, предѣдателями и предстоятелями, иные же Первосвященниками. Самое названіе Папъ, нынѣ исключительно присвоенное только Епископамъ Римскому на Западѣ и Александрійскому на Востокѣ, знаменующее просто отца, принадлежало вообще всемъ Епископамъ, какъ мы уже видѣли изъ писемъ Кипріяновыхъ. Званіе отца отцевъ и Епископа Епископовъ прежде всего встрѣчается у собирателя Апостольскихъ постановленій, приписываемыхъ Клименту Папѣ Римскому, и оно употреблено въ письмѣ его къ св. Іакову брату Божію. Принимаясь къ себѣ и Сидоній Аполлинарій пишетъ, объ одномъ именитомъ Епископѣ Галліи Лупѣ: „что онъ воистинну отецъ отцевъ и Епископъ Епископовъ, и другой Іаковъ своего вѣка,“ (Ер. 1.) Мы уже видѣли, какъ Афанасій великій, называя просто Ливерія Епископомъ Римскимъ, вслѣдъ за тѣмъ величаетъ Осія Кордубскаго: „отцемъ Епископовъ и предѣдателемъ

всѣхъ соборовъ," и все это находимъ неизлишнимъ опять здѣсь напомнить, чтобы пышныя привѣтствія соборной грамоты Льву Епископу Римскому, не стерли изъ памяти истиннаго значенія и начальнаго происхожденія такого рода почетныхъ наименованій.

ПЯТЫЙ ВѢКЪ.

СОБОРЪ ЕФЕССКІЙ.

Вліяніе Епископовъ Римскихъ умножилось въ пятомъ вѣкѣ, какъ по личному достоинству нѣкоторыхъ изъ нихъ, каковъ былъ святой Левъ, проименованный великимъ и вселенскимъ учителемъ, подобно какъ симъ именемъ назывались св. Отцы Василій, Григорій, Златоустъ, такъ и по обстоятельствамъ того времени; ибо съ одной стороны, на Западѣ распадалась слабая держава дѣтей великаго Феодосія и совсѣмъ исчезла въ теченіе сего вѣка; а между тѣмъ, посреди упадка имперіи, которой властители жили въ Равеннѣ и Медиоланѣ, еще сосредоточивалась въ столицѣ память древняго величія Римскаго; лучи онаго падали на Епископа, какъ первостепенное лице, въ такое время, когда Христіанство кипѣло полною жизнію и распространялось по всей Европѣ; — съ другой стороны, на Востокѣ, возникли двѣ сильныя ереси Несторія и Евтихіа, что невольно обратило взоры православныхъ къ Западу. Но если ереси возникали чаще на Востокѣ, нежели на Западѣ, хотя и тамъ происходили весьма сильныя, какъ напр. Пелагіанъ, не должно забывать также, что и вѣра пришла съ Востока, а не съ Запада, и справедливо названъ былъ Іерусалимъ матерію всѣхъ Церквей.

О возношеніи Епископовъ Римскихъ того времени вотъ что писалъ язычникъ Амміанъ Марцеллинъ: „когда разсматриваю пышность Рима, не удивляюсь, что желающіе сей каеедры должны употреблять всѣ усилія, чтобы ее достигнуть, ибо она доставляетъ покойное мѣсто, на которомъ они обогащаются, приношеніями почетныхъ жонъ, и выѣзжаютъ въ колесницахъ, превосходя пышностію трапезы самихъ Царей. Но они могли бы быть истинно счастливыми, если бы пренебрегши величіемъ Рима, подражали образу жизни нѣкоторыхъ областныхъ Епископовъ, которые простотою пищи, убожествомъ одежды и скромнымъ видомъ, болѣе пріятны вѣчному Богу или истиннымъ поклонни-

камъ.“ Префектъ же Римскій Претекстатъ насмѣшливо говорилъ Папѣ Дамасу: „сдѣлай меня Епископомъ Римскимъ и я сей часъ сдѣлаюсь Христіаниномъ.“ (Истор. Флери кн. XVI, гл. 8.)

Приступимъ къ описанію соборовъ, сказавъ нѣчто и объ ересяхъ. Основатель первой, Несторій, былъ по несчастію самъ Епископомъ Константинопольскимъ и Антиохійскій Епископъ Іоаннъ ему благопріятствовалъ; второй же ереси, Евтихіевой, покровительствовалъ Епископъ Александрійскій Діоскоръ. Епископы Константинополя, Антиохіи и Іерусалима невольно замѣшаны были въ его неправильныхъ поступкахъ, и такимъ образомъ одна только Церковь Римская, сильная согласіемъ всего Запада, имѣла преимущественно удобность способствовать успокоенію Вселенской Церкви. Симвъ объясняется важность легатовъ папскихъ на соборахъ Ефесскомъ и Халкидонскомъ.

Когда Несторій началъ разсѣвать новое ученіе противъ Божества Христова, не отдавая должной чести Богоматери, прежде всѣхъ узналъ о томъ св. Кирилъ Архіепископъ Александрійскій и, двумя посланіями, хотѣлъ убѣдить его оставить свое заблужденіе. Получивъ же ругательные отвѣты Несторія, Кирилъ собралъ помѣстный соборъ въ Александрію, и когда на ономъ его поступокъ и письма были одобрены, сообщилъ дѣянія соборныя и свои письма Келестину, Папѣ Римскому. Сей держалъ новый соборъ въ Римѣ, въ слѣдствіе котораго сообщилъ, чрезъ Кирилла Александрійскаго, Несторію, что онъ отлучается отъ Церкви, если не обратится отъ своего заблужденія. Несторій не повиновался, и потому собранъ былъ Вселенскій соборъ въ Ефесѣ.

Это есть краткое, но точное изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ Ефесскому собору. Кирилъ начинаетъ борьбу противъ Несторія, самъ по себѣ, а не по повелѣнію Папы, какъ утверждаютъ Римляне, и это совершенно согласно съ правилами древней Церкви. Александрія, по политическимъ и торговымъ сношеніямъ, была ближе къ Константинополю, нежели какая либо другая изъ столицъ Римской Имперіи, такъ что и епархія Александрійская могла считаться сопредѣльною съ епархією Константинопольскою. Именно же въ Африканскихъ церквахъ было сдѣлано соборное постановленіе: „если въ первоначальныхъ кведрахъ будетъ Епископъ нерадивъ, по отношенію къ еретикамъ, должно составить соборъ сопредѣльнымъ ревностнымъ Епископамъ и доказать его нерадіе, дабы онъ не могъ извиняться.“ (Concil. Milvet. cap. 25. Concil. Afric. cap. 90.) Если, по отношенію къ еретикамъ другой епархія, такое попеченіе долженъ былъ имѣть сопредѣльный

Епископъ, то тѣмъ паче, когда самъ Епископъ той епархіи былъ еретикомъ. При появленіи Несторіевой ереси, конечно подѣйствовали на св. Кирилла сіи общепринятія правила, тѣмъ паче, что ересью могли заразиться и овцы его стада, жившія столько сношеній съ Константинополемъ. При всемъ томъ онъ не оставилъ увѣдомить Папу о своихъ усиліяхъ, противу возникшаго и быстро распространившагося зла, и это самое Римляне хотятъ обратить въ свою пользу. Но надобно припомнить, что Александрійская Церковь всегда была въ близкихъ сношеніяхъ съ Римскою, еще со времени великаго Аѳанасія, какъ неоднократно мы видѣли. Самъ Папа не принялъ на себя одного разсужденіе сего дѣла, но созвалъ особый соборъ въ Римѣ; и даже соборъ сей, видя упорство Несторія въ заблужденіи, не почелъ опредѣленіе свое, объ отлученіи еретика отъ Церкви, достаточнымъ къ увѣренію Христіанъ въ его лжеученіи, а надлежало еще созвать противъ него соборъ Вселенскій. Римлянамъ кажется, будто имѣютъ сильное свидѣтельство въ слѣдующемъ опредѣленіи сего собора о изложеніи Несторія: „будучи побуждены священными правилами и письмомъ святѣйшаго отца и сослужителя нашего Келестина, Епископа Римскаго, мы должны были со слезами приступить къ сему плачевному опредѣленію.“ Тѣ, которые съ упорствомъ не хотятъ ничего болѣе признать въ катедрѣ Римской, какъ только простое преимущество чести и старшинства, да изъяснятъ намъ, говорятъ Римляне, какииъ образомъ такое множество соборныхъ Епископовъ видѣло въ письмѣ Папы Келестина нѣчто принуждающее ихъ умы, нѣчто имѣющее силу и власть на догматическое сужденіе, произнесенное однимъ изъ знаменитѣйшихъ Вселенскихъ соборовъ?“ (*L'église cathol. justifiée. p. 206.*)

На сей вопросъ не трудно отвѣчать, не давая Папѣ никакой верховной власти. Соборъ убѣждается, не письмомъ только Келестина, но прежде всего святыми правилами соборовъ и отцовъ; письмо Келестина уважено потому, что оно согласуется съ ними и такое уваженіе еще не доказываетъ преимущества власти и законодательства. На томъ же самомъ соборѣ совершенно подобное уваженіе оказано письмамъ Кирилла Александрійскаго противъ Несторія. Послушаемъ, что говоритъ объ нихъ Фирмъ, Епископъ Кесарія Каппадокійскія, одинъ изъ главныхъ отцовъ собора: „что вкратцѣ изложено было на святомъ Никейскомъ соборѣ, то благочестіе твое, изложивъ тончае и удобопонятнѣе, сдѣлало для насъ опредѣленіе вѣры точнѣйшимъ и яснѣйшимъ. И такъ, когда въ вышесказанномъ нѣтъ ничего обоюднаго, ничего противурѣчающаго,

но все согласуется, какъ само съ собою, такъ и съ установленною вѣрою, и изложено съ такою цѣлостію, что не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, а также, получивши опредѣленіе вѣры отъ св. Епископовъ и отцевъ моихъ, соглашаюсь съ симъ.“ (Act. Concilior. Ephes. ap. Gelas. Tom. II, cap. 3.) Мемнонъ, Митрополитъ Ефесскій, съ прочими Епископами повторилъ то же самое. По прибытіи пословъ Папскихъ, и когда прочитаны были новыя письма Келестина, всѣ благочестивые Епископы воскликнули: „вотъ правое сужденіе Келестина, новаго Павла, Кирилла новаго Павла, Келестина единомысленнаго съ Кирилломъ! Келестину, стражу вѣры, весь соборъ воздаетъ благодарность; одинъ Келестинъ, одинъ Кириллъ, едина вѣра собора, едина вѣра вселенныя!“ (Act. cap. 15.) При таковыхъ отзывахъ Отцевъ собора, о православіи Келестина и Кирилла, мы не знаемъ, кому изъ нихъ дать преимущество въ догматическомъ отношеніи. По изреченію собора, Кириллъ, своими письмами, излилъ новый свѣтъ даже на соборъ Никейскій, столько уважаемый прежде и послѣ; Келестинъ есть стражъ вѣры; Кириллъ такой же новый Павелъ, какъ и Келестинъ; Келестинъ есть то же, что и Кириллъ.

Любопытно взглянуть и на письмо Папы Келестина, возбуждавшее общее удовольствіе; оно начинается такъ: „возлюбленнымъ и возлюбленнымъ братамъ, Келестинъ Епископъ во Христѣ Иисусѣ. Собраніе Епископовъ свидѣтельствуетъ присутствіе Св. Духа; ибо соборъ святъ и уважителенъ самъ по себѣ, и какъ представляющій многочисленное собраніе Апостоловъ. Никогда не оставялъ ихъ Божественный учитель, повелѣвшій имъ проповѣдывать, не оставитъ также и прочихъ святителей Божіихъ; ибо обязанность возложенной на нихъ проповѣди и забота о распространеніи истины, какъ бы нѣкоимъ наслѣдственнымъ правомъ, къ намъ перешедшимъ, касается насъ всѣхъ; ибо мы всѣ, по всѣмъ краямъ міра, виѣсто Апостоловъ, имя Господне проповѣдуемъ и обязаны тою же заботою. Когда имъ сказано было итти научить всѣ народы, не что либо частное, но общее повелѣніе имъ предлагалось, и служеніе, которое Господь поручилъ Апостоламъ, хотѣлъ онъ, дабы мы всѣ исполняли, и сіе братство ваше должно ревностно исполнять. Посему необходимо, чтобы мы слѣдовали достойно по пути отцевъ нашихъ, и всѣ бы взошли въ трудъ ихъ; пріявъ ихъ почестъ, обязаны мы защищать мужественно преданныя отъ нихъ догматы вѣры, не присоединяя что либо новое, вопреки повелѣніямъ Апостола, но сохраняя просто преданное.“ (Act. Concil. cap. 14.)

Здѣсь, замѣчаетъ Флери, Папа Келестинъ признаетъ, что самъ

Господь поставилъ Епископовъ учителями своей Церкви въ лицѣ Апостоловъ, и Папа поставляетъ себя на ряду со всѣми Епископами, объявляя, что всѣ вмѣстѣ должны стремиться къ охраненію благочестиваго залога—ученія Апостольскаго, и къ сему клонится все остальное въ письмѣ его, которое онъ заключаетъ сими словами: „посылаемъ къ вамъ Аркадія и Проекта Епископовъ и Филиппа Пресвитера, священ-ныхъ братій и единомысленныхъ, довѣренныхъ сослужителей нашихъ, которые принявъ на себя заботу нашу, на вашихъ дѣяніяхъ присутство-вать будутъ, и что вами опредѣлено будетъ, своею подписью утвердятъ. Не сомнѣваемся, что святыня ваша допуститъ ихъ къ общему совѣщанію и изреченію суда, и то, что вы опредѣлите, опредѣлено и установлено будетъ къ спокойствію всѣхъ Церквей.“

Письмо сіе исполнено должнаго смиренумудрія, и потому справедливо воскликнули отцы: „Келестина, новаго Павла благодаритъ весь соборъ.“ Слово же „утверждать“ ни что иное значить, что и прежде мы уже доказали, какъ изъясненіе согласія съ общимъ мнѣніемъ и укрѣпленіе онаго присоединеніемъ голоса цѣлаго Запада, потому и проситъ Папа допустить своихъ легатовъ къ произнесенію общаго приговора, какъ участниковъ общаго совѣщанія.

Мы не должны соблазниться и тѣмъ, что Папа Келестинъ, поручая Кириллу Александрійскому сообщить Несторію опредѣленіе Римскаго собора, пишетъ: „*Quamobrem, sedis nostrae auctoritate ascita, nostraque vice et loco cum potestate usus, ejusmodi, non absque exquisita severitate, sententiam exequeris*“ (Concil. Eph. с. 16.) т. е. „приобщивъ себя важность нашего престола и употребивъ со властію замѣненіе собою насъ и нашего мѣста, ты исполнишь рѣшеніе съ точною строгостію.“ Здѣсь лице Кирилла представляется въ истинномъ свѣтѣ: онъ первый началъ борьбу съ Несторіемъ; ему Папа съ своей стороны и предоставляетъ кончить сей споръ, присовокупляя, къ важности кафедры Александрійской, важность престола Римскаго, и ко власти Епископа Александрійскаго, власть Епископа Римскаго и побуждая его дѣйствовать такъ, какъ бы имѣлъ съ собою папскаго мѣстоблюстителя, котораго на сей разъ замѣняло разбираемое теперь письмо. Папа въ настоящемъ случаѣ дѣйствуетъ не какъ повелитель Кирилла, но какъ помощникъ его, приемлющій важное участіе въ управленіи Вселенскою Церковію. Кириллъ не однократно подтверждаетъ сію мысль, въ письмахъ своихъ къ различнымъ особамъ. Такъ, извѣщая Ювеналія Епископа Іерусалимскаго, объ опредѣленіи Папы противъ Несторія, ни мало не упо-

минаеть о верховной его власти но говорить только о нуждѣ всеобщаго согласія къ истребленію ереси: „я почелъ нужнымъ послать оныя письма къ тебѣ, и возбудить твое Богочестіе, дабы, при единодушномъ и всеобщемъ усиліи, препоясаться любовію во Христа и спасти бѣдствующіе народы.“ (Т. 1. Concil. Eph. cap. 24.)

И къ самому Несторію, писалъ, сообщая ему известное намъ опредѣленіе, „вотъ, вмѣстѣ съ святымъ Синодомъ, въ великомъ городѣ Римѣ, подъ предсѣдательствомъ святѣйшаго и благочестивѣйшаго брата и сослужителя нашего Епископа Келестина собравшихся, симъ третьимъ письмомъ свидѣтельствуемъ тебѣ, и проч.“ (cap. 14.)

Самое опредѣленіе Папы согласуется болѣе съ вышенаведенными свидѣтельствами, нежели съ Римскими вымыслами; ибо въ немъ поставляется на видъ важность не Римской только Церкви, но и Александрійской, и изрекается проклятіе на Несторіа, если онъ не общается исповѣдать ту вѣру, которую проповѣдуетъ Церковь Римская и Александрійская и Вселенская. Къ сему заключенію относятся также и всѣ письма, писанныя къ предстоятелямъ главныхъ Церквей, согласіе коихъ было необходимо для того, чтобы самое опредѣленіе Папы могло быть приведено въ исполненіе. (cap. 18.)

Кромѣ вышенаведенныхъ возраженій есть еще два, заимствованныя Римлянами изъ словъ папскихъ пословъ, прибывшихъ позже на соборъ. Ихъ можно бы было оставить безъ вниманія; ибо известно, что послы говорили многое въ силу особенной инструкціи, внушавшей имъ преимущественно поддерживать на соборѣ важность кафедры Римской, и тѣмъ обнаруживали несогласное съ Христіанствомъ домогательство преобладанія, которое уже однажды обличено было соборомъ Карфагенскимъ, въ посланіи къ тому же Папѣ Келестину. Однако мы коснемся упомянутыхъ возраженій, потому что разсмотрѣніе ихъ проливаетъ новый свѣтъ на дѣйствія цѣлаго собора. (Ист. Флерн кн. XXV, гл. 47.)

Когда Проектусъ, одинъ изъ пословъ, замѣтилъ собору, какъ скромно дѣйствуетъ Епископъ Римскій, ибо настоящимъ посланіемъ не поучаетъ собравшихся отцовъ, какъ бы неопытныхъ, но какъ опытнымъ советуешь, напоминая о томъ, что прежде уже опредѣлено было, дабы успѣшили привести къ окончанію дѣло, согласно съ правилами вѣры и на пользу Каеолической Церкви, то Фирмъ, Епископъ Кесарія Каппадокійскія, отвѣтствовалъ: „святая Апостольская кафедра уже изложила въ грамотахъ къ святѣйшимъ Епископамъ свое мнѣніе и опредѣленіе по сему предмету; мы же послѣдовавъ оному, при тщательномъ

и неуклонно сохранили законовъ, исполнили надъ Несторіемъ Апостольскій и каноническій приговоръ.“ (сар. 15.) Такое признаніе Фирма, кажется, будто имѣетъ важную силу; ибо оно, согласно съ желаніемъ Проектуса, выставляетъ цѣлый соборъ, какъ бы орудіемъ Папы: однако, надобно замѣтить, что Фирмъ не могъ сказать болѣе того, что сказано въ соборномъ опредѣленіи. Мы видѣли выше, что соборъ отлучилъ отъ Церкви Несторія, не только ради писемъ Келестина, но и ради святыхъ правилъ отцевъ и соборовъ; письма же его были вспомогательнымъ голосомъ для полноты соборнаго опредѣленія. Что же значатъ слова Фирма?—то, что соборъ нашедши ученіе Несторія богопротивнымъ, а папское опредѣленіе справедливымъ, исполнилъ приговоръ всей Западной Церкви, согласный съ ученіемъ Апостоловъ и съ правилами соборными. Если бы Фирмъ разумѣлъ что нибудь другое, то онъ поступилъ бы вопреки себѣ и всѣмъ отцамъ собора, которые не удовольствовавшись мнѣніемъ Папы, касательно ученія Несторія, и опредѣленіемъ объ отлученіи его отъ Церкви, разсматривали снова то же самое ученіе, и еще отъ себя изрекли опредѣленіе.

Филиппъ Пресвитеръ, третій изъ пословъ Папы, безъ всякаго повода, а только въ слѣдствіе упомянутой тайной инструкціи, сказалъ предъ лицемъ собора: „никто не сомнѣвается и всѣмъ вѣкамъ извѣстно, что блаженный Петръ есть первенствующій Апостолъ и начало вѣры, столпъ и утвержденіе Церкви Каеолической, отъ Господа пріавшій ключи царствія небснаго и власть вязать и рѣшить, и донныѣ чрезъ своихъ преемниковъ живетъ и судъ творить. Его преемникъ и святой намѣстникъ Папа и Епископъ нашъ Келестинъ, насъ, яко своихъ викаріевъ, послалъ къ сему священному Синоду, которому повелѣлъ собраться благочестивый Императоръ для утвержденія вѣры отеческой. Поелику же, сходно съ ученіемъ всѣхъ Церквей, ибо всѣ Епископы Восточныя и Западныя, сами или чрезъ своихъ посланниковъ здѣсь присутствуютъ, обличается нечестіе, и Вселенскій сей соборъ, послѣдовавъ ученію отцевъ, произнесъ приговоръ на Несторія, то да признаетъ онъ себя отлученнымъ отъ священства и всякаго общенія Каеолической Церкви.“ (Т. II, сар. 16.)

Писатель же книги: *L'église cath. justifiée* (pag. 206,) сокративъ вторую половину сихъ рѣчей Филиппа, замѣчаетъ только, что по увѣренности въ истинѣ сказаннаго, никто изъ отцовъ собора не одѣлалъ противъ того возраженія.— Мы думаемъ совсѣмъ иначе. Изъ всего

предъидущаго ясно видно, что собору нужно было мнѣніе Папы, не какъ главы Вселенской Церкви, но какъ главы Западныхъ Церквей: а потому онъ снисходительно слушалъ Пресвитера Филиппа какъ представителя Папы. Сверхъ того сказанное нѣтъ о Петрѣ Апостолѣ могло имѣть смыслъ не противный писанію; если разумѣть слова и выраженія въ древнемъ истинномъ значеніи, напр. *princeps Apostolorum*, въ значеніи первенствующаго между Апостолами, а не въ значеніи князя Апостоловъ, по новѣйшему понятію, совершенно чуждому Евангельской истины. Пышныя же изреченія, о преемствѣ Келестина, не приводили къ какому либо особому повелительному заключенію, а только къ законному согласію съ опредѣленіемъ собора, созваннаго Императоромъ, а не Папою, и потому не было нужды противурѣчить. Что же отвѣчалъ легатъ Кирилль Архіепископъ Александрійскій, председатель собора? „Какъ Аркадій и Проектусъ, святѣйшіе и благочестивѣйшіе Епископы, и Филиппъ честнѣйшій Римскія Церкви Пресвитеръ, выразили свое мнѣніе и пристали къ изреченному опредѣленію, то да будетъ извѣстно священному собору, что они изрекли согласіе во имя Апостольской кафедръ и всего собора святѣйшихъ и боголюбивѣйшихъ Западныхъ Епископовъ. И такъ, когда они исполнили то, что опредѣлено было Келестиномъ, святѣйшимъ и боголюбивѣйшимъ Епископомъ, и согласились съ изреченнымъ на Несторія опредѣленіемъ, сего священнаго собора въ Ефесѣ, слѣдуетъ дѣянія сегодняшняго и вчерашняго дня присоединить къ запискамъ актовъ, и предложить ихъ благочестію для своеручнаго подписанія, какъ есть обычай, и для показанія всѣмъ намъ яснаго и законнаго ихъ согласія.“ (сар. 16.)

Вотъ какими почитали легатовъ Римскихъ! — о томъ, что они представляли главу вселенскія Церкви, нигдѣ нѣтъ ни слова; но что были только послы Западной Церкви, свидѣтельствуется цѣлымъ соборомъ, и говорить еще: „поелику Аркадій и Проектъ Епископы и Филиппъ Пресвитеръ, легаты Римской кафедръ, изрекли согласное съ нами, то остается, чтобы сходно съ своими обѣщаніями, содѣйствовали и подписаніемъ нашихъ дѣяній.“ Не признали ль сего и самые послы? — одинъ изъ нихъ, Аркадій, прежде подписанія актовъ, сказалъ: „по опредѣленію сего священнаго собора мы не можемъ не утвердить, своими подписями, общее всѣхъ ученіе.“ Другой же выразился такъ: „Проектусъ, Епископъ, Апостольской Церкви легатъ, согласуясь во всемъ съ праведнымъ судомъ сего священнаго и Вселенскаго собора, какъ мы узнали изъ дѣяній онаго, подписалъ низложеніе злочестиваго

Несторія.“ Вотъ и самыя послы не повелѣваютъ на соборѣ, чего ожидать надлежало, если бы они были уполномоченные отъ повелителя всей Церкви, но поступаютъ по предписаніямъ собора и, своими мнѣніями, не утверждаютъ дѣяній собора, какъ бы нѣкою верховною властію, но соглашаются, наравнѣ съ прочими, съ праведнымъ судомъ онаго.

И такъ, сравнивъ предшествовавшія и послѣдовавшія обстоятельства Ефесскаго собора, оцѣнивъ съ надлежащимъ вниманіемъ опредѣленія онаго, и замѣтивъ мнѣнія и поступки первѣйшихъ членовъ, наипаче же Кирилла, предсѣдателя собора, и пословъ Римскихъ, представителей Западной Церкви, мы необходимо убѣждаемся, что Св. Кириллъ Александрійскій дѣйствовалъ здѣсь не какъ орудіе Папы, но какъ союзникъ его; что самъ Папа уваженъ былъ цѣлымъ соборомъ, какъ глава Западной Церкви, и что онъ, въ слѣдствіе сего, вопреки своимъ домогательствамъ, не повелѣвалъ соборомъ, а только соглашался съ онымъ.

Лучшимъ доказательствомъ сего можетъ служить какъ то, что въ подписяхъ дѣяній соборныхъ Св. Кириллъ не названъ мѣстоблюстителемъ папскимъ, какими себя называютъ обыкновенно его легаты, такъ и самое извѣщеніе соборное Несторію, къ которому ни слова не упоминается о власти папской, а только объ указѣ царскомъ.

„Святый Синодъ, по указу благочестивѣйшихъ, христіаннѣйшихъ Императоровъ нашихъ, въ митрополиі Ефесской, по благодати Божіей собранный, — Несторію новому Іудѣ. Познай себя, ради нечестивыхъ твоихъ козней и упорнаго сопротивленія святымъ канонамъ, по опредѣленію священнаго Синода, лишеннымъ всякаго достоинства и степени церковной.“ (Т. II, гл. 11.)

Не въ пользу притязаній Римскихъ гласятъ и правила Ефесскаго собора, защищавшія преимущества частныхъ Церквей противъ преемства сьльнѣйшихъ.

Правило 8. „Дѣло, вопреки постановленіямъ церковнымъ и правиламъ святыхъ Апостолъ, нововводимое и посягающее на свободу всѣхъ, возвѣстилъ боголюбивѣйшій соепископъ Ригинъ, и сущіе съ нимъ благоговѣннѣйшіе Епископы Кипрскія области, Зиновъ и Евагріій. Чего ради, понеже общественныя болѣзни требуютъ сьльнѣйшаго врачевства, яко бѣльшій вредъ приносящія, и наипаче, аще и древняго обыкновенія не было, чтобы Епископъ града Антіохіи совершалъ поставленія въ Кипрѣ, какъ письменно и словесно возвѣстали намъ

благочестивѣйшіе мужи, къ святому собору пришедшіе: то начальствующіе во святыхъ Кирскихъ церквахъ да имѣють свободу, безъ притязанія къ нимъ, и безъ стѣсненія ихъ, по правиламъ святыхъ Отець и по древнему обыкновенію, сами собою совершатъ поставленіе благочестивѣйшихъ Епископовъ. То же да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, и повсюду въ епархіяхъ; дабы никто изъ боголюбивѣйшихъ Епископовъ не простиралъ власти на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ: но аще кто простереть, и насильственно какую епархію себѣ подчинитъ, да отдастъ оную: да не преступаются правила отецъ: да не вкрадывается, подъ видомъ священнодѣйствія, надмѣнность власти мірскія: и да не утратимъ, поналу, непримѣтно, тоя свободы, которую даровалъ намъ кровію своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ. И такъ святому и вселенскому Собору угодно, чтобы всякая епархія сохраняла, въ чистотѣ и безъ стѣсненія, сначала принадлежащія ей права, по обычаю издревле утвердившемуся. Каждый Митрополитъ, для своего удостовѣренія, можетъ невозбранно взять списокъ съ сего постановленія; аще же кто предложитъ постановленіе противное тому, что нынѣ опредѣлено: угодно всему святому и вселенскому Собору, да будетъ оно недействительно.

СОБОРЪ ХАЛКИДОНСКІЙ.

Можетъ быть, ни на одномъ Вселенскомъ соборѣ столько не являлась мнимая папская власть, какъ на соборѣ Халкидонскомъ, созванномъ противъ ереси Константинопольскаго монаха Евтихія, который сливалъ два естества въ Іисусѣ Христѣ. Съ одной стороны, послы Папы выражались весьма надмѣнно; съ другой стороны, самые отцы собора, какъ въ продолженіи дѣйствій онаго, такъ и въ грамотѣ къ Папѣ, оказывали ему столько уваженія, что онъ легко бы могъ власть въ искушеніе и почесть себя выше всѣхъ. Но мы и здѣсь имѣемъ способъ узнать истину изъ ближайшаго разсмотрѣнія обстоятельствъ.

На соборѣ Халкидонскомъ, одинъ изъ пословъ Папы, по имени Пасхазій, при самомъ открытіи говорилъ Императорскимъ сановникамъ:

„мы имѣемъ повелѣніе отъ блаженнаго Папы Римской Церкви, которая есть глава всѣхъ Церквей, чтобы Діоскоръ, Архіепископъ Александрійскій, не имѣлъ мѣста на соборѣ; и такъ мы требуемъ, чтобы онъ вышелъ, или мы сами выйдемъ.“ На вопросъ Сенаторовъ, о причинѣ такого требованія, Луцентій, другой изъ пословъ, сказалъ: „что Діоскоръ долженъ дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ, ибо присвоилъ себѣ власть судіи и дерзнулъ держать соборъ, безъ позволенія святой каѳедры, чего никогда не случалось и не было позволено.“ Пасхазій присовокупилъ: „мы не можемъ противиться повелѣніямъ Папы, ни правиламъ Церкви и отцовъ.“ (Ист. Флери кн. XXVIII, гл. 2. Том. 8. Conciliog. pag. 102. Editio Paris. 1664. Chalced. act 1).

Чтобы изъяснить настоящее состояніе собора, которое и для насъ можетъ показаться страннымъ, если не откроются истинныя причины онаго, не надобно прибѣгать къ увѣренности отцовъ собора въ верховной власти Римскаго Епископа, а должно замѣтить, что Діоскоръ дѣйствительно былъ извергъ, кромѣ покровительства еретнику Евтихію, обличенный во многихъ ужасныхъ преступленіяхъ, наипаче же въ убійствѣ св. Флавіана, Архіепископа Константинопольскаго. Кто могъ противорѣчить требованію папскаго посла? Діоскоръ былъ бы лишенъ своего мѣста, если бы и другой кто сталъ сего требовать. И кто же могъ бы, кромѣ легатовъ, поднять столь высоко голосъ, когда воѣ первостепенные Епископы сами были въ затруднительномъ положеніи по своимъ отношеніямъ къ Діоскору и его дѣлу. Ибо Анатолій Константинопольскій былъ поставленъ Діоскоровъ, на каѳедру убиеннаго Флавіана, и самъ рукоположилъ Епископа Антиохійскаго Максима; а Иувеналій, Іерусалимскій, на неправильномъ соборницѣ Ефесскомъ, вынужденъ былъ подать голосъ въ пользу Діоскора. Это было и причиною невольнаго ихъ молчанія предъ возносящимися легатами.

Правда, посолъ причиталъ въ вину Діоскору держаніе собора, безъ позволенія Папы, и притомъ говорилъ, что сего никогда не бывало. Но если принять это въ смыслѣ Римлянъ, то надлежало бы допустить, что отцы собора были совершенные невѣжды въ церковной исторіи; ибо извѣстно, что множество помѣстныхъ соборовъ, и даже второй Вселенскій, были держаны безъ всякаго отношенія къ Папѣ и безъ его вѣстоблюстителей. Почему, скажутъ, оставили они слова Пасхазія безъ возраженія? — потому, что не время было начинать новую распрю и возбуждать несогласіе между тѣми, которыхъ согласіе нужно было для низложенія ереси; отцы собора съ восторгомъ приняли право-

славныя рѣчи Римскаго Епископа, и съ благоразумнымъ терпѣніемъ пропустили мимо ушей заносчивыя слова его мѣстоблюстителей.

На второмъ засѣданіи, когда читано было письмо св. Льва къ Флавіяну, изложившаго во всей чистотѣ православный догматъ, они воскликнули: „сія есть вѣра Отцевъ! сія вѣра Апостольская! Мы все такъ вѣруемъ, такъ вѣруютъ все Православныя! анаѳема тому, кто не такъ вѣруетъ! Петръ такъ говорилъ устами Льва; такъ учили Апостолы! ученіе Льва свято и истинно! Кириллъ училъ также; вѣчная память Кириллу! Левъ и Кириллъ учили одинаково; анаѳема тому, кто не такъ вѣруетъ; сія истинная вѣра, Православныя такъ разумѣютъ; сія вѣра Отцевъ!„ Римляне замѣчаютъ, что письмо Льва было принято на соборѣ Халкидонскомъ, какъ правило вѣры, и даже, по настоятельству послѣдъ, было внесено въ опредѣленіе собора. (Eglise Cathol. justif. pag. 209.) Казалось бы, что можетъ быть яснѣе настоящаго доказательства власти папской, хотя въ пятомъ вѣкѣ, если не ранѣе, приписываемой ему, въ лицѣ собора, цѣлою Церковію? Но должно замѣтить, что подобныя восклицанія въ пользу Папы, не имѣли никакого отношенія къ его власти, а только къ его ученію, сходному съ Петровымъ и съ Апостольскимъ, и съ Кирилловымъ; — и такъ ученіе Кирилла есть мѣрило православія! Мы видѣли выше, что на соборѣ Ефесскомъ подобныя же восклицанія гремѣли въ честь Кирилла Александрійскаго; оръ названъ былъ новымъ Павломъ, какъ здѣсь Петръ говорилъ устами Льва. Что касается до внесенія письма его въ опредѣленіе Сѣнода, то и это не новое, и не принадлежитъ ему одному. — На томъ же самомъ соборѣ Халкидонскомъ, по прочтеніи символа I и II-го Вселенскихъ соборовъ, читаны были также два письма Кирилла Александрійскаго, записанныя въ дѣяніяхъ Ефесскаго собора, и почтены какъ правила вѣры. Притомъ извѣстно, что такъ называемый символъ вѣры св. Аѳанасія и многія правила различныхъ отцевъ Церкви, приемятся наравнѣ съ соборными опредѣленіями, и однако никто не почиталъ сихъ отцевъ всеобщими главами Церкви. Почему же Папѣ надобно приписать таковую честь? (Флери кн. XXVIII, гл. 11. Tom. 8. Concil. pag. 432.)

Надобно обратить вниманіе и на то, какимъ образомъ былъ произнесенъ приговоръ соборный противъ Діоскора, и отличить превозношенія легатовъ, отъ правильныхъ рѣчей Отцевъ собора, чтобы понять истинный смыслъ рѣшенія. На третьемъ засѣданіи, легатъ Римскій Пасхазій сказалъ: „Боголюбезному и священному, блаженнѣйшему Собору извѣстно, что Діоскоръ, трижды званный, чувствуя себя

виновнымъ, пренебрегъ явиться къ отвѣту; и такъ святыня ваша, собственными устами, да произнесетъ, чего достоинъ онъ за такое пренебреженіе?» Святой Соборъ отвѣчалъ: „прещенія, положеннаго священными канонами на непокорныхъ.“ — Пасхазій Епископъ и легатъ сказалъ: „паки спрашиваемъ вашу святыню, чего заслуживаетъ неприходящій по тройному зову братьевъ и соепископовъ? желаемъ знать, что угодно вашей святыни?“ Св. Соборъ отвѣчалъ: „то, что положено канонами.“ Лукіанъ Епископъ Визы и мѣстоблюститель Иракійскій сказалъ: „блаженнымъ отцемъ нашимъ и Архіепископомъ Кирилломъ содѣяно было нѣчто на св. Ефесскомъ Соборѣ противъ Несторія; заглянувъ въ сіи акты, дайте приговору какую прилично форму.“ (И такъ вотъ на Кирилла указываютъ легатамъ, а не на Папу Келестина.) Пасхазій Епископъ сказалъ: „повелѣваетъ ли богочестіе ваше, чтобы мы употребили противъ него эпитимію церковную; согласны ли?“ Св. Соборъ сказалъ: „всѣ согласны на подобающее.“ Пасхазій Епископъ повторилъ тотъ же вопросъ, и это показываетъ, какъ трудно было Восточнымъ осуждать Діоскора, по собственному участию въ его дѣлѣ, и какъ неопредѣлительно отвѣчали они на положительные вопросы легата, который вовсе не повелѣвалъ именемъ Папы, а спрашивалъ согласія и повелѣнія соборнаго. Это обнаруживается изъ словъ Іуліана Епископа: „святые Отцы внемлите: когда въ Ефесѣ Діоскоръ имѣлъ старѣйшинство, чтобы разсудить между св. Флавіаномъ и Евтихіемъ, неправильное произпесъ онъ рѣшеніе и всѣ по неволѣ ему послѣдовали; нынѣ же святыня ваша имѣетъ старѣйшинство святѣйшаго Архіепископа Льва, и весь святой Соборъ соединился, по благодати Божіей и вельнію благочестивѣйшихъ Императоровъ. (Здѣсь весьма ясно сказано, кто созвалъ соборъ и какъ легаты имѣютъ только авторитетъ Льва.) Вамъ извѣстно все неправильно учиненное въ Ефесѣ; и такъ просимъ святыню вашу, заступающую мѣсто святѣйшаго Архіепископа Льва, произнести противъ него приговоръ и назначить эпитимію сходно съ священными правилами; мы же и весь вселенскій Соборъ изъявимъ согласіе съ вашею святынею.“ — Пасхазій Епископъ сказалъ: „паки вопрошаю, что угодно блаженству вашему?“ Максимъ Епископъ великаго града Антіохіи сказалъ: „мы будемъ согласны съ тѣмъ, какъ разсудитъ ваше преподобіе.“

Тогда мѣстоблюстители Патріарха великаго Рима произнесли слѣдующій приговоръ: „обнаружилось содѣланное Діоскоромъ, нѣкогда Епископомъ великой Александріи, вопреки священнымъ правиламъ и

церковнаго порядка. Онъ единомышленнаго ему Евтихія, правильно осужденнаго своимъ Епископомъ, иже во святыхъ отцехъ нашихъ Флавіаномъ, воспріявъ начальство, неправильно принявъ въ общеніе, прежде нежели совѣщался о томъ съ богомудрыми Епископами въ Ефесѣ. Но симъ Апостольскій престолъ оказалъ снисхожденіе, ради невольнаго ихъ въ томъ соучастія, и они оставались донынѣ въ послушанія святѣйшаго Архіепископа Льва и всего священнаго и вселенскаго святаго Собора; сего ради пріяли ихъ, какъ единовѣрныхъ въ свое общеніе. Діоскоръ же сталъ превозноситься о томъ, о чемъ надлежало бы съ воплями простираться на землю. Кромя того не позволилъ онъ читать на соборѣ и грамоту святѣйшаго Папы Льва къ блаженной памяти Флавіану, хотя съ клятвою обѣщавъ сіе, и тѣмъ соблазнилъ Церковь. — Мы хотѣли однако оказать ему снисхожденіе, какъ и прочимъ, хотя менѣ виновнымъ; но поелику онъ превзошелъ послѣдующимъ нечестіемъ первое; (ибо дерзнулъ произнести отлученіе на святѣйшаго Архіепископа Римскаго Льва, и святѣйшему Собору предложены были многія его насилія, исполненныя хулы, и не хотѣлъ повиноваться троекратному правильному зову, чѣмъ законно воспріялъ заочное осужденіе соборное), то самъ онъ противъ себя произнесъ приговоръ, непрестанно попирая каноны. Посему святѣйшій Архіепископъ великаго и древняго Рима Левъ, чрезъ насъ и чрезъ настоящій священный Соборъ, съ трблаженнымъ и всехвальнымъ Апостоломъ Петромъ, который есть камень и утверженіе Каѳолической Церкви и основаніе Православной вѣры, обнажаетъ его Діоскора епископства и отчуждаетъ всякаго священнаго достоинства. Пусть же и сей великій и священный Соборъ опредѣлитъ объ немъ, что согласно съ канонами.“

И такъ легаты Римскіе, послѣ неоднократнаго вопрошенія о томъ, что угодно Собору, только по просьбѣ онаго, произносятъ приговоръ отъ лица Римскаго Епископа, какъ одной части Вселенской Церкви, и предоставляютъ потомъ еще Собору изъяснить свое рѣшеніе по правиламъ. Какъ же опредѣляютъ прочіе? — Анатолій, Архіепископъ Царьграда, новаго Рима, говоритъ: „мудрствуя во всежъ одинаково съ Апостольскимъ престоломъ, произношу согласное осужденіе на Діоскора, который показалъ самъ себя чуждымъ всякаго священства, поелику явился преслушникомъ всѣхъ правилъ св. Отецъ и не повиновался троекратному зову.“ И такъ вотъ законная вина его.

Максимъ, Епископъ великаго града Антиохіа, сказалъ почти то же, присовокупивъ, что „подвергаетъ Діоскора эпитиміи церковной, какую

произнесъ святѣйшій отецъ нашъ, Архіепископъ древняго Рима Левъ, чрезъ своихъ мѣстоблюстителей, и святѣйшій Архіепископъ новаго Рима.“ Такимъ образомъ онъ равняетъ степень обоихъ. (pag. 492.)

Стефанъ Епископъ Ефеса сказалъ: „и я согласенъ съ тѣмъ, что опредѣлили благочестивѣйшіе и святѣйшіе Архіепископы Левъ и Анатолій.“

Лукіанъ Епископъ Визы сказалъ: „согласенъ на то, что благоугодно было присудить святому и великому Собору.“

Диогенъ Епископъ Кизики сказалъ: „и я согласенъ на опредѣленное святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ Архіепископомъ Римскимъ Львомъ и святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ, Царьграда новаго Рима, Анатоліемъ, и настоящимъ святымъ и вселенскимъ Соборомъ.“ — Вотъ три единогласныя опредѣленія въ разныхъ видахъ, и вездѣ имя Анатолія стоитъ рядомъ съ именемъ Льва, или вообще говорится о вселенскомъ Соборѣ, и въ томъ же смыслѣ отвѣчали всѣ Епископы, числомъ болѣе 600; гдѣ же тутъ единовластіе Папы, не смотря на громкія рѣчи легатовъ? гдѣ покорность Собора мнимои главѣ Церкви? Вотъ какъ надобно осторожно отличать рѣчи отъ дѣяній.

Болѣе опаснымъ камнемъ преткнанія представляется нѣчто въ письмѣ соборномъ къ Папѣ св. Льву. Восточные Епископы выразились такимъ образомъ: „что въ лицѣ представлявшихъ его на Соборѣ мѣстоблюстителей, онъ предводилъ ихъ какъ глава члены, являя благомысліе.“ И потомъ: „мы утвердили также правило 150 Отцевъ, собранныхъ въ Константинополь, при блаженной памяти Феодосіи старшемъ, которое повелѣваетъ, послѣ вашей святѣйшей и Апостольской кафедрѣ, имѣть старѣйшинство Константинопольской, будучи увѣрены, что по обилію у васъ Апостольскаго свѣта, вы многократно, съ обычнымъ попеченіемъ, простирали оный и на Церковь Константинопольскую, потому что вы независтно сообщаете приснымъ собственныя блага.“ (Tom. 9. Concil. pag. 204. 207.)

Сколько ни кажутся сильными такія выраженія: однако и онѣ не должны быть приницаемы въ строгомъ смыслѣ. Во первыхъ надобно замѣтить, что согласно съ волею Императоровъ, Сената и всего царствующаго града, настоящимъ письмомъ, Соборъ просилъ Папу между прочимъ согласиться на преимущество кафедрѣ Константинопольской предъ Александрійскою и Антиохійскою; — въ семъ случаѣ нуженъ былъ голосъ Папы, какъ представителя Западной Церкви, и потому весьма естественно, что употреблены самыя лестныя для него

выраженія. Впрочемъ тѣ же самые Отцы называютъ себя собратіями Папы, говоря: „вотъ, что мы совершили вмѣстѣ съ тобою, который духомъ присутствовалъ между нами, и заблагоразсудилъ согласиться, какъ съ братіями.“ (pag. 206.) Во вторыхъ, въ томъ же самомъ письмѣ, послѣ упомянутаго перваго выраженія, о главѣ и членахъ, тотчасъ читается: „вѣрные же Императоры весьма прилично предсѣдательствовали и распоряжались соборомъ, подобно Зоровавелю и Иисусу въ Иерусалимѣ, стараясь возобновить порядокъ Церкви по отношенію къ догматамъ.“ При такомомъ свидѣтельствѣ, мы не знаемъ, кому дать преимущество, Папѣ или Императорамъ, но совершенно увѣрены, что первый теряетъ уже чрезъ сіе по крайней мѣрѣ половину своей мнимой власти. Въ третьихъ, самое выраженіе о всеобщей главѣ Церкви у Восточныхъ писателей имѣетъ иной смыслъ, какъ мы это уже неоднократно видѣли.

Впрочемъ, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія, мы еще приведемъ одно обстоятельство того же Собора: когда на ономъ читано было письмо Папы Льва, Епископы Иллирійскіе и Палестинскіе объявили касательно онаго свои сомнѣнія, и не прежде успокоились, какъ получивши удовлетворительное изъясненіе отъ пословъ папскихъ. Епископы Египетскіе совсѣмъ не подписали настоящаго письма, потому что еще не имѣли своего Епископа, безъ согласія котораго, по обыкновенію Египетскому, не лзя было дѣлать подобныхъ подписей. Первые не осмѣлились бы выразить своихъ сомнѣній, если бы мнѣніе Папы было принимаемо вообще за правило вѣры; другіе не дерзнули бы отказаться подписать означенное письмо, если бы увѣрены были, что Папа есть верховный начальникъ, воля и мнѣніе котораго долженствовали быть священными и для ихъ областнаго Епископа. Соборъ уважилъ требованія тѣхъ и другихъ: для однихъ назначилъ снова рассмотреть письмо Льва, другихъ же уволилъ отъ требуемой подписи до избранія имъ Епископа. (Ист. Флери кн. XXVIII, гл. 17.)

Правила Халкидонскаго Собора относили окончательный судъ духовныхъ лицъ (безъ сомнѣнія Восточныхъ) Епископу новой столицы, подобно какъ помѣстный Сардикійскій Соборъ на Западъ положилъ обращаться къ Епископу древней столицы, и узаконеніе сіе не возбудило негодованія легатовъ папскихъ, хотя выраженія онаго весьма благопріятствовали возвышенію каведры Цареградской.

Правило 9. „Аще который клирикъ съ клирикомъ же имѣетъ судное дѣло: да не оставляетъ своего Епископа, и да не перебѣгаетъ

къ свѣтскимъ судилищамъ. Но сперва да производитъ свое дѣло у своего Епископа, или, по изволенію того же Епископа, избранные обѣими сторонами да составляютъ судъ. А кто вопреки сему поступить: да подлежитъ наказаніямъ по правиламъ. Аще же клирикъ со своимъ, или со инымъ Епископомъ, имѣетъ судное дѣло: да судится въ областномъ соборѣ. Аще же на Митрополита области Епископъ, или клирикъ имѣетъ неудовольствіе: да обращается, или къ Экзарху великія области, или къ престолу царствующаго Константинополя, и предъ нимъ да судится.“

Но легаты не могли равнодушно принять канона о второй степени Константинопольскаго престола, единодушно изложеннаго въ ихъ отсутствіи, на послѣднихъ засѣданіяхъ, всѣми отцами вселенскаго Собора.

Правило 28. „Во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ святыхъ Отецъ, и признавая читанное нынѣ правило ста пятидесяти Боголюбивѣйшихъ Епископовъ, бывшихъ въ соборѣ во дни благочестивыя памяти Θεодосія, въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, новомъ Римѣ, тожде самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія Церкви тожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. (Надобно обратить особенное вниманіе на сіе мѣсто, какъ на такое, которое объясняетъ намъ происхожденіе старшинства Римской кафедры, т. е. что оно дано ей, по свидѣтельству самой Церкви, не ради преимущества Св. Петра, ибо въ семъ случаѣ Антиохійскій еще старше, но просто ради того, что городъ былъ столичный въ Имперіи.) Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбивѣйшіе Епископы, предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ Царя и синклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ второй по немъ. Посему токмо Митрополиты областей Понтійскія, Асійскія и Фракійскія, и такожде Епископы у иноплеменниковъ вышереченныхъ областей, да поставляются отъ святѣйшаго престола святѣйшія Константинопольскія Церкви: сирѣчь, каждый Митрополитъ вышеупомянутыхъ областей, съ Епископами области, должны поставять епархіальныхъ Епископовъ, какъ предписано Божественными правилами. А самые Митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быть, какъ речено,

Константинопольскимъ Архіепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія, и по представленіи ему онаго.“

Легаты изъявили не только свое несогласіе, но даже и сомнѣніе въ свободномъ утвержденіи сего канона Отцами Восточными; но принуждены были слышать отъ нихъ самихъ, что никто не былъ принужденъ къ тому въ присутствіи всего царскаго синклита, который не смотря на сопротивленіе Римлянъ, призналъ рѣшеніе соборное дѣйствительнымъ. Достоинно вниманія, что когда легаты панскіе хотѣли опровергнуть сіе постановленіе, правилами Никейскаго собора, будто бы гласившими въ пользу преимущества Римской каѳедры: то списки, ими присланные, оказались несходными съ подлинниками Греческими, какъ уже однажды обличилъ такую же невѣрность соборъ Кароагенскій. — Въ спискахъ Римскихъ сказано было такъ: „трехсотъ осмнадцать Св. Отецъ правило девятое: Церковь Римская всегда да сохраняетъ первенство. Да соблюдается оно и въ Египтѣ, чтобы Епископъ Александрійскій имѣлъ всякую власть, поелику сіе Римскому Епископу обычно.“ (pag. 180.)

Въ спискахъ же Греческихъ ни слова не упомянуто о первенствѣ Римскомъ, а просто: „да хранятся древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ, дабы Александрійскій Епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими, поелику и Римскому Епископу сіе обычно. Подобно и въ Антиохіи и въ иныхъ областяхъ да соблюдаются преимущества Церкви.“

По прочтеніи правилъ перваго и втораго Вселенскихъ соборовъ, Сенаторы изрекли свое мнѣніе такъ, спросивъ прежде согласіе Епископовъ: „опредѣляемъ сохранить паче всѣхъ первенство и изрядную почесть, по правиламъ, боголюбезному Архіепископу старѣйшаго Рима; подобаеъ же и святѣйшему Архіепископу царствующаго Константинополя, новаго Рима, воспріять тѣ же старѣйшинства почести и ему также, по своему достоинству, имѣть власть рукополагать Митрополитовъ Азіи, Понта, Фракіи и проч.“ Весь соборъ возгласилъ предъ лицемъ легатовъ: „сіе есть правое опредѣленіе: мы всѣ сіе изрекаемъ, сіе всѣмъ угодно; законоположеніе да сохранится, ибо все правильно опредѣлено. Отпустите насъ, умоляемъ, отпустите съ собора, мы всѣ остаемся при томъ же рѣшеніи.“ Напрасно легаты вступались за мнимыя права Апостольской каѳедры, говоря, что не позволяютъ унижать ее въ ихъ присутствіи, что они должны извѣстять о томъ, что сдѣлано вопреки канонѣвъ, Апостольскаго и всей Церкви

первенствующаго Епископа; имъ отвѣчалъ отъ лица всего Собора 630 Епископовъ Юсифъ Севастійскій, что всѣ остаются при томъ же мнѣніи, и Сенаторы подтвердили, что опредѣленіе сіе есть всего Собора, который съ сими словами разошелся. (pag. 187, 188.)

Самъ Папа Левъ великій не превознесся, выраженіями посланія соборнаго, и не принималъ на себя титула Епископа всея вселенныя, которое легаты его домогались за нимъ утвердить, но въ посланіяхъ къ Императору и Анатолю Епископу Константинопольскому, вступался только за преимущества древнихъ Апостольскихъ Церквей Александрій и Антиохій, изъ коихъ первая, по словамъ его, важна достоинствомъ Марка Евангелиста, ученика Петрова, а вторая проповѣдію самаго блаженнаго Апостола, отъ коего и началось имя Христіанъ, и просилъ не нарушать древнихъ правилъ Никейскихъ, уважаемыхъ всею Церковію, восхищеніемъ себѣ первенства надъ другими, дабы домогаясь чести, не лишиться собственнаго вѣнца. Здѣсь нѣтъ ни слова о вселенской власти Римскаго Епископа. (Т. 9. Concil. pag. 216.)

Посланія Льва великаго къ Епископамъ, собравшимся въ Ефесъ и Халкидонъ, не отличаются также тѣмъ надмѣннымъ духомъ, который обнаруживали его легаты, хотя и Левъ говорилъ въ оныхъ о преимуществахъ своей кathedры, но только въ смыслѣ первенства и полноты Вселенской Церкви. Такъ писалъ онъ въ Ефесъ:

„Левъ Епископъ, святому Синоду, собравшемуся въ Ефесъ, возлюбленнымъ братіямъ, о Господѣ радоватися. Благочестивая вѣра всеимлостивѣйшаго Государа нашего, зная, что много возвысится собственная слава его, если не прозябнетъ при немъ никакое сѣмя заблужденія внутри Каеолической Церкви, оказала то уваженіе Божественнымъ опредѣленіямъ, что, для совершенія святаго предначинанія, присовокупила и важность Апостольской кathedры, какъ бы желая, отъ лица самаго блаженнаго Апостола Петра, провозгласить всехвальное его исповѣданіе. Ибо когда спросилъ Господь: „кого я глаголють человеки быти?“ многія различныя мнѣнія сказали ему ученики; когда же испыталъ ихъ собственную вѣру, началовождь Апостоловъ въ краткомъ словѣ обнялъ всю полноту вѣры: „Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго,“ почему и ему отвѣчалъ Господь: „ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь мою.“ И такъ весьма чуждъ составу сего зданія Церкви тотъ, кто не приемиетъ исповѣданія блаженнаго Петра и противурѣчитъ Евангелію Христову. Поелку же не должно оставлять безъ исцѣленія такихъ заблужденій, и Христо-

любивый Императоръ благочестиво пожелалъ имѣть Соборъ Епископскій, чтобы полнѣйшимъ разсужденіемъ могла истребиться всякая лесь, то я послалъ братій нашихъ: Іуліана Епископа и Рената пресвитера, и сына моего Иларія діакона, и съ ними вѣрнаго намъ нотарія Дулцентія, которые вмѣсто меня, на священномъ собраніи, между братства вашего будутъ, и общимъ съ вами судомъ положутъ то, что угодно Господу.“ (Т. 8. Concil. pag. 37.)

Вселенскому же собору, соединившемуся въ Халкидонѣ, писалъ Папа: „возлюбленные! желалъ бы я, ради любви взаимной нашего сословія, чтобы всѣ Святители Господни, въ благочестіи единой католической вѣры стояли, и не увлекались отъ пути истины, милостями или страхомъ свѣтскихъ властей. Но поелику весьма часто случаются дѣла достойныя покаянія, и превозмогаетъ вину преступленія милосердіе Божіе, и такимъ образомъ отлагается казнь, чтобы ни было мѣсто исправленіе, то должно принять вполнѣ благочестивый совѣтъ всемилостивѣйшаго Государа, который хочетъ, чтобы соединилось святое братство ваше, для разрушенія козней діавольскихъ и исправленія мира церковнаго, сохранивъ все подобающее катедрѣ блаженнаго Апостола Петра и должную ей почесть; такъ что и насъ собственными на сіе пригласилъ грамотами, дабы и мы присутствіе наше явили святому собору; что однако же не возможно, и по нуждамъ времени, и поелику и прежде не было такого обычая. Однако же въ сихъ братіяхъ, Пасхазіи и Луцентіи Епископахъ и Вонифатіи и Василии пресвитерахъ, посылаемыхъ отъ Апостольской катедры, братство ваше да почитаетъ меня предсѣдющимъ на соборѣ, и васъ самихъ не лишенныхъ моего присутствія, ибо, чрезъ мѣстоблюстителей монхъ, нахожусь съ вами и не отсутствую въ проповѣданіи католической вѣры; дабы какъ вы, не можете не вѣдать того, чему вѣруемъ мы по древнему преданію, такъ не могли бы и сомнѣваться въ томъ, какое есть собственно желаніе наше.“ (Т. 9. pag. 81.)

Такъ выражался одинъ изъ именитыхъ пастырей своего времени, хотя съ примѣтною заботою поддержать достоинство своей катедры, но и не забывая достоинства Вселенской Церкви, предъ которою искалъ оправдать свою вѣру, а не возвеличить власть свою; посему и воздавали ему Цари и Епископы должную почесть, какъ старѣйшему изъ Епископовъ Католической Церкви и вѣрному истолкователю ея святыхъ догматовъ.

ПЯТЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Сокрушеніе Римской Имперіи на Западѣ, варварски народами, которые исповѣдывали большею частію Аріанство, и потѣ покореніе Италиі и Рима, оружіемъ Императора Іустиніана, не вгда благопріятствовало въ шестомъ столѣтіи Епископамъ Римскимъ ибо Короли Готеовъ и Императоры Византійскіе участвовали въ ѣ избраніи и утверждали на каедрѣ. Папы являлись не однократно повнниками отъ лица варварскихъ властителей въ Константинополѣ. Тимъ образомъ Іоаннъ I былъ посланъ Королемъ Теодорикомъ, чтобы исясить свободу исповѣданія Аріанамъ въ Царьградѣ, и хотя предметъ осольства не соотвѣтствовалъ достоинству первостепеннаго Епископа Зідной Церкви, однако Іоаннъ принятъ былъ съ большею честію Императоромъ Іустиномъ, вѣнчалъ его на царство, и совершалъ литургію на Лакскомъ языкѣ въ Софійскомъ соборѣ.— Не много лѣтъ спустя, Пе Агапиль II ходилъ къ Императору Іустиніану, ходатаеиъ за Ита, отъ Короля Готеовъ, который опасался его оружія, и хотя не усль въ дѣлахъ политическихъ, принесъ однако пользу въ духовны: ибо онъ не хотѣлъ сообщиться съ Патріархомъ Цареградскимъ Аиномъ, неправильно переведеннымъ съ каедры Требизондской, прками Императрицы Теодоры, потому что онъ находился въ сношѣ съ Северомъ, лже-патріархомъ Антиохійскимъ и другими, отвергавши IV вселенскій Соборъ. (Ист. Флери кн. XXXII, гл. 5, гл. 53.)

Съ согласія Императора, созвавъ въ Царьградѣ вс православныхъ Епископовъ и Архимандритовъ, Агапиль осудилъ Аиа, вмѣстѣ съ его сообщниками, и по избранію Царя, клира и нар Цареградскаго, рукоположилъ на мѣсто его Мину, сообщивъ о томъ вотою Патріарху Іерусалимскому Петру, въ коей свидѣтельствовало какъ низложение, такъ и избраніе сдѣланы были обще Имперромъ, клиромъ и

народомъ, и просилъ увѣдомить обычнымъ отвѣтомъ, какъ принято будетъ рѣшеніе Апостольской кафедры. Петръ, созвавъ малый Соборъ въ Іерусалимѣ, разсмотрѣлъ сіе рѣшеніе, и найдя правильнымъ, утвердилъ согласіемъ своихъ Епископовъ, не пріемля такимъ образомъ безъ разбора дѣій папскихъ, даже и соборныхъ. По смерти Агапита, скоро воспомядовавшей въ Царьградѣ, Мина предсѣдательствовала на маломъ Соборѣ, окончательно осудившемъ еретиковъ, имѣя по правую руку Епископовъ Римскихъ, пришедшихъ съ Агапитомъ и представлявшихъ всѣ Церкви Западную, по лѣвую же, такъ называемыхъ апокрисіаріевъ, или повѣренныхъ отъ Патріарховъ Восточныхъ; ибо Іустиніанъ постановилъ правиломъ, чтобы всегда находились въ Царьградѣ, отъ нѣ лица, какъ и отъ лица Папы, таковыя легаты, болышею частію діаконъ ради нужды церковныхъ ихъ епархій, и такимъ образомъ въ послѣдствіи, самъ великій Григорій Папа, жилъ долгое время въ Константинополѣ апокрисіаріемъ. (Ист. Патр. Іерус. Досвѣта кн. V, гл. 10, 16.)

Замѣчательно, что въ прошеніи православныхъ иноковъ къ Папѣ Агапиту, какъ и въ посланіи Епископовъ Восточныхъ къ Патріарху Минѣ, и во имя дѣяній соборныхъ, они одинаково названы: „святѣйшими, блаженнѣйшими, отцами отцевъ и Вселенскими Патріархами,“ съ однимъ тою различіемъ древняго и новаго Рима; ибо наименованіе Вселенскаго, которое вошло въ употребленіе, особенно въ Царьградѣ, со времени Іуліана, не означало Епископа властвующаго надъ всею вселенною, а только по именитости своей кафедры, преимущественно извѣстнаго во всѣхъ концахъ міра, какъ именуются вселенскими учителями Василій Григорій, Златоустъ, какъ самъ Златоустъ называлъ Флавіяна, и каждаго донныя величаютъ Патріарха Константинопольскаго Вселенскимъ, хотя ему не подвластны прочіе Патріархи; Александрійскаго же величаютъ еще: отцемъ отцевъ, Архіереемъ Архіереевъ, пастыремъ пастей, тринадцатымъ изъ Апостоловъ и судіею вселенной.

По смерти Агита, король Готевъ, Феодатъ велѣлъ избрать на мѣсто его въ Римѣ Сильверіа; но Императрица Феодора дала обѣщаніе діакону Римской церкви Вигилію, находившемуся тогда въ Константинополѣ, поставить его на кафедру, если только онъ отвергнетъ Соборъ Халкидонскій и войдетъ въ общеніе съ ижепатріархами Царьграда, Александрии и Антиохіи. Вигилій, изъявивъ на то согласіе, показалъ въ Римѣ указъ царскій, о своемъ избраніи, Велисарію и былъ неправильно возведенъ имъ на кафедру Римскую, на мѣсто

Сильверія; но горько заплатилъ въ послѣдствіи за свое честолюбіе, ибо самъ подвергся тяжкимъ огорченіямъ въ Константинополѣ, куда былъ вызванъ, по предмету разсужденія о грехъ статьяхъ Халкидонскаго Собора, или твореніяхъ трехъ восточныхъ Епископовъ, которыя оказались неправославными, хотя и не отвергнуты были отцами Халкидонскими. (Ист. Флери кн. XXXII, гл. 57.)

Римляне не любятъ пятого вселенскаго Собора, который былъ держанъ въ Константинополѣ, во время пребыванія тамъ Папы Вигилія, но безъ личнаго его присутствія, и осудилъ его поступки, потому что Соборъ сей униженъ для власти папской; — они не только не сохранили дѣяній его на Греческомъ, вѣроятно слишкомъ для нихъ неблагопріятныхъ, но даже въ изданіи соборовъ выкинули тѣ мѣста, которыя были оскорбительны для чести Вигилія или Римскаго престола. — Соборъ открылся въ 553 году въ присутствіи трехъ Патріарховъ: Евтихія Константинопольскаго, Аноллинарія Александрійскаго, Домника Антиохійскаго, мѣстоблюстителей Евстохія Іерусалимскаго и 168 Епископовъ, чтеніемъ грамоты Императора Іустиніана, въ которой излагалось, какимъ образомъ первые четыре вселенскіе Собора были созваны Императорами, (а не Папами, что и дѣйствительно основано на фактахъ историческихъ). Предсѣдателями Ефесскаго называлъ онъ не одного Папу Келестина, но одинаково св. отцевъ Келестина и Кирилла; говоря о причинахъ созванія настоящаго пятого Собора, Императоръ присовокупилъ: „кто не соглашается съ четырьмя первыми вселенскими, какого бы ни былъ онъ достоинства, подлежитъ клятвѣ, (чѣмъ намекалъ на лице Вигилія, не хотѣвшаго участвовать въ Соборѣ.) Если кто будучи вопрошаемъ о правой вѣрѣ, медлитъ отвѣчать, сіе ничто иное, какъ отреченіе праваго исповѣданія; ибо въ вопросахъ и отвѣтахъ о вѣрѣ, нѣтъ перваго или втораго, но кто обрѣтется болѣе готовымъ къ правому исповѣданію, тотъ пріятнѣ Богу.“ (Т. 12. Concil. pag. 13.)

За симъ прочтены были и взаимныя посланія Патріарха Евтихія и Папы Вигилія; первое надписано было такъ: „святѣйшему и блаженнѣйшему господину и сослужителю Вигилію, Евтихій: зная сколь великихъ благъ источникомъ служитъ миръ Божій, охраняющій ужъ и сердца вѣрныхъ и совокупающій ихъ воедино, для праваго исповѣданія вѣры, и желая сохранить съ вами единство, мы объявили вашему Апостольскому престолу, что всегда содержимъ вѣру, преданную намъ отъ Господа, чрезъ Апостоловъ и Мучениковъ. Поелву же возникли нѣкоторые вопросы, о трехъ статьяхъ, просимъ, чтобы было о нихъ

совѣщаніе, при предсѣдательствѣ вашего блаженства, подъ сѣнію священнаго величества, предъ лежащимъ святымъ Евангеліемъ, дабы постановить конецъ угодный Богу;—моли о насъ святѣйшій и блаженнѣйшій братъ.“ (pag. 19—21.)

Вигилій отвѣтствовалъ святѣйшему брату Евтихію и Епископамъ подъ нимъ состоящимъ, изъявленіемъ своего на то согласія, и Соборъ, по прочтеніи грамотъ сихъ, положилъ, чтобы Патріархъ и нѣкоторые изъ Епископовъ пошли пригласить Вигилія къ засѣданіямъ; но на ихъ приглашеніе онъ отозвался болѣзнію, общая на другой день объявить свое мнѣніе. (pag. 23.)

На второмъ засѣданіи Патріархи объявили Собору, что Папа извинялся малымъ числомъ своихъ Епископовъ въ сравненіи Восточныхъ, и что онъ изложитъ свое мнѣніе прямо Государю. Патріархи напомнили ему, что онъ обѣщался совѣщаться съ ними вмѣстѣ, и что не подобаетъ цѣлому Собору отлагать свое сужденіе, ради Западныхъ Епископовъ: ибо и на первыхъ вселенскихъ Соборахъ никогда не бывало болѣе трехъ Западныхъ Епископовъ, а при немъ случилось въ то время большее ихъ число изъ Италіи и Африки, и потому лучше дѣло рѣшить съ приличною любовію общимъ приговоромъ. „Если же, заключили они, не хочеть твое блаженство соборовать, по данному обѣщанію письменному и словесному, то да будетъ тебѣ извѣстно, что мы, соединившись вкупѣ, изложимъ и сами нашу волю, ибо несправедливо соблазнять медленностію благочестиваго Императора и вѣрный народъ.“ (pag. 24. 25.)

Сановники, посланные отъ лица царскаго къ Папѣ, объявили Собору также, что они убѣждали Вигилія, и предлагали ему даже назначить, какой пожелаеть срокъ, для времени пришествія его на Соборъ; но онъ остался непреклоннымъ, и потому пригласили Патріарховъ и Епископовъ приступить безъ него къ совѣщаніямъ, что и сами они положили на третьемъ дѣяніи, съ тѣмъ, чтобы твердо держаться правилъ четырехъ вселенскихъ Соборовъ и св. Отець. (pag. 27.)

И такъ вотъ примѣръ вселенскаго Собора, соединеннаго противъ желанія Папы и дѣйствующаго безъ него, хотя онъ въ томъ же городѣ. На седьмомъ засѣданіи читаны были посланія Вигилія къ разнымъ лицамъ, присланныя Императоромъ для доказательства, что и Пана мыслилъ одинаково съ Соборомъ; но въ изданіи актовъ опущено то, что не благопріятствовало Вигилію, а именно: показаніе сановника царскаго о томъ, какимъ образомъ Папа присылалъ звать къ себѣ

Патріарха и нѣкоторыхъ Епископовъ, и просилъ отнести Императору изложенное на бумагѣ мнѣніе свое, и какъ они отказались; опущено также, что сановникъ сей объявилъ волю Императора, о исключеніи имени Вигиліева, изъ поминовеній церковныхъ, за его упорство и несогласіе съ отцами, на что согласился Соборъ. Императоръ желалъ однако сохранить единство съ каедрою Римскою. (Ист. Флери кн. XXXIII, гл. 49.)

На послѣднемъ засѣданіи Отцы соборные изложили пространно свое рѣшеніе, которое здѣсь вкратцѣ приводится: „Видя, что послѣдователи Несторія усилваются ввести въ Церковь свои заблужденія, чрезъ нечестивыя творенія Θεодора Мопсуестскаго и Θεодорита Кирскаго, и мнимое письмо Ивы къ Марину Персіянину, мы собрались, по волѣ Божіей и по велѣнію царскому, для прекращенія сихъ злоупотребленій.— Благочестивѣйшій Вигилій, находясь въ семъ городѣ, былъ свидѣтелемъ всѣхъ прѣвій касательно трехъ статей, и неоднократно осуждалъ ихъ устно и письменно, потомъ же согласился придти на Соборъ и рассмотреть ихъ вмѣстѣ съ нами, для общаго опредѣленія. Когда же Императоръ побудилъ насъ собраться здѣсь, мы принуждены были просить Вигилія исполнить свое обѣщаніе, представляя ему примѣръ Апостоловъ, которые хотя и были, каждый въ особености, исполнены Духомъ Святымъ, такъ что не имѣли нужды въ совѣтѣ, не хотѣли однако же рѣшить вопросъ, о обрѣзаніи язычниковъ, прежде нежели собрались и утвердили свое мнѣніе текстами Св. Писанія. Отцы, въ свое время державшіе четыре вселенскіе Собора, слѣдовали прежнему примѣру и вкупѣ рѣшали о ересяхъ, ибо нѣтъ другаго средства для познанія истины въ догматахъ вѣры; всякой, по словамъ Писанія, нуждается въ помощи брата, и гдѣ два или три собраны во имя Христово, тамъ и онъ между ними. И такъ, послѣ того какъ мы часто приглашали на соборъ Папу Вигилія, и Императоръ посылалъ къ нему сановниковъ, онъ обѣщалъ дать, частнымъ образомъ, свое мнѣніе о трехъ статьяхъ. Мы же услышавъ такой отвѣтъ, помыслили о словахъ Апостола, что каждый дастъ за себя отвѣтъ Богу, и убоялись суда, который угрожаетъ соблазняющимъ братій своихъ.“ (pag. 222, 223.) Въ слѣдствіе сего Соборъ излагаетъ то, что онъ сдѣлалъ, при разсатриваніи трехъ статей, и признавая четыре вселенскіе Собора Никейскій, Константинопольскій, Ефесскій и Халкидонскій, заключаетъ: „что если кто дерзнетъ, вопреки ихъ постановленію, что либо учить или писать, то кто бы онъ ни былъ, Епископъ или клирикъ, становится

чуждымъ священства и обнажается епископства.“ Это прямо относилось къ Вигилію, хотя и умолчено его имя. Подпись 165 Епископовъ, имѣвшихъ во главѣ Епископа Константинопольскаго, утвердила рѣшеніе соборное, и Вигилій принужденъ былъ принять оное, хотя пронесено было противъ прежнихъ его мнѣній и съ явнымъ пренебреженіемъ его чести. И такъ вотъ вселенскій Соборъ осуждаетъ Папу, и что же смиренно отвѣтствовалъ Вигилій, возлюбленному брату своему Евтихію, подписавшемуся во главѣ Собора?—

„Каждому извѣстно, какой соблазнъ возбудилъ во всемъ мірѣ врагъ человѣческой, такъ что его самага, (т. е. Папу Вигилія) и находившихся при немъ въ Царьградѣ, хотя одинаково съ братіями своими и соепископами уважающихъ опредѣленія четырехъ вселенскихъ Соборовъ и единую съ ними содержащихъ вѣру, старался отдѣлать отъ нихъ, софизмами и лукавыми кознями; но Христосъ Богъ¹ нашъ, истинный свѣтъ, не объемлемый тьмою, отклонилъ всякое смущеніе отъ мыслей его (Папы), и весь міръ и Церковь призвалъ къ миру, такъ что по откровенію Господа, спасительно исполнено имъ Вигиліемъ то, что подобало,“ и проч. (pag. 263.)

Вмѣстѣ съ Папою и весь Западъ призналъ рѣшеніе сего собора, который получилъ, чрезъ общее согласіе Церкви, достоинство Вселенскаго. Послѣ такого колебанія и почти осужденія Вигиліева, не должно уже смущаться, лестными выраженіями Императора Іустиніана о кафедрѣ Рязской, въ грамотѣ къ предвѣстнику Вигилія Папѣ Агапиту, если только и она не искажена Римлянами.

„Первое спасеніе есть хранить правую вѣру и не отступать отъ преданія отеческаго; ибо не можетъ мимо идти изреченіе Господа нашего Иисуса Христа: „ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь мою.“ Слова сіи подтверждаются событіями, ибо и на кафедрѣ Апостольской всегда соблюдается неизмѣнно Каеволическая вѣра.“ Нѣсколько лѣтъ спустя опытъ показалъ самому Іустиніану въ лицѣ Папы Вигилія, котораго ния велѣлъ онъ исключить изъ поминовеній церковныхъ, что слова Христовы относятся не къ особѣ Петра и не къ кафедрѣ Римской исключительно, но къ исповѣданію Петрову и Вселенской Церкви. (Concil. T. II, pag. 188.)

Другая грамота Іустиніана къ Папѣ Іоанну, показываетъ ясно отношенія Римскаго Епископа къ Церквамъ: „воздавая честь Апостольской вашей кафедрѣ и вашей святынѣ, и какъ отца уважая ваше блаженство, мы всегда хотѣли до свидѣнія вашего все, что

касалося до состоянія Церквей; ибо всегда имѣли великую заботу сохранить единство съ вашими Апостольскимъ престоломъ и благосостояніе Св. Божіихъ Церквей. И такъ просимъ отеческую любовь вашу, чтобы въ грамотахъ вашихъ къ намъ и къ святѣйшему Епископу сего града, Патріарху брату вашему, (поелику и онъ писалъ къ вамъ, согласуясь во всемъ съ Апостольскою кафедрою вашею) объявить намъ, что вы примете всѣхъ исповѣдающихъ правую вѣру, и отрицающихъ оную осуждаете. Тѣмъ паче возрастетъ общая любовь къ вамъ и важность вашего Апостольскаго престола, и сохранится единство сущихъ у васъ святыхъ Церквей, ибо чрезъ васъ узнаютъ всѣ блаженные Епископы правое ученіе тѣхъ, которые относятся къ вашей святинѣ.“ (pag. 172.)

Здѣсь также не видно единовластія Папы, а только почеть и союзъ Запада съ Востокомъ. Императоръ Іустиніанъ, который съ ревностію входилъ въ разбирательство правъ церковныхъ, подобно какъ и гражданскихъ, въ числѣ многихъ своихъ узаконеній, опредѣлилъ и степени первенствующихъ престоловъ, находившихся въ предѣлахъ его обширной имперіи. Но и онъ, подобно отцамъ Константинопольскаго и Халкидонскаго Соборовъ, не видѣлъ какого либо духовнаго начала въ ихъ различныхъ преимуществахъ, а только распоряженія человѣческія, когда издалъ слѣдующее узаконеніе: „согласно съ правилами святыхъ Соборовъ, опредѣляемъ святѣйшему Епископу старшаго Рима быть первымъ предъ всеми іереями, и блаженнѣйшему Епископу Константинополя, новаго Рима, занимать второе мѣсто послѣ престола старшаго Рима и быть выше всѣхъ прочихъ.“ (Novella centesima.)

То же преимущество подтвердилъ Папъ Вонифатію III; по просьбѣ его, Императоръ Фока, умертвившій предѣстника своего Маврикія, и отнялъ титуло Архіерея Вселенскаго у Киріака Патріарха Константинопольскаго, за то, что онъ не выдалъ ему Императрицу и трехъ ея дочерей, искавшихъ спадепія въ храмъ. Сіе титуло Вселенскаго, со временъ Іустиніана стало употребляться въ Церкви Константинопольской и возбудило сильное негодованіе св. Папы Григорія Великаго, противъ Патріарха Цареградскаго св. Іоанна Постника, который прежде всѣхъ началъ подписываться такъ въ актахъ церковныхъ. (Ист. Флери кн. XXXVI, гл. 52.)

Римскіе святители не терпѣли присвоенія вселенской власти и титула, когда оныя давались другимъ, хотя въ этомъ случаѣ Григорій

дѣйствовать единственно по духу смиренія. Письма его могутъ служить лучше и сильнѣйшею проповѣдью и обличеніемъ противъ духа властительства и единоначалія Римскаго, и изъ нихъ можно видѣть, въ чемъ собственно состояло первенство Епископовъ Римскихъ.

„Размысли, пишетъ онъ Іоанну, что твоею безразсудною надѣянностію возмущается миръ церковный; братъ возлюбленный, возлюби всѣмъ сердцемъ твоимъ смиреніе, которымъ можетъ сохраниться согласіе всѣхъ братій и единство святой вселенской Церкви. Когда Апостоль Павелъ услышалъ нѣкоторыхъ говорящихъ: „я Павловъ, а Аполлосовъ, а я Кифинъ“ ужаснулся онъ такому разтерзанію тѣла Господня, члены коего прилагались чуждымъ главамъ, и воскликнулъ: „развѣ Павелъ распялся за васъ, или во имя Павлово вы крестились?“ Такъ избѣгалъ онъ, внѣ Христа, подчинять члены тѣла Господня въ частности, какъ бы главамъ, даже самимъ Апостоламъ. Что скажешь Христу, т. е. всеобщей главѣ Церкви, на испытаніи послѣдняго суда, ты, который названіемъ вселенскаго стараешься подчинить себѣ всѣ члены его? Кто въ этомъ, столь развращенномъ названіи, предлагается подражанію, кромѣ того, который презрѣвши легіоны Ангеловъ, въ союзѣ съ нимъ поставленныхъ, домогался вознестись на верхъ единства, чтобы не подлежать никому, и чтобы одному казаться выше всѣхъ? который также сказалъ: „на небо взыду; выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой; взыду выше облакъ; буду подобенъ Вышнему?“ Ибо что братія твоя, всѣ Епископы вселенской Церкви, если не звѣзды неба, предъ коими когда ты хочешь возвыситься и унижить ими ихъ, посредствомъ надѣяннаго названія, что иное говоришь, если не: „взыду на небо, выше звѣздъ поставлю престолъ мой?“ Не облака ли суть всѣ Епископы? когда же твое братство презираетъ и старается давить ихъ подъ собою, что иное говорить, какъ не то, что сказано древнимъ врагомъ: „выше облакъ взыду?“

„Починникъ Петръ Апостоль есть первый членъ святой и вселенской Церкви, Павелъ же, Андрей, Іоаннъ, что другое какъ не главы частныхъ народовъ? и однако же подъ единою главою суть всѣ члены Церкви; и чтобы вкратцѣ выразиться: святые до закона, святые подъ закономъ, святые подъ благодатію, всѣ они, восполняющіе собою тѣло Господне, причисляются къ членамъ Церкви, и никто изъ нихъ никогда не хотѣлъ именоваться вселенскимъ. (Вотъ истинное и прямое ученіе Церкви и отцевъ.) Да познаетъ ваша святыня сколько она превозносится, когда хочетъ называться такимъ именемъ, котораго не восхицалъ никто

изъ тѣхъ, которые истинно были святыми. Или неизвѣстно вашему братству, что на Халкидонскомъ священномъ Соборѣ, святители сего Апостольскаго престола, которому по волѣ Божіей служу, называемы были ради почести вселенскими? Никто однако же никогда не хотѣлъ называться такимъ именемъ, никто не восхитилъ себѣ столь дерзновенное имя, дабы, если восхитить себѣ въ святительскомъ санѣ исключительную славу, не показалось бы, что онъ отказываетъ въ оной всѣмъ братіямъ. (За симъ слѣдуютъ увѣщанія словами Евангельскими.) Размысли чему научаютъ насъ заповѣди Искупителя нашего, глаголющаго: „блажени нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное“ (Матѣ. V, 3.); и чрезъ Пророка своего: „на комъ почиетъ Духъ мой, только на смиренномъ и кроткомъ и трепещущемъ словъ моихъ.“ (Исаія LXVI, 2.) Когда Господь хотѣлъ привести сердца немощствующихъ учениковъ на путь смиренія, онъ имъ сказалъ: „если кто хочетъ быть въ васъ первымъ, да будетъ всѣмъ слуга,“ (Матѣ. XX, 27.) и еще: „вы же не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ учитель, вы же всѣ братья“ (Матѣ. XXIII, 8, 9.), не называйте себѣ отца на земли, ибо одинъ только Отецъ вашъ.“ Ты же, возлюбленный братъ, что скажешь на ономъ страшномъ испытаніи грядущаго суда, когда желаешь въ мірѣ называться не только отцемъ, но и отцемъ вселенскимъ? Да отклоняется всякое внушеніе злое, да бѣжитъ всякій соблазнъ. „Подобаетъ пріити соблазнамъ, но горе человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ.“ (Матѣ. XVIII, 7.) И вотъ, отъ сего неистоваго и надмѣннаго титла, раздѣляется Церковь и сердца всѣхъ братій смущаются соблазномъ. (Не отъ сего ли поистиннѣ и раздѣлилась Церковь? не отъ возношенія ли Первосвятителей Римскихъ, хотѣвшихъ возгосподствовать надъ вселенскою Церковію?) Писано: „любовь не ищетъ своего“ (1 Кор. XIII, 5.), а твое братство присвоаетъ себѣ даже чуждое, и опять писано: „предупреждайте другъ друга честію“ (Рим. XII, 10.), ты же стараешься у всѣхъ отнять то, что желаешь незаконно присвоить себѣ одному. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что сіе пишу ради любви къ вашему братству, и не противъ васъ, а за васъ; не могу однако предпочесть даже и возлюбленнаго заповѣдамъ Евангельскимъ, правиламъ церковнымъ и пользѣ брата.“ (Письмо 38. кн. IV. инд. 13.)

Кажется, невозможно было сказать ничего лучше и сильнѣе, и удивительно какъ преемники великаго Григорія могутъ спокойно читать сію грамоту и не только называться вселенскими, но и главами

вселенской Церкви и намѣстниками Христовыми! Не къ одному Іоанну, но и ко всѣмъ Патріархамъ, писалъ по сему же предмету св. Григорій, ибо до всѣхъ относилось такое нарушеніе равенства; сказавъ имъ прежде, какимъ образомъ его предѣстникъ Пелагій уничтожилъ, важностію Петра Апостола, дѣянія соборныя, въ коихъ Іоаннъ, Патріархъ Константинопольскій, присвоилъ себѣ имя вселенскаго, и какъ никто изъ Епископовъ Римскихъ не хотѣлъ сего титула, ибо если одинъ Патріархъ назовется вселенскимъ, то всѣхъ прочихъ Патріарховъ уничтожится званіе: „никому не давайте титула вселенскаго Архіерея и ничего не бойтесь за сіе отъ лица Кесарева; онъ богобоязливъ и не поступитъ вопреки Евангелія и каноновъ. Могу ли не сокрушаться, видя, что нѣкогда смиренный постникъ Іоаннъ до того превознесся, что покушается присвоить себѣ власть, и тѣхъ, которые соединены съ единымъ главою, т. е. со Христомъ, всѣхъ его членовъ хочетъ подчинить себѣ, превозношеніемъ гордаго титула. Если дозволятъ ему употребить такой титулъ, то всѣ Патріархи лишатся своего достоинства, и когда именующійся вселенскимъ Епископомъ впадетъ въ заблужденіе, то уже не найдется болѣе Епископа, стоящаго въ правдѣ. И такъ умоляю васъ соблюсти ваши Церкви какими вы ихъ пріяли; охраните отъ сей порчи всѣхъ подвластныхъ вамъ Епископовъ и покажите имъ, что вы воистинну Патріархи вселенской Церкви; если и случится какое бѣдствіе, пребудемъ едиподушны и даже умирая докажемъ, что не ради собственныхъ выгодъ осудили титулъ сей. Вѣрьте мнѣ, что какъ мы получили санъ нашъ для проповѣданія истины, такъ долѣетъ лучше оставить его ради истины, нежели удержатъ. Помолитесь за меня, дабы дѣла мои соответствовали словамъ.“ (Письмо 36 кн. IV. инд. 13. Ист. Флери кн. XXXV, гл. 39.)

Къ Императору Маврыкію писалъ о томъ же великій Святитель: „ты упрекаешь меня, что ради суетнаго титула не должно возникать между нами соблазна. Но размысли, что есть нѣкоторыя вещи суетныя, хотя и весьма безвредны, другія же крайне вредны: когда грядущій антихристъ назоветъ себя Богомъ, сіе будетъ суетно, но вѣвствъ и крайне пагубно! — Обратимъ вниманіе на составъ слова: въ немъ только одинъ слогъ, а въ смыслѣ бездна нечестія и общая гибель. Я же смѣло говорю, что если кто себя называетъ, или желаетъ называть вселенскимъ святителемъ, тотъ, возношеніемъ своимъ, предшествуетъ антихристу, ибо надмѣнно предпоставляетъ себя прочимъ. Одинаковою гордостію ведутся они къ заблужденію, ибо какъ оный

смыслъ погнѣбелн хочеть казаться Богомъ предъ всѣми челоуѣками, такъ и сей, кто бы онъ ни былъ, желающій назваться единственнымъ святителемъ, возносится надъ прочими святителями.“ (Пис. 30 кн. VI. мнд. 15.) Не падаетъ ли это на лице Папы, который, какъ намѣстникъ Христа, садится даже, въ день своего поставленія, на самый престолъ, на коемъ совершается безкровная жертва Христова? Не ужаснулся ли бы сего великій Григорій, учредитель чина церковнаго, писавшій: „поелику истина рекла: всякой возносящій себя смирится“ (Луки XIV, 11.), знаю что всякое возношеніе тѣмъ скорѣе рушится, чѣмъ больше напыщается.“ Какъ далеко отъ его смиреннаго письма до поставленій Западныхъ, въ конхъ Папа названъ не только вселенскимъ Архіереемъ, но даже намѣстникомъ Христа, и всѣ Епископы присягаютъ ему въ вѣрности и сознаются, что получили свои кафедры, по благодати Божіей и милостію Апостольскаго престола!

Если же изъ писемъ св. Григорія кто либо заключаетъ, что не принявъ громкаго титула Вселенскаго Архіерея, онъ однако домогался вселенской власти, и именемъ Петра Апостола думалъ управлять всю Церковію, поелику часто ссылался на его первенство и верховный санъ: то пусть прочтетъ письмо Григорія къ Патріарху Александрійскому Евлогію, (п. 37. кн. 6.) въ которомъ ясно показано, какъ разумѣлъ онъ первенство Петрово. „Возлюбленная мнѣ святость твоя много въ письмахъ своихъ говорила мнѣ о кафедрѣ верховнаго Апостола Петра, утверждая, что и доннѣ онъ сидитъ на ней въ лицѣ своихъ преемниковъ. Я же признаю себя недостойнымъ, не только чести предсѣдающихъ, но даже и числа стоящихъ; однако съ любовію принялъ все сказанное, потому что о кафедрѣ Петра говорилъ мнѣ содержащій кафедру Петрову. И хотя ни сколько не радуетъ меня частная почестъ, я весьма обрадовался, потому что вы святѣйшіе, то, чѣмъ меня обременяли, сами себя даровали. Ибо кто не знаетъ, что святая Церковь утверждена на крѣпости верховнаго изъ Апостоловъ, который выражалъ самымъ именемъ крѣпость мысли своею, будучи названъ Петромъ отъ камня? — Сему сказано было гласомъ истины, „тебѣ дамъ ключи царствія небеснаго, и ты, нѣкогда обратившись: утверди братію свою, и паси овцы моя.“ И такъ хотя многіе суть Апостолы, ради самаго старѣйшинства, одна только кафедра верховнаго Апостола превосходитъ важностію своею, которая въ трехъ мѣстахъ единому принадлежитъ. Ибо онъ самъ возвеличилъ престолъ, на коемъ упокоился и удостоился окончить временную жизнь; онъ самъ украсилъ

престолъ, на который послалъ ученика своего Евангелиста, и самъ же утвердилъ престолъ, на коемъ сперва возсѣдалъ семь лѣтъ. И такъ, если одинаго и одинъ есть престолъ, на коемъ нынѣ, по Божественной власти, предсѣдять три Епископа: то я вмѣняю себѣ то, что о васъ слышу добраго, а что обо мнѣ добраго приежете, то своимъ заслугамъ вмѣняйте, ибо мы едины въ томъ, кто сказалъ: „чтобы всѣ были едино, какъ Отецъ во мнѣ, и я въ Отцѣ, такъ и всѣ въ насъ да будутъ едино.“ (Иоан. XVII, 21.)

Одинъ изъ лучшихъ и безпристрастныхъ писателей Западной Церкви, аббатъ Флери, въ своей церковной исторіи, описывая правленіе Св. Папы Григорія, излагаетъ, какъ далеко распространилась въ концѣ 6 вѣка власть Епископовъ Римскихъ: „Григорій поставлялъ Епископовъ и входилъ во всѣ подробности управленія только въ такихъ Церквахъ, которыя прямо зависѣли отъ Римскаго престола, и которыя посему назывались подгородными: какъ то въ южной части Италіи, гдѣ онъ былъ единственнымъ Архіепископомъ, въ Сициліи и иныхъ островахъ, хотя они имѣли своихъ Митрополитовъ. Но нигдѣ не видно, чтобы онъ имѣлъ такую же непосредственную власть въ областяхъ, зависѣвшихъ отъ Медиолана и Аквилеи, ни въ Испаніи и Галліи. Правда, Епископъ Арелатскій былъ его викаріемъ въ Галліи, такъ какъ и Фессалоникійскій въ Западной Иллиріи. Папа заботился также о Церквахъ Африканскихъ, чтобы тамъ созывались Соборы и соблюдались правила. Но мы не видимъ, чтобы онъ пользовался какимъ либо судебнымъ правомъ во всѣхъ областяхъ, какія только принадлежали Имперіи Восточной, т. е. въ четырехъ патріархіяхъ Константинополя, Александріи, Антиохіи и Іерусалима. Онъ былъ только въ общеніи письменномъ со всеми семи Патріархами, не входя однако въ частное управленіе ихъ Церквей, исключая развѣ нѣкоторыхъ необычайныхъ случаевъ.“ Вотъ справедливое, кромѣ одного послѣдняго выраженія, описаніе того, въ чѣмъ собственно состояло первенство Римской кафедры на Востокъ.

ШЕСТЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СѢБОРЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Отношенія Римскихъ Епископовъ не измѣнились и въ седьмомъ столѣтіи, ни къ Вселенской Церкви, ни къ Императорамъ Византійскимъ, отъ которыхъ они вполне зависѣли, ибо Римъ продолжалъ еще быть достояніемъ ихъ обширной области. Но долговременное несогласіе волновало Церковь въ теченіи сего вѣка, по случаю ереси Моноелитовъ, которые не признавали, согласно съ ученіемъ православнымъ, двѣ воли въ лицѣ Господа Иисуса, проистекавшія отъ двойкой его природы, Божеской и человѣческой; первостепенные Епископы благопріятствовали ихъ заблужденію, какъ-то: Киръ Александрійскій, Сергій, Павелъ и Пирръ Цареградскіе и Онорій Римскій.— Посему Императоръ Константинъ Погонать, желая водворить миръ въ Церкви, созвалъ въ Константинополь Соборъ, признанный шестымъ Вселенскимъ, на которомъ присутствовали и легаты Римскіе.

Патріархъ Іерусалимскій Досеей въ исторіи своей замѣчаетъ о семъ Соборѣ слѣдующее: „Константинъ Погонать, по восшествіи своемъ на престолъ, прилѣжно заботился о мирѣ и единеніи Церкви; посему онъ имѣлъ совѣщаніе съ Константинопольскимъ Патріархомъ, и потомъ писалъ къ Римскому Папѣ, о соединеніи Восточной и Западной Церкви: „послику нѣкоторые захотѣли возбудить несогласіе, касательно спорныхъ предметовъ о догматѣ благочестія, между вашею святѣйшею Церковію и между здѣшнею святѣйшею великою Церковію Божіею и произвести споръ: то мы немедленно повелѣли прекратить сіе, зная, что отъ частнаго спора не можетъ произойти у нихъ соединенія, но напротивъ только увеличится зло. А мы желаемъ найти удобное время къ каволическому созванію обоихъ престоловъ на Соборъ для того, чтобы подтвердить каноническія опредѣленія пяти св. Соборовъ и изложеніе святыхъ извѣстнѣйшихъ отцевъ, и чтобы

единными устами и единымъ сердцемъ славить пречестное имя Бога нашего. Пока не начался еще Соборъ, мы обращаемся къ вашему отеческому блаженству, чрезъ сію нашу благочестивую грамоту, убѣждая прислать къ намъ мужей способныхъ и честныхъ, имѣющихъ знаніе во всемъ Богодухновенномъ писаніи, и стажавшихъ неукоризненную опытность въ догматахъ, которые бы представляли лице вашего Апостольскаго престола; они будутъ имѣть безопасность, ибо клянемся Вседержителсми Богомъ, что у насъ нѣтъ никакого пристрастія къ какой либо одной сторонѣ, но что мы сохраняемъ одинаковое расположение къ обѣимъ.“

Здѣсь должно замѣтить, что когда два престола, Римскій и Константинопольскій, находились въ несогласіи и спорили между собою: то Царь былъ безпристрастнымъ ихъ примирителемъ, что по поведѣнію его созывается вселенскій Соборъ и не Римскій Папа начальствуетъ на ономъ; Царь не говоритъ, что Константинопольцы были не послушны Римскому Папѣ, и что Константинопольскій Патріархъ былъ подчиненъ Римскому, но обоихъ почитаетъ равными, и обѣщаетъ соблюсти равенство на обѣихъ сторонахъ и не предпочитать одну другой; и такъ гдѣ же превосходство Папы, требующее себѣ повиновенія? Посему Царь и Римскаго Папу и Константинопольскаго Патріарха называетъ и блаженнѣйшими и святѣйшими, и сіе не по чему другому, какъ потому, что всѣ Патріархи суть равно Патріархи.“ (Кн. VI, гл. 8.)

Таковы были порядокъ и дѣйствія сего Собора. Въ теремъ царскомъ, называемомъ труллою, сидѣлъ посрединѣ Императоръ, окруженный главными своими сановниками; по лѣвую сторону три легата Папы Агаѳона и всего Западнаго собора, и посланные отъ Патріарха Іерусалимскаго; по правую лично засѣдали Патріархи Константинопольскій Георгій и Антиохійскій Макарій и посланные отъ Александрійскаго, который не могъ явиться потому, что Арабы уже господствовали въ Египтѣ и Сиріи; Евангеліе лежало посреди Собора. Легаты Римскіе начали рѣчь, отъ лица Папы и всего Западнаго помѣстнаго собора, который онъ нарочно созывалъ для ихъ отправления на Соборъ вселенскій, и обличали давнюю ересь Моноелитовъ, начавшуюся отъ Сергія Епископа Цареградскаго. (Флери кн. XL, гл. 11. Т. 16. Совей pag. 47.)

Достойно вниманія, что съ перемѣною обстоятельствъ и сего характера сѣдѣющаго на Римской кафедрѣ, измѣняется и голосъ его легатовъ. Они также открываютъ Соборъ сей, какъ и Халкидонскій,

но какая разность въ изложеніи! — они уже не говорятъ: „мы имѣемъ повелѣніе отъ блаженнаго и Апостольскаго Епископа Римской Церкви, главы всѣхъ Церквей,“ но весьма смиренно обращаются къ Царю: „всеблагій владыко, по священному указу, посланному отъ твоей богомудрой державы къ святѣйшему нашему Папѣ, мы посланы отъ него къ благочестивѣйшимъ стопамъ твоей богохранимой тихости, съ его грамотою, и съ другою соборною грамотою, равномерно имъ составленною къ твоему богоогражденному благочестію, отъ подвластныхъ тебѣ преосвященныхъ Епископовъ, и грамоты его мы поднесли боговѣчанной твоей державѣ.“ — Потомъ, говоря о ереси нѣкоторыхъ изъ Патріарховъ Цареградскихъ, продолжаютъ: „неоднократно заботилась о томъ послушная вамъ, у насъ находящаяся Апостольская кафедра, и не въ силахъ была отвѣсть ихъ отъ такого неправославнаго ученія; посему просить твою боговѣчанную державу, да изрекутъ нѣкоторые со стороны святѣйшей Константинопольской Церкви, откогда произошла такая новость?“ Вотъ настоящій духъ смиренія, достойный легатовъ первенствующей кафедры, возвышающей голосъ въ защиту догматовъ; однако авторъ книги *l'Eglise Catholique justifiée* не ссылается на сей Соборъ, а любопытно сравнить его съ позднѣйшими соборами среднихъ вѣковъ, и смиренный голосъ легатовъ папскихъ съ требованіями Кардиналовъ, посланныхъ на встрѣчу Патріарха Цареградскаго предъ Флорентинскимъ Соборомъ, которые непременно хотѣли заставить его цѣловать ноги у Папы. (Т. 16. pag. 51.)

Въ столь же смиренномъ и православномъ духѣ написана и самая грамота Папы Агаѳона къ Императору. Называя его вмѣстѣ сыномъ и владыкою, себя же повсюду рабомъ его, онъ пишетъ, что во исполненіе его благочестивой воли и ради должнаго ему послушанія, онъ, по довѣренности къ знанію сослужителей своихъ, посылаетъ ихъ на Соборъ, съ благоговѣніемъ смиреннаго сердца, ибо у людей живущихъ посреди язычниковъ и непрестанно обремененныхъ тѣлесными трудами, гдѣ искать глубокаго познанія Св. Писанія? преданное же Апостольскими его предѣстниками и пятью вселенскими Соборами, сохраняется несомнѣнно въ простотѣ сердца, и желательно, чтобы въ преданіи отеческомъ, ничего не было ни умножено, ни убавлено, или измѣнено, не только въ смыслѣ, но и въ словахъ.“ (Т. 16. Concil. pag. 75.)

Такое желаніе благочестиваго Агаѳона достаточно свидѣтельствуетъ противъ позднѣйшаго измѣненія въ символѣ. Въ посланіи же его къ Царю, и подлежащихъ собору Апостольскаго престола Епископовъ

(разумеется Западныхъ), онъ говоритъ отъ лица всѣхъ, не исключая и себя: „мы всѣ убогіе предстоятели Церквей Христовыхъ, рабы твоей христіаннѣйшей державы, въ западныхъ и сѣверныхъ предѣлахъ обрѣтающіеся, хотя малые и небогатые знаніемъ, однако твердые вѣрою по благодати Божіей и проч.“ — А что сіе говоритъ Папа о себѣ, явствуетъ изъ того, что далѣе онъ выражается такъ: „свѣтъ вѣры, истекающій отъ истиннаго источника свѣта, чрезъ блаженныхъ служителей Петра и Павла, верховныхъ Апостоловъ, и ихъ учениковъ и преемниковъ, постепенно сохранился и до нашего убожества, помощію Божіею.“ И такъ онъ признаетъ себя преемникомъ обоихъ Апостоловъ, а не одного Петра, и вмѣстѣ съ тѣмъ, наравнѣ съ прочими, однимъ изъ предстоятелей Церквей сущихъ на Западѣ, и сіе весьма важно въ устахъ Папы. Грамоту же сію онъ подписалъ такъ: „Агаѳонъ Епископъ Св. Божіей Апостольской и Каѳолической Церкви города Рима, согласуюсь и подписую сію грамоту, вмѣстѣ съ обществомъ всего собора Апостольскаго престола, бывшаго ради исправленія Апостольскаго исповѣданія,“ и за нимъ подписали всѣ Епископы.

Послѣ многихъ засѣданій, Макарій Антиохійскій былъ обличенъ въ закоснѣлой ереси, и, по приговору Патріарха Константинопольскаго и всѣхъ легатовъ, осужденъ вмѣстѣ съ живыми и мертвыми своими единомышленниками, въ числѣ коихъ были: Онорій Папа Римскій, и Киръ Папа Александрійскій, и Сергій, Пирръ, и Павелъ Константинопольскіе. (Tom. 16. Concilio. Gest. XVI, p. 471.)

На восклицаніяхъ, и многолѣтіяхъ, бывшихъ по сему случаю на Соборѣ, замѣтно опять равенство первостепенныхъ каедръ, ибо отцы Собора провозгласили одинаково многія лѣта Агаѳону Папѣ Римскому, Георгію и Теофану Патріархамъ Константинополя и Антиохіи, православному Собору и Сенату; Императору же возгласили многія лѣта, какъ охранителю православія, утвержденію Церкви и стражу вѣры. По окончаніи Собора всѣ Епископы просили Императора укрѣпить ихъ опредѣленіе своею подписью и указами, и для большей вѣрности послать къ пяти Патріаршимъ престоломъ скрѣпленное его рукою исповѣданіе вѣры. Соборъ извѣстилъ грамотами Папу о своихъ дѣяніяхъ, которыя къ нему препроводилъ, прося также утвердить изложеніе вѣры, т. е. письменно изъявить согласіе свое, хотя въ числѣ осужденныхъ еретиковъ поставлено было и имя Папы Онорія. (Ист. Флери XL, гл. 27.)

Соборъ сей особенно замѣчателенъ тѣмъ, что противъ него, какъ и

противъ перваго Никейскаго, не было никакого противурчія со стороны Западныхъ, и потому что во время онаго каеэдра Римская находилась въ предѣлахъ имперіи Восточной, отчего и отношенія ея Епископовъ къ Церкви Константинопольской и прочимъ каеэдрамъ, были правильны, какъ сіе явствуетъ изъ соборныхъ и царскихъ грамотъ. Съ выраженіемъ глубокаго уваженія къ личнымъ достоинствамъ Папы Агаѳона и первенству его престола, не видно какой либо подчиненности, противной правиламъ Церкви. — Соборъ Вселенскій пишетъ къ собранію Епископовъ Западныхъ: „вы знаете, блаженнѣйшіе, что большія болѣзни требуютъ большей помощи, и провидѣніе Божіе дало святыню вашу цѣлителями православными противъ заразы еретической,“ обращается и къ лицу самаго Агаѳона „какъ къ первопрестольнику вселенской Церкви, стоящему на твердомъ камени вѣры, ради истиннаго исповѣданія, изложеннаго имъ въ посланіи къ Царю, которое принято было, по божественному его содержанію, какъ бы отъ верховной высоты Апостоловъ, и разогнало заблужденія еретическія. Мы просимъ, заключаютъ отцы соборные, чтобы ваша отеческая святыня снова запечатлѣла, своею честною подписью проповѣданное нами, купно съ вами, святое православіе, и да сохранитъ Богъ святыню вашу невредимо съ вѣренными ей православными стадами. Всеобщее же, съ вашими блаженствомъ обрѣтающееся братство наше, мы, и съ нами суще, много привѣтствуемъ.“ (Т. 16. Concilioг. pag. 538.)

Здѣсь Папа названъ только первопрестольникомъ Вселенской Церкви, стоящимъ на камени исповѣданія Петрова, а не главою Церкви, и грамоты его, по божественному ихъ содержанію, внушены какъ бы отъ верховныхъ Апостоловъ, во множественномъ, т. е. Петра и Павла, какъ и самъ Агаѳонъ называлъ себя ихъ преемникомъ. Грамота царская, называемая священною (засга) къ преемнику Агаѳона, Льву II, еще вѣрнѣе объясняетъ истинный смыслъ нѣкоторыхъ высокопарныхъ выраженій; а эдиктъ или указъ, который повѣшенъ былъ въ преддверіи Софійскаго собора начинался такимъ образомъ: „что вѣра есть утверженіе царства, исповѣданіе же оной есть твердый камень, на коемъ должно утверждаться.“ — Одинаково называются въ ономъ, Келестинъ и Кириллъ, экзархами третьяго вселенскаго Собора, съ помощію Христа Бога, осудившими ересіарха Несторія. На чемъ же основываются Римляне, называя Келестина предсѣдателемъ Собора, Кирилла же токмо его напѣстникомъ? (pag. 549.)

Въ грамотѣ къ Папѣ Императоръ говоритъ: „что ради мира церкво-

внаго, онъ возбудилъ, своими посланіями, блаженнѣйшаго Папу Ага-
 еона прислать отъ себя нѣкоторыхъ, для представленія его лица, и
 прочіихъ святѣйшимъ первосвятителямъ возвѣстилъ, чтобы каждый, со-
 бравъ подвластныхъ себѣ іереевъ, пришелъ съ ними въ богоспасаемый
 градъ. — Когда же, по нашему зову и велѣнію, сошлись какъ тѣ, ко-
 торыя суть со стороны вашего блаженства, такъ и сопредостольные
 вамъ, послѣ васъ сѣдацие, святѣйшіе Патріархи, и прочіе всѣ пре-
 освещеннѣйшіе Епископы, и возсѣли съ нашею благочестивою тихостію,
 мы занялись сужденіемъ о вѣрѣ.“ — Не показываютъ ли ясно сіи вы-
 раженія, что Папа только первопрестольникъ, а не глава Церкви? Да-
 лѣе, когда прочтены были грамоты Папы на Соборѣ и найдены, по
 сличенію съ Св. Писаніемъ и канонами, совершенно имъ соответствующи-
 ми, Императоръ говоритъ: „что имъ явилось, мысленными очами,
 совершать самаго первопрестольника и начальствующаго въ Апостоль-
 скомъ лицѣ Петра, божественно изрекающаго всю тайну смотрѣнія
 Божія, и граматю, какъ бы словами, исповѣдающаго: ты еси Христосъ
 Сынъ Бога живаго! ибо всего Христа описывали намъ священныя сіи
 грамоты; почему и приняли мы ихъ съ благоговѣніемъ и радостію,
 какъ будто бы самаго Петра, въ нѣдра душъ нашихъ воспріали.“ И
 такъ содержаніе грамотъ, напоминающее исповѣданіе Петрово, прие-
 млетъ духовно, какъ бы самъ Апостоль, и далѣе опять говорится:
 „что одинъ только Макарій Антиохійскій, сопротивленіемъ сложивъ съ
 себя иго Христова, и изшедши изъ священнаго собранія, вовсе от-
 рекся согласовать итѣніе съ священными грамотами Агаеоновыми, какъ
 бы безумствуя на самаго корифея Петра.“ Здѣсь опять не лице Папы,
 но содержаніе его писемъ напоминаетъ Петра. (Т. 16. pag. 567.)

„Посему святой и вселенскій Соборъ, безумствующаго Макарія, съ
 его сообщниками, обнажилъ святительскаго образа, и поелику всѣ они,
 общею граматю, просили нашу свѣтлость послать ихъ къ вашему блажен-
 ству, то мы и посылаемъ ихъ къ вамъ, довѣряя отеческому суду вашему ихъ
 дѣло.“ — Сему есть и причина: „слава Богу творящему славное и сохранив-
 шему у васъ вѣру невредимою!“ и это не есть право апелляціи, а только
 снисхожденіе къ осужденнымъ. Далѣе казалось бы могли восторжествовать
 Римляне, ибо Императоръ, умолчавъ и какъ бы забывъ о ереси Папы Онорія,
 проклятаго вмѣстѣ съ прочими на Соборѣ, говорятъ: „и какъ не устояла
 бы вѣра на камнѣ, положенномъ въ основаніе Церкви, которую не
 одолѣютъ врата адовы, т. е. козни еретическія, и отколѣ, какъ бы
 изъ глубины неба, возсіало слово праваго исповѣданія и освѣтило души

Христолюбивыя, ожививъ охлажденное Православіе!“ — Но вотъ что за тѣмъ немедленно слѣдуетъ: „сіе, съ помощію Божіею, мы совершили и овецъ Христовыхъ собрали во едино стадо, дабы не обольщались болѣе вояжниками, которые не суть пастыри, и не дѣлались добычею волковъ, но дабы паслись единымъ и единственнымъ пастыремъ, съ которымъ повелѣно и вамъ пасти и полагать душу за овецъ.“ И такъ Императоръ, чрезъ посредство Собора, приводитъ овецъ къ единому пастырю Христу, Епископъ же Римской, долженъ только какъ Епископъ, пасти со Христомъ или во Христѣ, сходно съ словами Апостола Петра: „пастырей вашихъ увѣщаваю я, сопастырь и свидѣтель Христовыхъ страданій и соучастникъ въ славу, которая должна открыться, пасти стадо какое у васъ есть, надзирая за онымъ не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія, и не господствуя надъ наследіемъ Божіимъ, но будьте приѣздомъ для стада.“ (1 Петр. V, 1, 2, 3.)

Легаты Римскіе, будучи еще въ Константинополѣ, испросили также у Императора грамоту, по коей онъ уменьшилъ сумму, обыкновенно вносящую за поставленіе Папы, съ тѣмъ однако же, чтобы новозбранный не прежде былъ посвящаемъ, какъ послѣ полученія въ Константинополѣ вѣсти о его избраніи, на которое, по древнему обычаю, Императоръ долженъ былъ изъявить свое согласіе, и такимъ образомъ преемникъ Агаѳона, Левъ II, былъ посвященъ только съ согласія царскаго. При немъ уже принесли легаты грамоты на имя Папы и Западнаго собора; и Левъ, признавъ опредѣленіе соборное и царское, мечемъ духовнымъ, обоюду острымъ, разсѣкающимъ ересь, принужденъ былъ вмѣстѣ съ прочими осудить Папу Онорія, хотя предшественникъ его Агаѳонъ, осудившій иныхъ, на то не рѣшился; — такое признаніе явно говоритъ противъ непогрѣшительности Римскихъ Епископовъ, на которое озираются Римляне. (Флери кн. XI, гл. 28.)

Поелику же пятый и шестой вселенскіе Соборы не оставили по себѣ правилъ для устройства церковнаго, то одиннадцать лѣтъ спустя, въ томъ же терекѣ, или трудѣ, преемникъ Константина, Императоръ Юстиніанъ, созвалъ еще Соборъ, называемый пято-шестымъ, и считаемый за продолженіе шестаго Вселенскаго, на коемъ присутствовали лично всѣ Патріархи Восточные съ 265 Епископами. Они издали 102 правила, относящіяся до внутренняго и внѣшняго благочинія церковнаго; но такъ какъ на ономъ осуждались нѣкоторыя отступленія Римскіи отъ древняго порядка, то Папа Сергій не хотѣлъ признать

Соборъ сей, хотя онъ обязателенъ для Восточной Церкви, наравнѣ съ вселенскими уставами.

„Поелику мы увѣдали, яко обитающіе во градъ Римъ, во святую четьредесятницу, въ субботы ея постятся, вопреки преданному церковному послѣдованію: то святому Собору угодно, да и въ Римской Церкви ненарушимо соблюдается правило, глаголющее: аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ во святыи день Господень, или въ субботу постящимся, кромѣ единыя токмо: да будетъ изверженъ, аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ.“ (Прав. 55.)

Тотъ же Соборъ утвердилъ опять преимущества Церкви Константинопольской. „Возобновляя законоположенное сто пятидесятию святыми Отцами, собравшимися въ семь Богохранимомъ и царствующемъ градѣ, и шесть сотъ тридесатию, собравшимися въ Халкидонѣ, опредѣляемъ, да имѣетъ престолъ Константинопольскій равныя преимущества съ престоломъ древняго Рима, и, якоже сей, да возвеличивается въ дѣлахъ церковныхъ, будучи вторымъ по немъ: послѣ же онаго да числится престолъ великаго града Александріи, потомъ престолъ Антиохійскій, а за симъ престолъ града Іерусалима.“ (Прав. 37.)

ОСЬМЫЙ ВѢКЪ.

СЕДЬМЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ НИКЕИ.

Безсиліе Императоровъ Византійскихъ и безумное стремленіе Льва и сына его Копронима, къ истребленію св. иконъ, нарушили въ осьмомъ столѣтіи связь гражданскую Рима и Византіи, и дали поводъ Епископамъ древней столицы, мимо слабыхъ экзарховъ царскихъ въ Равеннѣ, искать защиты противъ Лонгобардовъ у новой возрастающей династіи Франковъ. Постепенно развилась однако мысль, сперва о независимости, потомъ же о владычествѣ, у святителей Римскихъ, дотогдъ уважаемыхъ только по своему духовному достоинству и первенству ихъ кафедръ. Еще Григорій II, когда вся Италия взволновалась за иконоборство, не хотѣлъ отложиться отъ законной власти и удержалъ

Римъ за Византією, хотя Императоръ, разгнѣванный за несогласіе на иконоборство, овладѣлъ богатымъ имуществомъ Церкви Римской и даже подчинилъ Патриарху Цареградскому церкви Иллири, Калабрии, Неаполя, Сициліи, дотогѣ завистлившія отъ престола Римскаго. (Флери кн. XLII, гл. 17.)

Григорій III уже дѣйствовалъ рѣшительнѣе: въ строгихъ письмахъ обличилъ онъ безуміе Императора, и выставя достоинство своей кафедры, презиралъ его угрозы. „Епископы Римскіе, писалъ онъ, сидятъ въ сей древней столицѣ, какъ нѣкое средостѣніе, какъ посредники мира между Западомъ и Востокомъ. Не страшимся угрозъ твоихъ; за нѣсколько стадій отъ Рима, въ предѣлахъ Кампаніи мы уже внѣ всякой опасности.“ Но и Григорій еще не разумѣлъ власть папскую превыше владыкъ земныхъ, хотя вопреки правъ царскихъ, онъ предложилъ титулъ Патриція и Консула Карлу Мартелю; ибо въ томъ же письмѣ къ Императору онъ писалъ о предѣлахъ власти мірской и духовной: „что какъ Епископы не должны мѣшаться въ дѣла гражданскія и раздавать почести мірскія, такъ и властители должны воздерживаться отъ дѣлъ церковныхъ и не вступаться въ посвященія и таинства.“ (Гл. 8, 9.)

Папа Захарія одобрилъ похищеніе престола у древней династіи Меровинговъ, сыномъ Карла Мартеля, Пепиномъ, а Стефанъ II, тѣснимый Лонгобардами, первый изъ Папъ, переступилъ Альпы и принятый съ чрезвычайною честью Пепиномъ, вѣнчалъ его на царство, и получилъ отъ него во владѣніе обширную область, принадлежавшую Императорамъ, которую они уже не могли защищать, подъ именемъ достоянія Петрова, со многими городами.—Такимъ образомъ, вопреки правъ гражданскихъ и канонівъ церковныхъ, Епископъ Римскій, прикрывая свое властолюбіе именемъ Петра, сдѣлался обладателемъ мірскимъ и владыкою духовнымъ, забывъ слова учителя Петрова: „царство мое не отъ міра сего.“ Какимъ же образомъ Папы употребляли во зло лице Петрово, которымъ они величались, видно изъ письма того же Стефана къ Королю Пепину, когда умолялъ его о помощи. (Кн. XLIII, 17, 18.)

„Петръ, призванный Апостолъ Исуса Христа, Сына Бога живаго, избраннымъ людямъ Пепину, Карлу и Карломану, тремъ Королямъ, и съ ними всѣмъ Епископамъ, аббатамъ, прелатамъ, монахамъ и всѣмъ Герцогамъ, Графамъ и Баронамъ: поелику мною Церковь Римская, коей Епископъ есть Стефанъ, утверждена на камнѣ, — умоляю васъ, и

Пресвятая Дѣва Марія со всеми Ангелами, Мучениками и Святыми, заклинаетъ васъ со мною, не попустить, чтобы мой городъ Римъ и мой народъ сдѣлались жертвою Лонгобардовъ. Если послушаете скоро, получите великую награду въ сей жизни, и сокрушите враговъ своихъ и будете долговѣчны, и вкусите блага земныя и еще получите жизнь вѣчную. Если же не послушаете, то да вѣдаете, что властію Троицы и моего Апостольства, лишены будете царствія Божія.“

Уже Папа Павелъ I, превознесенный новою мірскою властію, призналъ, по феодальному обычаю, присягу отъ Герцоговъ Беневента и Сполеты, и тѣмъ едва не утратилъ всего достоинства, раздраживъ Лонгобардовъ. Преемники его, Стефанъ III и Адрианъ I, спаслись только помощію Карла Великаго, который сокрушивъ ихъ королевство, вступилъ въ Римъ и подтвердилъ ему послѣднему Папѣ все достоинство, данное Беняномъ.

Не смотря на сіе давленіе, Карлъ, а не Папа сдѣлался наследникомъ владѣчества Императоровъ Византійскихъ въ Италіи и настоящимъ владыкою Рима, когда наконецъ, въ 800 году, Папа Левъ III внезапно провозгласилъ его Императоромъ и вѣнчалъ златымъ вѣнцемъ, простершись предъ нимъ на землю, какъ нѣкогда предъѣстники его воздавали честь сію вѣстителемъ Восточнымъ. — Но слабые преемники Карла, властно распорядившаго въ Римѣ и утверждавшаго избраніе Папъ, которыми посылали свои узаконенія, выпустили изъ рукъ власть своего великаго предка, по внутреннимъ несогласіямъ, и стремились въ Римъ за сѣвернымъ вѣнцемъ Кесарей, приучили вѣнчавшихъ ихъ на царство къ той мысли, что они суть истинные и законные раздѣлители вѣнцовъ царскихъ, императорскихъ даже и императорскихъ. (Кн. XLV, гл. 21.)

Въ исходѣ сего столѣтія явились и ложныя декреталіи испанскія, или нѣкими каноническія постановленія, приписываемыя Епископамъ Римскимъ первыхъ вѣковъ, которыхъ подлогъ рѣшительно обличенъ былъ только чрезъ восемь столѣтій, а въ теченіи сего времени, онѣ служили каноническимъ правомъ для Западной Церкви, потворствуя владѣчеству Рима. Вотъ что говорить о нихъ историкъ Флери: „собраніе, въ коемъ декреталіи находятся, носитъ имя Исидора, родомъ Испанца, но на немъ лежитъ отпечатокъ явнаго подлога. Весь онъ одного слога, растянутаго и надутаго, который болѣе принадлежитъ осьмому вѣку, нежели тремъ первымъ, и по тщательному изысканію, въ немъ нашлись даже различныя отрывки св. Льва и Григорія, и другихъ Папъ, жившихъ гораздо позже нежели тѣ, подъ чьихъ именами, вы-

давались декретами; годы же ихъ почти все вымышлены, а содержаніе еще болѣе обнаруживаетъ ложь. Онѣ говорятъ объ Архіепископахъ, Приматахъ и Патріархахъ, какъ будто бы титулы сіи явились при началѣ Церкви, запрещаютъ соборы, даже помѣстные, безъ дозволенія Папы, представляютъ аппелляціи въ Римъ весьма обыкновенными, и тому подобное. Исидоръ утверждаетъ даже, что болѣе 20 канонѣвъ опредѣлено было на Соборѣ Никейскомъ. — Однако сколь ни былъ грубъ подлогъ сей, онъ обманулъ всю Церковь Латинскую; въ теченіи 800 лѣтъ ихъ почитали истинными и едва оставили ихъ въ минувшемъ столѣтіи, хотя нынѣ всякій немного образованный человекъ увѣренъ въ ихъ несправедливости.“ Такъ, мало помалу, уже образовалось огромное зданіе вселенскаго единоподданства Первосвященника древней столицы міра. (Кн. XLIV, гл. 22.)

Но еще однажды, въ исходѣ сего столѣтія, Церковь видѣла утѣшительное событіе въ нѣдрахъ своихъ, — седьмой вселенскій Соборъ, созданный въ Никее, для прекращенія иконоборства, Императоромъ Константиномъ и матерію его Ириною, по убѣдительной просьбѣ св. Тарасія Патріарха Цареградскаго. „Ничто такъ не пріятно Богу, говорилъ онъ, какъ единство, которое изъ всехъ насъ составляетъ единую католическую Церковь, какъ мы исповѣдуемъ въ символѣ; и такъ умоляю Государей, созвать вселенскій Соборъ, дабы ни оставили все единое тѣло, подъ единственною главою, Иисусомъ Христомъ.“ (Ист. Флери кн. XLIV, гл. 24.)

Седьмой вселенскій Соборъ особенно важенъ для Православныхъ, какъ послѣднее торжественное соединеніе Востока и Запада, за столѣтъ до ихъ разрыва, и потому должно обратить тщательное вниманіе на взаимныя отношенія пяти первенствующихъ престоловъ, которые все вкупѣ, съ подчиненными имъ Церквами, составляли одну вселенскую. Не должно увлекаться напыщенными иногда выраженіями Патріаршихъ грамотъ, ибо таковъ былъ духъ и слогъ того времени, и сего требовала взаимная вѣжливость, но слѣдуетъ взглянуть ближе на самые факты, которые представляются на Соборѣ.

По смерти Павла Патріарха Цареградскаго св. Тарасій, противъ воли, единодушно избранъ былъ изъ мірскихъ сановниковъ на его мѣсто, по своей великой ревности къ Церкви, чтобы догасить бурю иконоборства, давно ее волновавшую. Тарасій согласился, съ такими только условіемъ, чтобы созванъ былъ Соборъ для умирненія Церкви, и онъ обратился по сему предмету, вмѣстѣ съ Императрицею Ириною

къ Папѣ Адріану I, дабы прислалъ своихъ легатовъ, и къ тремъ Восточнымъ престоламъ.

Адріанъ, хотя и огорченный тѣмъ, что Тарасій, прямо изъ мірянъ, поставленъ былъ въ Патріархи, однако принялъ общительную грамоту, ради его православія, изъявивъ радостное согласіе Императрицѣ на созваніе Собора; онъ просилъ только своимъ легатамъ полной свободы и благосклоннаго приѣма, умоляя также и о томъ, чтобы возвращены были ему достоянія Петровы, дарованныя Императорами и другими вѣрными, для освѣщенія храма и питанія нищихъ, и чтобы предоставлено было опять Римской Церкви посвященіе Архіепископовъ и Епископовъ ея округа, по древнему преданію, (это относилось къ Иллирійскимъ, нѣкогда бывшимъ подъ вѣдѣніемъ Папъ.) „Касательно Тарасія, присовокупляя Адріанъ, насъ изумилъ, въ письмѣ царскомъ, титулъ вселенскаго Патріарха, ибо безъ согласія нашей каедръ. Патріархъ Цареградскій не имѣлъ бы даже и второй степени; если же онъ вселенскій, то имѣетъ первенство и надъ нашею Церковію, что всѣ Христіане могутъ признать за нелѣпое притязаніе. Самъ Тарасій прислалъ намъ свою соборную грамоту, и его исповѣданіе вѣры насъ утѣшило; но мы смутились, видя, что онъ извлеченъ прямо изъ мірскаго состоянія и царской службы, чтобы внезапно стать на степень Патріарха. Сіе столь противно правиламъ, что мы никакъ бы не согласились на его поставленіе, если бы не надѣялись, что онъ ревностно содѣйствовать будетъ къ возстановленію иконопочитанія.“ (Истор. Флери кн. XLIV, гл. 25.)

По грамотамъ царскимъ, отъ имени Ирины и сына ея Константина, Епископы имперіи Восточной, два легата Римскіе и два отъ трехъ Патріарховъ Восточныхъ, страдавшихъ уже подъ игомъ Магометанъ, собрались сперва въ Константинополь, а потомъ, послѣ возникшихъ тамъ смятеній, въ Никею, въ числѣ 367. Хотя присутствовали легаты Римскіе, однако начали рѣчь Епископы Сициліи, смиренно говоря: „мы находимъ достойнымъ и прежде всего приличнымъ сему святому и вселенскому Собору, чтобы святѣйшій и высшій пастырь и святитель царствующаго града Константинополя, новаго Рима, сказалъ вступленіе къ началу того, о чемъ будетъ разсуждаемо, и какъ бы открылъ двери, объяснивъ сперва, что подобаешь сему собранію“ и святой Соборъ отвѣтствовалъ: „да удовлетворится желаніе святѣйшихъ Епископовъ.“ И такъ вотъ, уже при самомъ началѣ, въ присутствіи легатовъ папскихъ, предводитъ Соборомъ, съ общаго согласія, Патріархъ Константинопольскій. Послѣ краткой рѣчи Тарасія, читана была на

Соборъ грамата царская о его созваніи такого содержанія: объяснивъ сперва, что по заповѣди евангельской Христа, вѣчнаго Первосвятителя, озаботились водворить миръ въ Церкви, они говорятъ: „желаемъ твердый и постоянный союзъ Святителей въ предѣлахъ восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ, и уже по волѣ Божіей все соединились здѣсь, чрезъ частныя соборныя грамоты, посланныя отъ святѣйшаго Патріарха (а не отъ Папы), ибо таковъ соборный законъ во вселенской Церкви, изъ вѣка въ вѣкъ переходящій, евангельски учрежденный, по внушенію и какъ бы по велѣнію коего, мы созвали васъ священныхъ мужей, раздавателей завѣта, чрезъ безкровную жертву того, кто утвердитъ судъ вашъ, основанный на правильныхъ опредѣленіяхъ соборныхъ, и осіаетъ всехъ свѣтомъ Духа Святаго.“ Излагая далѣе, какимъ образомъ Тарасій, по неволѣ, поставленъ былъ въ Патріархи, Императоры приводятъ самыя его рѣчи къ ихъ лицу: „когда вижу и разсуждаю, что Церковь, основанная на камнѣ, Христѣ Богѣ нашемъ, нынѣ раздѣлена, разсыяна и разбита, мы же колеблемся въ словахъ нашихъ, и что Христіане Восточные слѣдуютъ единодушно одной вѣрѣ, наши же мудрствуютъ иначе, а съ тѣми соглашаются Христіане Западные, которые все вообще насъ ежедневно анаематствуютъ, — умоляю созвать Соборъ вселенскій, какъ изъ всехъ мѣстъ, управляемыхъ Папою Римскимъ, такъ и изъ тѣхъ, откогда могутъ послать мужей своихъ высшіе Святители Восточные.“ (Здѣсь ясно опредѣлена область папская.) „Поелику же мы получили отъ святѣйшаго Адріяна, Папы древняго Рима, грамоты чрезъ его мѣстоблюстителей, которые съ нами сѣдятъ, (а не предсѣдательствуютъ) на Соборѣ; то повелѣваемъ ихъ прочесть предъ всеми, по древнему соборному обычаю, потомъ же и другія двѣ грамоты, отъ верховныхъ Святителей и священныхъ мужей Восточныхъ епархій, присланныя чрезъ ихъ пресвитеровъ, которые присутствуютъ на Соборѣ, чтобы чрезъ нихъ познали сужденіе и приговоръ Каѳолической Церкви.“ (И такъ не одиѣ Римскія грамоты, но и Восточныя для сего необходимы.) (Т. 18 Concilioꝝ. pag. 249, 252, 254.)

Потомъ введены были Епископы, покаявшіеся въ своихъ заблужденіяхъ, и изъ нихъ Василій Анкирскій сказалъ: „на основаніи церковныхъ правилъ, преданныхъ изначала отъ святыхъ Апостоловъ, чрезъ ихъ преемниковъ св. Отцевъ и священные вселенскіе Соборы, я, желая быть въ союзѣ и согласіи съ Каѳолическою Церковію, излагаю письменно мое исповѣданіе святѣйшему Адріяну, Папѣ древняго Рима,

блаженнѣйшему Патріарху Тарасію, и святымъ Апостольскимъ престоломъ Александріи, Антиохіи и Св. града, и всемъ православнымъ святителямъ и пресвитерамъ, какъ имѣющимъ, по важности Апостольской, власть исправлять и прощать заблужденія.“ (Такое исповѣданіе въ присутствіи легатовъ, безмолвствующихъ, съ наименованіемъ пяти Апостольскихъ престоловъ, весьма важно.) Тарасій отвѣчалъ: „что весь священный Соборъ воздаеть славу и благодареніе Богу за сіе исповѣданіе, данное имъ Каеолической Церкви.“ Соборъ же единогласно подтвердилъ слова Патріарха. — Кто предсѣдательствуетъ и чьимъ именемъ? — кажется не папскимъ, хотя тутъ его легаты. (pag. 258.)

На второмъ засѣданіи сановникъ царскій напомнилъ, что должно прочесть грамоты Папы и Патріарховъ, и онѣ прочтены были громкогласно; — въ грамотѣ къ Царямъ, Адрианъ, восхваляя ихъ ревность, и сравнивая съ Константиномъ и Еленою, говоритъ: „вы же напротивъ, въ преданіи вѣры православной Церкви, согласуетесь съ блаженными и верховными Апостолами Петромъ и Павломъ, по примѣру прежнихъ Императоровъ, которые отъ всего сердца возлюбили ихъ намѣстника. Посему ваше Богомъ данное величество чествуете святѣйшую Римскую Церковь верховныхъ Апостоловъ, которымъ отъ сааго Бога дана была власть вязать и рѣшить грѣхи на небѣ, яко на землѣ.“ (И такъ вотъ Папа признаеть себя намѣстникомъ не одного Петра, но и Павла, и что еще важнѣе, говоритъ, что власть вязать и рѣшить дана обоимъ. Это самое показываетъ, что не должно слишкомъ привязываться къ тѣмъ изреченіямъ, которыя возносятъ власть и кафедру собственно Петрову.) Далѣе изложивъ, изъ примѣровъ св. Писанія, догматъ о поклоненіи честнымъ иконамъ, Папа мысленно повергается, съ братьями своими соепископами, къ стопамъ царскимъ, заклинаая возстановить поклоненіе иконамъ. (pag. 290, 299.)

Въ грамотѣ къ возлюбленному брату, Патріарху Тарасію, Адрианъ, описавъ сперва въ чемъ состоитъ долгъ и заботы истиннаго пастыря, воспріявшаго на себя иго Христова, и какъ важно согласіе церковное, говоритъ: „что утѣшилса его вѣрою и, по повелѣнію царскому, отправилъ на Соборъ своихъ легатовъ. Поелику же было при иконоборцѣ Копронимѣ печестивое соборіище въ Царьградѣ, прозванное вселенскимъ, Папа прежде всего предлагалъ Тарасію, безъ трепета внушить Императорамъ, чтобы предано было торжественной анаемей должное сіе соборіище, безъ согласія и присутствія Апостольской

каедръ, вопреки всякаго преданія достоуважаемыхъ Отцевъ, противъ честныхъ иконъ неправильно и безъ должнаго созванія бывшее; чѣмъ самыя искоренится всякій расколъ изъ Церкви и исполнятся надъ нею глаголы Господа: „что и врата вдовы ея не одолѣютъ,“ и еще: „ты еси Петръ“ и проч.; ибо каяедра его, получившая первенство, сядетъ во всемъ мѣрѣ и является главою всехъ Божіихъ Церквей, и самъ блаженный Апостолъ, пасущій Церковь по повелѣнію Божію, ничего отнюдь не опустилъ, но повсюду получилъ и получаетъ начальство. Желаетъ, чтобы и ваша блаженная святыня, яко хранительница невредимаго благочестія и правильно разумѣющая, что достойно уваженія, искреннею мыслію и всѣмъ сердцемъ, соединялась съ нашею блаженною Апостольскою каяедрою, которая есть глава всехъ Божіихъ Церквей.“ (pag. 303.)

Казалось бы здѣсь чрезвычайно превознесено священноначальство Римскаго Епископа, хотя и справедливо то, что безъ правильнаго созванія и соучастія Запада не могло быть вселенскаго Собора, но послѣдующее объясняетъ его пышную рѣчь. — „И такъ блаженство ваше, молитвенными рѣчами, да внушаетъ благочестивѣйшимъ Императорамъ нашимъ, чтобы слѣдуя стезямъ нашей Церкви, яко предъ страшнымъ судомъ Божіимъ, повелѣли, по древнему чину, возстановить въ царствующемъ градѣ и повсюду честныя иконы и сохранять преданіе сей святѣйшей Римской Церкви, и преслѣдуя заблужденіе нечестивыхъ еретиковъ, прокляли бы леть ихъ, чрезъ посредство вашего ратоборства и вѣрнѣйшихъ трудовъ.“

И такъ вотъ къ какому скромному заключенію клонилась пышная рѣчь, и почему, когда легаты Римскіе спросили Тарасія: „согласуется ли онъ съ грамотами святѣйшаго Папы древняго Рима, или нѣтъ?“ — онъ отвѣчалъ: „что справедливо восхвалялъ божественный Павелъ вѣру Римлянъ, въ своемъ посланіи, и что свидѣтельству сего Апостола должно послѣдовать и теперь. Адрианъ, предстоятель древняго Рима и преемникъ верховныхъ Апостоловъ, ясно и истинно писалъ къ Императору и нашему смиренію, и объявилъ правымъ древнее преданіе Каяолической Церкви: также и мы, изслѣдовавъ писанія, исполненные духомъ отцевъ, исповѣдуемъ, согласуемся и утверждаемъ силу сихъ прочтенныхъ грамотъ, и по древнему преданію приедемъ чествованіе св. иконъ;“ и вслѣдъ за Патріархомъ Соборъ возгласилъ, „что священныя Соборъ такъ вѣруетъ и учитъ.“ И такъ не Папа утверждаетъ рѣшеніе, но Патріархъ и за нимъ Соборъ утверждаютъ

силу его грамотъ, поелику онъ сходны съ писаніемъ и преданіемъ отцевъ.

Потомъ легаты спросили Соборъ: „пріемлетъ ли грамоты святѣйшаго Папы древняго Рима или нѣтъ?“ — Соборъ отвѣчалъ: „слѣдуемъ, пріемлемъ и одобряемъ,“ а легаты Восточныхъ Патріарховъ воскликнули: „нынѣ время повторить слова св. Писанія: милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася! — Вѣдаемъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ самъ есть истина и милость; такими, по преемству, суть и нарицаются святѣйшіе Патріархи, пастыри вселенной. Здѣсь милость и истина срѣтили другъ друга, ибо Адріанъ, святѣйшій Папа древняго Рима, и Тарасій, Патріархъ царствующаго града, единое мыслятъ, единое чувствуютъ и исповѣдуютъ.“ Такое исповѣданіе легатовъ Восточныхъ достаточно показываетъ равенство обоихъ престоловъ. (pag. 305, 306.)

На третьемъ засѣданіи читана грамота Тарасія къ Восточнымъ Патріархамъ, въ которой умоляетъ ихъ, какъ трижды священныхъ мужей и отцевъ, поддержать его малодушіе, оплотомъ своей доблести и отеческаго ученія, чѣмъ однако не терялъ первенства своей кафедры предъ ними; читанъ и отзывъ Патріарховъ, которые восхваляя его ревность, посылали ему согласное мнѣніе трехъ Апостольскихъ престоловъ, радуясь что Императора и Папу Римскаго имѣютъ въ своемъ согласіи. (pag. 329, 331.)

На пятомъ засѣданіи отцы Никейскіе опровергли дѣянія ложнаго соборища иконоборцевъ, бывшаго въ Царьградѣ при Копроніѣ и неправильно именовавшаго себя вселенскимъ; „какъ могъ онъ быть великимъ и вселенскимъ, говорили они, когда не всѣ на оный согласились, и не только не приняли его предстоители прочихъ Церквей, но даже предали анаемъ; ибо онъ не имѣлъ соучастниками, какъ торжествуемый пинъ, ни Римскаго Папу, ни его священниковъ, ни мѣстоблюстителей, ни окружныхъ грамотъ, какъ сіе подобаетъ быть на Соборахъ; не имѣлъ также себѣ согласующими и Восточныхъ Патріарховъ, т. е. Александрійскаго, Антиохійскаго и Св. града, ни даже отъ нихъ грамотъ, ни священниковъ.“ Вотъ истинное и правильное опредѣленіе вселенскаго Собора, пріемлемое Православною Церковію изъ устъ послѣдняго такого Собора. (pag. 475.)

Потомъ, изложивъ свое правое исповѣданіе, Соборъ опредѣлилъ ненарушимымъ правиломъ: хранить не нововводно всѣ, писаніемъ или безъ писанія, установленныя для насъ церковныя преданія; такъ нѣ-

когда и на 3-мъ вселенскомъ Соборѣ въ Ефесѣ, положено было о символѣ, чтобы никому не было позволено произносить, или писать, или слагать иную вѣру, кромѣ опредѣленной отъ Св. отцевъ, во градѣ Никеи со Св. Духомъ собравшихся.

По заключеніи Собора съ многолѣтнемъ Императорамъ, возгласили вѣчную память только тремъ Патріархамъ Цареградскимъ, Герману, Іоанну и Георгію, не упомянувъ ни о комъ изъ Папъ. Замѣчательна грамота Тарасія Патріарха святѣйшему и блаженнѣйшему брату и сослужителю Папѣ древняго Рима Адріану. (pag. 601, 626.) Сказавъ ему о козняхъ еретическихъ и о препятствіяхъ, бывшихъ для соединенія Собора, Тарасій говоритъ: „что наконецъ пришли всѣ Епископы въ городъ Никею, съ легатами Римскими и намѣстниками Восточными, и всѣмъ сѣдящимъ на Соборѣ благоразсудилось избрать себѣ главою, самаго Христа, ибо на святомъ престолѣ положено было Евангеліе, которое всѣмъ собравшимся внушало судить правый судъ. — Сперва, по нѣкоему преимуществу, повелѣли мы прочесть письмо твоей святыни, потомъ же грамоты Восточныхъ Патріарховъ. Христосъ Богъ нашъ, сущій камень, на коемъ мы утверждены, не позволилъ долѣе быть расторгнутымъ своему нешвенному хитону, т. е. своей Каеолической Церкви, имъ и на немъ основанной, и членамъ своимъ долѣе оставаться раздѣленными, но мечемъ духовнымъ отсѣкъ онъ ересь иконоборцевъ.“ Кажется выраженія сіи, въ заключеніе двѣнадцатой соборныхъ, достаточно свидѣтельствуютъ истину, чтобы не прибавлять къ нимъ еще что либо, въ пользу древняго священноначалія Церкви.

Сколь свято держались тогда древнихъ преданій и постановленій соборныхъ, явствуетъ изъ примѣра преемника Адріанова, Льва III, который памятуя опредѣленіе сего Никейскаго Собора и Ефесскаго, показалъ благоразумную твердость посланникамъ Карла Великаго; они напрасно просили его приложить къ символу, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына, ссылаясь на нѣкоторыя отрывки изъ Св. Отецъ, которые, казалось, благопріятствовали ихъ мнѣнію, недавно возникшему въ Церкви Испанской, гдѣ соборъ Толедскій узаконилъ такое приложеніе. — Папа остался непреклоннымъ по заповѣди вселенскихъ Соборовъ. „Не знаю, сказалъ онъ, лучше ли сдѣлали древніе отцы, что опустили сіе слово; я не могу утверждать, чтобы они не также хорошо разумѣли оное, какъ и мы, потому что я не только не смѣю предпочитать себя имъ, но даже и равняться съ ними. Какъ бы ни

хорошо было настроеніе наше, должно опасаться испортить то, что уже хорошо само по себѣ, самонадѣянно отступивъ отъ древняго образа ученія, ибо отцы, запретивъ что либо прилагать къ символу, не различали доброе или дурное настроеніе, а запретили просто, не дозволивъ даже и разсуждать, почему они такъ поступили.“ И для большаго охраненія Православія Папа повѣсилъ, надъ гробомъ св. Петра, двѣ серебряныя доски, на коихъ вырѣзанъ былъ символъ по-Гречески и по-Латыни.

ВЪКЪ ДЕВЯТЫЙ.

I.

СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ.

Приступая къ плачевной повѣсти, какииъ образомъ отступила Церковь Западная отъ вселенскаго единства, должно возобновить въ памяти своей всѣ предыдущія обстоятельства и еще однажды последовать мысленно за постепенный ходомъ сношеній Епископовъ Римскихъ съ Востокомъ, которыя здѣсь были изложены во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ; потомъ, безпристрастнымъ окомъ, надлежитъ взглянуть и на тогдашнее положеніе Церкви и на характеръ дѣйствующихъ лицъ, чтобы не увлечься односторонними сужденіями.

Въ теченіе осьми столѣтій мы довольно ясно могли уже видѣть, въ чемъ собственно состояло первенство кафедры Римской, предъ другими равнопрестольными кафедрами, Царяграда, Александріи, Антиохіи и Іерусалима; хотя нѣкоторые изъ Папъ и домогались возвысить оное, по обширности своего экзархата, обнимавшаго весь Западъ, и по важности древней столицы, однако всегда находили себѣ правильное противудѣйствіе въ Соборахъ вселенскихъ, не отступавшихъ отъ искони учрежденнаго порядка въ Церкви. Не должно обманывать себя и инимую обширностью области церковной, подчиненной Епископу Римскому, которая подаетъ видъ неопытнымъ, что будто, во времена разрыва, одна только малая Константинопольская Церковь не

хотѣла признанъ надъ собою верховнаго владычества Папы. Посему не излишнимъ полагаю представить здѣсь сравнительное исчисленіе епископій, находившихся въ Церквахъ Запада и Востока, которое ученый Бингамъ извлекъ изъ вѣдомости, нарочно составленной по повелѣнію Императора Льва премудраго, въ исходѣ IX вѣка, т. е. около 891 года, дополнивъ оное болѣе подробными свѣдѣніями о Западной Церкви.

Азіатскія епископіи, завистьшія прямо отъ Патріарха Константинопольскаго, со включеніемъ Исаврской области, присоединенной отъ Патріарха Антиохійскаго, были въ числѣ 432. — Европейскія же, въ Италіи, Греціи, Фракіи, Македоніи, Болгаріи, доходили до 160; къ сему должно присовокупить, что за сто лѣтъ предъ тѣмъ, указомъ Императора Константина Копронима, раздраженнаго противъ Папы Григорія, вся южная Италія съ Сициліею, отошла къ церковной области Патріарха Цариградскаго, и самъ Папа Николай I, въ письмахъ къ Императору Михаилу, дѣйствуя противъ Фотія, просилъ о возвращеніи отчужденныхъ областей. Если въ сихъ предѣлахъ считать около 64 епархій, ибо въ то время Италія съ островами заключала всего 293, то весь Патріархатъ Константинопольскій могъ состоять изъ 656 епископскихъ кафедръ, а не считая Италіи, изъ 592, показанныхъ въ вѣдомости, что объясняетъ, какимъ образомъ Патріархъ Фотій могъ созывать на свои соборы болѣе 300 подвластныхъ ему Епископовъ. (Palmer's Treatise of the church. vol. 1. pag. 204. Bingham lib. IX, c. 57.)

Сверхъ того Патріархъ Александрійскій имѣлъ еще подъ своимъ начальствомъ до 108 Епископовъ, и Патріархи Антиохійскій и Іерусалимскій до 240, хотя и подъ игомъ Сарацинскимъ, чему можно повѣрить; ибо не весьма задолго предъ тѣмъ Патріархъ Іерусалимскій, котораго область была всѣхъ менѣе, собиралъ еще на совѣщаніе въ Св. градъ до 50 своихъ Епископовъ; и такъ три сопредельныхъ Римскому и Константинопольскому Патріарха начальствовали надъ 348 епархіями. На островѣ Кипрѣ, который, по опредѣленію третьяго вселенскаго Собора, былъ изъятъ изъ подъ власти Антиохійскаго Патріарха, считалось до 13 Епископовъ. Сверхъ того, въ Арменіи, Халдеи и другихъ областяхъ Персидскихъ, въ конхъ около того же времени мученически пострадало однихъ Епископовъ до 24, и которыя не имѣли никакихъ сношеній съ Римскимъ престоломъ; у Оширитовъ, гдѣ подъ Архіепископомъ Тефры, вѣроятно было по Епископу въ

каждомъ колѣнѣ Индійцевъ и Сарацинъ, также у Скивоуъ и въ другихъ варварскихъ областяхъ, внѣ Греческой Имперіи, не безразсудно было бы считать до 70 святителей, что довело бы число Восточныхъ епархій до 1023, а съ присоединеніемъ южной Италіи и Сициліи слишкомъ до 1087. Количество сіе не должно казаться огромнымъ, ибо въ то время, какъ и теперь еще въ Греціи, почти каждый городъ имѣлъ своего Епископа.

Теперь обратимся къ Западу: Италія и прилежащія къ ней острова, какъ мы уже говорили, имѣли до 293 Епископовъ, если же исключить южныхъ и Сицилійскихъ 64, то оставалось не болѣе 229. Область Африканская, нѣкогда цвѣтущая, и во времена блаженнаго Августина, т. е. въ началѣ V вѣка считавшая у себя до 466 Епископовъ, послѣ разореній Вандальскихъ и Сарацинскихъ, едва ли сохранила и нѣсколько Епископовъ въ своихъ предѣлахъ; если же и сохранила, то съ самаго ея завоеванія при Іустиніанѣ великомъ, она болѣе относилась къ Церкви Константинопольской, нежели къ Римской, особливо когда южная Италія и Сицилія подчинилась Царьграду. Испанія, хотя и многолюдная, не имѣла болѣе 76 Епископовъ, Галлія и Германія до Рейна 122; въ Британіи же и Ирландіи едва ли могло находиться тогда даже и 70 Епископовъ. — Посему и старались Папы, съ такою ревностію, возвратитъ себѣ отторгнутыя епархіи въ Италіи и Иллирїи, и пріобрѣсти въ свою церковную область вновь обращенныхъ Патриархами Константинополя Болгаръ и все многолюдное племя Славянское, какъ новую стихію, входящую въ составъ обширнаго Европейскаго семейства. Такимъ образомъ всѣхъ епархій на Западѣ, въ томъ числѣ и уже не существовавшихъ, могло считаться до 1027 т. е. столько же сколько и на Востокѣ, а съ исключеніемъ Африки только 561; если же еще отдѣлитъ отъ сего югъ Италіи и Сицилію, то въ областяхъ Первосвятителя Римскаго могло оставаться не болѣе 497, т. е. 159 менѣе, нежели сколько было у Патриарха Царьградскаго, котораго домогался несправедливо себѣ подчинитъ. Почему и возникло справедливое негодованіе Фотія и прочихъ Восточныхъ Патриарховъ на такое незаконное притязаніе, противное вселенскимъ уставамъ, которое могутъ объяснить одни только отношенія Рима къ Западу.

Еще при Императорѣ Карлѣ Великому, властно распоряжавшемъ въ древней столицѣ и предписывавшемъ законы Папамъ, которые ставили имя его во главѣ всѣхъ своихъ актовъ, уже подымался на

Западъ сильный голосъ въ пользу ихъ владычества. Ученый Алкуинъ писалъ къ Карлу: „доселѣ мы знаемъ только три личности выше другихъ; во первыхъ высоту Апостольскую, управляющую наѣстнически кафедрою блаженнаго Князя Апостоловъ; второе достоинство есть Императорское, третіе же наконецъ Королевское.“ — Когда такіа рѣчи, смѣшивающія власть свѣтскую съ духовною, вопреки словамъ Спасителя: „царство мое нѣсть отъ міра сего,“ разсѣвались на тѣномъ Западѣ и когда тамъ не было другихъ Апостольскихъ кафедръ, (т. е. лично Апостолами основанныхъ, кромя Римской,) или другихъ первостепенныхъ Епископовъ, могущихъ съ ними равняться въ достоинствѣ, какъ Патріархи, равные между собою на Востокѣ, — то не мудрено, что мысль о вселенскомъ господствѣ возобладала Епископами Рима, особливо при слабыхъ преемникахъ Карла. При малодушномъ его сынѣ Людовикѣ и при недостойныхъ внукахъ, которые возставъ противъ отца, ослабили раздорами могущественную Имперію дѣда и приходили только домогаться вѣнца въ Римъ, освободилась и древняя столица изъ-подъ ихъ вліянія, какъ нѣкогда изъ-подъ власти Императоровъ Греческихъ. Сами они, посреди распрей, признавали, что власть располагать вѣнцемъ императорскимъ по произволу принадлежитъ Папѣ, и что никто не можетъ упрекать его въ выборѣ Императора. Папы же, оставленные безъ покровительства Королей Французскихъ, должны были заботиться о сохраненіи своего достоянія, не только какъ духовные, но и какъ свѣтскіе властители, дѣлая договоры съ сосѣдями, устраивая замки, собирая флоты противъ набѣговъ Сарацинскихъ.

Надежало только явиться одному сильному характеру на ихъ кафедрѣ, чтобы укрѣпить за собой всѣ предначинанія честолюбивыхъ предшественниковъ, и онъ явился въ лицѣ Николая I, который не напрасно прибавилъ вѣнецъ царскій на свою митру, потому что и сами современные лѣтописи простодушно о немъ говорятъ, что „послѣ блаженнаго Папы Григорія великаго, не возставало подобнаго Николаю; ибо онъ повелѣвалъ царями и тираннами, съ такою властію, что поистиннѣ можно было бы принять его за владыку вселенной.“ (Chronica Regenonis, apud. Pistorium. to. 1. Matter his. p. 94.) И новѣйшій писатель XVII вѣка, Іезуитъ Маинбургъ, въ повѣсти о раздѣленіи Церкви, думая похвалить Николая, весьма неумѣстно о немъ выразился: „что въ девятилѣтнее свое правленіе онъ вознесъ власть первосвятительскую гораздо выше, нежели когда либо она была, особенно въ отношеніи Императоровъ, Королей, Князей, Патрі-

арховъ, Епископовъ, обращаюсь съ ними въ тѣхъ случаяхъ, когда полагалъ, что они нарушаютъ преимущества его престола, гораздо круче, нежели кто либо изъ его предѣстниковъ.“ (стр. 95.) Съ такимъ противникомъ долженъ былъ состязаться Фотій; и потому надлежало ему имѣть характеръ не менѣе сильный, чтобы поддержать права не только свои, но и всей Церкви Восточной, въ лицѣ своемъ, ибо отъ покоренія Патріарха Папѣ, или отъ ихъ равенства, зависѣло рѣшеніе важнаго вопроса на все будущее вѣка. Посему и Фотій сдѣлался предметомъ самыхъ язвительныхъ осужденій со стороны Римлянъ, которые сильно опирались на первое, не совсѣмъ правильное его поставленіе при жизни Патріарха Игнатія; личные враги Фотія, приверженные Риму, старались затмить лице его самыми черными клеветами, которыя отозвались и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, требующихъ большой осторожности.

Такииъ образомъ, Митрофанъ Митрополитъ Смирнскій, Студіанъ Неокесарійскій Епископъ, и Игуменъ Теоногость, хотя и современники, весьма однако же подозрительны, въ оставшихся послѣ нихъ письмахъ, потому что они были самые закосильные враги Фотія и дѣйствовали противъ него. Другой современникъ, Анастасій книгохранитель, на котораго весьма опирается Западная Церковь, потому что онъ составилъ, для Папы Адріана II, предисловіе собора Константинопольскаго, называемаго Вселенскимъ, и перевелъ его акты, еще менѣе заслуживаетъ довѣренности, какъ потому, что онъ уже въ самомъ предисловіи старается извинить, разными оговорками, несходство Греческихъ актовъ съ Латинскими, такъ и по иной важной причинѣ. (Сопс. Т. 23. р. 129.) Историки западные упоминаютъ о нѣкоемъ книгохранителѣ Анастасіи, который подвергся отлученію отъ Церкви и лишенію сана, по приговору трехъ Папъ; самъ Адріанъ, осуждая его за соумышленіе въ убійствѣ, упоминаетъ между прочимъ, что онъ похитилъ изъ его патріаршихъ палатъ, акты соборные, въ которыхъ былъ осужденъ, и кажется, такое свидѣтельство достаточно, чтобы не принимать его собственнаго, если это тотъ самый Анастасій: хотя Флери утверждаетъ, что собиравшій акты соборные, бібліотекаръ Анастасій, былъ совсѣмъ иной, посланный легатомъ отъ Адріана въ Германію. (кн. II, гл. 20, 45.) Странно однако же такое сходство именъ и должностей въ одно и то же время, ибо и отлученный Анастасій игралъ важную роль и ходатайствовалъ за новозбраннаго

Папу Адриана предъ Епископами Галліи, ожесточенными суровыми мѣрами предвѣстника его Николая.

А между тѣмъ на Анастасіа много ссылаются новѣйшіе поштели памяти Патріарха Фотія, и видно, что тѣми же сказаніями руководились и ближайшіе къ его времени писатели. Между ними занимаетъ первое мѣсто Никита Давидъ Палагонянинъ, сильный противникъ Фотія, составившій жизнеописаніе Патріарха Игнатія, уже послѣ него, по тому что слышалъ отъ старцевъ, какъ самъ выражается, и какъ видно слухи сіи проникали отъ людей непризвѣнныхъ. Многія клеветы, о мнимои жестокости Фотія противъ Игнатія, не вѣроятны, если сравнить ихъ съ духомъ собственныхъ посланій Патріарха и съ фактами въ нихъ изложенными, другія даже вовсе нелѣпы: на прии. ояъ пишетъ, будто Фотій предлагалъ вѣнецъ императорскій Королю и Королевѣ Франковъ, при жизни Михаила и тому подобное. — Видно также, что Никита былъ приверженецъ Римской Церкви, по многимъ выраженіямъ въ пользу верховной власти Намъ, и Патріархъ Іерусалимскій Досеѣей, прямо говоритъ, что ояъ исповѣдалъ исхождение Духа Святаго, и отъ Сына, по западному преданію. (*Vita Ignat. Concilior. T. 23 pag. 435. Греч. истор. Патр. Досеѣ. кн. 7, гл. 5.*) Однако біографія его служитъ основнымъ актомъ для Западныхъ, противъ Фотія, и даже присоединяется ими къ актамъ, мнимого осьмаго вселенскаго Собора, виѣсть съ похвалою Михаила Синкелла Патріарху Игнатію, которая впрочемъ хотя и проникнута духомъ Римскимъ, однако гораздо скромнѣе въ своихъ выраженіяхъ.

Есть еще одинъ извѣстный клеветникъ Фотія, жившій послѣ него, Симеонъ Логоетъ; но сказанія его исполнены такими нелѣпостями и вымышленными пророчествами и чудесами, что они не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія: такъ на пр. отецъ Фотія будто бы похитилъ монахиню, и ему пророчили, что отъ нее родится антихристъ, и она видѣла въ сонномъ видѣніи, что рождаеть змія, и юноша Фотій отданъ былъ въ наученіе Еврею, предался астрологін, и тому подобное. (*Corpus Histor. Byzanti. Tom. 21. 1729. Venetia pag. 331 — 333.*) Другіе лѣтописцы Греческіе: Георгій монахъ, Кедринъ, Зонаръ и самъ Императоръ Константинъ Багрянородный, хотя говорятъ довольно кратко о Фотіи и Игнатіи; но чикъ безпристрастіе заслуживаетъ вѣру, и особенно единогласіе, съ какимъ приписываютъ они жестокости противъ Игнатія не Фотію, а Кесарю Вардѣ, дядѣ Императора. (Geog-

gius Tom. 21 pag. 400. Constan. pag. 89. Zonaras, T. 11 pag. 127. Cedrenis T. 8 pag. 433.)

Но кромѣ сихъ и другихъ лѣтописцевъ, лучшимъ свидѣтельствомъ истины могутъ служить самыя письма Патріарха Фотія, выражающія не только его глубокую ученость и образованность, въ которыхъ невольно сознаются всѣ его злѣйшіе враги, (образование же естественнымъ образомъ умягчаетъ сердце), но и правдивость, и мужество, съ какими обличалъ пороки и жестокости вельможъ, и самаго Кесаря гонителя Игнатіева, предъ конемъ ходатайствовалъ за гонимыхъ. Посланія сіи проникнуты духомъ Апостольскимъ, какъ на пр. увѣщанія его новокрещенному Царю Болгарскому, исполненныя глубочайшаго знанія богословскаго, хотя враги Патріарха упрекаютъ его въ грубыхъ заблужденіяхъ; онѣ показываютъ живо и пастырскую любовь его къ страдающимъ за него Епископамъ, и твердость, съ какою переносилъ собственныя страданія, научая тому и другихъ, и отъ сего чистаго зеркала невольно сбѣгаетъ вся неблагопріятная тѣнь, которую силатся накинуть противники Фотія на его непорочную жизнь. — Теперь приступимъ къ самой исторіи, будучи предварены о историкахъ.

II.

ПАТРІАРХИ ИГНАТІЙ И ФОТІЙ.

Патріархи Игнатій и Фотій, между которыми, въ теченіи тридцати лѣтъ, раздѣлялось участіе Епископовъ Восточныхъ и Западныхъ и оспаривалась каеэдра Цареградская, происходили оба отъ именитаго рода и отличались высокими достоинствами, что самое объясняетъ сильную приверженность къ каждому тѣхъ людей, которые однажды присоединились къ той или другой сторонѣ. Игнатій былъ сынъ Императора Михаила Куропалата, прозваннаго Рангаве, а по матери внукъ другаго Императора Никифора Геника. Жестокий Армянинъ Левъ, овладѣвъ престоломъ отца его, заключилъ все семейство въ монастырь и оскотилъ Игнатія, чтобы навсегда удалить его отъ царства. — Въ

подвигахъ иноческихъ протекла его жизнь, и проходя съ честію степени церковныя, во время гоненія иконоборцевъ, онъ достигъ высшаго сана, по смерти блаженнаго Патріарха Мееодія, стараніемъ благочестивой Императрицы Теодоры, которая возстановила православіе, потрясенное ея жестокииъ супругомъ Теофиломъ, и управляя царствомъ по малолѣтству сына, извлекла Игнатія изъ его тихаго уединенія на патріаршій престолъ.

И Фотій происходилъ отъ знаменитыхъ родителей, которые воспріяли мученическіе вѣнцы во дни гоненій иконоборцевъ, и называлъ дѣдомъ Патріарха святаго Тарасія, предсѣдательствовавшаго на седьмомъ вселенскомъ Соборѣ; по матери же своей сестрѣ Патриціи Арсавера, находился въ родственныхъ сношеніяхъ съ домою царскимъ, почему и благопріятствовалъ ему Кесарь Варда, братъ Императрицы. Но кромѣ именитаго рода, Фотій былъ столь великаго разума, что въ свое время не имѣлъ себѣ подобнаго, и природа, чрезъ многіе вѣка, никого не облагодѣтельствовала столь щедро своими дарами; ибо онъ превосходилъ самыхъ ученыхъ мужей почти во всѣхъ наукахъ, и былъ верховнымъ учителемъ философіи, врачебной науки, астрономіи и богословія, которой исключительно посвятилъ себя послѣ избранія на Патріаршій престолъ. Оставшееся послѣ него великое множество книгъ и собственныхъ сочиненій, свидѣтельствуетъ довольно о чрезвычайныхъ его способностяхъ, какъ въ разсужденіи его проніцательнаго мнѣнія о разныхъ писателяхъ, такъ и всеобъемлющаго чтенія. Не менѣе искусенъ онъ былъ и въ дѣлахъ политическихъ, и опытность сія возвела его на первыя степени чиновъ государственныхъ, какъ то протоспафарія, или перваго меченосца, и перваго совѣтника, что давало ему старшее мѣсто въ засѣданіяхъ Сената. Занятія ученыя были для него любимымъ препровожденіемъ времени и онъ посвящалъ имъ цѣлыя ночи, которыя могъ удѣлать отъ дѣлъ общественныхъ. — Посему весьма вѣроятно, что съ такимъ исключительнымъ расположеніемъ къ наукамъ, и на столь высокой степени, не охотно могъ согласиться Фотій на предлагаемый ему Кесаремъ санъ, о которомъ горько раскаявался въ послѣдствіи, ибо лишился своихъ любимыхъ мирныхъ занятій. Въ смутныя обстоятельства Церкви и царства, при возмужавшемъ Михаилѣ, преданномъ всякому разврату, — насильственное постриженіе Императрицы, самоуправство Кесаря Варды, овладѣвшаго государствомъ, и даже низложеніе Игнатія, не могли быть приманкою для честолюбія Фотія, и безъ того уже удовлетвореннаго почестями гражданскими;

враги его усматривались однако распространить инъзіе, будто онъ, всѣми средствами, домогался вѣстола патріаршаго въ теченіи одиннадцатилѣтняго правленія Игнатіева, и не успокоился даже на престолѣ, продолжая свои происки и гоненія. (Ист. Флери кн. I, гл. 3. Камень соблазна стр. 7.)

Анастасій книгохранитель, Никита Паслагонянинъ, и самъ Папа Николай, осуждали Фотія, за его связь съ Григоріемъ Архіепископомъ Сиракузскимъ, съ которымъ Патріархъ Игнатій не хотѣлъ сообщаться въ день своего посвященія, въ послѣдствіи осудивъ его даже соборно; въ чемъ собственно состояли вины Григорія — не извѣстно, но онъ жаловался Папѣ Льву IV и Венедикту III, предѣстникамъ Николая, которые однако не произвели надъ нимъ рѣшительнаго приговора. — (Concil. T. 23. pag. 120, 458. Ист. Флери кн. I. гл. 3.)

Врагъ Фотія, Симеонъ Логоетъ, говоритъ въ своей исторіи, что Патріархъ Мееодій, сверхъ иныхъ причинъ, о коихъ однако не упоминаетъ, запретилъ Григорія за то, что онъ рукоположилъ въ своей епархіи пресвитера Захарію, посланнаго Патріархомъ въ Римъ, и это вѣроятно было началомъ и главною причиною всѣхъ неудовольствій противъ Григорія. Конечно онъ поступилъ въ этомъ случаѣ противъ правилъ; но обстоятельство слишкомъ темно, чтобы судить о причинахъ его поступка; къ тому же Григорій, какъ Архіепископъ Сиракузской области, бывшей предметомъ спора между Римскою и Цареградскою кафедрою, былъ болѣе независимъ и самобытенъ нежели прочіе Епископы, подчиненные престолу Константинопольскому, и можетъ быть увлекся своимъ положеніемъ, чѣмъ возбудилъ неудовольствіе Патріарха. Впрочемъ мы видимъ, изъ церковной исторіи, и св. Елифанія, Архіепископа Кипрскаго, впадшаго въ таковой же проступокъ предъ Іерусалимскимъ Патріархомъ, хотя не осужденнаго столь строго, и весьма замѣчательно что враги Фотія, выражаясь въ общихъ словахъ весьма жестоко о Григоріи, не указываютъ однако прямо ни на какое преступленіе, явно извѣстное, что отчасти свидѣтельствуетъ въ его пользу. (Corpus Byzant. T. XXI. Simeon. magist. pag. 332.)

Анастасій пишетъ въ предисловіи къ осьмому Собору, что нѣкоторые Епископы, въ томъ числѣ и Григорій, не соглашались на посвященіе Игнатія, за то, что онъ, зная ихъ безславную жизнь и нарушеніе церковныхъ правилъ, не хотѣлъ съ ними сообщаться, доколѣ не разсудитъ ихъ вины, и что они сами обвиняли его, неправильно, въ желаніи очернить память блаженнаго предѣстника Мееодія. Никита

Пафлагонянинъ, также не изъясняя преступленія Григорія, говоритъ, что многіе изъ Епископовъ осуждали строгость Игнатія, безъ суда отлучившаго Григорія отъ своего общенія, и тѣмъ раздражившаго сего мужа, котораго Фотій почиталъ, за великаго угодника Божія. Если же онъ такимъ ему казался, по свидѣтельству самихъ враговъ, и не видно ясно его преступленій, при чрезвычайной поспѣшности Игнатія къ его осужденію, то и нѣтъ причины обвинять Фотія за близкія съ нимъ сношенія, тѣмъ болѣе что изъ письма его къ Григорію видно, что оба они имѣли цѣлю благо Церкви, если бы даже и обманывались. (Concilior. T. 23. pag. 120. Vita Ignatii pag. 458. Photii epistola III, London. 1641.)

„Не нужно часто возобновлять въ твоей памяти, писаль Фотій, какимъ образомъ, отъ самаго начала, смиреніе мое виѣсть съ твоею Архіерейскою святыею, содѣйствовали къ утвержденію Церкви Божіей, особенно нынѣ, когда яснымъ гласомъ, совершеннѣе, насъ тому научаютъ взаимныя обстоятельства наши, еще болѣе внушая единодунія и единомыслія; ибо общія суть наши во Христѣ гоненія, общія искушенія и страданія, которыя удостоились мы принять за соблюденіе и исполненіе заповѣдей Господнихъ. И такъ бодрствуй и слѣдуй прямьмъ путемъ, рукополагая, священнодѣйствуя, умножая Христово стадо, воздвигая, освящая и обновляя храмы, особенно въ такое время, когда священнослужители и священство, большею частію и горькимъ образомъ, сокрушаются въ безмолвіи и исчезаютъ отъ лютой челоуѣковъ, когда храмы всѣ опустѣли и расхищены, виѣсто того благодѣнія, коимъ нѣкогда процвѣтало государство Римское, и едва не исторгается изъ своихъ основаній самое Христіанство. Кто бы могъ о томъ довольно восплакать, кроиѣ одного Пророка Іереміи, который уиѣлъ, вздохами своими и слезами, выразить всю великость такого страшнаго опустошенія; но повѣсть подобныхъ бѣдствій неволью прорывается изъ глубины самаго молчанія. — Ты же здравствуй и поминай въ молитвахъ мое смиреніе.“

Не извѣстно, въ какое именно время, писано Фотіемъ письмо сіе; но изъ него ясно видно, какими духомъ были проникнуты оба, и трудно повѣрить, чтобы челоуѣкъ столь мудрый и проникательный, каковъ былъ Фотій, не упрекаемый даже и врагами въ порочной жизни, могъ сблизиться съ челоуѣкомъ совершенно беззравственнымъ и нарушителемъ всѣхъ правилъ церковныхъ, если точно такимъ былъ Григорій. Игнатій, умевшій излишнею ревностію, поступилъ по

слабости человеческой, безъ суда отлучивъ Григорія, отъ общенія церковнаго, за что даже былъ осуждаемъ своими приверженцами; онъ поступилъ тѣмъ болѣе пристрастно, что Григорій былъ изъ числа несогласавшихся на его избраніе; посему нѣтъ причины обвинять слишкомъ строго и самаго Григорія, за то что сильно вооружался противъ Игнатія, по той же слабости человеческой, тѣмъ болѣе, что онъ, будучи увѣренъ въ правотѣ своей, обращался къ суду Римской Церкви, и если не былъ оправданъ, то и не былъ осужденъ ею, и вѣроятно имѣлъ на своей сторонѣ нѣчто доброе, ибо могъ казаться другимъ даже великимъ угодникомъ Божиимъ. Обстоятельства сии, при самомъ началѣ, уже показываютъ, какъ мало можно довѣрять современнымъ историкамъ, увлеченнымъ, духомъ односторонней любви или ненависти, къ двумъ соперникамъ.

Всѣ историки западные и восточные единодушно свидѣтельствуютъ, что причиною гнѣва Кесаря Варды, противъ Игнатія, была пастырская твердость съ какою онъ обличилъ прелюбодѣяніе Кесаря, отлучивъ его торжественно отъ причастія въ день Богоявленія. Съ тѣхъ поръ Варда старался очернить его въ глазахъ Императора, ругавшагося надъ святынею, внушивъ ему, будто Патріархъ ищетъ опять возвести на престолъ Императрицу Θεодору, и достигъ наконецъ своей коварной цѣли, ибо, въ Ноябрь того же года, Игнатій сосланъ былъ на островъ Теревиней.

Послѣ сего единогласнаго сказанія, должно опять быть осторожнымъ въ повѣсти, о избраніи Фотія. Анастасій книгохранитель, осуждающій во всемъ Фотія, какъ главнаго соумышленника Кесарева, пишетъ однако: что Игнатій, будучи изгоняемъ, связалъ Церковь, дабы никто не дерзалъ безъ него совершать въ ней священнодѣйствія. (Anast. p. 121.) Такой поступокъ вовсе не соответствовалъ ни пастырскому смиренію, ни попеченію о духовныхъ потребностяхъ паствы, особенно если вспомнить примѣръ другаго Патріарха Константинопольскаго, св. Іоанна Златоуста, который будучи изгоняемъ, напротивъ того убѣждалъ своихъ Епископовъ сообщаться съ тѣмъ, кого изберутъ на его мѣсто, чтобы не разстроить Церкви: потому что не имъ, говорилъ онъ, началась Церковь, не имъ и кончится, Апостолы же и Пророки гораздо болѣе претерпѣли золь; онъ просилъ только Епископовъ, если признаютъ его правымъ, не подписывать его осужденія. Когда бы Игнатій послѣдовалъ сему благому примѣру, онъ избѣжалъ бы всѣхъ жестокихъ гоненій Кесаря; ибо дѣло шло, не о какомъ либо догматѣ вѣры, а только собственно о лицѣ его. И самъ писатель

жизня его, Никита Пафлагонянинъ, превозносящій хвалами его твердость говоритъ: „не прошло трехъ дней послѣ удаленія Патріарха, какъ явились къ нему почитавшіеся первыми между Епископами, прося отъ него грамоты отреченія, ради неблагопріятныхъ обстоятельствъ; и какіе Епископы? прибавляетъ онъ, тѣ самые, которые дали ему клятву на хартїи: прежде отречься отъ пресущественной Троицы, нежели потерпѣть, чтобы пастырь ихъ, безъ законнаго осужденія, былъ извергнутъ.“ Если подлинно они дали такую клятву, то она не совѣстна съ духомъ Христіанства, ибо можно ли требовать и давать столь богохульную клятву? — Если же ее изобрѣлъ самъ историкъ, для прикрасы, то по ней можно судить и о послѣдующемъ, съ какою истиной описалъ онъ страданія Игнатія и гоненія Фотія, когда сей послѣдній вовсе въ нихъ не участвовалъ, по свидѣтельству другихъ болѣе достовѣрныхъ лѣтописцевъ. Далѣе пишетъ Никита, что Епископы возвратились безъ успѣха, и что, чрезъ нѣсколько дней, тѣ же самые, съ Патриціями и свѣтлѣйшими изъ Сенаторовъ, опять приходили къ Игнатію, всѣми средствами, обѣщаніями и угрозами, понуждая его отречься отъ епископства, если не хочетъ подвергнуться явной опасности, и когда уже не знали, какъ на него напасть и не встрѣчали никакой вины, на которую бы не могъ онъ имъ дать отвѣта, — съ безстыднымъ челомъ приступили ко всякому беззаконію. И такъ здѣсь дѣйствуютъ Сенатъ и Епископы, и Игнатій охотно идетъ на всѣ мученія ради того, чтобы не лишиться престола? Если такъ подлинно расположенъ былъ Игнатій: то онъ на сей разъ не принялъ въ разсужденіе изреченія Христова, что добрый пастырь, полагаетъ душу свою за овецъ своихъ, а не за собственное величіе, и не вспомнилъ заповѣди Христовой, „когда гонятъ васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой.“ (Vita Ignatii. Tom. 23. Conciliorum pag. 453.)

„Послѣ сихъ тщетныхъ усилій, продолжаетъ Никита, составивъ совѣтъ и долго между собою совѣщавшись, обращаясь на всѣ стороны, избрали наконецъ Архіереемъ царствующему граду, Фотія, протоспа-варія и перваго совѣтника.“ Здѣсь не видно соучастія, и самъ Никита осуждаетъ его только за честолюбивое согласіе на несправедное избраніе; но посмотримъ, что пишетъ самъ Фотій о томъ къ Папѣ, ибо конечно свидѣтельство его заслуживаетъ вѣру. „Когда помышляю о всей важности сана Епископскаго, о слабости человѣческой и о моей въ особенности, и сколько я всегда удивлялся, что можно когда либо возложить на себя столь страшное иго, не могу довольно выразить

моей горести, видя себя обреченнымъ такимъ саномъ. Ибо когда предѣстникъ мой оставилъ свою должность, клиръ, собранные Митрополиты и наипаче Императоръ, ко всѣмъ милостивый, ко мнѣ же одному жестокий, приступили ко мнѣ, движимые не знаю какимъ побужденіемъ, не внимая никакимъ моимъ отговоркамъ и не давая мнѣ ни сколько отдыха, говорили, что мнѣ необходимо принять на себя епископство. И такъ, не снотри на мои слезы и отчаяніе, сдѣлали мнѣ насиліе и исполнили надо мною свою волю.“ Если же грамота сія кажется льстивою Римлянамъ, то частная переписка Фотія съ Кесаремъ Вардою, главнымъ виновникомъ всѣхъ смуть церковныхъ, можетъ обличить истину, и я приведу ее въ свое время. (Ист. Флори кн. I, гл. 4.)

Между тѣмъ и самыя обстоятельства не показываютъ, чтобы Фотій торопился принять предлагаемый санъ, ибо отъ дня изложенія Игнатія, 23 Ноябра, до дня посвященія Фотія въ праздникъ Рождества, протекло болѣе мѣсяца, да и весьма естественно, что человекъ столь любознательный, какимъ описываютъ его самыя враги, проводившій все свое время въ занятіяхъ ученыхъ, не съ жадностію бросился на предлагаемый санъ, который лишилъ его возможности заниматься, тѣмъ болѣе, что и безъ того онъ уже стоялъ на высшихъ ступеняхъ государственныхъ. Мудрено также повѣрить и тому, что будто бы Кесарь Варда, видя несогласіе нѣкоторыхъ Епископовъ на его избраніе, призывалъ отдѣльно каждаго изъ нихъ, общая имъ кафедру, если отрекутся отъ Игнатія, но прося ихъ однако отказываться, когда Императоръ станетъ ее предлагать, чтобы не возбудить сомнѣнія, и что они, обманутые такою хитростію, сами всѣ невольно отреклись отъ престола. Когда столь рѣшительно поступлено было съ сыномъ царскимъ и законнымъ Патріархомъ, котораго тѣ же Епископы приходили упрашивать, чтобы онъ уступилъ тѣснымъ обстоятельствамъ времени, едва ли нужна была такая уловка, въ отношеніи прочихъ всѣмъ незначительныхъ Епископовъ, которые могли разумѣть, что въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, кто-либо болѣе именитый долженъ былъ заступитъ мѣсто Игнатія. — Скорѣе можно предполагать, что взоры Кесаря и клира невольно обратились на Фотія, еще мирнина, потому единственно, что никто съ болѣею славой не могъ занять престолъ патріаршій, и потому гораздо легче повѣрить словамъ Фотія, что его принудили неволею, да и самыя враги объявляютъ, что на его избраніе не согласились только пять человекъ, въ томъ числѣ Митрополитъ Смирскій Митрофанъ. Когда же былъ избранъ, посвященіе со-

вершилось скоро, по примѣру Нектарія и святыхъ Тарасія и Никифора, Цареградскихъ Патріарховъ. Въ недѣлю прошелъ онъ всѣ степени церковныя, а не въ одинъ день, какъ солгалъ въ послѣдствіи Стиліанъ Панъ Стефану, и на шестой рукоположилъ его Григорій Архіепископъ Сиракузскій, безъ сомнѣнія не лишенный сана, хотя и отчужденный отъ общенія Игнатіемъ; ибо иначе, какъ могъ бы онъ рукополагать, особливо если приговоръ былъ соборный и провознесенъ въ самомъ Константинополѣ, тѣми же Епископами, которые участвовали въ избраніи Фотія и ходили, по свидѣтельству враговъ его, умолять Игнатія уступить обстоятельствамъ. А что Фотій далъ имъ вначалѣ письменное обѣщаніе уважать Патріарха Игнатія, какъ отца, сему можно повѣрить, хотя мы увидимъ въ послѣдствіи, какимъ образомъ вынужденъ онъ былъ, самыми обстоятельствами, дѣйствовать противъ его упорства. (Corpus Histor. Byzanti. Constantinus T. 21, pag. 89. Ист. Флери кн. I, гл. 3.)

Никита Пафлагонянинъ пишетъ, будто Фотій, два мѣсяца послѣ своего поставленія, старался ласками и угрозами отвлечь отъ Игнатія преданныхъ ему Епископовъ, и не видя успѣха, терзалъ ихъ ударами; Кесаря же и самаго Императора убѣдилъ нарядить слѣдствіе противъ Игнатія, за мнимый заговоръ; а слѣдователи столь жестоко съ нимъ обращались, что заключивъ сперва въ кѣльи, перевезли потомъ съ острова въ темницу Цареградскую, заковали въ колоду, выбили два зуба, требуя насильственно отреченія, и наконецъ Фотій проклялъ его соборно, визложивъ и сославъ преданныхъ ему Епископовъ послѣ многихъ пытокъ; Власію же книгохранителю отрѣзали языкъ за свободныя рѣчи. (Vita Ignatii pag. 459.)

Анастасій бібліотекаръ, хотя также изъ противниковъ Фотія, свидѣтельствуешь однако, что не онъ, а Варда Кесарь, услышавъ, что Игнатій связалъ послѣ себя клятвою всю Церковь, посылалъ къ нему мучителей насильственно вынудить отреченіе, и когда нѣкоторые Епископы начали роптать на такую жестокость, Фотій, вмѣстѣ съ Императоромъ, созвалъ соборъ и осудилъ бывшаго Патріарха. (Consignation i. XXIII, pag. 121.)

Митрофанъ Смирнскій, также закоснѣлый врагъ Фотія, еще лучше объясняетъ дѣло. Онъ говоритъ, что Епископы области Константинопольской, раздраженные жестокииъ обращеніемъ съ бывшимъ ихъ пастыремъ, соединились въ церкви св. Ирины, и тамъ низложили Фотія, предавъ анаемѣ и тѣхъ, которые его признаютъ Патріархомъ. (Ист.

Флери кн. I, гл. 3.) Такой их поступок невольно могъ заставить Фотія и самаго Императора, подпавшаго подъ ихъ анаѳему, соединить съ своей стороны соборъ и отлучить отъ Церкви, не только нарушителей порядка церковнаго и гражданскаго, но и того, кто былъ виною ихъ возмущенія, т. е. Игнатія, связавшаго неправильно клятвою Церковь, и упорно защищавшаго личное свое достоинство. Вѣроятно многіе за сіе подверглись и казнямъ гражданскимъ; но сколь мало въ томъ участвовалъ Фотій, явствуетъ изъ собственныхъ писемъ его къ Вардѣ, предъ которыми, какъ предъ главнымъ орудіемъ всѣхъ гоненій, конечно не могъ онъ притворяться въ ложномъ состраданіи, потому что ему было все извѣстно.

„Еще не испытавъ, я уже чувствовалъ себя недостойнымъ сана и степени архіерейской и обязанности пастырской, писалъ Фотій, и по сей причинѣ, влекомый и принуждаемый, столько сопротивлялся. О если бы смерть постигла меня прежде, нежели я былъ постигнутъ симъ насильственнымъ и нетерпимымъ избраніемъ! Не обуревали бы ежедневно бѣдствующую мою душу волны толкихъ золь, которыхъ ожиданіе и тогда уже меня сокрушало и смущало; ибо природа человѣческая удивительно устроена, для предчувствія грядущихъ бѣдствій, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о собственной участи. Заранѣе смущаемый сими бѣдами, я горько плакалъ, на все соглашался лучше, нежели идти на совѣщаніе тѣхъ, которые готовились наложить на меня руки; не я ли умолялъ отклонить отъ меня чашу столькихъ золь и многообразныхъ искушеній? Нынѣ научаетъ меня самый опытъ, обличая довольно мое достоинство, и уже не страхъ ожиданія меня обдержить, но отчаяніе, но болѣзнь, нанесшая мнѣ смертную язву, но вопли и воздыханія. Когда, видя всѣхъ іереевъ и cadaго, страдающихъ, біемыхъ, окованныхъ, лишаемыхъ языка, (Господи, прости согрѣшенія наши!) не долженъ ли назвать усопшихъ блаженными паче меня?—Могу ли не почитать нгъ, на меня возложеннаго, за наказаніе моихъ тяжкихъ грѣховъ? Человѣкъ бѣдный и безъ покровительства и даже не одаренный здравымъ умомъ (а такого рода люди болѣе заслуживаютъ состраданія, нежели гнѣва) претерпѣлъ столько бѣдствій вмѣстѣ! — онъ былъ преданъ, битъ, брошенъ въ темницу и, это уже не подлежитъ никакому утѣшенію, лишенъ языка, но, что всего ужаснѣе, — будучи пресвитеромъ! Часто я за него ходатайствовалъ, часто молилъ тебя и слышалъ одни только тщетныя обѣщанія; — это знаютъ всѣ видѣвшіе, когда же они забыли, не забылъ Богъ. Если

въ дѣлахъ столь явныхъ взорамъ každого, я такимъ образомъ лишаюсь надежды и предаюсь поруганію, чего же ожидать мнѣ въ случаяхъ болѣе скрытыхъ? Какъ стану ходатайствовать за грѣхи твои и народа и чѣмъ искуню ихъ, когда умоляя тебя за одного человѣка, — я до такой степени, сверхъ всякаго чаянія, былъ обманутъ. Сіе написалъ я кровными слезами! Отъ тебя зависитъ, чтобы письмо сіе было или первымъ или послѣднимъ. Господомъ свидѣтельствуюсь, что если ты принялъ намѣреніе и впредь обманывать насъ и презирать увѣщательныя ходатайства наши, такъ, что вмѣсто возможнаго облегченія, сей несчастный не получитъ никакого утѣшенія, — не буду болѣе писать и беспокоить тебя; но, размышляя о самомъ себѣ и оплакивая собственную участь, умолкну. Если же, послѣ ежедневныхъ воздвигаемыхъ на меня искушеній, погублю еще и мою бѣдствующую душу, я буду несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ человѣковъ.“ (Photii epistola 6.)

И въ другомъ письмѣ къ тому же Кесарю писалъ онъ: „радуюсь оскорбленіямъ, но сожалѣю, что оскорбляютъ тѣ, отъ коихъ наиболѣе надѣялся помощи; еще тяжелѣе то, что насъ, неправедно страдающихъ, обвиняютъ какъ совершителей неправды. Мы занимаемся крамолами? — и это на насъ пишутъ тѣ, которые ежедневно противъ насъ клеветуютъ! — За все благодареніе Господу! если бы не почитали мы сію нашу жизнь за испытаніе временное, много огорчились бы мы настоящими бѣдствіями!“ (Epistola 8.)

Письма сіи излились, съ такою силою, изъ огорченной души Фотіевой, что не возможно искать лучшаго ему оправданія, противъ всѣхъ возводимыхъ на него клеветъ, о мнимой жестокости. Пресвитеръ, о которомъ онъ ходатайствуетъ столь пламенно, есть тотъ самый Власій, коему отсѣкли языкъ за смѣлая рѣчи, хотя враги Фотія домогаются включить его въ число жертвъ его честолюбія. — Такъ можно вѣрить и прочимъ ихъ клеветамъ, на которыя не напрасно онъ жалуется. (Ист. Флери кн. L, гл. 3, 4. Vita Ignatii 461.)

III.

СНОШЕНІЯ СЪ ПАПОЮ НИКОЛАЕМЪ.

Пишутъ, что Фотій слыша общій противъ себя ропоть, отправилъ пословъ въ Римъ, подъ предлогомъ укрощенія ереси иконоборцевъ, въ самомъ же дѣлѣ для того, чтобы укрѣниться на престолѣ, помощію Римлянъ, и, думая обмануть Папу, писалъ къ нему, что Игнатій, оставивъ санъ по старости и болѣзни, удалися въ обитель, окруженный всѣми почестями. Однако сами Римляне должны сознаться, что у нихъ не существуетъ письма сего, хотя бы оно было весьма для нихъ полезно для обличенія во лжи Фотія, а признаютъ подлинность другаго, которое мы уже выписали отчасти, нѣсколько выше, и въ коемъ видно все смущеніе избраннаго неволею на многоматежное поприще. Грамата Фотія была не что иное, какъ окружное посланіе, съ изложеніемъ вѣры, какими обыкновенно новопоставляемые Патріархи сообщали другъ другу свое избраніе, въ залогъ взаимной любви, и Фотій надписалъ оное „всесвятѣйшему брату и сослужителю, Николаю Папѣ древняго Рима.“

Императоръ Михайлъ, надѣясь утишить воздвигнутое имъ смутеніе въ Церкви, отправилъ отъ себя пословъ, съ богатыми дарами въ Римъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ Папу со всею Западною Церковію, и къ несчастію посольство сіе сдѣлалось источникомъ разрыва, ибо надѣянный Папа не пропустилъ случая, благопріятнаго его властолюбію и немедленно отправилъ отъ себя легатами въ Царьградъ, Епископовъ Захарію и Родоальда, съ тѣмъ, чтобы дѣло о иконоборствѣ, они рѣшили по собственному благоразумію, дѣло же обоихъ Патріарховъ, изслѣдовавъ только на мѣстѣ событія, отнесли бы къ нему для окончательнаго суда. Онъ отправилъ съ ними два письма, одно къ Фотію, въ коемъ признавалъ исповѣданіе его православнымъ, но осуждалъ неправильность скораго поставленія изъ мирянъ, и потому не хотѣлъ изъяслять на оное согласія до возвращенія пословъ своихъ. Однако Папа ни слова не упоминалъ о неправильномъ изложеніи

Игнатія, хотя о томъ жаловался въ письмѣ къ Императору, и обѣщаль признать Фотія съ братскою любовію, если окажетъ ревность къ защитѣ Каволвческой вѣры и услышитъ о дѣйствіяхъ его ко благу Церкви. Чего же требовалъ Папа, то видно изъ грамоты его къ Императору, въ коей вполне выразился честолюбивый характеръ Николая и его обширные замыслы; такъ начинается онъ: (Т. 22. Concil. 1. pag. 71.)

„Спаситель всѣхъ, вручая начальство божественной власти избраннѣйшѣ Апостоламъ своимъ и, на твердой вѣрѣ Князя Апостоловъ, упрочивая твердость, ему предназначилъ и первую каведру, ибо пласомъ Господникъ сказано: „ты еси Петръ, и на семъ каменіи созижду Церковь мою.“ Потомъ жаловался, что въ Константинополѣ соборное изложение Игнатія произошло безъ согласія Римской каведры, чего по словамъ его никогда не бывало, (хотя мы видѣли неоднократно примѣры изложения Епископовъ, безъ всякаго сношенія съ Римскими); онъ хотѣлъ, чтобы Игнатій, беззвѣтно осужденный, предсталъ опять предъ лица вселенскаго Собора и его легатовъ, къ которымъ просилъ имѣть полную вѣру, окончательное же рѣшеніе обѣщаль прислать изъ Рима. Наконецъ требовалъ отъ Императора подчиненія Римской каведрѣ Египта, Иллирія, Македоніи, Фессалии, Ахаіи, Дакии, Мизіи, Дарданіи, и признавія его намѣстникомъ на Востокъ Архіепископа Фессалоникійскаго, дравне завистьваго отъ Папы; требовалъ еще возвращенія достоинства Римской Церкви въ Калабріи и Сициліи, в чтобы поставленіе Архіепископа Сиракузскаго зависѣло опять отъ Папы.“ Такимъ образомъ видно, что Николай, принимая участіе въ дѣлѣ Игнатія, не забывалъ и собственныхъ выгодъ, притязаніемъ на прежнюю церковную область, и тѣмъ самымъ обнаруживалъ ея предѣлы, хотя домогался вселенской власти; ибо если и самые Патріархи, по мнѣнію Римлянъ, были въ зависимости ихъ Первосвятителей, то для чего было возобновлять викаріатъ Фессалоникійскій? Если же, а самоъ Фотія, Папа выражался довольно снисходительно вначалѣ, хотя уже обличалъ неправильность его избранія, то не отъ того ли, что надѣялся чрезъ него получить утраченное? Есть одно письмо Фотія къ Кесарю. Вардѣ, которое надаетъ поводъ къ такимъ предположеніямъ, ибо онъ прямо говоритъ, не называя лицъ, что нѣтъ справедливости въ тѣхъ, которые готовы признать его законнымъ, если уступить половину своей церковной области, и находять его недостойнымъ, если будетъ за собою удер-

живать всю. Здѣсь не лѣзя разумѣть Игнатія, ибо не могло быть двухъ Патріарховъ въ Константинополѣ, и вѣроятно письмо сіе писано, во время долгихъ переговоровъ, бывшихъ съ легатами по ихъ прибытіи въ Царьградъ, которыхъ будто бы обольстили ласками и угрозами, какъ о томъ въ послѣдствіи жаловался Папа. (Т. 22. Concilioium pag. 62, и далѣе.)

„Моя скудость заслуживаетъ, можетъ быть, чтобы къ болѣзни ранъ моихъ прилагать еще болѣзни, но для вашего благосердія и расположенія ко мнѣ сіе непристойно. Иной подумалъ бы, что это случилось намъ не по вашей волѣ: но видя, что мы терпимъ, тогда какъ вы находитесь во власти и силѣ, переимѣнить свое мнѣніе. Мы обмануты, обруганы, посрамлены; на насъ клеветуютъ, навѣтуютъ. Но скажутъ: мы еще не имѣли ударовъ? имѣли, и еще тягостнѣе, не на тѣлѣ, — что бываетъ открыто для взоровъ всѣхъ людей, служить къ обличенію обижающаго и приносить не малое ободреніе, состраданіемъ видящихъ; мы же получили удары въ самую душу, чрезъ которую я тѣло поражается болѣзнію. Въ семъ случаѣ и біющій не стыдится, какъ будто бы не причинялъ обиды; и біемый, сверхъ скорби отъ ударовъ, пріемлетъ избытокъ наказанія въ томъ, что нѣтъ страдающихъ, такъ какъ его скорби сокрыты.“

„Но мы терпѣли сіе прежде за Христа и божественные законы; и благодареніе Богу, тѣмъ паче умножающему изду. Я зналъ уже при самомъ началѣ подвига, что буду сіе терпѣть; я ожидалъ еще прежде страданія и подвига (если же говорю неправду, пусть потерплю и болѣе того, что терпѣлъ), я ожидалъ, говорю, того, что я потерпѣлъ; а теперь мнѣ прискорбно, что терплю подъ властію таковыхъ людей. Моя кончина опредѣлена Богомъ и я съ радостію пріемлю чашу, какая бы она ни была; не отягчаюсь тѣмъ, что терплю, напротивъ желаю и того, что еще остается мнѣ терпѣть, хотя впрочемъ не могу сносить безъ скорби: ибо человѣческой природѣ не дано терпѣть безболѣзненно. Вотъ какъ я долженъ быть расположенъ и какъ помышляю относительно преслѣдовавшихъ и еще преслѣдующихъ меня; но въ васъ желалъ я найти наказателя обижающихъ, а не предводителя въ обидахъ. Впрочемъ не лѣзя мнѣ ни избѣжать того, что я долженъ претерпѣть, ни противъ воли другихъ переимѣнить ихъ желаніе, или мнѣніе.“

„Поелику много уже потерпѣли мы прежде и зло какъ будто оскудѣвало, — выдумывается еще другой видъ озлобленія, и за насъ

терпятъ зло другіе. Клеръ и значительнѣйшіе изъ подчиненныхъ мучатся голодомъ, дабы говоря и памятуя, что они за насъ подверглись сей участи, все поношеніе и клятву обращали на нашу голову. Я не говорю о томъ, что и на нашу часть прикладывается по мѣрѣ, и у насъ отнимается половина власти (области). Умно дѣйствуютъ отнимающіе, и хитро приготавливаютъ намъ гоненіе. Если они сіе сдѣлали въ исполненіе нашего прошенія, т. е. чтобы намъ освободиться отъ сего ига и бремени (ибо они, можетъ быть, и это говорятъ въ насмѣшку намъ): то я благодаренъ имъ за отнятое. Но они печалятъ меня тѣмъ, что еще нѣчто для меня оставили, а медлительностію отнять и остальное, еще болѣе огорчаютъ, точно также какъ тѣ болѣе мучаютъ убиваемаго, которые оставляютъ его полумертваго и полурасвѣченнаго, нежели тѣ, которые его вдругъ убиваютъ. И кажется, поелику мы просили, чтобы сняли съ насъ все, за сіе самое отняли у насъ половину; а если бы мы просили о раздѣленіи власти, то были бы вполнѣ услышаны. Но какъ расвѣченному пополамъ не возможно жить: такъ и намъ оставаться здѣсь по таковомъ раздѣленіи. Стыдъ и поношеніе; не только предъ тѣми, которые были прежде насъ, но и предъ тѣми, которые будутъ послѣ, если только можетъ быть несчастіе насъ кто либо изъ тѣхъ, которые послѣ насъ и вмѣсто насъ подвергнутся тому же игу! Мы оставляемъ мѣсто; да умолкнетъ ненависть! если же не оставляемъ, то опечалимъ нѣкоторыхъ, или паче, пусть тогда насъ въ этомъ обвиняютъ; но мы и прахъ отрясая, оставляемъ престолъ. Да отложатъ коварство противъ насъ, предостереганія, ухищренія, навѣты. О правосудіе, о законы, о суды Божіи! Когда мы васъ не попираемъ, тогда мы преступники; когда мы васъ любимъ, насъ не любятъ; когда мы за васъ стоимъ, тогда имѣемъ раздоръ. Слухи разносятся, и кто выдумаетъ что нибудь новое противъ насъ, считается умнымъ и искуснымъ, а кто намъ соболѣзнуетъ, того обвиняютъ, какъ врага и преступника законовъ, хотя бы онъ былъ братъ, и по природѣ склоненъ къ состраданію. Можно ли легко снести, что мы имѣемъ такихъ судей надъ нашимъ поведеніемъ, которые прежде были нашими хвалителями, и считали милостию, когда не будутъ осуждены нами; а нынѣ насъ же съ друзьями разлучаютъ, отторгаютъ отъ братій. — Кто это стерпитъ?“ (Photii epistola 3.)

По краткимъ сказаніямъ лѣтописцевъ Греческихъ, намъ извѣстно, что въ храмѣ Апостоловъ созванъ былъ соборъ, состоявшій изъ 318 Епископовъ, въ память числа отцевъ Никейскихъ перваго вселенскаго

Собора; на ономъ присутствовали и легаты цѣпскіе. Игнатій вызванъ былъ изъ своего заточенія и, какъ будто неправильно поставленный не съ общаго согласія, низложенъ опять, по приговору пословъ Римскихъ; хотя сохранились каноны сего собора, дѣяній его не находится, кромѣ описанія, сдѣланнаго тремя врагами Фотія, Анастасіемъ книгохранителемъ, Никитой Палагонскимъ и игуменомъ Теогиностомъ, или лучше сказать самимъ Игнатіемъ въ письмѣ, (если можно вѣрить его подлинности) чрезъ него диссанномъ къ Папѣ, въ которомъ онъ речаетъ его, вопреки всѣхъ правдъ и призывовъ своихъ предшественниковъ: „святѣйшииъ владыкою и блаженнѣйшимъ предсѣдателемъ и Патріархомъ всѣхъ престоловъ и преемникомъ предводителя Апостоловъ.“ (Т. 23. Concilio. pag. 523.)

По сей причинѣ не откуда почерпнуть вѣрнаго свѣдѣнія о происходившемъ на соборѣ; не лзя однако безотчетно вѣрить клеветамъ, взводимымъ на Фотія, о жестокостяхъ противъ Игнатія, если только вспомнить опроверженіе первыхъ клеветъ, собственными его письмами и дѣяніями, и разногласіемъ самихъ обвинителей. Самое ужасное, какъ обыкновенно, происходитъ отъ Никиты Палагонянина, который увѣряетъ, что Игнатія, со многими поруганіями, обдѣчали въ неправильномъ поставленіи, и приводя на соборъ сперва въ простой одеждѣ, потомъ въ святительской, сорвали ее предъ лицемъ всѣхъ и провозгласили недостойнымъ, не смотря на всѣ его оправданія; потомъ Фотій заключилъ старца въ гробницу подземную Копроника, гдѣ кормил его голодомъ и холодомъ, сажая обременнаго на острую крышу мраморнаго гроба, привязывая къ ногамъ камни, доколѣ не исторгли вмѣсто подписи, одного креста, подъ конемъ самъ Фотій подписалъ его отреченіе, и недовольный тѣмъ, хотѣлъ еще выколотъ ему глаза и умертвить, но Игнатій спасся бѣгствомъ. Палагонянинъ присовокупляетъ еще, что послѣдовавшее землетрясеніе и пожары въ Константинополѣ были слѣдствіемъ сей неправды, и что самъ устранившій Кесарь Варда, услышавъ гдѣ спасается Игнатій, возвратилъ его въ прежнее уединеніе.—Почти то же, но съ меньшими подробностями, говоритъ и Теогиностъ въ письмѣ Игнатія; Анастасій же увѣряетъ, что Фотій свирѣпствовалъ, послѣ собора, противъ всѣхъ приверженцевъ бывшаго Патріарха, преслѣдуя самыхъ отшельниковъ въ ихъ пустыняхъ. (Vita Ignatii pag. 468, 471.)

Хотя по симъ свидѣтельствамъ и по твердымъ отвѣтамъ Игнатія Царю и всѣмъ Епископамъ, коимъ не признавалъ онъ такими, если

не хотѣтъ признать его законнымъ, ибо большая часть ихъ руко-
положена была имъ самимъ, — дѣло его кажется правымъ и дѣйствіи
собора пристрастными, однако не лѣзя не сдѣлать и нѣкоторыхъ
замѣчаній въ защиту Фотія. Прежде всего должно сказать, что когда,
однажды и противъ желанія, имѣлъ онъ слабость принять санъ патри-
архій, ему уже необходимо было защищать себя, и упорство Игнатія,
возбуждавшаго противъ него Епископовъ, до такой степени, что они
рѣшились его анаематствовать, могло служить достаточнымъ извине-
ніемъ, чтобы и противъ самаго Игнатія приняты были строгія мѣры;
жестокости же, какъ и всѣ прежнія, вымышлены.

Никита Пафлагонянинъ пишетъ, что противъ неправильнаго остав-
ленія Игнатіева свидѣтельствовали 72 человека, не только изъ простыхъ,
но и изъ именитыхъ людей, что подаютъ поводъ подозрѣвать, что у
него было много враговъ; достойнаго вниманія и то, что Фотій могъ
собрать противъ него 318 Епископовъ; Игнатій же нѣсколько лѣтъ
спустя соединилъ противъ Фотія только 109 Епископа, следовательно
втрое меньше, хотя Императоръ Василій также благопріятствовалъ ему,
какъ прежде Михаилъ Фотію, и также присутствовали легаты папскіе,
и даже соборъ ихъ называлъ вселенскимъ; да и игуменъ Феогностъ
подалъ прошеніе Папѣ, отъ лица Патриарха Игнатія и отъ нимъ только
отъ 10 Митрополитовъ и 15 Епископовъ. Анастасій книгохранитель,
въ предисловіи къ сему мнимому вселенскому собору, пишетъ, что
легаты Римскіе, Родоальдъ и Захарія, не разумѣли сами грамотъ,
принесенныхъ ими отъ Папы на соборъ Фотіевъ и искаженныхъ
Греками въ переводѣ, а если и замѣтили порчу, то умолчали отъ
страха. Можетъ ли быть, чтобы Папа послалъ людей не знающихъ
языка и отъ малодушныхъ? Но что всего замѣчательнѣе: самъ Папа
Николай, желуясь въ письмахъ своихъ, что легаты его, послѣ осми-
тѣсячнаго томленія въ Царьградѣ, вынуждены были, угрозами дальней
ссылки, согласиться на осужденіе Игнатіево, не смотря на то, хотя
и отвергнувъ дѣланія собора, въ присутствіи всей Римской Церкви и
посланниковъ Императора, однако въ томъ же году послалъ испытан-
наго въ малодушіи или корытолюбіи Родоальда, опять legatoмъ во
Францію, и на какой же воднигъ? — чтобы расторгнуть бракъ Короля
Лотарія! Потомъ, по слухамъ отъ людей, приходившихъ въ Римъ,
созвалъ опять соборъ и осудилъ вѣствъ отъ Фотіевъ одного легата
Захарію, отложивъ судъ Родоальда до возвращенія. — Такой образъ
дѣйствованія весьма сомнителенъ и наводитъ подозрѣніе, что были

какія нібудь тайныя условія, для признанія или отверженія Фотія и что быть можетъ, если бы сей послѣдній покорился Папѣ и уступилъ ему просимую область Иллирійскую, онъ остался бы неприкосновеннымъ. Примѣромъ тому можетъ служить и самъ Игнатій, который по возвращеніи своемъ на престолъ, одною только смертію спасся отъ сужденія Папы Адріяна, за то что не хотѣлъ уступить ему Болгарію, и новая ссора Папы Іоанна съ Фотіемъ, нѣсколько лѣтъ спустя, произошла по той же причинѣ. (Concil. T. 23. pag. 465, 122, 523. Ист. Флери кн. I. гл. 16, 25, 26.)

Грамата Фотія къ Николаю, послѣ собора, свидѣтельствуесть сколько желалъ онъ мира церковнаго, и что вопросъ объ Иллиріи служилъ не малымъ къ тому препятствіемъ: „ничего нѣтъ драгоцѣннѣе любви, которая соединяетъ отцевъ съ чадами, друга съ друзьями и самыхъ отдаленныхъ людей между собою. Она убѣдила меня претерпѣть колкіе упреки святыхъ вашей, и не приписывать ихъ какому либо страстному движенію, а только ревности вашей къ устройству Церкви. Но, пользуюсь свободою, какая должна существовать между братьями и между отцами и чадами, я пишу вамъ чтобы защищать себя, а не для того чтобы противорѣчить. Вѣсто укоровъ вы бы должны сожалѣть о мнѣ, ибо я былъ вынужденъ. Богъ, отъ котораго ничего не утаено, знаетъ претерпѣнное мною насиліе. Меня заключили въ темницу, какъ преступника, мнѣ дали стражей, меня избрали неволею; я плакалъ, я бился, стоналъ, все это знаютъ, — и такъ не болѣе ли заслуживаю я отъ васъ утѣшенія, нежели упрековъ?“ (Ист. Флери кн. I, гл. 15.)

Хотя Римляне пишутъ, что Фотій выражался такимъ образомъ, чтобы обольстить Папу, однако человѣку столь рѣзкаго характера, каковъ былъ Фотій, слишкомъ не свойственна столь низкая ложь, особенно если сравнить слова его съ тѣми, какія писалъ онъ Кесарю Вардѣ, предъ которымъ уже не могъ лгать, если бы и хотѣлъ, ибо Вардѣ все было извѣстно. — Продолженіе письма понятно и правдоподобно каждому любознательному человѣку.

„Я потерялъ миръ и отраду жизни, которою наслаждался у себя, въ кругу избранныхъ друзей въ изученіи мудрости и наукъ и въ исканіи истины. — Не имѣлъ я ни съ кѣмъ распрей, напротивъ того доброе имя друзей моихъ безпрестанно привлекало мнѣ новыхъ; часто ходилъ я съ ними въ палаты царскія и оставался тамъ сколько хотѣлъ, и всегда болѣе, нежели сколько они желали. Все сіе я воспоминаю, какъ источникъ слезъ моихъ, ибо я зналъ, прежде даже

чѣмъ испыталь, заботы и затрудненія занимаемаго мною мѣста, непокорность народа, мятежный духъ его и дерзость къ начальникамъ. Онъ ропщетъ, если ему отказываютъ въ просьбахъ, если же ихъ исполнить, пренебрегаетъ какъ будто бы вынудилъ согласіе. Мнѣ должно безпрестанно принуждать себя, казаться веселымъ когда я грустенъ, гнѣвнымъ безъ гнѣва, и измѣнять лице свое, когда напротивъ друзьямъ всегда представлялся въ своемъ обыкновенномъ видѣ. Съ высоты моего мѣста часто долженъ укорять друзей, пренебрегать родственниками, быть тягостнымъ для всѣхъ грѣшниковъ, и отовсюду привлекать себѣ ненависть. (Обширная переписка Фотія свидѣтельствуеъ истину сего, ибо онъ непрестанно укорялъ первостепенныхъ вельможъ Царьграда за ихъ порочную жизнь, безъ всякаго лицепріятія.) Сколько долженъ я терпѣть, борясь противъ симоніи и вольности говорить въ церквахъ, и противъ суеты отвлекающей отъ спасенія? Все сіе я предвидѣлъ и оттого бѣжалъ. — Но зачѣмъ писать о томъ? — если мнѣ вѣрятъ, оскорбляютъ меня, не сожалѣя; если же не вѣрятъ, то еще обиднѣе то, что не хотятъ признать истины! — Но, говорятъ мнѣ, ты бы не долженъ былъ терпѣть насилія. — Кого же должно обвинять въ томъ если не насилловавшихъ? Но они нарушили законы, воспреещающіе возводить мірянъ въ санъ епископскій? Кто же опять ихъ нарушилъ? тотъ ли, кто сдѣлалъ насиліе, или тотъ, кому его сдѣлали? Надлежало противиться и я противился, даже болѣе, нежели сколько можно было, и если бы не боялся возбудить большей бури, противустоялъ бы до самой смерти. Впрочемъ Церковь Константинопольская не приняла доселѣ правилъ, въ нарушеніи коихъ насъ упрекають.“ (Здѣсь говоритъ о мѣстномъ соборѣ Сардикійскомъ и декретахъ Папъ Келестина, Льва и Геласія, о коихъ упоминалъ Николай.)

„Я бы могъ остановиться на сихъ словахъ, но не намѣренъ оправдываться. Никогда не желалъ я мѣста сего и противъ воли пребываю на немъ, но я долженъ оправдать память отцевъ моихъ, Никифора и Тарасія, которыхъ осуждаютъ ради меня. Говорятъ, будто ихъ рукоположили въ Епископы, вопреки канонѣвъ, потому что измечены были изъ мірскаго чина; но они не знали сихъ правилъ и вѣрно соблюдали тѣ, какія были имъ извѣстны. Каждый долженъ соблюдать свои, и есть иныя правила, принятыя одними, хотя другіе о нихъ во все не слышали. Такъ одни брѣютъ бороду, а другіимъ это запрещено: мы постимся только одну великую субботу, а другіе и въ прочіе субботы. Въ Римѣ нѣтъ женатыхъ пресвитеровъ; мы же

научены посвящать и такихъ, которые довольствуются однимъ бракомъ. Мы осуждаемъ того, кто посвящаетъ діакона въ Епископа мимо пресвитерской степени; для другихъ же сіе безразлично. Ни отъ кого не требуется соблюденіе непринятаго имъ закона, если бы только онъ не нарушалъ вѣры и вселенскихъ правилъ.“

„Люди, извлекаемые изъ мірскаго чина для епископства, заслуживаютъ не хулы, но большихъ похвалъ, поелику за добрую ихъ жизнь предпочтены были уже облеченнымъ въ священство. Не одежды и не власы, и не долгота времени, а нравъ, дѣлаютъ достойными епископства; не о себѣ говорю, ибо не имѣлъ ни нравовъ, ни одежды, но о дѣдѣ моемъ Тарасіи и о Никифорѣ; говорю о Амвросіи, котораго знаю, что постыдился бы осудить Латиняне, какъ лучшую славу своей земли, издавшаго на ихъ языкъ столько полезныхъ писаній. Не осудить они и Нектарія, если съ нимъ вмѣстѣ не захотятъ осудить и вселенскій Соборъ, утвердившій его избраніе. Однако и тотъ и другой, не только были мирянами, но даже некрещенными, когда ихъ избрали въ Епископы. Не хочу говорить о Григоріи отцѣ Богослова и Фалассіи Кесарійскомъ, и о другихъ Епископахъ, которыхъ никогда не обвинили за такого рода производство.“

„Говорю же сіе не для распрей, потому что и согласился на соборѣ, чтобы никакой мирянинъ или монахъ впредь не поставлялся въ Епископа, не пройдя известное время въ каждой степени; ибо мы всегда готовы отклонять соблазны, если только это возможно безъ грѣха. Оскорбительно было бы памяти отцевъ нашихъ признать, и за прошедшее время, наблюдаемое вами правило, во имѣть никакой препоны сдѣлать законъ для будущаго. О если бы Церковь Константинопольская всегда его сохранила! — я бы избѣжалъ обременившихъ меня заботъ. Я окруженъ несчастными, изъ коихъ одни оскорбляютъ Господа Иисуса Христа въ его иконахъ, другіе же сививаютъ или отвергаютъ его дѣянія природы, ругаясь надъ четвертымъ вселенскимъ Соборомъ. — Съ ними мы ругаемъ и многихъ одолимъ. (Многія секу свидѣтельства находятся также въ богословскихъ писемъ Фотія, вполнѣ опровергающія всѣ клеветы враговъ о его ереси, и показывающія ясно, какую должно имѣть къ нимъ вѣру.) Но есть еще лисцы, выходящіи изъ норъ своихъ, чтобы уловить птенцовъ: — это раскольники, болѣе опасные, нежели явные враги. Мы смирили ихъ правиломъ собора, въ которомъ вы участвовали чрезъ своихъ легатовъ, и съ ихъ согласіемъ мы издали нѣсколько другихъ каноновъ. Мы бы

приняли и прочія учрежденныя вами правила, если бы не воспротивился Императоръ; но мы лучше пожелаем лишиться одной части каноновъ, нежели всѣхъ.“ — (Слова сіи показываютъ, какъ мало имѣлъ свободы въ своихъ дѣйствіяхъ Фотій и потому напрасно его обвиняютъ, какъ участника, въ жестокостяхъ царскихъ.)

„Что же касается до Иллирійскихъ и другихъ церквей, возвращенія конихъ вы требуете, то мы бы охотно сіе сдѣлали, если бы оно отъ насъ зависѣло, но это забота государственная, ибо дѣло идетъ о предѣлахъ и областяхъ. Я же, съ своей стороны, не только хотѣлъ бы отдать другимъ то, что имъ принадлежитъ, но и уступить собственное; я былъ бы обязанъ тому, кто облегчитъ меня отъ моего бремени, вмѣсто того, чтобы отказывать въ законномъ достоинствѣ кому либо другому, особливо такому отцу, какъ вы, требующему чрезъ людей столь почтенныхъ, каковы легаты ваши. Они добродѣтельными, осторожны и опытны, и вполне ученики Христовы, достойные того кто ихъ послалъ. Многого изъяснилъ я имъ на словахъ, чего не дѣлаю написать, и никто лучше ихъ не скажетъ вамъ истины и не заслуживаетъ вѣры.“

„Я забылъ еще представить вамъ, что такъ какъ никто, болѣе насъ, не обязанъ соблюдать каноновъ, то вы не должны безразлично принимать тѣхъ, которые отсюда идутъ въ Римъ безъ довѣрительныхъ грамотъ. Мы весьма довольны, чтобы ходили припадать къ свѣтынямъ вашей, но только не безъ вѣдома нашего. Ибо многіе грѣшники, подъ благовиднымъ предлогомъ богомолиа, избѣгаютъ такимъ образомъ заслуженнаго наказанія за ихъ прелюбодванія, тѣтвы, убійства и другія преступленія, и вы сдѣлаете тщетными ихъ злобныя намеренія, если не станете ихъ принимать безъ нашихъ грамотъ.“

Такимъ образомъ письмо сіе, которое представляютъ Римляне въ доказательство лести Фотіевой, служитъ лучшимъ ему оправданіемъ и объясняетъ обстоятельства времени. Достоинно вниманія, съ какою благородною твердостью онъ объясняетъ Палъ свои поступки, не унижая себя предъ нимъ, защищая свои права и не страшась обличать его, отклоняя вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжкое дѣло о предѣлахъ епархій, какъ подлежащее суду мірскому и зависящее отъ указовъ царскихъ. То что онъ пишетъ о легатахъ, соответствуетъ именно о нихъ явленію Палы, которое какъ мы видимъ, не тотчасъ измѣнилось, ибо посланъ того же Родольфа въ Галлію, онъ называлъ его въ своей грамотѣ: „вѣрнымъ Римской Церкви и столпомъ Апостольскаго престола, поручая

ему, страхомъ оной, содержать Епископовъ на соборѣ.“ (Concilior. T. 22. pag. 378.) Отвѣтъ Папы Фотію, какъ и вся послѣдующая его переписка съ Императоромъ, и посланія на Востокъ, отзываются нестерпимымъ духомъ властолюбія, которое не могли равнодушно переносить знающіе вселенскіе каноны. (Камень соблазна стр. 24—34. Epistolae Nicolai. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11. T. 22. Concil. pag. 75—229.)

Объявивъ себя явнымъ врагомъ Фотія, защитникомъ Игнатія и поборникомъ верховной церковной власти, онъ писалъ къ Царю Михаилу, утверждая въ посланіи своемъ все, что ни сдѣлано на соборѣ противъ иконоборцевъ, но уничтожая то, что опредѣлено въ отношеніи Игнатія и Фотія, и увѣщевая его прекратить несогласія, между спорящими Епископами и клириками, судомъ Римской Церкви. Къ Патріарху же Фотію писалъ грозно: что Церковь Римская, по преимуществу, полученному Петромъ отъ самаго Христа, есть глава всѣмъ другимъ Церквамъ, и что потому каждый долженъ содержать свято и ненарушимо всѣ ея опредѣленія, хотя бы они и противны были обыкновенію; и послѣку Фотій вступилъ изъ мірскаго чина на патріаршій престолъ, противъ установленій Западной Церкви, которой правила должно ему знать и хранить, то и сдѣлался чрезъ то преступникомъ безответнымъ и никакого оправданія въ винѣ своей не имѣющимъ, а наиболѣе потому, что воспріялъ сей священный санъ, при жизни Игнатія, несправедливо осужденнаго, котораго Церковь Римская потому и не престааетъ почитать въ прежнемъ его патріаршескомъ достоинствѣ. Что же принадлежитъ до Нектарія, который хотя и дѣйствительно посвященъ былъ изъ мірянъ Архіереямъ: сіе сдѣлано для того, что тогда не было достойнѣе его никого изъ духовнаго чина, а Тарасій получилъ санъ Патріарха за то, что былъ защитникомъ иконъ; Амвросій же Медіоланскій воспріялъ архіерейскій санъ за чудеса. Таково было содержаніе отвѣтной къ Фотію грамоты Папы Николая, который однако ничего въ ней не упомянулъ ни о Никифорѣ, коего Константинопольская Церковь избрала также изъ мірянъ Патріархомъ и притомъ безъ всякой нужды, ни о тѣхъ преступникахъ и возмутителяхъ, которые изъ Константинополя уходили, для избѣжанія казни, въ Римъ и были тамъ отъ него приняты. Въ то же время послалъ онъ отъ себя и къ другимъ Патріархамъ и Архіереямъ Восточной Церкви грамоту, увѣдомляя ихъ, что Римская Церковь не приеметъ изверженія Игнатіева и избранія Фотіева, и требовалъ, повелительнымъ гласомъ верховнаго Апостола, чтобы и они его не принимали, и чтобы другихъ непрежѣнно о томъ

увѣдомили. Еще въ одномъ посланіи прямо объявилъ, что кафедра верховная Римская судить всѣхъ и ни отъ кого судиться не можетъ, кромя какъ отъ самаго вручившаго ключи царствія Апостолу Петру, что противно всѣмъ правиламъ и примѣрамъ.

По отправленіи сихъ грамотъ на Востокъ, созвалъ онъ западныхъ Епископовъ въ Римъ, и составя изъ нихъ соборъ, велѣлъ прочесть бывшія въ Константинопольской Церкви противъ Игнатія дѣянія, обвинилъ торжественно Фотія, за то, что будучи міряниномъ, возшелъ на патріаршескій престолъ, какъ прелюбодѣй, какъ тать и разбойникъ, и присудилъ снять съ него санъ патріаршій, лишивъ священства и всѣхъ тѣхъ, кои были имъ рукоположены; напротивъ того Игнатія призналъ законнымъ Патріархомъ, повелѣвая возвратить престолы всѣмъ тѣмъ Епископамъ, которые пострадали за него и сосланы въ ссылку, и опять о томъ увѣдомилъ Восточное духовенство, самаго Фотія, дядю царскаго Варду и Игнатія, угрожая проклятіемъ, неразрѣшимымъ отлученіемъ отъ Церкви и вѣчною мукою всѣмъ тѣмъ мірскимъ и духовнымъ чинамъ, кои дерзнуть нарушить учиненное имъ на соборѣ опредѣленіе. Изъ всего этого видно, что онъ много вѣрилъ Константинопольскимъ бѣглецамъ, которые, по примѣру всѣхъ преступниковъ, имѣющихъ обыкновеніе злословить тѣхъ судей, отъ коихъ боятся праведнаго суда, старались всячески Фотія очернить и многія сплетали на него клеветы. Папа причиталъ ему въ вину все то, что учинено было противъ Игнатія и единомышленниковъ его, самимъ Царемъ и Вардою, и чрезъ то нарушалъ церковныя правила, запрещающія принимать такихъ людей и вѣрить ихъ клеветамъ; но гдѣ дѣйствуетъ страсть, тамъ правила не имѣютъ мѣста.

Замѣчательно, что дѣянія Римскаго собора, осудившія Фотія, не находятся въ собраніи соборовъ, ибо Римляне весьма знаютъ, что имъ можно сохранить и что опустить; приговоръ сего собора извѣстенъ только чрезъ 7-е посланіе Папы, въ коемъ чрезвычайно возвышены преимущества Римской кафедры; на концѣ же присоединено и осужденіе собственныхъ его легатовъ, неправильно дѣйствовавшихъ противъ Игнатія, будто бы вопреки данной имъ инструкціи, хотя ее также не находится въ собраніи актовъ. Въ грамотѣ сей Папа не называетъ даже, кто именно принесъ ему обвиненія на Фотія, а просто осуждаетъ заочно по дошедшимъ до него слухамъ, и приступаетъ къ сему безъ всякой побудительной причины, спустя почти годъ послѣ отправленія

своихъ гранатъ къ Царю и Патріарху Фотію, прежде даже нежели получилъ отъ нихъ какой либо отзывъ.

Что касается до папскихъ отлученій отъ Церкви и проклинаній, то онѣ почитались въ Константинополѣ за слабыя стрѣлы, и Папа скоро получилъ отъ самаго Царя отвѣтъ, въ коемъ, при уничтоженіи крайней власти, которую хотѣлъ присвоить себѣ надъ всеми Церквами, сказано было, что легаты его призваны были изъ Рима, въ знакъ только чести, а не для того, чтобы покорить Восточную Церковь Западной и поручить Фотіево и Игнатіево дѣло непосредственному его суду; но дабы, въ присутствіи его пословъ, утвердилось изверженнаго Игнатія изверженіе, а избраннаго уже Фотія избраніе, послѣдовавшее по согласію всѣхъ Восточныхъ Патріарховъ, не смотря на его сопротивленіе, и чрезъ то пресѣчено бы было навсегда несогласіе между Восточнымъ духовенствомъ.

Но Папа, пребывая твердымъ въ подвигъ своемъ и желая довершить оный, ополчился всѣмъ оружіемъ священнаго Писанія и употреблялъ всѣ способы къ преодоленію мнѣнія своихъ противоборняковъ. Къ Царю Михаилу писалъ онъ, что какъ не отъ человѣковъ, но отъ Бога, т. е. не отъ Соборовъ, но отъ самаго Спасителя воспріялъ Петръ преимущество власти надъ всею Церковію: то и Архіереи Римскіе, какъ его преемники, суть верховнѣйшіе всякаго духовнаго дѣла судіи; почему и увѣщевалъ его, дабы прислалъ къ нему въ Римъ на судъ Игнатія и Фотія, или повелѣлъ бы имъ, если не могутъ предстать на оный сами, увѣдомить его, письменнымъ свидѣтельствомъ, почему не могутъ? и прислать отъ себя повѣренныхъ для разсмотрѣнія дѣла ихъ съ самаго начала. Но такое непоумѣрное требованіе служило только къ большому уничтоженію тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя онъ присвоивалъ себѣ; ибо Восточное духовенство отрицало Римской Церкви начальство надъ всеми Церквами и представляло, что Римъ потому только имѣлъ предпочтеніе, что былъ престольнымъ градомъ Царей; по перенесеніи же престола изъ Рима въ Константинополь, перешло туда и предпочтеніе патріархальскаго сана, и съ того времени Епископъ Константинопольскій почитался совершенно равнымъ Епископу Римскому и писался Вселенскимъ Патріархомъ, не спрашивая у него на то особеннаго соизволенія.

Въ теченіе сего времени, ходилъ Царь Михаилъ, съ дядею своимъ Вардою, въ походъ противъ Сарациновъ въ Крымъ, и Варда, выступившій изъ предѣловъ власти своей и навлекшій на себя подо-

зрѣніе, былъ по повелѣнію самаго Царя лишенъ внезапно жизни; послѣ чего, Михаилъ возвратясь немедленно въ Византію, избралъ соправителемъ государственнымъ Василія Македонскаго, мужа славнаго въ мудрости и храбрости, коего прежде усмыслилъ, а потомъ велѣлъ возложить на него царскій вѣнецъ въ храмъ Святыя Софіи, рукою Патріарха Фотія.

Папа Николай вида, что письменныя его посланія не имѣютъ никакого успѣха, отправилъ опять въ исходѣ 866 года въ Константинополь къ Царю Михаилу пословъ, а именно Доната Епископа, Льва пресвитера и Марина діакона, коимъ велѣлъ стараться какъ о возвращеніи Игнатію патріаршескаго престола и о изверженіи Фотія, такъ и о томъ, чтобы Царь прислалъ ихъ обоихъ къ нему въ Римъ и сжегъ бы ту грамату, въ которой онъ отвѣтствовалъ на посланіе его съ уничтоженіемъ власти и преимуществва Церкви Римской. Онъ угрожалъ, если Императоръ не согласится, созвать въ Римъ соборъ и повѣсить на деревѣ ту грамату, вмѣстѣ съ прочими такого содержанія, для преданія огню, къ великому посрамленію Церкви Восточной. Но Михаилъ, не словами, а самымъ дѣломъ далъ ему знать, что всѣ его старанія о подчиненіи себѣ Константинопольской Церкви тщетны, повелѣвъ не впускать въ предѣлы государства пословъ его, доколѣ не предадутъ проклятію всѣхъ Латинскихъ догматовъ, Восточною Церковію отвергаемыхъ, и не дадутъ письменнаго о томъ свидѣтельства; послы, извѣстясь о томъ по прибытіи въ Болгарію, возвратились въ Римъ для донесенія Папѣ.

IV.

СПОРЪ ЗА БОЛГАРІЮ.

Церковный раздоръ возымѣлъ большую силу, со времени обращенія Болгаръ въ Христіанскую вѣру, т. е. съ 864 года, потому что они сдѣлались предметомъ распрей обоихъ патріаршихъ престоловъ. Славяне, обитавшіе въ Далматіи и Иллиріи, давно уже имѣли своихъ Епископовъ, которые завистли отъ Патріарха Восточнаго, до тѣхъ мѣстъ, доколѣ распространилась имперія Греческая, и Епископы Аквилейскіе

въ области Венеціанской, величаемые Патріархами на Западъ, колебались между двумя каедрами, судя по успѣхамъ оружія Франковъ или Грековъ; на рубежахъ обѣихъ епархій встрѣчались пресвитеры Западные и Восточные, и первые часто превозмогали, вводя новыя обряды въ странѣ, гдѣ исповѣданіе Восточное уже искони водворилось. (Исторія первобытной Церкви у Славянъ, соч. Маціевскаго переводъ съ Польскаго Евецкаго 1840.)

Во второй половинѣ VIII вѣка учреждена была постоянная миссія Римскихъ священниковъ на границахъ Аквилейскихъ, для обращенія Славянъ Закарпатскихъ, и оружіе Карла Великаго, вторгшагося въ Паннонію, сильно имъ содѣйствовало, такъ что для покоренныхъ имъ Гунновъ и Аваровъ, учреждено было Архіепископство Зальцбургское, которое пустило вѣтви подвластныхъ епископій внутрь завоеванной земли. Славянскіе Князья, подвластные Королямъ Германскимъ, принимали крещеніе отъ ихъ миссіонеровъ и Латинское исповѣданіе распространилось далеко за Карпаты въ Моравію; — слабость имперіи Греческой не позволяла ей дѣйствовать съ такою же силою между племенами необузданными, и исповѣданіе Восточное встрѣчалось съ Западнымъ въ горахъ Карпатскихъ невольно ему уступало. Однако же войны, возникшія между Германцами и сильными Князьями Славянскими, Ростиславомъ, Котеломъ и Святополкомъ, обратили ихъ послѣднихъ къ болѣе миролюбивымъ сношеніямъ съ Царьградомъ, и временно возстановили православное исповѣданіе въ ихъ предѣлахъ.

Они отправили отъ себя посольство къ Императору Михаилу, проси отъ него духовныхъ наставниковъ, и Патріархъ Фотій посѣтивъ послать къ нимъ двухъ знаменитыхъ ученостію братьевъ Кирилла и Меѳодія, которые уже отличились, Апостольскими трудами, въ Болгаріи и у народовъ, обитавшихъ при Черномъ морѣ, и зная Славянскій языкъ, перевели на оный священныя книги. Кириллъ получилъ, при отправленіи изъ Царьграда, санъ епископскій, чтобы удобнѣе распространять Христіанство, и стараніемъ сихъ великихъ учителей снабжена была Паннонія пресвитерами, учреждена въ ней іерархія, и истинное просвѣщеніе пролилось въ странѣ дотогъ грубой. Четыре года проповѣдывали Кириллъ и Меѳодій, переходя изъ страны въ страну, когда новыя войны Германцевъ съ Славянами, неудачныя для сихъ послѣднихъ, принудили ихъ, въ угодность побѣдителямъ, сблизиться съ Церковію Римскою. По приглашенію Папы Николая, Кириллъ и Меѳодій, принуждены были явиться въ Римъ въ 867 году и тамъ скончались

Кирилль; Мееодій же, одобренный во всемъ Папою и произведенный имъ въ Епископа на мѣсто брата, съ полною властію распространять Христіанство въ краяхъ Славянскихъ, и совершать богослуженіе на природномъ ихъ языкѣ, къ крайнему неудовольствію пресвитеровъ Римскихъ, тамъ находившихся, еще многіе годы продолжалъ святительство въ странѣ, имъ утвержденной въ истинной вѣрѣ.

Въ такихъ же отношеніяхъ къ властителямъ Греческимъ и Германскимъ находились и Болгаре, то подымая противъ нихъ оружіе, то увлекаемые силою обстоятельствъ къ заключенію союза, съ тѣми или другими, и тѣмъ открывая входъ миссіонерамъ, Восточнымъ или Западнымъ, въ свои предѣлы. Богорисъ, Царь Болгарскій, страшный своими набѣгами Грекамъ, покорился наконецъ оружію Михаила, въ 864 году; тѣснимый голодомъ и бѣдствіями своей земли, убѣждаемый къ Христіанству совѣтами сестры, долгое время обитавшей въ Царьградѣ, и наконецъ устрашенный иконою послѣдняго суда, которую показалъ ему проповѣдникъ инокъ Греческій, пришелъ самъ, съ своими вельможами, просить крещенія въ Константинополь. Тамъ получилъ онъ своего воспріемника Царя Михаила, и съ тѣхъ поръ сдѣлался постояннымъ предметомъ заботъ Патріарха Фотія, который далъ ему Архіепископа и послалъ къ народу проповѣдниковъ слова Божія; самому же Михаилу написалъ пространное изложеніе вѣры и правилъ соборныхъ, для руководства жизни царственной и домашней, исполненное высокихъ поученій, называя его въ семъ писаніи: „прекраснымъ образомъ трудовъ своихъ и духовныхъ болѣзней, благороднымъ и законнымъ своимъ чадомъ.“

Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ другой счастливый походъ противъ Болгаръ Императора Германскаго Людовика, принудилъ Царя ихъ обратиться за духовными учителями къ Западу, и Папа поспѣшилъ послать миссіонеровъ, чтобы подчинить своей власти новую область; ученіе ихъ имѣло такой успѣхъ, что Царь Болгарскій отправилъ къ нему пословъ съ богатыми дарами и просилъ наставленія, какъ въ разсужденіи устройства новой Церкви, такъ и поступка съ тѣми изъ своихъ подданныхъ, которые не хотѣли принять св. крещенія. Не трудно было обратить Болгаръ отъ обрядовъ Восточной Церкви къ Западной, какъ новокрещенныхъ, еще не утвердившихся въ ученіи вѣры, и не трудно было Римлянамъ убѣдить ихъ, что Константинопольскій Патріархъ Фотійъ неправильно избранъ, и потому все его постановленія не имѣютъ законной силы, такъ, что многіе изъ нихъ приняли

опять муропомазаніе, хотя оно уже совершено было надъ ними Восточнымъ духовенствомъ. — Въмѣсто того, чтобы радоваться, что народъ Болгарскій, обратился къ свѣту Христову, Папа думалъ только о своихъ личныхъ выгодахъ, и при самомъ началѣ, не разумѣющимъ еще, что есть Епископъ, уже прославлялъ величіе своей катедры, упиная ту, отъ коей приняли Христіанство. (Ист. Флери кн. I. гл. 50, 51.)

„Истинные Патріархи, писалъ онъ въ отвѣтахъ Царю Болгарскому, суть только тѣ, которые управляютъ Церквами Апостольскими, т. е. отъ нихъ учрежденными, какъ-то: Римскою, Александрійскою и Антиохійскою; Епископы Константинополя и Іерусалима имѣютъ только имя Патріарховъ, но не имѣютъ той же власти. (Не явная ли это ложь, опровергнутая всѣми Соборами, начиная съ втораго вселенскаго? А между тѣмъ не проговорился ли Папа, что онъ есть ни больше, ни меньше, какъ Патріархъ, равный Александрійскому и Антиохійскому, на одинакомъ основаніи происхожденія трехъ катедръ отъ Апостоловъ, и даже отъ одного Апостола Петра?) Ибо Церковь Константинопольская не была основана Апостоломъ и о ней не упоминалъ Соборъ Никейскій; но поелику Константинополь названъ былъ новымъ Римомъ, то Епископъ его получилъ титулъ Патріарха, болѣе по милости царской, нежели по праву; — такимъ образомъ второй Патріархъ послѣ Римскаго есть Александрійскій.“ — Впрочемъ изъ самыхъ постановленій церковныхъ, предписываемыхъ Николаемъ, можно видѣть, до какой степени Церковь Римская отступила отъ своихъ древнихъ правилъ, какъ на прим. Папа упоминаетъ о четырехъ постахъ, свято соблюдаемыхъ доселѣ въ Православной Церкви, изъ коихъ Великій, Рождественскій и Петровъ должны продолжаться около 40 дней; у Римлянъ же они сокращены въ послѣдствіи, произволеніемъ ихъ первосвятителей, какъ и другое тому подобное.

Такой непріязненный поступокъ Римскаго духовенства, ожесточилъ чрезвычайно Церковь Восточную, и Патріархъ Фотій, видя отторженіе новыхъ членовъ своей Церкви, которые отъ него единственно воспріимли свѣтъ Христіанства, увѣдомилъ немедленно всѣхъ Восточныхъ Патріарховъ и Епископовъ, окружнымъ посланіемъ, о нанесенной ему обидѣ и усиленно стараніи Папы распространить свое владычество въ Болгаріи, и о догматахъ проповѣдуемыхъ тамъ его Епископами. Онъ сообщилъ имъ и списки полученныхъ имъ съ Запада грамотъ, отъ первостепенныхъ Архіепископовъ Тревирскаго, Колонійскаго и Равенскаго,

которые жаловались на жестокое съ ними обращеніе Папы; ибо двухъ первыхъ онъ осудилъ заочно и лишилъ престола, за утвержденіе или неправильнаго брака Короля ихъ; Равенскаго же принудилъ совершенно признать надъ собою верховную власть свою, и тѣмъ совершенно уничтожилась нѣкоторая самостоятельность, наслѣдованная имъ отъ бывшаго экзархата Равенскаго. Всѣ три просили себѣ помощи и защиты отъ престола Цареградскаго и чрезъ то свѣдѣтельствовали, что и Западъ не признаетъ честолюбивыхъ дѣйствій Папы Николая и неподсудности его катедры, которую онъ, по сказаніямъ современныхъ летописцевъ, старался надъ всеми возвысить. (Канонъ соблазна стр. 37.)

Патріархъ Фотій всѣхъ призывалъ на Соборъ, для утвержденія и защиты коренныхъ церковныхъ постановленій, для водворенія мира внутренняго и уничтоженія замысловъ Римскихъ, и вскорѣ потомъ открылся Соборъ многочисленный, въ присутствіи намістниковъ трехъ патріаршихъ престоловъ, многихъ Епископовъ и клириковъ, Царей Михаила и Василія, и всего синклита. Дѣла Папы Николая громогласно были прочтены на Соборѣ и по общему всѣхъ совѣту объявленъ онъ недостойнымъ священнаго престола и церковнаго общенія и преданъ анаемѣ; — рѣшеніе же соборное, съ тысячею подписями, отправлено было къ нему въ Римъ, чрезъ Захарія Митрополита Халкидонскаго и Теодора Кизическаго. — Анастасій книгохранитель, котораго жевидѣтельство мы уже часто видѣли, сомнѣвается въ подлинности сего Собора и говоритъ, что только 21 Епископъ приложили руку, прочія же всѣ подписи были ложныя. Но Фотій, который могъ созывать на свои соборы до 400 Епископовъ, конечно могъ имѣть и большее число ихъ подписей; къ тому же на сихъ актахъ подписались, вѣроятно, вмѣстѣ съ Царемъ и присутствовавшіе сановники; ибо вся Церковь Восточная раздражена была честолюбивыми поступками Николая и анаемою, имъ заочно распространенною на всѣхъ сообщавшихся съ Фотіемъ, и потому, если онъ могъ жаловаться на то, что судимъ былъ вопреки правилъ церковныхъ заочно, то собственный его примѣръ, въ отношеніи Фотія и Западныхъ Епископовъ, подалъ тому поводъ и оправдывалъ такое дѣйствіе. Достоинно вниманія окружное посланіе Фотія, о коемъ мы упоминали, какъ заключающее въ себѣ многія обвиненія на отступленіе Римлянъ отъ древнихъ обычаевъ и догматовъ Православія. (Anast. T. 23. Concil. pag. 123. Ист. Флери кн. I, 56.)

„Болгарскій народъ, грубый и христоненавистный, склонился къ

кротости и богопознанію, такъ что, отвергну заблужденіе языческаго суевѣрія, сверхъ чаянія, обратился къ Христіанской вѣрѣ. Но не прошло еще двухъ лѣтъ, со времени пріятія онымъ народомъ правой Христіанской вѣры, какъ порожденія Западной страны устремились на народъ новонасажденный въ благочестіи. Они всячески ухищраются сихъ новопросвѣщенныхъ развратить и отторгнуть отъ праваго и чистаго ученія непорочной Христіанской вѣры.“

„И во первыхъ, въ противность церковнымъ правиламъ, привели ихъ къ пощенію въ субботы. Обыкновенно же и малое отступленіе отъ преданій ведетъ къ совершенному пренебреженію Христіанскаго ученія. Далѣе, первую седмицу четыредесятницы, отдѣливши отъ прочаго времени поста, разрѣшили на млеко, сыръ и подобное сему чревоугожденіе. Отсель, расширяя имъ путь къ отступленіямъ, и совращая ихъ съ прямаго и царскаго пути, внушили отвращеніе и омерзеніе къ живущимъ въ законномъ бракѣ пресвитерамъ, истиннымъ іереямъ Божиимъ. Такъ постѣвали они сѣмена ереси Манихейской, и души, едва начавшія произращать сѣмя благочестія, повреждали прісѣваемыми плевелами.“

„Сверхъ сего, муропомазаныхъ отъ пресвитеровъ, они не убоялись вторично муропомазывать, объявляя себя Епископами, и баснослова, будто муропомазаніе отъ пресвитеровъ не дѣйствительно и всеу совершается, и чрезъ то превышеестественныя и божественныя таинства Христіанъ попираютъ. И вотъ мудрованіе сихъ подлинно неосвященныхъ людей: не лзя, говорятъ они, священникамъ освящать муромъ крещенныхъ: ибо сіе предоставлено закономъ однимъ Архіереямъ.— Откуда такой законъ? ктѣ законодатель? который изъ Апостоловъ, или Отцевъ, или какой Соборъ, гдѣ и когда состоявшійся? по чьимъ голосамъ получившій рѣшеніе?—Если не лзя священнику знаменать муромъ крещаемыхъ: то не лзя будетъ ему и крестить и священнодѣйствовать! Такимъ образомъ пусть уже онъ, не отчасти, но совершенно будетъ изверженъ въ кругъ непосвященныхъ. Священникъ священнодѣйствуетъ тѣло Господне и кровь Христову, и сими освящаетъ давно уже крещенныхъ: и какъ же не можетъ онъ святить, муропомазаніемъ, новокрещенныхъ? Священникъ крестить, совершая надъ крещаемымъ очистительную благодать: какъ же отнять у него право ограждать и запечатлѣвать то очищеніе, коего онъ совершитель? Но если отымень у него право запечатлѣвать очищеніе, то не оставишь ему и права служить при очищеніи, и надъ кѣмъ либо совершать оное.“

„Впрочемъ не здѣсь еще конецъ ихъ отступленію отъ законовъ. Ибо, кромя вышесказанныхъ непристойностей, они, съ крайнею дерзостію, отважились священнѣйшій и святѣйшій символъ, который, опредѣленіями всѣхъ вселенскихъ Соборовъ, непоколебимо утверждёнъ, повредить чуждыми примышленіями и привнесёнными словами. О ухищреніи лукаваго, посягающаго новый раздоръ между едино-вѣрными! — вздумали говорить, что Духъ Святѣй, не отъ Отца токмо, но и отъ Сына исходитъ. Кто изъ освященныхъ Христіанъ можетъ снести, когда во Святую Троицу вводится два начала: одно для Сына и Святаго Духа, то есть Отецъ, а другое для Святаго Духа, то есть Сынъ, и такимъ образомъ единоначаліе раздѣляется на двоебожіе?“

„Святѣйшій духъ (говорять) происходитъ отъ Сына: отъ кого ты сіе слышалъ? отъ какихъ Евангелистовъ заимствовалъ сіе слово? какого Собора сіе изреченіе? — Господь и Богъ нашъ глаголетъ: „Духъ иже отъ Отца исходитъ:“ а породившіе сей новый соблазнъ говорятъ: „Духъ, иже отъ Сына исходитъ.“

„Кто не заградить слуха отъ сего дерзновеннаго мнѣнія? Оно противорѣчитъ Евангелію, возстаётъ противу святыхъ Соборовъ, отвергаетъ блаженныхъ и святыхъ Отцовъ: Аванасія великаго, преславнаго въ богословіи Григорія, Василія великаго, сіе царское украшеніе Церкви, Іоанна, истинно Златоустаго. Но для чего я упоминаю о томъ, или другомъ? противу всѣхъ вообще Пророковъ, Апостоловъ, Іерарховъ, Мучениковъ, и противу глаголовъ самаго Господа вооружается сей дерзновенный и богоборственный гласъ.“

„Таковыя-то отступленія отъ законовъ, Западные Епископы, распространили въ Болгарскомъ народѣ. Достигла вѣсть о семъ нашего слуха — и мы поражены смертельнымъ ударомъ въ самое сердце, подобно какъ если бы кто увидѣлъ утробныхъ чадъ своихъ, предъ глазами его угрызаемыхъ и терзаемыхъ отъ звѣрей и змѣвъ; ибо естественно было тому впасть въ несносную печаль и сѣтованіе, о потерѣ чадъ, который для возрожденія и просвѣщенія оныхъ подвергалъ себя трудамъ, заботамъ и многократному пролитію пота. Посему столько же мы сѣтовали о случившемся съ ними несчастіи, сколь полную чувствовали радость, видѣвъ ихъ освободившимися отъ древняго заблужденія. Мы оплакивали ихъ, и оплакиваемъ, и для возстановленія ихъ отъ паденія, не дадимъ очажъ нашимъ сна, и вѣждамъ

дреманія, доколѣ не введемъ ихъ, поколику намъ то возможно будетъ, пакъ въ домъ Господень.“

„А новыхъ предводителей въ отступленіи, столь многими и великими расколами, раздирающихъ сей повонасажденный и младенчествующій во благочестіи народъ, омыхъ обольстителей и богоборцевъ осудили мы соборнымъ и божественнымъ опредѣленіемъ: не нынѣ вновь изрекая судъ имъ, но изъ Соборовъ и Апостольскихъ узаконеній открывая и всѣмъ объявляя уже предопредѣленное имъ осужденіе.“

„Поелки шестьдесятъ четвертое правило Святыхъ Апостолъ, пораяя постящихся въ субботы, гласитъ: аще кто изъ клира усмотренъ будетъ постящимся въ день Господень, или въ субботу, крокъ единымъ токмо (великія субботы): да будетъ изверженъ; аще же мирянинъ: да будетъ отлученъ.“

„И пятьдесятъ пятое правило святаго и вселенскаго шестаго Собора говорить: поелки мы увѣдали, яко обитающіе во градѣ Римѣ, во святую четыредосятницу, въ субботы ея постятся, вопреки преданному церковному послѣдованію: то святому Собору угодно, да и въ Римской Церкви ненарушимо соблюдается правило, глаголющее: аще кто изъ клира усмотренъ будетъ во святой день Господень, или въ субботу постящимся, крокъ единымъ токмо: да будетъ изверженъ, аще же мирянинъ, да будетъ отлученъ.“

„Объ отвращающихся же брака четвертое правило Гангрскаго Собора говорить: аще кто о пресвитерѣ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко не достоинъ причащаться приобщенія, когда таковой совершилъ литургію: да будетъ подъ клятвою.“

„Согласно съ симъ и шестымъ Соборъ, произнесши на нихъ судъ, слѣдующее написалъ: понеже мы увѣдали, что въ Римской Церкви, въ видѣ правила, предано, чтобы тѣ, которые имѣютъ быть удостоены рукоположенія во діакона, или пресвитера, обязывались не сообщаться болѣе со своими женами: то мы, послѣдуя древнему правилу Апостольскаго благоустройства и порядка, сонзволяемъ, чтобы сожитіе священнослужителей по закону и впродѣ пребыло ненарушимымъ, отнюдь не расторгая союза ихъ съ женами, и не лишая ихъ взаимнаго въ приличное время соединенія. И такъ, аще кто явится достойнымъ рукоположенія въ вподіакона, или во діакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будетъ препятствіемъ къ возведенію на таковую степень сожитіе съ законною супругою: и отъ него во время поставленія да не требуется обязательства въ томъ, что онъ удержится отъ

законнаго сообщенія съ женою своею: дабы мы не были принуждены симъ образомъ оскорбить Богомъ установленный и имъ въ его пришествіи благословенный бракъ: ибо гласъ Евангелія вопіеть: „еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ.“ (Мате. XIX, 6.) и Апостолъ учитъ: „бракъ честенъ, и ложе не скверно.“ (Евр. XIII, 4.) также: „привязался еси женѣ, не ищи разрѣшенія.“ (1 Кор. VII, 27.) Знаемъ же, что и въ Карфагенѣ собравшіеся, имѣя попеченіе о чистотѣ жизни священнослужителей, положили, чтобы уподіаконы, прикасающіеся священнымъ таинствамъ, и діаконы, и пресвитеры, въ свои урочныя времена, воздерживались отъ сожительницъ своихъ. Такимъ образомъ, и отъ Апостоловъ преданное, и отъ самой древности соблюдаемое, и мы подобно да сохранимъ, зная время всякой вещи, и наипаче поста и молитвы. Ибо предстоящимъ олтарю, въ то время, когда приступаютъ къ святынь, подобаетъ быть воздержными во всеи, да возмогутъ получить отъ Бога въ простотѣ просимое. Аще же кто, поступая вопреки Апостольскимъ правиламъ, дерзнетъ кого либо изъ священныхъ, то есть пресвитеровъ, или діаконовъ, или уподіаконовъ, лишать союза и общенія съ законною женою: да будетъ изверженъ. Подобно и аще кто, пресвитеръ, или діаконъ, подъ видомъ благоговѣнія, изгонитъ жену свою: да будетъ отлученъ отъ священнослуженія, а пребывая непреклоннымъ, да будетъ изверженъ.“

„Разрѣшеніе же первыя седмицы великаго поста, и вторичное мвропомазаніе крещенныхъ и уже мвропомазанныхъ, не требуютъ, по моему мнѣнію, и приведенія правилъ для своего осужденія: поелику одно сказаніе о томъ само собою показываетъ крайнее неблагочестіе.“

„Впрочемъ и одна она ужасная дерзость противъ Святаго Духа, паче же противъ всея Святыя Троицы, хотя бы ничто другое изъ сказаннаго не было сдѣлано, довѣдетъ къ тому, чтобы подвергнуть ихъ многимъ осужденіямъ.“

„О семъ для вѣдѣнія и разсмотрѣнія по древнему церковному обычаю, долгомъ почли мы представить вашему о Господѣ братству. При чемъ убѣждаетъ и молимъ васъ быть скорыми намъ споборниками, въ искорененіи сихъ неблагочестивыхъ и небоголюбивыхъ мнѣній, и не оставитъ отеческаго востановленія, которое вамъ предки для соблюденія въ дѣяніяхъ своихъ предали: но со многими тщаніемъ и усердіемъ, избравъ, послать вмѣсто себя мѣстоблюстителей, мужей, долженствующихъ представлять ваше лице, украшенныхъ благочестіемъ

и священствомъ, словомъ и жизнью; дабы изгнать ядъ сего неблаго-
честія, недавно вліянный въ сердце Церкви, и тѣхъ, которые имѣли
безуміе таковыя плевелы посѣять въ народѣ новонасажденномъ и едва
утвержденномъ въ вѣрѣ, самихъ съ корнемъ исторгнуть, и общиимъ
судомъ предать тому огню, каковыи опредѣляютъ для отлученныхъ
глаголы Господни.“

„Когда такимъ образомъ будетъ изгнано неблагочестіе, и благо-
честіе утверждено: мы имѣемъ благу надежду, новооглашенный и
новопросвѣщенный Болгарскій народъ паки обратитъ въ преданную
ему вѣру. А при томъ, не только сей народъ, переимнлъ прежнее
нечестіе на вѣру во Христа, но и тотъ, о которомъ многіе многое
разсказываютъ, и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ на-
роды превосходитъ, оный глаголемый Росъ, который, поработивъ живу-
щихъ окрестъ него и возгордись своими побѣдами, воздвигъ руки на
Римскую Имперію: и сей однако нынѣ, прѣимнлъ изычское и без-
божное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую
Христіанскую вѣру, и вмѣсто недавняго, враждебнаго на насъ на-
шествія и великаго насилія, съ любовію и покорностію вступилъ въ
союзъ съ нами. И столько воспламенила ихъ любовь и ревность къ
вѣрѣ, (благословенъ Богъ во вѣки! зываю я съ Павломъ) что и
Епископа и пастыря и Христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ
и тщаніемъ прили.“

„И такъ, естли въ сіе время, когда благодатию чловѣколюбиваго
Бога, иже всѣмъ чловѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истинны
пріити, оныя народы отлагаютъ старыя свои мнѣнія, и вмѣсто ихъ
принимаютъ чистую Христіанскую вѣру, возстанеть и ваше братство
на помощь намъ, и будемъ содѣйствовать къ исторженію и сожженію
плевелъ: то мы, о Господѣ Іисусѣ Христѣ, истинномъ Богѣ нашемъ,
уповаемъ, что стадо его болѣе и болѣе умножится, и исполнится
реченное: „познають мя вси отъ мала до велика ихъ“ и пакы: „во
всю землю изыде вѣщаніе Апостольскаго ученія и въ концы вселен-
ныя глаголы ихъ.“

„Сего ради потребно, чтобы тѣ, которыхъ вы пошлете вмѣсто себя,
и которые будутъ представлять ваше освященное и святое лице,
уполномочены были властію, которую вы во Святомъ Духѣ стяжали,
дабы, по власти, подобающей Апостольскому престолу, о сихъ пред-
метахъ и другихъ подобныхъ, могли они законно подавать мнѣнія, и
невозбранно утверждать дѣйствительныя рѣшенія. Поелику, и изъ

Итали, получили мы нѣкоторое соборное посланіе, исполненное не-сказанныхъ жалобъ, которыя живущіе тамъ на своего Епископа, со многими обвиненіемъ и многими заклинаніями приносятъ, прося не презрѣть ихъ толь бѣдственно погибающихъ, и толико тяжкимъ и жестокиимъ преобладаніемъ угнетаемыхъ, равно не оставить и законовъ священства нарушаемыхъ, и всѣхъ постановленій Церкви превращаемыхъ. То же самое и прежде, отъ монаховъ и пресвитеровъ, оттуда убѣжавшихъ, всѣмъ сдѣлалось извѣстно: то были: Василій, Зосима, Митрофанъ и другіе съ ними, которые съ плачемъ жаловались на сіе жестокое преобладаніе, и со слезами призывали къ защищенію Церкви. Нынѣ же, какъ я сказалъ, получены оттолѣ различныя отъ различныхъ лицъ письма, исполненыя стенанія и многихъ слезъ, какъ то покажутъ вамъ списки съ сихъ писемъ, по желанію и требованію писавшихъ представляемые: поелику они, съ страшными заклинаніями и убѣжденіями, умоляли, чтобы сіе разослано было ко всѣмъ Архіерейскимъ и Апостольскимъ престоламъ. Приобщили же мы сіе къ настоящему письму для того, дабы, когда соберется о Господѣ святыи вселенскій Соборъ, тогда, по общему сужденію, и о семъ было постановлено то, что угодно Богу и согласно съ правилами соборными, да глубокий миръ объиметь Церкви Христовы. Ибо не только ваше блаженство къ сему призываемъ, но и прочихъ Святительскихъ и Апостольскихъ престоловъ пастыри, нѣкоторые уже прибыли, а другихъ ожидаемъ скорого прибытія. Посему ваше о Господѣ братство, медленіемъ и отсрочиваніемъ, да не принудитъ братій вашихъ къ ожиданію чрезмѣрно продолжительному, вѣдая, что естли бы, за неучастіемъ вашимъ, произошло что либо не надлежащимъ образомъ и несовершенное, то не иной кто, но вы сами были бы виновны въ томъ.“ (Разговоры о Православіи, стр. 162 — 179.)

V.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ПАТРІАРХА ИГНАТІА, СОБОРЪ ПРОТИВЪ ФОТІА.

Въ скоромъ времени внезапная перемена произошла на престолѣ царскомъ и патриаршемъ. Соправитель Императора Михаила, Василій Македонскій, по волѣ его вънчанный Фотіежъ на царство, будучи самъ въ опасности лишиться жизни отъ неистоваго Государа, умертвилъ его и вступилъ на престолъ, единогласно признанный всѣми, кромѣ Фотія, который не допустилъ его до св. таянъ и тѣмъ подвергся его гнѣву и заточенію. Историкъ Зонаръ пишетъ, что Императоръ, входя на праздникъ въ великую церковь и желая приступить къ безкровной жертвѣ, былъ воспрещенъ Фотіежъ, который называлъ его челоукоубійцею; раздраженный же Василій, созвалъ Соборъ, низложилъ Фотія, какъ будто за то, что неправильно извергнувъ Игнатія, поступилъ на его кафедру, и заключилъ его въ монастырь. То же самое повторяютъ, въ иныхъ словахъ, и другіе летописцы, Юмъ и Георгій монахъ, и Левъ грамматикъ, и самый врагъ Фотіевъ, исказившій нѣкими клеветами его жизнь, Симеонъ Логоветъ; такое свидѣтельство весьма важно, потому что оно показываетъ въ Фотіа, не низкаго честолюбца, потворствовавшего всѣмъ ради собственнаго величія, но пастыря твердаго, который не страшился говорить истину, не менѣе Игнатія, и одинаково съ нимъ за нее пострадалъ, какъ въ томъ удостовѣряютъ и многія обличительныя его письма къ вельможамъ Цареградскимъ и самимъ Кесарямъ. Внукъ Василія Македонскаго, Императоръ Константинъ Багрянородный, который болѣе имѣлъ бы причины очернить Фотія, для оправданія дѣда своего, описывая его царствованіе, говоритъ только весьма глухо и не называя даже по именамъ обоихъ Патриарховъ: „что Василій заботясь о устройствѣ Церкви Божіихъ, и видя ихъ какъ бы смятенныхъ бурю, за вину своего предшественника, поелику лишенъ былъ

престола и удаленъ отъ паствы, законно ей предстательствовавшей, и другой поставленъ на его мѣсто, рѣшился водворить миръ, и созвавъ соборъ общій всѣхъ Епископовъ Божіихъ, сколько возможно было, укротилъ бурю церковную. Тогда утвердивъ седьмой вселенскій Соборъ и предавъ анаемѣ иконоборцевъ, законнаго жениха Церкви и отча чаданъ возвратилъ правильно, вторгшемуся же на его мѣсто повелѣлъ престать, доколѣ сего не призоветъ Господь.“ (Греч. Истор. Іерусал. Патріар. Доснеея кн. VII, гл. 3. Zonar. lib. XVI, с. 8. Sim. Mag. Consp. Rog. Congr. Byzant. T. 21, pag. 121, 340.)

Но Никита Пафлагонянинъ и Анастасій, хотя были менѣе причины нападать на Фотія, въ защиту Василія Македонскаго, нежели баграмо-родный внукъ его, не пощадили Патріарха и въ семъ случаѣ своими клеветами, умолчавъ однако о томъ, что могло послужить ему въ похвалу, т. е. о обличеніи Василія, бывшемъ причиною изгнанія. Никита, который такъ подробно собиралъ слухи о Фотіи, написалъ вѣдливую и несходную съ обстоятельствами клевету, будто Патріархъ отлучивъ на соборѣ Папу Николая, тогда же предлагалъ Людовику Германскому и супругъ его признать ихъ Императорами Цареградскими; напротивъ того другіе Западные историки пишутъ только, что на соборѣ онъ велѣлъ многолѣтствовать Людовику и супругу его Императоромъ и Императрицею, т. е. Германскими, что могло показаться весьма важнымъ, ибо Греки, по честолюбію, ни кому не давали сего титула, кромя какъ своимъ Государямъ. Весьма вѣдливо было бы Фотію въ присутствіи самаго Михаила признать Людовика Императоромъ Цареградскимъ! О удаленіи же Фотія Никита выразился кратко, что на другой день, послѣ своего воцаренія, Василій изгналъ его съ престола патріаршаго и заточилъ въ монастырь; потомъ требуя отъ него возвращенія забранныхъ имъ сокровищъ, отыскавъ у его служителей подложные акты противъ Игнатія, исполнивъ всякой брани и сжегъ на соборѣ. (Vita Ignat. Consp. T. 23. pag. 483. Hist. Флери кн. I. гл. 55.)

Анастасій бібліотекаръ, о недостоверности всего имъ уже довольно говорили, прибавляетъ еще слѣдующую ложь: „будто бы Фотій, прежде своего паденія, настоялъ, чтобы всѣ милости не иначе шли, какъ чрезъ его руки, чтобы такимъ образомъ всѣхъ подкупить; потомъ требовалъ еще, чтобы всѣ давали ему собственноручнымъ записемъ, что они будутъ во всемъ содержать его вѣру, чѣмъ многіе соблазнились, какъ будто бы двѣ разныя существовали вѣры, одна Фотіева, а

другая Христова, и наконецъ увѣрять, что еще при Игнатіи, Фотій проповѣдывалъ двѣ души въ одномъ человѣкѣ, и когда одинъ ученый мужъ спросилъ его: „можетъ ли онъ учить такой нелѣпости?“ Фотій отвѣтствовалъ: „что онъ такъ нарочно проповѣдуетъ для того только, чтобы видѣть, что будетъ дѣлать Патріархъ Игнатій, если въ его время возникнетъ какая либо ересь, основанная на силлогизмахъ философическихъ, когда онъ гонитъ отъ себя всѣхъ занимающихся внѣшнюю мудростію.“ (Anast. Concil. T. 23. pag. 129.)

Сколь ни безразсудна такая клевета, она бросаетъ однако нѣкоторый свѣтъ на положеніе обоихъ Патріарховъ, и подаетъ поводъ думать, что можетъ быть, какъ это часто случается, пастырская простота Игнатія, воспитаннаго въ заточеніи, чуждалась всякой внѣшней учености, и потому люди, приверженные къ нему, ненавидѣли Фотія, главу и представителя всѣхъ ученыхъ своего вѣка, какъ весьма губительнаго для Церкви, по причинѣ глубокихъ познаній; это тѣмъ правдоподобнѣе, что по свидѣтельству лѣтописцевъ, со временъ Константина Копронима, совершенно упало образованіе въ Царьградѣ, и только Кесарь Варда началъ опять подымать науки изъ долгаго ихъ забвенія, которое могло внушить людямъ, весьма впрочемъ благочестивымъ, совершенное къ нимъ охлажденіе и даже недовѣріе къ сословію ученыхъ, а на оборотъ людямъ, посвятившимъ себя наукамъ, взаимное недоброжелательство къ пренебрегающимъ оными. Въ такомъ случаѣ Игнатій и Фотій, не говоря уже о ихъ различныхъ отношеніяхъ къ Риму, были въ самомъ Константинополѣ, представителями двухъ совершенно противныхъ партій, и это объясняетъ взаимное ожесточеніе ихъ послѣдователей.

Касательно же низложенія Фотіева, Анастасій пишетъ, что Императоръ Василій Македонскій, будто бы ничего не зная, хотя уже столько времени царствовалъ съ Михаиломъ, началъ допытывать о дѣлѣ Игнатія и Фотія, какое было рѣшеніе Апостольской каеэдры? и отыскавъ оное, хотя и далеко было запрятано Фотіемъ, былъ убѣжденъ къ исполненію сего рѣшенія, т. е. къ удаленію Фотія и призванію Игнатія. Но поелку Игнатію не подобало, безъ утвержденія верховнаго престола, возвратиться опять на свой, рѣшился Царь писать къ Папѣ и къ тремъ патріаршимъ каеэдрамъ, прося изъ Рима разрѣшительныхъ грамотъ и легатовъ для разсужденія дѣла, отъ Патріарховъ же только иѣстоблюстителей; потому что, находясь между Агарянами, они не принимали участія въ ходѣ всего дѣла, но приходи въ

Константинополь принимали обыкновенно съ благоговѣннѣе опредѣленія Апостольской кафедры, ничего не дерзая къ нимъ прибавить или отъ нихъ убавить. Для сего отправлены были посланники въ Римъ со стороны Игнатіевой, Іоаннъ Митрополитъ Силейскій, а со стороны Фотіевой, Петръ Сардикійскій, который на пути потонулъ. Іоаннъ не засталъ уже Папу Николая, а преемникъ его Адріанъ II, велѣлъ сжечь всѣ акты бывшихъ при Фотіи соборовъ, и проклявъ его опять заочно съ соумышленниками, отправилъ отъ себя легатовъ на вселенскій Соборъ въ Константинополь. (Anastas. T. 23. Concil. pag. 124.)

Хотя Анастасій въ своемъ предисловіи къ собору, на коемъ присутствовалъ и коего акты собралъ и перевелъ, замѣчаетъ осторожность съ какою дѣйствовалъ Императоръ, — однако Никита Пафлагонскій, выхваляя поступки Царя и Игнатія, торжественно имъ вызваннаго изъ заточенія и водвореннаго въ Церкви, говоритъ совсѣмъ иное, и не знаешь кому изъ сихъ двухъ враговъ Фотія дать болѣе вѣры! — Онъ утверждаетъ, что прежде отправленія пословъ въ Римъ, Игнатій отлучилъ отъ таинъ, не только Фотія и посвященныхъ имъ, но и всѣхъ его послѣдователей, стало быть опять безъ суда и съ тою же поспѣшностію, съ какою дѣйствовалъ уже однажды, при первомъ своемъ вступленіи на престолъ патріаршій, въ отношеніи Григорія Сиракузскаго. Потомъ описывая кратко соборъ, низложеніе и проклетіе Фотія, нехотѣвшаго на немъ повиноваться, не смотря на всѣ убѣжденія Царя, сената и клира, съ невольнымъ ужасомъ сознается, что для большей твердости, приговоръ былъ подписанъ, не простыми чернилами, а божественною кровію Господа Іисуса Христа, (какъ тому некогда подавъ приѣзръ Папа Феодоръ, осудивъ Патріарха Пирра Константинопольскаго и Моноелитовъ.) Не смотря на то, еще присовокупляетъ, что соборъ сей кажется ему предосудительнымъ, не за излишнюю строгость, какъ говорятъ нѣкоторые, но напротивъ за снисхожденіе къ виновнымъ, вопреки Апостольскихъ правилъ, ибо виѣсть съ Фотіемъ не были окончательно осуждены всѣ его сообщники, что въ послѣдствіи дало ему возможность возвратиться опять на свой престолъ и сдѣлать послѣднее горше перваго: таково милостивое сужденіе Никиты. И онъ и Анастасій говорятъ: что на семъ соборѣ, состоявшемъ только изъ 102 Епископовъ, (весьма незначительное число въ сравненіи соборовъ, созываемыхъ Фотіемъ, хотя довольно было времени для собранія Епископовъ, ибо успѣли придти легаты изъ Рима и благопріятствовалъ Императоръ), присутствовали и мѣсто-

блюстителѣ всѣхъ патріаршихъ престоловъ; однако они не что иное были, какъ иноки Восточныя, посланные по дѣланъ гражданскимъ, отъ Калифа къ Императору, и оставленные имъ въ качествѣ мѣсто-блюстителѣ для собора, что можно видѣть изъ письма Фотіева, къ Ѳеодору молчальнику, которому обнаруживаетъ также и всю жестокость обращенія, какое съ нимъ имѣли, хотя Никита осуждаетъ снисхожденіе его судей. (Vita Ignatii T. 23, pag. 489, 492.)

„Хотя доселѣ никто не дерзалъ, да и не было примѣра, чтобы посланниковъ и слугъ безбожныхъ Измаильтянъ, преобразовать въ мужей священноначальственныхъ, сообщать имъ патріаршія права, и объявлять ихъ предсѣдателями чуднаго ихъ собранія: однако и сіе не должно удивлять тебя; это согласно съ другими ихъ дерзостями. Они знали, что имѣютъ благодать священства наравнѣ съ оными; такимъ образомъ, яко неосвященные, они не могли найти средствъ, какъ иначе составить полное собраніе; Апостолы христоненавистниковъ, у какихъ другихъ людей могли бы сдѣлаться предводителями и предсѣдателями, какъ только у нихъ? да и кто приступилъ бы къ нимъ, чтобы неистовствовать противъ таковыхъ и столь многихъ Архіереевъ и іереевъ Божіихъ, кто, если не служители, воспитанники и порожденіа богоборственныхъ варваровъ? И сію-то полуварварскую свою засаду они назвали судилищемъ и соборомъ; а потомъ не могли представить, ни свидѣтелей, ни обвинителей, въ какомъ бы то ни было преступленіи, ниже произнести какого либо доноса, хотя все и сверху и снизу разбирали, ни даже рассмотреть, сдѣлано ли что нибудь влннѣтъ. Вокругъ поставили войско, вооруженное мечами, угрожающее подвижникамъ смертію, чтобы они и слова не могли сказать, сіе войско должно было стоять цѣлыя шесть или девять часовъ, не зная мѣры своей наглости и дерзости въ ругательствахъ. Много было и другихъ странностей и представленій, какъ будто бы на сценѣ, именно, когда предлагаемы были, одно за другимъ, варварскія и богохульныя писма. Послѣ сего, поздно и какъ бы противъ воли, закрывая собраніе, они не сдѣлали и не сказали ничего по человѣчески, хотя бы для виду, жо, какъ подражатели неистовствующихъ Коривантовъ или Вакхантовъ, провзительнымъ и протяжнымъ голосомъ вопили: „мы приняли сюда не судить и не судимъ васъ: ибо мы уже осудили, и должно съ любовію принять наше осужденіе!“ Таково было сіе безбожное, безстыдное и неслыханное покушеніе. Хотя оно затмило всѣ Іудейскія дерзости, какія только солнце видѣло и луна скрывала; хотя оно

превзошло безстыдство и беззаконіе Еллиновъ, недугующихъ безбожіемъ, и также превзошло неистовство и безуміе всѣхъ на землѣ варваровъ: однако ты нисколько не изумляйся, и да не внидетъ въ помышленія твои какое нибудь безумное поношеніе божественныхъ и мудрыхъ судовъ. Какъ я тому ни мало не удивляюсь, такъ и ты вскорѣ, я увѣренъ, будешь одного со мною мнѣнія; напротивъ, хотя это для нѣкоторыхъ покажется страннымъ, я усматриваю здѣсь сильнѣйшія свидѣтельства того, сколь несомнѣнно и всевидяще Божественное и сверхъестественное промысленіе. Какъ и какимъ образомъ? — когда гнѣвъ владычествующій противъ вѣрныхъ за то, что они не сохранили языки и сердца чистыми отъ кровей, возгнѣщается съ такою силою и жестокостію, истина всѣми мѣрами озлобляется, а ложь обходитъ свободно и въ блистательномъ видѣ; когда нечестивая наглость строго преслѣдуетъ всякое дѣйствіе, слово и движеніе, а благочестивые, видя сіе, только скорбятъ и простираютъ взоры и руки къ оку правосудія; когда нѣкоторые ищутъ клеветниковъ и свидѣтелей, многіе другіе стараются угодить власти и услужить ей по ея желанію, а тѣмъ болѣе страхъ и смерть распростираются на всѣхъ хотящихъ сказать что нибудь поистиннѣ; когда нѣтъ уступлены столь многія и еще большія выгоды, и они однако отнюдь не смѣютъ написать что нибудь на бумагѣ, также не смѣютъ предъявить написаннаго, не могутъ представить свидѣтельства ни на одно обвиненіе, противъ кого нибудь изъ святыхъ, ни даже сохранить внѣшняго приличія, хотя бы то и варварскаго суда, напротивъ заключаютъ собраніе такъ безчестно и постыдно, такимъ непристойнымъ и поноснымъ образомъ — какъ можно изъ всего того не почерпнуть самыя сильнѣйшія и несомнѣнныя свидѣтельства промысла, все премудро объемлющаго! Не есть ли это доказательство, что сему промыслу, хотя часто сокрытымъ отъ человѣческаго ума образомъ, всегда сопутствуетъ воздающее правосудіе, наказующее гонителей, но защищающее гонимыхъ, которыхъ вспомоцествуетъ? Симвъ то судомъ, промыслъ Божій, и теперь покрытъ стыдомъ и безчестіемъ досадителей, мнящихъ быть славными и уважаемыми за тиранство, а подвижниковъ, которыхъ почитали уже въ самомъ крайнемъ положеніи, исполнилъ радости и веселія и украсилъ, какъ неувядаемыми вѣнцами, непрестанными похвалами отъ всѣхъ людей. Тѣмъ, которые съ ними беззаконно поступили, въ сихъ самыхъ поступкахъ, онъ начинаетъ уготовлять казнь; и возлагаетъ начало ихъ неизбѣжной скорби въ будущемъ вѣкѣ;

а другихъ вознаграждаетъ за ихъ подвиги, и вручаетъ имъ, какъ бы залогъ будущихъ неизреченныхъ наградъ и многовождедѣннаго вѣчнаго блаженства.“ (Photii epistola 112, pag. 159.)

Съ чрезвычайною осторожностію должно разбираться дѣянія сего Собора, признаваемого Римлянами за осьмой вселенской; подлинникъ онаго со всѣми подписями утратился, когда легаты папскіе были на обратномъ пути ограблены Славянами, и не лзя вѣрить тому списку, который привезъ съ собою въ Римъ и перевелъ съ Греческаго книгохранитель Анастасій, написавшій столь пристрастное къ нему предисловіе противъ Фотія; неправда Римская ярко бросается въ глаза, если только обратить должное вниманіе на всѣ дѣянія Собора.

Прежде его начала, легаты, принятые съ чрезвычайною честью, уже возбуждаютъ общее недоумѣніе, неумѣстными требованіями, ибо когда Императоръ говоритъ имъ: „что Церковь Константинопольская, со всѣми Патріархами Восточными, Митрополитами и Епископами, уже два года ожидаетъ суда матери, Церкви Римской, для водворенія мира“—легаты отвѣтствуютъ: „что они не могутъ принять на Соборъ никого изъ Восточныхъ, если не удостовѣрятся ихъ подпискою по формѣ, найденной ими въ архивахъ Апостольской каѳедры;“ на что Императоръ и Патріархъ отозвались, что такіа подписи для нихъ совершенно дѣло новое, и хотѣли сперва прочесть формулу; вотъ ея содержаніе:

„Начало всякаго спасенія, есть соблюденіе догматовъ вѣры, потому же правилъ отеческихъ; первое относится къ исповѣданію, второе же къ дѣламъ. Не лзя однако умолчать о словахъ Господа: „ты еси камень и на семъ камени созижду Церковь мою,“ коихъ истину показалъ опытъ, ибо Апостольская каѳедра всегда непогрѣшительно соблюдала вѣру каѳолическую. И такъ, чтобы не отдѣлиться отъ нее и слѣдовать правиламъ Отцевъ, наипаче на ней возсѣдавшихъ, мы анаематствуемъ всѣ ереси и между ними иконоборную; анаематствуемъ также Фотія, хищника престола Цареградскаго, доколѣ не покорится суду Римскому и не отвергнетъ своего соборища. Мы приедемъ соборъ Папы Николая, который и ты, равноангельскій іерархъ Адрианъ, подписалъ, и все, что ты по сему предмету постановилъ, приеми признанныхъ, осуждая осужденныхъ, наипаче же Фотія и Григорія Сиракузскаго, и ихъ послѣдователей и сообщниковъ.—Мы анаематствуемъ на вѣки два ложные собора, бывшіе при Императорѣ Михаилѣ противъ Игнатія, и третій противъ Римскаго престола и всѣхъ держащихся оныхъ. Мы приедемъ отъ всего сердца все постановленное

Апостольскою кафедрю, въ отношеніи нашего Патріарха Игнатія, желая во всеѣхъ соблюсти общеніе съ нею, ибо на ней основана прочность вѣры Христіанской, общая не поминать на литургіи отлученнаго ею. Я (имя рекъ) Епископъ, подписалъ сіе собственноручно и представилъ чрезъ твоихъ легатовъ тебѣ, Адріану, верховному Первосвятителю и Папѣ вселенскому.“ (Ист. Флери кн. LI, гл. 26, 28.) Достоинно вниманія, что формула сія, которая находится въ актахъ Латинскихъ сего Собора, безъ Греческаго текста (Т. 23. pag. 156.) сокращена въ другомъ собраніи сихъ дѣяній на Греческомъ и Латинскомъ (которыя помѣщены въ томъ же томѣ на стр. 544.), и гораздо вѣроятнѣе, что ее читали въ такомъ видѣ на Соборѣ. При столь же суровыхъ выраженіяхъ, противъ Фотія и его послѣдователей, тамъ однако ни слова не сказано ни о утвержденіи Церкви, на кафедрѣ Петровой, какъ бы во свидѣтельство словъ Христовыхъ Апостолу, ни о ея непогрѣшительности, и эта обычная фраза, каковую любили вставлять Римляне въ свои грамоты, конечно не была принята Восточными, потому и не находится въ Греческомъ текстѣ. — Да и вообще текстъ сей, имѣющій свой Латинскій переводъ, хотя и названъ извлеченіемъ изъ дѣяній соборныхъ, но едва ли не онъ есть настоящій текстъ актовъ, ибо имѣетъ довольно полноты, хотя и гораздо короче Латинскаго текста Анастасія библиотекаря; Анастасій же произвольно дополнял или измѣнял все, что могло служить въ пользу Римской кафедры.

Такая формула, пишетъ Флери, т. е. первая, была уже однажды прислана въ Царьградъ Папою Николаемъ, но отвергнута Фотіемъ, какъ противная вселенскимъ правиламъ, и подчиняющая вполнѣ Церковь Константинопольскую Римской; при Василіи же Македонскомъ и Игнатіи, имѣвшихъ нужду въ признаніи папскомъ, она была невольно подписана Епископами, чему свидѣтельствомъ служитъ то, что по сказанію Анастасія, послѣ окончанія Собора, нѣкоторые изъ Восточныхъ начали жаловаться Императору и Патріарху, что такими подписками совершенно покорена Риму вся Церковь, и безъ возвращенія оныхъ не можетъ получить своей свободы. — Почему Императоръ велѣлъ своимъ сановникамъ похитить изъ дому легатовъ подписки, во время ихъ отсутствія; но легаты замѣтили похищеніе, и вмѣстѣ съ послами Императора Германскаго, вытребовали ихъ обратно, увѣряя Царя, что безъ нихъ не смѣютъ явиться въ Римъ. На какихъ вселенскихъ Соборахъ было видно нѣчто подобное? — Весьма вѣроятно, что и Славяне, ограбившіе

легатовъ, были подсланы Императоромъ и подписки сіи были причиною, что многіе Епископы отказались придти на Соборъ; ибо въ теченіи двухъ лѣтъ, Царь и Патріархъ, могли собрать на первое засѣданіе только 18 святителей, хотя изъ рѣчи къ легатамъ, кажется будто вся Церковь ожидала ихъ прибытія. Какой же вселенскій Соборъ открывался когда либо столь убого? (Ист. Флери кн. LI, гл. 47.)

Изъ сихъ осмнадцати, 5 Митрополитовъ и 7 Епископовъ были тѣ, которые пострадали за Игнатія, онъ самъ, три легата и два мѣстоблюстителя Восточные, восполняли малое число. Кто же были сіи послѣдніе? — Оума, Митрополитъ Тирскій, не принесшій никакого о себѣ свидѣтельства, по случаю смерти своего Патріарха, а только въ качествѣ старшаго, заступившій его мѣсто, какъ о томъ изъяснилъ другой намѣстникъ, Илія синкелль Іерусалимскій, представившій письмо своего Патріарха Θεодосія; но содержаніе сего письма, (не говоря уже о позднѣйшихъ болѣе ясныхъ обличеніяхъ), оправдывало вполнѣ слова Фотія, что посланникамъ Сарацинскимъ даны были степени мѣстоблюстителей; ибо Іерусалимскій Патріархъ писалъ къ Игнатію, что страхъ Агарянскій препятствовалъ имъ дотолѣ входить съ нимъ въ сношенія; теперь же, получивъ повелѣніе отъ самаго Эмира, посылаетъ къ нему синкелла своего Илію, съ которымъ Эмиръ послалъ отъ себя Архіепископа Оуму, какъ вы сего желали. Вы знаете, что причиною такого посольства есть освобожденіе плѣнниковъ Сарацинскихъ, а потому мы просимъ васъ убѣдить Императора прислать къ намъ какъ можно болѣе Сарациновъ.“ Мѣстоблюститель же Александрійскій пріищель, только при самомъ концѣ Собора и съ такими же просьбами, соглашаясь заранѣе съ своей стороны на всѣ рѣшенія, до него бывшія. (Флери кн. LI, гл. 27, 41. Concil. T. 23. pag. 155.)

Во второе засѣданіе Соборъ умножился только до 28 Епископовъ, потому что къ 18 прежнимъ явились еще десять, съ повинными грамотами, исполненными лести Папѣ Николаю и обличеній на Фотія; они казались въ томъ, что будучи посвящены Игнатіемъ и Меѳодіемъ, перешли на сторону новаго Патріарха; съ ними пришли еще 11 пресвитеровъ, 9 діаконъ и 7 вподіаконъ,—какое незначительное число въ сравненіи того, чего бы можно было ожидать отъ всей Восточной Церкви, вопіющей противъ Фотія, по словамъ его враговъ! На третьемъ засѣданіи послали убѣждать еще нѣсколькихъ Епископовъ, посвященныхъ Игнатіемъ, къ подписанію формулы Римской, принесенной легатами; но они рѣшительно отказались, говоря, что должно довольствоваться ихъ

исповѣданіемъ вѣры, данныя при рукоположеніи; это показываетъ какъ насильственна была самая подписка. На четвертомъ дѣяніи соборномъ, легаты Римскіе долго старались обличить во лжи двухъ Митрополитовъ, Теофила и Захарію, изъ числа посвященныхъ Игнатіемъ, которые были отправлены Фотіемъ къ Папѣ Николаю, съ извѣстіемъ о его поставленіи, и удостовѣрили Соборъ, что сообщались съ Папою, изъ чего можно предполагать, что при самомъ началѣ онъ не отвергъ Фотія. — Оба были выгнаны изъ собора за упорство, потому что не только твердо стояли въ своемъ показаніи, но даже обличали одного изъ легатовъ, Маріана, какъ свидѣтели ихъ общенія съ Папою, и не хотѣли даже слышать о предлагаемой формулѣ Римской. Наконецъ, на пятомъ засѣданіи, вывели на Соборъ самаго Фотія, но не чрезъ Епископовъ, а чрезъ мирянъ, какъ бы принадлежавшаго къ числу ихъ. Онъ не хотѣлъ явиться добровольно; его принудили, и потому, на всѣ вопросы легатовъ, отвѣчалъ совершеннымъ безмолвіемъ; когда же легаты сказали ему, что безмолвіемъ не избавится отъ осужденія, Фотій возразилъ, что не избѣжалъ онаго и самъ Господь. Послѣ многихъ обличеній, которыя выслушалъ съ такимъ же равнодушіемъ, ему дали срокъ для послѣдняго отвѣта, но онъ не принялъ его. Императоръ присутствовалъ на шестомъ дѣяніи и уговаривалъ, вмѣстѣ съ легатами, Епископовъ, державшихся стороны Фотія, обратиться; нѣкоторые повиновались, другіе остались твердыми и одинъ изъ нихъ, Евеній Кесарій Каппадокійской, старшаго престола въ малой Азій, сказалъ замѣчательныя слова: „Государь, мы знаемъ твою правду и доброту, дай намъ письменное удостовѣреніе, что мы можемъ свободно говорить въ наше оправданіе, и мы надѣемся доказать, что намъ противопоставляютъ здѣсь суетныя рѣчи.“ Достоинъ вниманія также, что Императоръ, желая убѣдить его, не выставлялъ преимущественно важности Римской катедры надъ прочими, но говорилъ вообще: „можно ли называть суетнымъ, что происходитъ отъ патріаршихъ престоловъ? ты знаешь самъ, равно какъ и вся подсолнечная, что съ помощію Божіею, пять патріаршихъ катедръ не могутъ заблуждаться въ вѣрѣ; и такъ ты долженъ необходимо принимать ихъ опредѣленія.“ (Флери кн. II, гл. 29, 32, 34, 35.)

Послѣ многихъ словопрѣтій въ пользу и противъ Фотія, когда Епископъ Кесарійскій сталъ утверждать Царю, что Патріархъ Игнатій далъ наконецъ отреченіе отъ престола, легаты рѣзко сказали, что отлученные Римскою Церковью не имѣютъ права даже и говорить на соборѣ, и спросили приверженцевъ Фотія, кто изъ нихъ посвященъ Игнатіемъ?

Три Епископа выступили, и ихъ опять спросили легаты, хотятъ ли они подписать формулу Римскую? — „Избави Богъ, отвѣчали они, и если Государь велитъ, мы скажемъ истину, какъ все было;“ — легаты велѣли имъ удалиться, за то что не повиновались собору, прогнали также и Захарію, который возражалъ имъ въ защиту Фотія; — все сіе показано однако въ актахъ, собранныхъ Анастасіемъ для Римлянъ.

На седьмомъ засѣданіи призванъ былъ опять Фотій, съ Григоріемъ Сиракузскимъ и своими приверженцами, и на вопросъ судей: „хотеть ли покаяться?“ спросилъ ихъ „одумались ли они сами и хотятъ ли измѣнить неправо свое сужденіе? онъ же, съ своей стороны, не имѣетъ что отвѣчать на клеветы.“ Епископы, съ нимъ бывшіе, сказали не обвинуясь: „что если бы не только посланные изъ Рима и Іерусалима, но Ангелъ съ неба принесъ къ нимъ нѣчто противное правиламъ, они бы не повиновались; и что не смотря на ихъ просьбы, имъ не дали свободно оправдаться.“ Тогда, послѣ новыхъ убѣжденій, произнесены были анаемы противъ Фотія, Григорія и ихъ приверженцевъ, и созданы дѣянія соборныя Фотія противъ Папы Николая, и преданы покаянію свидѣтели, бывшіе противъ Игнатія, и мѣстоблюстители Патріарховъ Восточныхъ, представленные на прежнихъ соборахъ Фотіемъ, признаны ложными; сознавшись въ винѣ своей, они предали его анаемѣ, воскликнувъ: „можемъ ли противиться рѣшенію столь великаго Собора?“ — (Соборъ же состоялъ вначалѣ изъ 28 Епископовъ.)

По окончаніи занялись вопросомъ о Болгаріи, кому должна принадлежать сія новая епархія? потому что самъ Царь Болгарскій прислалъ спросить о томъ въ Константинополь. Легаты Западные и Восточные собрались съ Царемъ и Патріархомъ, для разсужденія сего важнаго дѣла, и сколько ни защищали Римляне права своей Церкви на предѣлы древней Иллирія, которую захватили Болгары, сколько ни отговаривались неимѣніемъ инструкціи, утверждая, что такой вопросъ долженъ быть предоставленъ на окончательное рѣшеніе Папы, — всѣ Восточные рѣшили въ пользу кathedры Цареградской, ибо сія область принадлежала къ имперіи Восточной и первые въ ней священники были Греческіе, а не Римскіе. О смиренномъ духѣ легатовъ папскихъ можно судить, по ихъ отвѣту мѣстоблюстителямъ патріаршимъ: „Апостольская кathedра не избрала васъ судіями въ своемъ дѣлѣ, потому что вы ей подчинены; она одна имѣетъ право судить всю Церковь, и потому мы ей предоставляемъ окончательное рѣшеніе; что же касается до вашего

нѣнія, то она презираетъ его столь же легко, какъ легко вы оное излагаете.“ (Флери кн. II, гл. 48.)

Симъ заключеніемъ не прекратилось дѣло о Болгарахъ; но хотя Царь ихъ выслалъ отъ себя съ большими дарами Епископа Римскаго Гримоальда и всѣхъ пресвитеровъ, которые подозрѣвали его въ подкупъ, и принялъ Святителя Греческаго со всѣмъ клиромъ, съ тѣхъ поръ утвердившихся въ его предѣлахъ, — Папы не оставались покойными. Адрианъ, въ письмѣ къ Императору, просилъ его заставить Патриарха Игнатія отступить отъ управленія сею областію, под страхомъ запрещенія церковнаго ему лично и изверженія посылаемыхъ отъ него Епископовъ. Преемникъ же Адриана II, бывший легатомъ его на Соборѣ, посвященный подъ именемъ Іоанна VIII, явно угрожалъ Игнатію, что если, чрезъ два мѣсяца послѣ полученія его грамоты, онъ не отступится отъ управленія Болгаріею и не выведетъ оттолкъ своихъ Епископовъ, то будетъ лишенъ имъ общенія тѣла и крови Христовой; если же еще станетъ упорствовать, то лишится и патриаршескаго сана, который получилъ по милости папской. Такимъ образомъ дѣло шло уже, не о правильности избранія Игнатіева, а только о Болгаріи, и смерть избавила старца отъ угрозъ Римскихъ. Тихою кончиною онъ отошелъ, послѣ многоятежнаго святительства, въ которомъ, если иногда увлекался чрезвычайною ревностію, всегда однако же соблюдалъ правую вѣру, и по непорочности житія причтенъ къ лику Святыхъ (Ист. Флери кн. III, гл. 16, 48.)

Что касается до Фотія, то сколь тягостны для него были первые годы его заключенія, можно судить изъ письма его къ Императору: „внемли, всемогущѣйшій Государь! я уже не буду вспоминать тебѣ нашей прежней дружбы и страшныхъ клятвъ и обѣщаній, ни священнаго муропомазанія и вѣчанія, ни святыхъ тайнъ, изъ моихъ рукъ воспріятыхъ, ни духовнаго усыновленія чадъ твоихъ, не буду болѣе о томъ говорить тебѣ, а только о правахъ общихъ человѣчества. Всѣ народы, Греки и варвары, лишаютъ жизни осужденныхъ на смерть, а тѣхъ, которымъ оставляютъ жизнь, не заставляютъ умирать голодомъ и тысячами мукъ, а же провожу жизнь жесточайшую самой смерти. — Я узникъ, лишенъ всего, родственниковъ, друзей, служителей, однимъ словомъ всякаго пособія человѣческаго; когда однако влекли въ оковахъ божественнаго Павла, не воспрещали ему имѣть друзей для прислуги, и онъ находилъ челоуколюбіе въ язычникахъ, врагахъ Іисуса Христа. Изобрѣли еще новую казнь: у меня отняли самыя книги; не по страху

ли, чтобы мы не услышали слова Божія? Если мы действуемъ худо, намъ бы должно было напротивъ дать книги и даже учителей, чтобы наставить насъ; если же мы не дѣлаемъ зла, зачѣмъ намъ сіе творить? — никогда ни съ кѣмъ изъ православныхъ такъ не поступали и еретики!», — Привода въ примѣръ Аѳанасія, Златоуста, Никифора, онъ жалуется еще, что разрушили церкви и больницы, имъ устроенныя, какъ будто бы хотѣли повредить душѣ его, отымая съ одной стороны книги, могущія научить его, а съ другой средства искупить грѣхи. „Подумай о томъ, Государь, продолжалъ онъ, и если ни въ чемъ тебя не упрекаетъ совѣсть, приложи къ нашимъ ранамъ; если же обвиняетъ, не ожидай суда, на которомъ покаяніе поздно. Вспомни, что ты человѣкъ, хотя и Императоръ, и носишь такую же плоть, какъ и частные люди, что мы имѣемъ единого Владыку, Создателя и Судію. Не прошу у тебя ни почестей, ни славы, ни благосостоянія, но то, чего не отказываютъ варвары своимъ рабамъ, — я прошу жизни, которая бы не была хуже смерти, или скорѣйшаго избавленія отъ сего бѣдственнаго тѣла.“

Такія же горькія обстоятельства описывалъ Фотій и въ пространномъ посланіи къ Епископамъ, оставшіися ему вѣрными, въ коемъ оправдывался противъ возведенныхъ на него клеветъ, въ мнимомъ предательствѣ Церкви. Какъ лучшее доказательство правоты своей и какъ явное чудо, которому, по словамъ его, едва могутъ вѣрить современники, тѣмъ менѣе потюпки, прибавляетъ то, что посреди столь ужасной бури, такого смятенія и измѣненія обстоятельствъ, никто изъ малыхъ или великихъ, простыхъ или образованныхъ, именитыхъ жизнью или догматами, Епископовъ малаго городка или областной столицы, не отделился отъ него и не увлекся потокомъ смутныхъ обстоятельствъ.“ (Photii epistola 174.)

„И должно сознаться, говорилъ западный историкъ Флери, что только сто Епископовъ, посвященныхъ Мееодіемъ или Игнатіемъ, подписались на соборѣ противъ Фотія; Фотій же умѣлъ удержать на своей сторонѣ всѣхъ, которыхъ самъ рукоположилъ, числомъ болѣе трехъ сотъ.“ — Такое свидѣтельство весьма важно, и должно предполагать, что много тому способствовали честолюбивые замыслы Римлянъ, противъ которыхъ боролся мужественно Фотій, ибо въ немъ видѣла вся Церковь Восточная своего защитника. Возращеніе его, послѣ одиннадцатилѣтняго заточенія, случилось въ самый годъ смерти Игнатіевой, когда сей послѣдній получилъ грозную грамоту отъ Папы Іоанна; можно предполагать, что не лестное родословіе отъ Царя Армянскаго Тирidata, ко-

торое, по увѣренію Никиты Пафлагонскаго, вымыслилъ Фотій и подкинулъ въ бібліотеку царскую, послужило къ его освобожденію, и не дружба съ волхвомъ Сантаваринномъ, обуявшимъ будто бы умъ Императора; но дряхлость Игнатія и затруднительныя отношенія съ Римомъ побудили Василя Македонскаго заблаговременно возвратить Фотія изъ его заточенія и немедленно поставить его на кафедре Цареградскую, послѣ смерти Игнатія, чтобы оградиться отъ притязаній Римскихъ. Послѣдующія клеветы Никиты, Стиліана и Симеона Логовета, о жестокостяхъ Фотія съ приближенными бывшаго Патріарха, не заслуживаютъ даже вниманія. (Ист. Флери кн. LII, гл. 20. Vita Ignat. T. 23. pag. 512.)

Стиліанъ Неокесарійскій пишетъ, между прочимъ, въ посланіи къ Папѣ Стефану, будто бы Патріархъ Фотій подослалъ убійць, для сокращенія жизни Игнатіевой, когда уже ему было 80 лѣтъ, и потому не долго оставалось ждать; что онъ, чарами и обаяніемъ, преклонилъ къ себѣ Императора и опять заставилъ, угрозами, легатовъ папскихъ, Павла и Евгенія, присланныхъ еще къ предѣстнику, признать его Патріархомъ; но сіе невѣроятно, ибо Папа Іоаннъ тѣхъ же легатовъ отправилъ потомъ на Соборъ къ Фотію, и что будто бы обманомъ принудилъ Митрополитовъ подписать гранату о его избраніи; но зачѣмъ же было ихъ обманывать, когда, нѣсколько мѣсяцовъ спустя, 400 Епископовъ добровольно сошлись на Соборъ въ Константинополь, и даже, во все время его изгнанія, болѣе 300 Епископовъ не нарушали съ нимъ общенія? Такова правда враговъ Патріарха, на которой однако основываются западные его хулители; письмо же Стиліана писано было послѣ втораго изложенія Фотіева, по внушенію Императора Льва, который искалъ оправдаться, низвергнувъ Патріарха, чтобы дать мѣсто младшему брату своему Стефану. (Ист. Флери кн. LIII, гл. 51, 52.)

VI.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ПАТРІАРХА ФОТІЯ. СОБОРЪ, НАЗЫВАЕМЫЙ ОСЬМЫМЪ ВСЕЛЕНСКИМЪ.

Папа Іоаннъ, находясь въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ, по случаю страшныхъ набѣговъ Сарацинскихъ, и желая получить помощь отъ Императора сильнаго, каковъ былъ Василій Македонскій, не отринулъ Фотія, подобно своимъ предѣстникамъ; онъ надѣлся, что такимъ снисхожденіемъ къ первому, не совсѣмъ правильному его избранію, онъ выиграетъ и дѣло о Болгаріи, что явствуетъ изъ его инструкціи легатамъ и изъ посланія къ Императору; ибо, какъ онъ пишетъ, видя единодушіе всѣхъ Патріарховъ и Епископовъ, даже поставленныхъ Игнатіемъ, къ избранію Фотія, соглашается уступить обстоятельствамъ, по прежнимъ примѣрамъ снисхожденія, бывшаго на Соборахъ, съ тѣмъ однако же, чтобы Фотій не имѣлъ никакого вліянія на Болгарію, и испросивъ самъ прощенія на соборѣ, принялъ бы въ свое общеніе всѣхъ Епископовъ Игнатія, которыхъ Папа объявлялъ отлученными, если не согласятся признать Фотія; о чемъ писалъ къ тремъ главнѣйшимъ его противникамъ: Митрофану, Стиліану и Іоанну.— А двумъ прежнимъ своимъ легатамъ, къ коимъ присоединилъ еще третьяго, Петра пресвитера, велѣлъ отлучить отъ Церкви всѣхъ, которые избѣгать будутъ общенія съ ними и съ Фотіемъ, самаго же Фотія велѣлъ просить предъ всѣмъ Соборомъ, чтобы онъ отнюдь не вступался въ Болгарію и никого не поставлялъ въ сію область; подъ сими условіемъ всѣ Соборы, бывшіе противъ него въ Римѣ и Царьградѣ, должны почитаться какъ бы несуществовавшими, и приговоръ сей подписанъ былъ 17 Епископами, въ Римѣ, въ присутствіи Папы.

Тогда соединился въ 879 году, подъ предсѣдательствомъ Фотія, многочисленный Соборъ въ Константинополѣ, въ храмѣ св. Софій,

состоявшій изъ 383 подвластныхъ ему Епископовъ, что показываетъ обширность тогдашней Константинопольской епархіи, съ легатами папскими и мѣстоблюстителями прочихъ патріаршихъ престоловъ. Ученый Епископъ Кеалонійскій, Ілія Мінатій, въ книгѣ своей „камень соблазна,“ говоритъ, что выписку сего Собора сохранилъ потомству, Іоаннъ Векъ, Патріархъ Константинопольскій, въ словѣ о мирѣ церковномъ, изчисляя 7 дѣяній онаго, которыя также обрѣтаются во II томѣ пандектовъ, и что сверхъ того имѣются еще рукописныя, болѣе пространныя, но несходныя числомъ дѣяній съ Векковыми, какъ о томъ упоминаетъ Каве въ исторіи церковной. (л. 303.) А ученый историкъ западный Флери пишетъ, что акты сего Собора еще не были при немъ напечатаны; но что любознательный Г. Балюзъ выписалъ изъ Рима вѣрную ихъ копию, которую ему сообщилъ, и кажется можно принять за достовѣрное выписку Флери, повѣряя ее иногда Мінатіевой, потому что если Западные рѣшились говорить истину, она не подлежитъ сомнѣнію, ибо Соборъ неблагопріятенъ Риму. Флери однако жалуется, будто письмо и инструкція Папы были искажены въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось отъ Фотія испрашивать прощенія соборнаго, заключая о себѣ поврежденіи изъ того, что требованіе Папы на Соборѣ не исполнено: напротивъ того вѣроятнѣе, что и при неповрежденности граматъ, по волѣ Императора и всей Церкви, отложено такое неуваженіе ея представителя, предъ лицомъ всего Собора. (Ист. Флери кн. IІІ, гл. 12.)

На первомъ засѣданіи, послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій легатовъ и Патріарха, Захарій Халкидонскій, тотъ самый, котораго выгнали съ Собора при Игнатіи, говорилъ, что виною всѣхъ золъ Фотія было глубокое знаніе Божественныхъ писаній и всей энциклопедіи наукъ человѣческихъ, которыя навлекли ему зависть и гоненіе; говорилъ также, что соборъ созванъ для Римской Церкви, а не для Восточной, ибо она сохранила единство духа съ Патріархомъ, то же повторилъ и весь Соборъ, изъясняя, что многіе никогда не нарушали съ нимъ общенія, нѣкоторые же присоединились въ послѣдствіи. Засѣданіе кончилось многолѣтнимъ святѣйшимъ Патріархамъ Фотію и Іоанну; и такимъ образомъ во всѣхъ многолѣтіяхъ имя Фотія стояло выше Іоаннова, что никакъ не соответствовало мысли о господствѣ папскомъ, если бы такъ оное разумѣли Восточные, какъ Западные.

На второмъ засѣданіи читаны были посланія папскія, искаженныя, какъ предполагаетъ Флери, вѣроятно съ согласія легатовъ, потому

что они ихъ слушали безпрекословно. Соборъ отвѣтствовалъ, что пріемлетъ все относящееся до мира Церкви, исключая того, что касается до Императора и его области, т. е. Болгарин. На вопросы легатовъ о Болгарин, Фотій отвѣчалъ, что со времени своего возвращенія, онъ никого еще не поставлялъ въ сію область; Проконій же Кесарійскій присовокупилъ: „мы надѣемся, что Господь покоритъ Императору всѣ народы земные, и тогда онъ устроитъ, по своему желанію, предѣлы митрополій;“ то же повторилъ и Соборъ, почитая дѣло сіе не духовнымъ, а гражданскимъ, и оправдалъ также прежнія дѣянія Патріарха. Самъ Фотій разсказалъ весьма замѣчательныя обстоятельства, которыя подтвердилъ Соборъ, неоднократно прерывая рѣчь его: „что онъ силою вынужденъ былъ принять престолъ, съ согласія всѣхъ Епископовъ, втайнѣ отъ него подписавшихся, что будучи изгнанъ, оставался въ покоѣ, не нарушая мира, не желая и не надѣясь возвратиться, доколѣ Богъ не тронуть сердца Царя, и при жизни Игнатія не искалъ престола, не смотря на убѣжденія страждущихъ собратій; призванъ же былъ изъ заточенія самъ, не ради себя, но ради народа; что онъ искалъ всячески мира съ Игнатіемъ, и когда свидѣлись въ палатахъ царскихъ, оба бросились другъ другу въ ноги и простились взаимно; во время же болѣзни, по собственному приглашенію Игнатія, неоднократно посѣщалъ его и утѣшалъ, пріемая на свое поочеченіе людей ему близкихъ. По смерти же его Императоръ, сперва втайнѣ, а потомъ явно, чрезъ Патриціевъ, объявилъ ему свое намѣреніе и желаніе Епископовъ на его возстановленіе, и потомъ посылъ его лично, убѣдилъ принять опять кафедру. — Соборъ повторилъ что все сіе истинно, и довольно былъ многолюденъ, чтобы ему вѣрить, особливо если сравнить оный съ малолюдствомъ собора Игнатіева, при такихъ же обстоятельствахъ.

Тогда прочтены были письма Патріарховъ Восточныхъ: Александрійскій предавалъ анѳемъ Юсифа и Илію, назвавшихся мѣстоблюстителями его и престола Иерусалимскаго на прежнемъ Соборѣ, и извѣщалъ, что третій мѣстоблюститель престола Антиохійскаго, Митрополитъ Фома, покался и прислалъ отъ себя извинительную грамоту. О томъ же писали къ Фотію и прочіе два Патріарха, говоря, что никогда не нарушили съ нимъ общенія ихъ престолы и то же повторилъ единогласно Соборъ. (Кан. соблаз. стр. 64.)

На третьемъ засѣданіи продолжалось обличеніе прежнихъ мѣстоблюстителей, которые были признаны за посланниковъ Сарацинскихъ

и отринуть Соборъ противъ Фотія, какъ о томъ упоминалось въ инструкціи, данной легатамъ, которую читали соборно. Илія Минятіевъ говоритъ, что на семь засѣданій не угодна была Собору грамота Папы къ Восточнымъ Епископамъ, потому что она обнаруживала его притязанія не на одну Болгарію, но и на всю Церковь Константинопольскую, и Соборъ отвѣчалъ о Болгаріи, что должно отнести къ Царю, а касательно Фотія, Епископы желали только общенія, а не суда Римскаго, въ знакъ любви, а не покорности, ибо сами единодушно признали Патріарха.—Слова сіи въ выраженіяхъ болѣе мягкихъ приведены у Флери, въ первомъ засѣданіи. (Кам. соблазна. 65.)

Въ четвертое засѣданіе легаты спросили Соборъ: согласенъ ли онъ на пять условій примиренія? и Соборъ, отстранивъ первое о Болгаріи, не принялъ втораго, о непосвященіи мірянъ на степень епископскую, и третьяго, о избраніи Константинопольскихъ Патріарховъ изъ среды только своей Церкви, руководствуясь прежними примѣрами; но утвердилъ единогласно четвертое и пятое, о отверженіи прежнихъ соборовъ противъ Фотія и всѣхъ нарушителей мира. На пятомъ засѣданіи приглашенъ былъ главный изъ нихъ, Митрофанъ Смирскій, но отказался придти, по мнимои болѣзни, за что отлученъ отъ Церкви. Флери пишетъ, ссылаясь на акты, что будто легаты сказали: „Папа даровалъ Патріарху Фотію одинаковую власть вязать и рѣшить, принятую имъ отъ св. Петра, и потому онъ можетъ самъ осудить Митрофана;“ Фотій же отвѣтствовалъ: „мы почитаемъ васъ за нашихъ отцовъ, какъ легатовъ Папы нашего духовнаго отца;“ но вслѣдъ затѣмъ является правило, что всѣ Епископы, клирики и міряне Италійскіе, низложенные или отлученные Папою Іоанномъ, гдѣ бы они ни находились, будутъ почитаться таковыми и отъ Фотія, и равноотрѣно всѣ отлученные Патріархомъ Фотіемъ, какой бы то области ни были, будутъ почитаться таковыми же Папою и Римскою Церковію, безъ нарушенія привилегій ея кathedры; Соборъ изъявлялъ на то согласіе и иѣстоблюстители Патріарховъ подтвердили, что ихъ Владыки дали ту же власть Фотію, какъ ивѣющему согласіе Восточныхъ и Римской кathedры; но Илія Минятіевъ, основываясь на Греческихъ спискахъ, удостовѣряетъ, что правило о равноотрѣномъ отлученіи Папою и Патріархомъ, отлученныхъ однихъ изъ нихъ, кончалось напротивъ того следующими словами: „въ принадлежащія святѣйшему престолу Римския Церкви, т. е. ея председателю преимущественно, отнюдь ни нынѣ, ни послѣ никакихъ новостей не вводить.“ Это правдоподобно и сходно съ духомъ

Собора, который столь твердо стоялъ за независимость своей Церкви и кончалъ каждое засѣданіе многолѣтіемъ сперва Фотію, а потомъ Іоанну, называя обоихъ Патриархами, безъ всякаго отличія. (Ист. Флери кн. I, гл. 18, 19, 20. Кам. соб. стр. 67.)

На шестомъ засѣданіи присутствовалъ Императоръ Василій, съ сыновьями Львомъ и Александромъ, и здѣсь должно выписать подлинныя слова пандектовъ, ибо они замѣчательны. (Pandect. T. 2, p. 301—303.) „Въ присутствіи всѣхъ Епископовъ христолюбивый Императоръ Василій сказалъ: „мы также признали за нужное явиться на святой Соборъ и вмѣстѣ съ вами споспѣшествовать миру и согласію всѣхъ Божіихъ Церквей, и предъ цѣлымъ сонмомъ Епископовъ и пресвитеровъ, собственною подписью, утвердить и занечать то, что постановлено симъ священнымъ и великимъ Соборомъ: но дабы нѣкоторые, коихъ языкъ всегда готовъ къ клеветѣ и порицанію, не почли царскаго присутствія нашего за нѣкоторое насиліе секу святому и вселенскому Собору, т. е. будто бы всѣ согласились на миръ и единеніе, изъ уваженія къ нашему лицу и по страху: то мы почли за лучшее, чтобы сначала, сами по себѣ, вы и прочіе архіерейскіе престолы и весь соборъ Церкви, при осѣненіи на всѣхъ помощи свыше, все окончили, согласно волѣ Божіей и собственному вашему свободному и самостоятельному мнѣнію, а потомъ и наша боговрученная власть, принимая и утверждая, собственноручно подписала все, постановленное на семъ святомъ и вселенскомъ Соборѣ. Между тѣмъ почитаю весьма полезнымъ, если заблагоразсудится это и вамъ, чтобы вы, пребывая въ совершенномъ мирѣ и согласіи, и бывъ соединены подъ главою всѣхъ, Христомъ, законоположили бы касательно церковнаго ученія, не что либо новое и пришлое, но то, что сначала святой и великій Соборъ въ Никее положилъ, а прочіе вселенскіе Соборы одобрили, и на чей они сами утверждались.“

„Василій боголюбивый Митрополитъ Мартиропольскій и жѣстоблюстителъ Антиохійскій отвѣчалъ: „достойно и праведно, чтобы послѣ того, какъ расколы и соблазны во всей Церкви уничтожены, заботливостію и попеченіемъ твоимъ, христолюбивѣйшій Государь нашъ, молитвами же и ходатайствомъ, предъ Богомъ, духовнаго отца твоего и нашего, святѣйшаго Патриарха Фотія, чтобы, говорю, послѣ сего одинъ и тотъ же образецъ вѣры былъ по всей вселенной, такъ какъ и доселѣ былъ, и чтобы Соборъ нашъ, въ общемъ присутствіи, подтвердилъ его.“

„Присутствующіе Архіереи Божіи сказали: „для сего нужно только, и на нашѣмъ Соборѣ, прочитати и утвердити то же самое опредѣленіе вѣры Никейскаго Собора, которое прочіе вселенскіе Соборы подтвердили и на которомъ основывались.“

„Святѣйшіе мѣстоблюстители древняго Рима сказали: „такъ какъ повелѣлъ великій въ Богѣ Императоръ нашъ, и какъ благоугодно братіямъ и сослужителямъ нашимъ: то справедливо, не дѣлать никакого новаго опредѣленія вѣры, но чтобы прочитано и подтверждено было древнее оное, содержимое во всей вселенной.“

„Святѣйшій Патріархъ Фотій сказалъ: „согласно мнѣнію всѣхъ нашихъ братій и сослужителей, пусть будетъ прочитано.“ И боголюбезный протонотарій и діаконъ Петръ, получивъ повелѣніе, началъ читать: „Божественное и досточтимое ученіе Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, принимая сердцемъ, крѣпкою мыслию и въ нерушимой чистотѣ вѣры, такъ же свято сохраняя и, непреклоннымъ умомъ содержа, священныя постановленія и каноническія правила святыхъ его учениковъ и Апостоловъ, равно почитая и содержа, искреннею и непоколебимою мыслию, неповрежденныя и неподложныя опредѣленія и правила святыхъ вселенскихъ семи Соборовъ, такъ какъ они управляемы были вдохновеніемъ того же Св. Духа, — мы отлучаемъ тѣхъ, кого они отлучали отъ Церкви, любимъ же и почитаемъ достойными пріятія тѣхъ, кого они провозгласили учителями православія и благочестія, достойными уваженія и почитанія. Такъ думая и говоря о нихъ, мы умомъ и словомъ исповѣдуемъ, и всѣмъ и вездѣ громогласно возвѣщаемъ образецъ чистѣйшей Христіанской вѣры, дошедшій до насъ отъ предковъ нашихъ, ничего не отнимая, ничего не прибавляя, ничего не измѣняя и не извращая: ибо такое отъятіе и прибавленіе, хотя бы кознями лукаваго и не было воздвинуто никакой ереси, причиняетъ не безнамѣренную и непростительную обиду отцамъ, кои неукоризненны во всемъ; еще пагубнѣе сего, если мы поддѣляемъ поддѣланными словами опредѣленія отцевъ. Посему сей святой вселенскій Соборъ, принимая, по вдохновенію Божію и въ правой мысли, первоначальное опредѣленіе вѣры, и полагая въ немъ твердое основаніе спасенія, провозвѣщаетъ, чтобы всѣ подобнымъ же образомъ мыслили и исповѣдывали.“

„Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимымъ же всемъ и невидимымъ и проч.“ (весь символъ до конца.)

„Всѣ мы такъ мыслимъ, въ семъ исповѣданіи мы крещены, чрезъ

него слово истины всякую ересь дѣлаеть слабою и недействительною. Тѣхъ, которые такъ мыслятъ, мы поставляемъ въ числѣ братій, отцевъ и сонаслѣдниковъ вышняго отечества. Если же кто дерзнетъ начертать другой образецъ вѣры, кромя сего святаго оимвола, который назначамъ отъ блаженныхъ и св. отцевъ дошелъ до насъ, дерзнетъ называть, что либо свое, опредѣленіемъ вѣры и унижать достоинство исповѣданія оныхъ богопросвѣщенныхъ мужей, включать въ него собственныя изобрѣтенія и выдавать его вѣрнымъ или тѣмъ, которые недавно обратились изъ какой либо ереси, за общее ученіе вѣры, или дерзновенно покусится повредить поддѣльными словами, прибавленіями и убавленіями, древность сего святаго и достоуважаемаго образца вѣры: то по опредѣленію, нынѣ, а равно и прежде насъ, отъ святыхъ вселенскихъ Соборовъ, возвыщенному, если таковой имѣеть священныи санъ, подвергаемъ его всеконечно низверженію, а если мирянинъ анаеема.“

„Послѣ сего чтенія, священное собраніе воскликнуло: „всѣ мы такъ мыслимъ, такъ вѣруемъ, въ семъ исповѣданіи мы крещены и удостоились священнаго сана; кто мыслить не такъ, а иначе, тотъ анаеема!“

„Илія, благочестивѣйшій пресвитеръ и мѣстоблюститель Іерусалимскій и Косма, апокрисіарій Александрійскій, сказали: „анаеема тѣмъ, кои не исповѣдуютъ сего общаго символа вѣры!“

„Фотій, святѣйшій Патріархъ, сказалъ: „если благоугодно вамъ, священныи и святыи Соборъ, то, какъ вначалѣ, постановленное и опредѣленное Соборомъ, высокій и великій Царь нашъ утвердилъ и запечатлѣлъ собственноручнымъ своимъ подписомъ, такъ да будетъ и теперь.“

„Святѣйшіе Митрополиты сказали: „мы не только согласны, но просимъ и умоляемъ благочестиваго и высочайшаго Царя, дабы онъ собственноручнымъ своимъ подписомъ утвердилъ и запечатлѣлъ все, постановленное на семъ святомъ и вселенскомъ Соборѣ.“ И взявъ опредѣленіе соборное, христолюбивый Царь Василій утвердилъ своею рукою.“

На послѣднемъ, седьмомъ засѣданіи, опять повторено и подтверждено единогласно исповѣданіе вѣры, и по окончаніи депутаты Папскіе произнесли: „если кто не признаеть святѣйшаго Фотія законнымъ Патріархомъ и съ нимъ не сообщится, да будетъ часть его съ Іудео.“ На что единогласно отвѣтствовалъ Соборъ: „если кто его не при-

знаеть Божимъ Архіереемъ, да не узритъ славы Господней!“. Последнее многолѣтіе Собора было опять святѣйшимъ Патріархамъ Фотію и Іоанну. (Ист. Флери кн. LIII, гл. 23. Кам. соб. стр. 69.)

Флери хотя и рѣшился привести акты сего Собора, но сомнѣвался въ ихъ подлинности, подозрѣвая характеръ Фотія, о которомъ онъ судилъ однако по описаніямъ Никиты Пафлагонскаго, Митрофана Смирнскаго, Стіліана Неокесарійскаго и Анастасія книгохранителя, коихъ клевету мы достаточно видѣли. Другіе писатели Римскіе: Бароній, Биній и Левъ Аллаций, писали также противъ сего Собора, а послѣдній и отвергалъ его существованіе, въ изданной имъ книгѣ, подъ именемъ, Соборъ Фотіевъ, которая напечатана въ Римѣ въ 1668 году, хотя самъ Папа Іоаннъ упоминалъ о немъ въ своихъ посланіяхъ къ Царю и Патріарху. (Кам. собл. стр. 70.)

На концѣ дѣяній соборныхъ обрѣтается еще письмо Іоанна къ Фотію, въ коемъ также сомнѣваются Римляне, ибо оно ихъ обличаетъ. „Мы знаемъ, пишетъ Іоаннъ, дурныя слухи, которые принесли къ вамъ, о насъ и о нашей Церкви, и потому я хотѣлъ объясниться предъ вами, прежде даже нежели вы ко мнѣ о томъ напишите. Вы знаете, что посланный вашъ, объясняясь съ нами касательно символа, нашель, что мы соблюдаемъ оный какъ пріяли прежде, ничего не прибавляя и не убавляя, ибо знаемъ какое тяжкое наказаніе заслуживаетъ дерзающій сіе учинить. И такъ, чтобы васъ успокоить по сему предмету, сдѣлавшему соблазнъ въ Церкви, объявляемъ вамъ еще разъ, что не только мы такъ не произносимъ; но и по безумію дерзнувшихъ учинить оное вначалѣ осуждаемъ, какъ нарушителей слова Божія и искажителей ученія Христова, Апостоловъ и Отцевъ, соборно предавшихъ намъ символъ, и часть ихъ съ Іудею, какъ одинаково съ нимъ дѣйствующихъ; ибо они не тѣло Господне предають смерти, но вѣрныхъ Божіихъ, которые суть его члены, раздвѣрають расколъ и предають вѣчной смерти, вмѣстѣ съ собою, какъ оный недостойный Апостолъ. Но я думаю, святынѣ вашей, исполненной мудрости, не безызвѣстно, что не легко склонить къ сему мѣрному остальныхъ Епископовъ нашихъ и скоро измѣнить столь важный обычай, утвердившійся годани. Посему полагаемъ, что никого не должно принуждать къ оставленію сдѣланнаго въ символѣ прибавленія; но дѣйствовать съ скромностію и осторожностію, внушая мало по малу другимъ оставить сію хулу. И такъ, обвиняющіе насъ въ томъ, будто и мы раздвѣлемъ сіе мѣрніе, говорятъ неправду; но

тѣ не далеки отъ истины, которые утверждаютъ, что есть еще между нами люди, дерзающіе такъ произносить символъ; вашему же братству подобаетъ не соблазняться о насъ и не чуждаться прочаго тѣла нашей Церкви, но напротивъ, съ кротостію и осторожностію, содѣйствовать намъ къ обращенію отклонившихся отъ истины, и такимъ образомъ съ нами вмѣстѣ воспріять изду. Здравствуй о Господѣ, достоуважаемый и каволическій братъ.“

Папа Іоаннъ, колеблясь между страхомъ набѣговъ Сарацинскихъ и желаніемъ приобрести область Болгарскую, не рѣшался явно отвергнуть Соборъ, столь неблагопріятный Римской Церкви, и онъ писалъ, въ ласковыхъ выраженіяхъ, къ Императору и Патріарху, благодаря перваго за присланную помощь, и говоря, что признаетъ милость оказанную Фотію, но не пріемлетъ дѣяній соборныхъ, если легаты его въ чемъ либо преступили его повелѣнія. — Посланный въ Константинополь Маринъ, за несогласіе отвергнуть нинимый осьмой вселенскій соборъ, бывшій при Игнатіи, и отринутый самимъ Папою Іоанномъ, былъ посаженъ Императоромъ на мѣсяць въ темницу, и возведенный по смерти Іоанна на его каведру, по чувству личной ненависти, осудилъ опять Фотія, чему послѣдовали его преемники, Адрианъ III и Стефанъ V, а между тѣмъ продолжалась обличительная переписка между Императоромъ и Папами. (Ист. Флери гл. 27.)

Смерть Василія Македонскаго, послѣдовавшая въ 886 году, опять измѣнила участь Патріарха. Преемникъ престола Левъ, спасенный ходатайствомъ Фотія отъ ослѣпленія, которому хотѣлъ подвергнуть его Императоръ, по подозрѣнію въ покушеніи на жизнь его, вмѣсто благодарности, низвергнулъ Патріарха, чтобы дать его мѣсто младшему брату своему Стефану. Исполненный ненависти къ Епископу Евхантаскому Сантаварину, оклеветавшему его предъ отцемъ, и неправильно подозрѣвая самаго Фотія, въ соучастіи противъ него, Императоръ тщетно старался уличить Патріарха и безъ суда сослалъ его въ монастырь Армоникійскій, гдѣ въ томъ же году скончался сей великій подвижникъ, правившій Церковію сперва девять лѣтъ, а потомъ восемь. — Тогда-то написалъ на него клеветы свои Стиліанъ Неокесарійскій, въ граматѣ къ Папѣ Стефану, который самъ обличилъ въ своемъ отвѣтѣ несходство сего писанія съ царскимъ, ибо въ противность показаніямъ Стиліана, что Фотій былъ изгнанъ изъ Церкви, Императоръ утверждалъ, будто онъ удался добровольно по старости. По сей причинѣ Папа, прежде нежели призналъ брата царскаго Патріархомъ, хотѣлъ опять,

по примѣру своего предшественника Николая, чтобы дѣло перенесено было на сужденіе въ Римъ, на что однако не хотѣли согласиться Восточные, чтобы не унижить достоинства своей Церкви, и Стефанъ умеръ, не дождавшись ихъ отзыва. (Ист. Флери кн. LIII, гл. 50, 51, 52.)

Преемникъ Стефана V, Папа Формозъ, послѣдній осудилъ Патріарха Фотія, уже умершаго, отвѣчая на грамоту Стилиана Неокесарійскаго къ своему предшественнику, и самъ подвергся, послѣ своей смерти, еще большому осужденію отъ преемника, Папы Стефана VI, который даже вырылъ его тѣло и представилъ на соборище, отсѣкъ ему пальцы и голову и велѣлъ бросить въ Тибръ, за то что былъ, вопреки каноновъ, переведенъ на кафедру Римскую изъ другой епархіи. (Ист. Флери кн. LIV, гл. 27.)

ВЪ КЪ ДЕСЯТЫЙ.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи десятаго столѣтія, кафедра сія, обуреваемая всѣми ужасами безначалія и разврата, представляла столь горестное зрѣлище, къ соблазну всей Церкви, что Епископы ея, безпрестанно сибяемые по смятеніямъ народнымъ, по насилию Патриціевъ Римскихъ и прихотямъ женскимъ, едва могли только заботиться о собственномъ плачевномъ существованіи. О томъ свидѣлствуютъ опредѣленія Римскаго Собора, при Іоаннѣ IX, которые гласятъ:

„Святая Римская Церковь много страдаетъ отъ насилій, при кончинѣ каждаго Папы, что происходитъ отъ того, что его посвящаютъ безъ вѣдома Императора, вопреки правилъ и обычая, не ожидая присутствія его повѣренныхъ, которые бы остановили безпорядокъ. Посему мы хотимъ, чтобы отнынѣ Папа избирался въ собраніи Епископовъ и всего клира, по требованію Сената и народа, и потомъ торжественно посвящался бы въ присутствіи приставовъ царскихъ, и чтобы никто не дерзалъ требовать отъ него вновь изобрѣтенныхъ клятвъ; все же сіе для того, чтобы Церковь пребывала безъ соблазна и не умалялось бы достоинство императорское. Вкрался еще преступный обычай, что послѣ смерти Папы расхищаютъ его патріаршіи дворець, и грабежъ распространяется по всему Риму и даже въ

предмѣстїяхъ; такъ поступаютъ и съ домами епископскими по смерти Епископовъ. Почему мы не только сіе воспрещаемъ впредь, подь страхомъ наказанїа церковнаго, но и гнѣва царскаго.“ (Ист. Флери кн. LIV, гл. 28.)

Таково было бѣдственное положеніе сихъ именныхъ вселенскихъ владыкъ и намѣстниковъ Христовыхъ. — Стыдно говорить о Папѣ Сергіи III, при коемъ развратная боярыня Римская Теодора правила городомъ, ибо самъ Папа прижилъ незаконно сына съ дочерью ея Маруціею, который также былъ впоследствии Папою, подь именемъ Іоанна XI. Преемникъ же Сергіа, Іоаннъ X, избранъ былъ, по своей преступной связи съ сестрою Маруціи, и сіи развратныя жены долгое время управляли Римомъ и давали ему Епископовъ. (Флери кн. LIV, гл. 42, 49. кн. LV, гл. 5.)

Сынъ Маруціи и Патриція Алберика, вступившій на престолъ Римскій осмнадцати лѣтъ, подь именемъ Іоанна XII, соединилъ въ своемъ лицѣ власть свѣтскую и духовную, но не въ силахъ будучи бороться съ другими сильными властителями, призвалъ на помощь Оттона, Короля Германскаго и вѣнчалъ его Императоромъ, давъ ему, со всѣми гражданами, присягу въ вѣрности и послушанїи, за что Оттонъ подтвердилъ всѣ прежнія преимущества и достоиніе Римской Церкви. Онъ положилъ также, чтобы избраніе Папы производилось правильно, клиромъ и народомъ, и Папа не прежде могъ быть посвященъ, какъ давши присягу, въ присутствїи вриставовъ царскихъ, что сохранить права всѣхъ; это показываетъ, что Императоръ отнюдь не отрекался отъ власти своей въ столицѣ. Когда же Іоаннъ нарушилъ свою присягу, Императоръ созвавъ 40 Епископовъ на соборъ въ Римѣ, торжественно осудилъ его, за порочную жизнь и ношеніе оружія въ битвахъ, и съ согласїа соборнаго поставилъ на его мѣсто Льва VIII. Но Іоаннъ опять водворился въ Римѣ, низложилъ Льва, и такіа низложенїа безпрестанно повторялись, съ чрезвычайными жестокостями противъ соперниковъ. Такъ протекло все десятое столѣтіе, самое позорное въ лѣтописяхъ Римской Церкви, которая отъ времени до времени, хотя и довольно рѣдко, не преставала дружелюбно сносяться съ Цареградскою, но, какъ можно судить по самымъ обстоятельствамъ, не могла имѣть ни малѣйшаго на нее вліянїя, будучи сама поражена какъ бы нѣкою духовною болѣзнію. (Ист. Флери кн. LV, гл. 50. кн. LVI, гл. 1, 5, 6, 9.)

Въ такомъ же отношенїи находились обѣ Церкви до половины

одиннадцатаго столѣтія; хотя отверженіе Фотія въ Римѣ нисколько не подѣйствовало въ Константинополь, и имя его возносилось въ поминовеніяхъ, между Игнатіевымъ и Стефановымъ, какъ видно на Соборѣ, бывшемъ при Патріархѣ Николаѣ и Императорахъ Василии и Константинѣ, въ послѣднихъ годахъ IX столѣтія. Въ Римѣ же, гдѣ съ такою жестокостію осуждалъ Папа Николай его избраніе за то, что онъ поставленъ былъ изъ мірянъ, міряне въ отроческихъ лѣтахъ восходили на престолъ святительскій, какъ бы на царскій, по праву наследства, какъ Іоаннъ XII, братъ Вонифатія VIII, которые оба были дѣти негущественнаго Графа Тускулумскаго, и какъ двѣнадцатилѣтній его племянникъ Венедиктъ IX, поставленный также силою денегъ. Такъ сѣялись властители Римскіе до воинственнаго Льва IX, который старался водворить порядокъ, хотя самъ однако выходилъ изъ онаго, сражаясь противъ Норманновъ, и взятый ими въ плѣнъ, принужденъ былъ разрѣшить ихъ отъ наложенной апапезмы. (Ист. Флери кн. LVII, гл. 42. кн. LIX, гл. 3. 31.)

ВѢКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

I.

РАЗРЫВЪ ПАТРИАРХА МИХАИЛА КЕРУЛАРІЯ СЪ ЛЕГАТАМИ РИМ- СКИМИ.

Внутреннее управленіе Церкви, тѣсно связанное съ обстоятельствами вѣковыми, постепенно облекалось на Западѣ въ свою исключительную форму, несвойственную Восточной, которая слѣдовала Апостольскимъ началамъ, въ отношеніяхъ клира и Епископовъ, между собою и съ свѣтскою властію; догматы и обряды богослуженія сохранились въ невредимой цѣлости на Востокѣ, ибо никто не дерзалъ самовольно ихъ касаться. Измѣненія же на западѣ послужили поводомъ

къ обличеніямъ, со стороны Патріарха Константинопольскаго Михаила Керуларія, который однако не выступилъ изъ предѣловъ своей церковной области, когда вѣсть съ Архіепископомъ Болгарскимъ Львомъ, въ 1053 году, написалъ пространное посланіе къ Іоанну Епископу Транийскому, въ южной Италіи, касательно опрѣсноковъ, употребляемыхъ Римлянами, вѣсто хлѣба на литургіи, и о пощеніи въ субботу и другихъ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ правилъ. (Ист. Флери кн. LX, гл. 2.)

Михаилъ писалъ сіе, по духу любви и по ревности къ Церкви, желая вразумить паству, подчиненную престолу Цареградскому, (ибо еще въ 970 году, Патріархъ Полиевктъ, съ согласія Императора Никифора, учредилъ архіепископію въ Отрантъ, подчинивъ ей пять епископій, и запретилъ богослуженіе на Латинскомъ языкѣ во всей Калабріи и Апуліи), писалъ же и для того, чтобы чрезъ Епископа Іоанна научились Западные.—Письмо сіе переведено было, Кардиналомъ Епископомъ Гумбертомъ на Латинскій, и представлено Папѣ Льву, который написалъ пространный отвѣтъ Михаилу, исполненный, вѣсть съ желаніемъ согласія духовнаго, странныхъ порывовъ властолюбія; онъ упрекалъ, что Патріархъ, въ безумной слѣпотѣ своей, дерзнулъ осудить Апостольскую катедру, которую никто изъ смертныхъ не можетъ судить, ибо, по Божественному опредѣленію Императора Константина въ пользу Папы Сильвестра, утвержденному вселенскимъ Соборомъ Никейскимъ, высшій престолъ будто бы сохранилъ себѣ сіе неотъемлемое право, и поставленъ во главу всѣхъ. — Къ сей негѣпости присоединилъ онъ, для большаго удостовѣренія, и выписку изъ подложнаго акта Константинова, всѣми признаваемаго нынѣ за вымышленный, дабы никто не сомнѣвался, писалъ Левъ, что земное владычество Римской катедрѣ не основано на басняхъ, ибо Константинъ находилъ, что неприлично тому, кому даровалъ Господь власть небесную, быть подданнымъ власти земной, и потому сообщилъ ему не только могущество и достоинство Императорское, но и самое одѣяніе и приличныхъ сановниковъ.“ (Кн. LVI, гл. 26. Concilioг. Т. 25, pag. 420.)

Не смотря на укоризненное посланіе Папы Льва, Императоръ Константинъ Мономахъ и Патріархъ Михаилъ Керуларій отвѣчали ему въ краткихъ выраженіяхъ, ибо и самыя обстоятельства внѣшнія, и страшныя набѣги Норманскіе въ Италіи и Греціи, возбуждали къ миролюбивымъ сношеніямъ. То же побужденіе внушило Папѣ, находившемуся въ плѣну у Норманновъ, гдѣ въ скоромъ времени и скончался, отпра-

вить трехъ легатовъ въ Царьградъ, изъ коихъ старшій былъ Кардиналъ Гумбертъ, переводившій съ Греческаго посланіе Михаила. Описывая въ граматѣ къ Императору бѣдственные опустошенія Норманскія, Папа просилъ его помощи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвращенія достоянія Римской Церкви, находившагося въ его владѣніяхъ (подразумѣвая Болгарію, Иллирію и Италію, хотя и не называлъ ихъ); онъ сознавался, что каведра Апостольская долгое время находилась въ рукахъ недостойныхъ наемниковъ, которые совершенно ее опустошили; жаловался также на Патріарха Михаила, за то что анаематствуетъ употребляющихъ опрѣсноки въ таинствѣ причащенія, и хочетъ будто бы подчинить себѣ престолы Александрійскій и Антиохійскій, (обвиненіе ни на чемъ не основанное, какъ можно судить изъ взаимныхъ писемъ Михаила и Патріарха Антиохійскаго Петра). Въ такомъ же смыслѣ писалъ Папа и къ самому Михаилу, упрекая его, будто бы онъ новокрещенный въ вѣрѣ, не прошелъ по степенямъ церковнымъ, и хочетъ покорить другіе престолы, присвоивая себѣ титулъ вселенскаго, все сіе, какъ самъ выражался, по дошедшимъ до него слухамъ; напротивъ же осуждалъ его за грамату противъ обрядовъ Латинскихъ, посланную имъ въ Апулію. (Кн. LX, гл. 4.)

Кардиналъ Гумбертъ, пришедши въ Константинополь, отвѣчалъ пространнѣе на сію грамату, оправдываясь противъ нареканій Восточныхъ, касательно пощенія въ субботу и опрѣсноковъ, и усиливаясь доказать, что ии самъ Спаситель приобщилъ на вечери учениковъ своихъ. Съ своей стороны упрекалъ онъ Греческую Церковь, что преподаетъ тѣло и кровь Христову не отдѣльно, но вкупѣ и лицею, когда Римская причащаетъ вѣрныхъ отдѣльно каждымъ видомъ таинства. (Что скажутъ нынѣшніе Римляне, вовсе не приобщающіеся крови Христовой, когда еще въ XI вѣкѣ Епископъ ихъ обращалъ вниманіе и на такое незначительное обстоятельство при совершеніи литургіи?) — Еще болѣе велѣно упрекалъ онъ Православныхъ за то, будто они перекрещиваютъ Латинъ и зарываютъ въ землю остатки евхаристіи, и за то что дозволяютъ бракъ пресвитерамъ, и написалъ другое письмо, такого же содержанія, инокъ Греческому Никитѣ, наполненное столь же странными и недоказанными обвиненіями. (гл. 6.)

Но самый замѣчательный актъ самонадѣянности Латинской есть отлученіе отъ Церкви, написанное легатами, противъ Михаила и его приверженцевъ, которое они отважились положить сами на престолъ Софійскаго собора, въ присутствіи клира и народа, за то что Патріархъ

не хотѣлъ лично говорить съ ними. Содержаніе сего акта мы почерпаемъ изъ источниковъ западныхъ, Баронія и Флери, и тѣмъ ясно обнаруживается нелѣпность:

„Мы были посланы, такъ выражались легаты, святою кафедрю Римскою въ сей царственный городъ, чтобы разпознать истину до есе дошедшихъ слуховъ, и мы нашли здѣсь много добра и много зла. Ибо что касается до столповъ государства, до мужей сановныхъ и мудрыхъ гражданъ, то градъ сей весьма Христолюбивъ и православенъ; что же касается до Михаила, неправильно называемаго Патріархомъ, и его послѣдователей, то ими разсѣвается ежедневно много ересей. Ибо они продаютъ дары Божіи, какъ Симоніане, дѣлаютъ евнухами своихъ пришельцевъ, какъ Валезіане, и потомъ поставляютъ ихъ не только въ клирики, но и въ Епископы; подражая Аріянамъ, они перекрещиваютъ людей, крещеныхъ во имя Пресвятыя Троицы, особенно изъ Латинъ; подобно Донатистамъ они утверждаютъ, что въ Церкви Греческой нѣтъ болѣе въ мірѣ ни Церкви Христовой истинной, ни истиннаго крещенія; подобно Николантамъ, дозволяютъ бракъ служителямъ алтаре; подобно Северіанамъ говорятъ, что законъ Моисеевъ проклятъ; подобно Македоніанамъ, они исключили изъ символа, что Духъ Святыи исходитъ отъ Сына; подобно Манихеямъ увѣряютъ, между прочимъ, что все кванное одушевлено; подобно Назореемъ соблюдаютъ очищенія жидовскія, не дозволяютъ крещенія младенцевъ, умирающихъ прежде осьми дней, и причащенія родильницамъ, и не допускаютъ къ своему обществу стригущихъ волосы и бороду, по обычаю Римской Церкви. Михаилъ, увѣщаваемый письмами папскими, по случаю многихъ своихъ заблужденій и проступковъ, не обратилъ на то вниманія, и сверхъ сего, когда мы хотѣли прекратить зло разумными мірами, отказался насъ видѣть и слышать, и дать намъ церковь для совершенія литургіи. Какъ и прежде онъ заключилъ церкви Латинявъ, называя ихъ опрѣснотными, преслѣдуя ихъ повсемѣстно и апаостатствуя Апостольскую кафедру, и принялъ даже титулъ вселенскаго Патріарха. Сего ради, властію Святыя Троицы, Апостольскаго престола, седми соборовъ и всей Каеодической Церкви, имъ подписываемъ апаостому, иронзнесенію Папою, и возглашаемъ Михаилу, неправильно Патріарху, ново-крещенному, облеченному ииотескою одеждою, ради страха чело-вѣческаго, и обезславленному многими преступленіями, и съ нимъ Льву, глаголемому Епископу Акридскому, и Константину сакелларію Михаила, поправшему ногами безкровную жертву Латинявъ, имъ и

всѣмъ ихъ послѣдователямъ,—анаеме, со всѣми Симоѳіанами, еретиками, вышереченными и иными, съ діаволомъ и ангелами его, если не обратятся, аминь, аминь, аминь.“

Почти каждое слово сего невѣжественнаго акта есть или грубая ложь или несообразная нелѣпость, какъ о томъ можетъ судить всякій Православный, и какъ вѣроятно должна сознаться нынѣ и самая Римская Церковь, особенно въ нареканіи за сокращеніе символа, и въ оскотленіи отроковъ и некрещеніи младенцевъ и проч; однако же легаты дерзнули положить анаемеу всенародно на престолъ во время литургіи и отряхнувъ прахъ ногъ своихъ, воскликнули: „Господь да рассудитъ между нами!“ и сіе вопреки не только всѣхъ правилъ, но даже и собственнаго ихъ писанія, ибо они сами говорятъ вначалѣ, что Папа велѣлъ имъ только разпознать истину, они же прямо произнесли отлученіе отъ Церкви, безъ всякаго суда, тогда какъ уже Папа Левъ три мѣсяца скончался и кафедра Римская не имѣла предстоителя. Сверхъ того нареканія ихъ противъ Михаила не доказаны и о преступленіяхъ его выражаются они весьма глухо, также и о томъ, что будто онъ возведенъ на престолъ патриаршій не по степенямъ церковнымъ, изъ новокрещенныхъ.

Кедринъ, почти современный историкъ, говоритъ только, что послѣ Патриарха Алексія, возведенъ былъ Михаилъ Керуларій, жившій монахомъ съ тѣхъ поръ, какъ сильный при Императрицѣ Теодорѣ, внучѣ Іоаннъ удалилъ его за уготованнаго противъ него козля.“ (Сорр. Hist. Byzan. Cedr. T. 8, pag. 758.) И такъ это нареканіе весьма не ясно; о новокрещенномъ же состояніи нѣтъ ни слова, а видно что Михаилъ былъ не только давно крещенъ, но и монахъ. Замѣчательно, что ни у Кедрина, ни у Зонара и другихъ писателей, не сказано ничего, о ссорѣ его съ легатами и о ихъ проклятій, какъ о дѣлѣ, которое вѣроятно не произвело тогда сильнаго впечатлѣнія.

Предавъ же безвременно проклятію всѣхъ дерзающихъ принимать святыхъ тайны, отъ хулящихъ обряды Латинскіе, они однако разстались мирно съ Императоромъ и признавали православными всѣхъ гражданъ, хотя разрывъ между обими Церквами совершился въ сію горестную минуту. Тщетно Михаилъ Керуларій убѣждалъ Императора возвратити ихъ для совѣщанія соборнаго. — Историки западные увѣряютъ, будто онъ хотѣлъ, подъ предлогомъ собора, умертвить легатовъ въ смятеніи народномъ, а Императоръ предвидя его замысль, велѣлъ имъ продолжать путь, за что будто бы Патриархъ возмутилъ народъ,

принудилъ выдать себѣ переводчиковъ, бывшихъ при легатахъ, и искажилъ самый актъ отлученія, который вновь вытребовалъ Императоръ отъ легатовъ, уже съ дороги, и оказалъ свое неудовольствіе Патріарху. Но какая была бы нужда Михаилу искажать такое отлученіе, которое, самою негѣпостію своею, благопріятствовало ему, ибо заключало ложь въ каждомъ словѣ, и что иное могла бы принести ему смерть легатовъ, если не совершенное и правильное осужденіе, по законамъ гражданскимъ и духовнымъ? Римляне же продолжали бы оставаться при своихъ мнѣніяхъ противъ него и Церкви Восточной.

Что оставалось дѣлать Патріарху, послѣ столь безразсуднаго акта со стороны легатовъ, если не обличить ихъ негѣпость; онъ то и сдѣлалъ, поступивъ впрочемъ весьма осторожно, ибо не коснулся Папы, а только легатовъ. — Флери, основываясь на словахъ Льва Аллациа, пишетъ, что Михаилъ собралъ въ палатахъ царскихъ десять Митрополитовъ и двухъ Архіепископовъ и составилъ слѣдующій отзывъ на актъ отлученія:

„Нечестивые люди, изшедшіе изъ мрака Запада, пришли въ сей благочестивый городъ, отколѣ источникъ православной вѣры излился по вселенной, и покусились исказить здравое ученіе, различіемъ своихъ обрядовъ, дерзнувъ даже положить на святую трапезу гранату отлучительную противъ насъ и противъ тѣхъ, которые не увлекаются ихъ заблужденіями, укоряя насъ между прочимъ, что не брежемъ бородъ подобно имъ, и сообщаемся съ женатыми пресвитерами, и что исказили символъ чуждыми прибавленіями.“ Изложивъ на какомъ основаніи Восточная Церковь содержитъ сіи три предмета, Михаилъ продолжаетъ о самихъ легатахъ: „они давали видъ, будто пришли изъ Рима и посланы отъ Папы, но подлинно пришли сами отъ себя, по проискавъ Дукса Аргира, (сановника царскаго въ южной Италіи) и поддѣлали письмо отъ имени Папы, въ чемъ удостовѣрились мы, между прочимъ, по ложнымъ печатямъ. (Обвиненіе весьма важное и едва ли не справедливое, потому что не видно, чтобы, по возвращеніи легатовъ въ Римъ, прежнякъ Льва IX, Папа Викторъ II, и его ближайшіе наслѣдники, утвердили своимъ согласіемъ отлучительную грамоту, брошенную на престолъ Софійскій.) И такъ, когда сіе писаніе, противъ насъ составленное, положено было на трапезу въ присутствіи чередныхъ иподіаконовъ, они хотѣли принудить ихъ взять оное обратно и сбросили на землю; мы же взяли грамоту, чтобы произнесенныя хулы не были обнародованы и потожъ велѣли перевести съ Латянскаго. —

А дабы такая дерзость, не оставалась безнаказанною, мы жаловались Императору, и поелику не болѣе одного дня протекло съ тѣхъ поръ, какъ оставили они городъ, Государь послалъ звать ихъ обратно. Но они не захотѣли предстать ни къ намъ ни на великій Соборъ, ниже дать какой либо отвѣтъ въ произнесенныхъ ими хулахъ, намѣреваясь не только поддержать написанное ими, но и приложить еще нѣчто, что передано было намъ и собору отъ имени Императора. Однако Государь, не желая принудить ихъ силою явиться, потому что были облечены достоинствомъ пословъ, ни оставить безнаказанною такую дерзость, прислалъ къ намъ грамоту слѣдующаго содержанія:

„Разсмотрѣвъ все происходившее, убѣдился я, что источникъ зла произошелъ отъ Аргира и переводчиковъ; что же касается до сихъ странниковъ, подосланныхъ другими, то мнѣ нечего съ ними дѣлать; но я посылаю къ вамъ виновныхъ, наказавъ ихъ для примѣра другимъ. А грамота будетъ созжена всенародно, по преданію аваемъ тѣхъ, которые ее внушили, писали и обнародовали. Я также велѣдъ посадить въ темницу зятя Аргирова и сына его, чтобы наказать за сей подлогъ.“

Такое писаніе Патріарха весьма правдоподобно объясняетъ самое происшествіе, и нѣтъ никакой причины подозрѣвать, чтобы онъ хотѣлъ умертвить легатовъ и что Императоръ спасъ ихъ отъ ярости народной. Они сами, устранившись своего поступка, не дерзнули возвратиться и сложили вину на Михаила. Переписка его съ ученымъ и благочестивымъ Патріархомъ Антиохійскимъ Петромъ, и сего послѣдняго съ Архіепископомъ Аквилейскимъ, еще болѣе проливаетъ свѣта на обстоятельства горестнаго разрыва, и показываетъ мнѣніе о томъ Восточныхъ первосвятителей, хотя обнаруживаетъ недостатокъ образованія въ Михаилѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много осторожности въ сношеніяхъ съ Римомъ, потому что ни онъ, ни Петръ Антиохійскій, ни Императоръ, не хотѣли нарушить древняго общенія Церкви.

Архіепископъ Аквилейскій Домникъ, величая себя титуломъ патріаршимъ, писалъ къ Петру Антиохійскому, какъ къ святителю именинному на Востокъ, прося его пріязни и мнѣнія, касательно упрековъ Церкви Константинопольской, сдѣланныхъ Римскою о опрѣсновахъ, ибо желалъ сохранить миръ церковный. Патріархъ отвѣтствовалъ ему въ ласковыхъ выраженіяхъ, но не преминулъ замѣтить: „что отъ дѣтства и до старости, питаюсь чтеніемъ священныхъ писаній, онъ однако никогда не слыхалъ, чтобы Епископъ Аквилейскій назывался Патріархомъ; ибо, по Божественному опредѣленію, пять только

Патріарховъ существуютъ во всемъ мірѣ, а именно: въ Римѣ, Константинополѣ, Александріи, Антиохіи и Іерусалимѣ, и еще одинъ только Антиохійскій собственно именуется Патріархомъ, потому что Римскій и Александрійскій называются Папами, а Константинопольскій и Іерусалимскій Архіепископами. Кроме того во вселенной есть области гораздо больше Венеціанской, которыя управляются однако Митрополитами и Архіепископами, какъ то Болгарія и Вавилонія, Хосроена, и прочія на Востоку, куда посылаютъ Каеолноксовъ, нѣщихъ подъ собою Митрополитовъ.“ Вотъ вѣрное изображеніе іерархіи церковной въ XI вѣкѣ, въ которомъ сравнены между собой Патріархи, и вовсе не упоминается о какомъ либо преимуществѣ Римскаго надъ другими. Петръ Антиохійскій, весьма правильно выражается о немъ, говоря, что началъ своего святительства писалъ къ Папѣ грамоту общительную (на обычаю), и послалъ ее чрезъ богомольцевъ Іерусалимскихъ, но не получалъ отвѣта, а потому просилъ доставить ему копію оной, вмѣстѣ съ тою, какою писалъ къ Аквилейскому Епископу, дабы если Папа останется довольнымъ ее содержаніемъ, то соображался бы съ Восточными и всѣ бы соединились единодушно, для принесенія Богу одинаковой жертвы.“ (И такъ не Восточные Патріархи повиновались Риму, а хотѣли, чтобы Римскіе соображались съ ними, ибо они сохраняли древніе каноны.) Касательно же оирысноксовъ Петръ отвѣтствовалъ: „что напрасно Западные жалуются, будто Патріархъ Константинопольскій разсѣваетъ о нихъ дурную молву и отлучаетъ отъ общенія церковнаго; онъ весьма хорошо знаетъ, что вы православны и вѣруете подобно намъ въ Троицу и воплощеніе; но онъ огорчается, что вы разнствуете въ семъ единомъ предметѣ, и не приносите безкровной жертвы, какъ четыре Патріарха и вся прочая Церковь.“ (кн. LX, гл. 11.)

Патріархъ Михаилъ писалъ также по сему предмету къ Петру Антиохійскому, объясняя смутныя обстоятельства: „услышавъ въ сколько времени тому назадъ, отъ пришедшихъ изъ древняго Рима, о добродѣтели, благородствѣ и поананіяхъ Папы, нынѣ уже умершаго, я тогда же написалъ ему пространно и съ большимъ смиреніемъ, вѣстельно мира и согласія по нѣкоторымъ предметамъ, принимаемымъ Западными противно нашей вѣрѣ, какъ можешь увидѣть самъ изъ писемъ моего. Я лишь дѣлю столько же приобрести самаго Папу, сколько получить, чрезъ его посредство, помощь отъ Францевъ противъ Италійскихъ Норманновъ, на коихъ озлобленъ былъ Папа, пользо-

вавшийся большою довѣренностію при Императорѣ Генрихѣ. Грамату мою, вмѣстѣ съ императорскою, вручалъ я вестіарію, надѣясь, что онъ доставитъ ее вѣрно и принесетъ отвѣтъ; но сей сановникъ, прибывъ къ дуксу Италіи Аргирю, былъ имъ обманутъ и вручилъ ему письма, подъ тѣмъ предлогомъ, что скорѣе доставитъ ихъ Папѣ. Между тѣмъ Аргиръ, какъ мы о томъ вѣрно извѣстались, будучи всегда дурно расположенъ къ государству, употребилъ деньги царскія въ свою пользу, съ грамотами же учинилъ хитрость. Онъ призывалъ къ себѣ людей преданныхъ ему, изъ коихъ одинъ былъ Епископъ города Амальфи, по законнымъ причинамъ изгнанный изъ сей церкви, и уже пять лѣтъ скитавшійся, другой же только съ именемъ Архіепископа, ибо не извѣстно, гдѣ была его епархія, кардиналъ Гумбертъ. Третьему далъ онъ титулъ канцлера Римской Церкви, чтобы употребить его для своихъ видовъ, какъ твердый оплотъ; потомъ, раскрывъ письмо мое, написалъ мнѣ отвѣтъ, будто бы отъ имени Папы, и коварно убѣдилъ принести его въ Константинополь.“

„Когда же они прибыли, то явились сперва къ Императору, съ чрезвычайною надмѣнностію въ осанкѣ, поступкѣ и одѣяніи, которая еще болѣе умножилась при посѣщеніи ихъ палаты; ибо они не только не сказали мнѣ ни слова, но даже не наклонили головы и не хотѣли воздать обычнаго привѣтствія, или возсѣсть позади Митрополитовъ, бывшихъ со мною въ палатѣ. И что говорю я о себѣ? они не смирились даже и предъ Императоромъ, но взошли во дворецъ съ крестами и посохами въ рукахъ; мнѣ же довольствовались вручить только запечатанную грамоту и немедленно удалились; но внимательно разсматривая оную, прежде чѣмъ распечатать, я замѣтилъ, что печать подмѣнена, содержаніе же грамоты исполнено было лести и коварства, ибо въ ней заключалось все то, о чемъ Аргиръ часто говаривалъ со мною, будучи въ Константинополѣ, особенно касательно опрѣсноковъ, что побудило меня отлучать его отъ Церкви даже двѣ четырехъ разъ. Посылаю тебѣ конію съ письма моего къ Папѣ и переводъ Греческій съ его отвѣта, принесеннаго мнѣ оими нечестивыми, чтобы ты лучше узналъ истину. Коварство ихъ еще болѣе объяснилось, пришествіемъ сюда Архіепископа Транійскаго, который все похвально такъ, какъ я рассказалъ Императору.“ (гл. 12.)

Все, что Патріархъ писалъ о семъ происшествіи, весьма сходитъ на истину, и сходно съ дерзостію тѣхъ, которые отважились положить вѣтъ отлученія на престолъ Софійскій, и очень вѣроятно, что

послѣ такого перваго посѣщенія Михаилъ не хотѣлъ болѣе ихъ видѣть. Молчаніе ближайшихъ преемниковъ Льва IX, касательно сихъ легатовъ, много свидѣтельствуесть въ пользу предположеній Михаила, о коварствѣ Аргира, и какаѣ была бы нужда Патріарху оправдываться такъ предъ Святителемъ Антиохійскимъ, который не могъ имѣть никакого на него вліянія и сохранялъ съ нимъ общеніе, и прежде и послѣ. А что клиръ, дворъ и народъ, однимъ словомъ, вся Церковь Константинопольская, были на сторонѣ его, видно изъ того, что никто не возвысилъ противъ него голоса, самъ же Императоръ принужденъ былъ наказать переводчиковъ Латинскихъ.

Далѣе въ письмѣ своемъ къ Петру, Михаилъ сдѣлалъ ошибку, но только историческую, а не догматическую, говоря, что Папа Вигилій присутствовалъ на шестомъ, а не на пятомъ Соборѣ вселенскомъ. Весьма правдоподобно, что ошибку сію сдѣлалъ писецъ граматы, какъ то замѣтилъ въ своемъ отвѣтѣ Святитель Антиохійскій, ибо довольно трудно чтобы Патріархъ не зналъ, кто былъ на Соборахъ, когда онъ описываетъ, за что именно отлучили Вигилія; ошибиться же въ цифрахъ гораздо легче, нежели въ смыслѣ. Онъ жаловался, что Антиохійскій и прочіе два Патріарха включили въ поминованіе имя Папы Льва, когда послѣ Вигилія исключены были, въ Церквахъ Восточныхъ, имена Папъ, что впрочемъ могло случаться только по временамъ, судя по тому, въ какихъ отношеніяхъ находились между собою предстатели каведръ Римской и Цареградской. Обвиненія же противъ Латинянъ въ письмѣ Михаила, за опрѣсноки и другія отступленія отъ древнихъ правилъ, гораздо справедливѣе, нежели то, въ чемъ обвиняли легаты Греческую Церковь, а именно: Патріархъ осуждалъ ихъ за употребленіе удавленныи и крови въ пищу, вопреки Апостольскаго устава, въ соблюденіи поста въ субботу вмѣсто среды, въ послабленіи образа пощенія, въ запрещеніи брака пресвитерамъ и разрѣшеніи онаго, въ нѣкоторыхъ близкихъ степеняхъ родства, мірянамъ, въ крещеніи однимъ погруженіемъ вмѣсто трехъ, а наипаче въ приложеніи къ символу словъ „и отъ Сына,“ и въ томъ, что ихъ Епископы, носящіе кольца въ залогъ обрученія своего съ Церковію, выходятъ на брань, какъ воины, и проливаютъ кровь къ погубленію души своей, и сверхъ того, что посланные съ Запада хотятъ всѣхъ учить и принудить приять ихъ мнѣніе.

Патріархъ Антиохійскій отвѣчалъ Михаилу, съ чрезвычайною утѣренностію и благоразуміемъ, и грамата его могла бы служить руко-

водствомъ для обѣихъ кафедръ, въ обстоятельствахъ столь смутныхъ. Онъ извѣщалъ, что во времена Іоанна Антиохійскаго, еще на его памяти, имя Папы находилось въ помянникѣ, и что за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ, когда самъ посѣтилъ Константинополь при Патріархѣ Сергіи, поминалось имя Папы Іоанна съ прочими Патріархами. — Какимъ же образомъ и по какимъ причинамъ исключено было не знаетъ; впрочемъ полагалъ, что Михаилу не должно слишкомъ заботиться о семъ предметѣ. Обстоятельство сіе показываетъ, что и во время общенія, имя папское поминалось въ церквахъ, наравнѣ съ прочими Патріархами, а иногда и опускалось безъ различія, и не въ одномъ Константинополѣ, слѣдственно безъ всякой мысли о утвержденіи единства церковнаго на кафедрѣ Римской. (гл. 13.)

Патріархъ выражался, касательно злоупотребленій Римскихъ, описанныхъ ему Михаиломъ, что по его мнѣнію должно избѣгать нѣкоторыхъ, исправить инныя и умолчать о прочихъ; „ибо что намъ до того, что ихъ Епископы брѣютъ бороды и носятъ кольца въ залогъ обрученія съ Церковію; мы сами дѣлаемъ себѣ гугенцо на головѣ въ честь св. Петра, и носимъ золото на одеждахъ. Что же касается до нечистыхъ яствъ и мяса, употребляемаго ихъ монахами, то и наши иногда то же творять, и не должно гнушаться никакимъ твореніемъ Божиимъ, но всякое принимать, только съ благодареніемъ;“ онъ предлагалъ въ примѣръ великаго Пахомія, который кормилъ свиней для приходившихъ странниковъ, больнымъ же инокамъ давалъ въ пищу ноги и внутренность. Но самое великое зло и достойное анаемы есть приложеніе къ символу словъ „и отъ Сына,“ и Петръ распространялся о семъ предметѣ, какъ наиважнѣйшемъ. „Однако, продолжалъ Петръ, мы должны обращать вниманіе на благое намѣреніе, и если не въ опасности вѣра, то склоняться болѣе къ миру и любви братской, ибо и они суть братія наши, хотя часто грѣшатъ по грубости и невѣжеству. Не лзя искать одинаковаго совершенства у варварскихъ народовъ, какъ у насъ, съ дѣтства воспитанныхъ въ чтеніи Св. Писанія; довольно уже если они сохраняютъ издревле ученіе о Троицѣ и воплощеніи.“ И такъ вотъ какими разумѣлъ Святитель Антиохійскій Римлянъ и вообще всѣхъ Западныхъ, а не учителями и предводителями въ вѣрѣ, и могло ли быть иначе послѣ полутора вѣковаго неурядства Римской Церкви.

„Однако же мы не одобряемъ, что они запрещаютъ пресвитерамъ, имѣющимъ законныхъ женъ, прикасаться къ святынямъ, и что не соблю-

даютъ постовъ подобно намъ; о опрѣснокѣхъ же я достаточно говорилъ прежде, и древніе обычаи должны соблюдаться. Что касается до употребленія въ пищу удушенныхъ, и до браковъ двухъ братьевъ съ двумя сестрами, не думаю, чтобы Папа и Епископы сіе разрѣшали; но это быть можетъ частныя примѣры, какъ и безъ нашего вѣдома случается въ имперіи. Мы оставляемъ безъ вниманія собственныя злоупотребленія, тщательнѣе вникая въ чужія.“

„Ты хорошо поступишь, если будешь настаивать о символѣ, и о бракѣ пресвитеровъ, прочее же можно оставить, а можетъ быть еще большая часть нареканій несправедлива и мы не должны легко вѣрить клеветамъ. И такъ ты долженъ написать къ будущему Папѣ, когда онъ изберется, а можетъ быть онъ еще скажетъ въ свое оправданіе, что сіи обвиненія ложны и можно ли вѣрить напримѣръ: чтобы они не почитали святыхъ мощей, когда столько гордятся тѣмъ, что у себя имѣютъ тѣлеса Петра и Павла? и какъ говорить, что не уважаютъ иконъ, когда Папа подписалъ седьмой вселенскій Соборъ и проклялъ иконоборцевъ?“ (Мнѣніе сіе могло произойти отъ того, что на Западѣ долгое время многіе не принимали сего Собора, исключая однихъ Папъ.) „И такъ я повергаюсь мысленно къ стопамъ твоимъ, и умоляю быть снисходительнѣе, дабы желая возставить падшее, не сдѣлать тяжелѣе самаго паденія, тѣмъ болѣе, что отъ долгаго несогласія, между нашею Церковью и столь великою каедрой, произошло многія бѣдствія. Я бы полагалъ, что если они исправятъ свое приложеніе къ символу, не должно ничего отъ нихъ болѣе требовать, и можно оставить даже безъ вниманія вопросъ объ опрѣснокѣхъ. Умоляю тебя, согласишься на сіе мнѣніе, дабы требуя всего, не лишиться всего.“

И такъ вотъ на какихъ условіяхъ Церковь Православная хотѣла опять принять въ свое общеніе Римскую, которая все болѣе и болѣе отъ нее отдѣлялась, во время продолжительныхъ своихъ неустройствъ, когда не только нарушила всякую связь, но и допустила многія измѣненія внутри себя, еще болѣе умножившіяся въ крестовые походы. Отъ сего охлажденія ея и частный разрывъ легатовъ съ Патриархомъ Михаиломъ, хотя и не имѣлъ дальнѣйшихъ формальныхъ послѣдствій, однако произвелъ нарушеніе взаимнаго согласія и отпаденіе цѣлаго Запада отъ вселенскаго единства, какъ увидимъ изъ послѣдующаго хода исторіи среднихъ вѣковъ.

II.

ПАПА ГРИГОРІЙ VII.

Еще Папа Стефанъ IX, второй послѣ Льва, отправилъ отъ себя трехъ легатовъ въ Царьградъ, въ 1052 году, съ дружественными грамотами къ Императору, но они возвратились съ пути, услышавъ о его смерти. При его преемникѣ Николаѣ II, духъ Гильдебранта, архидіакона Римской Церкви, будущаго Григорія VII, уже началъ оказываться; ибо онъ оградилъ, соборнымъ постановленіемъ, избраніе Папъ отъ всякаго чуждаго вліянія, вопреки правъ императорскихъ, предоставивъ оное однимъ кардиналамъ его кафедръ: однако на семъ Соборѣ, какъ и на послѣдующемъ, не касались происшедшаго разрыва легатовъ съ Патріархомъ Михаиломъ. Послѣ Николая, Папа Александръ II, посылалъ также легата своего въ Константинополь, который провелъ тамъ около года, при Патріархѣ Іоаннѣ Ксифилинѣ; что показываетъ миролюбивое расположеніе обѣихъ кафедръ. (Ист. Флери кн. LX, гл. 24, 31.)

Скоро воцарился и самъ Гильдебрантъ, подъ именемъ Григорія VII, и съ тѣхъ поръ требованія Первосвященниковъ Римскихъ сдѣлались столь неуиѣренны, дѣйствительное же могущество ихъ столь необъятно, что Восточная Церковь, по необходимости, должна была для нихъ казаться отторгшеюся отъ Западнаго единства, когда только защищала свои права и независимость, на основаніи вселенскихъ постановленій и древнихъ обычаевъ. (Флери кн. LXII, гл. 1.)

Духовная власть Григорія, провозглашавшая и низлагавшая Императоровъ и Королей, требовавшая ихъ покорности, какъ бы отъ данниковъ или подданныхъ Римскаго престола, до такой степени нарушала всякую церковную и гражданскую свободу, что даже Римскіе историки сознаются, что она выходила изъ должныхъ предѣловъ и почти уничтожала всѣ права Епископовъ и Церквей, отъ коихъ на-

стоятельно домогалась совершенной покорности. Всѣ Патріархи (разумѣется не Восточные) и Архіепископы принуждены были присягать въ повиновеніи Первосвятителю, который только себя одного воображалъ облеченнымъ полнотою духовной власти, преподаваемою имъ въ разныхъ степеняхъ прочимъ Святителямъ. Слишкомъ распространенное право, перенесенія дѣлъ къ Римской кафедрѣ, укоренялось болѣе и болѣе, рѣшенія оной почитались непогрѣшительными и отъ нея зависѣли назначеніе и утвержденіе Епископовъ; верховная же власть Папъ не ограничивалась, ни какимъ Соборомъ вселенскимъ, ни какимъ обычаемъ или закономъ. Отселѣ всѣ неповинующіеся его велѣніямъ, или не бывшіе въ общеніи съ кафедрою Римскою, почитались схизматиками и еретиками, и потому главное и единственное условіе всякаго возвращенія въ лоно Церкви была покорность ея верховному Епископу. Григорій VII, положилъ прочное основаніе сему самовластію, усилившемуся въ среднихъ вѣкахъ. (Palmer a treatise on the Church, Vol. 1. p. 196.)

Онъ не только былъ увѣренъ, что вообще власть свѣтская должна быть подчинена духовной, но даже предполагалъ имѣть особенныя права на всѣ государства, какъ явствуетъ изъ его писемъ. Во первыхъ Григорій почиталъ однимъ изъ преимуществъ своей кафедры располагать вѣнцемъ императорскимъ по произволу, и потому въ актахъ своихъ никогда не ставилъ, по древле принятому обычаю, имени Императоровъ Западныхъ, но только годъ своего святительства; отъ новоизбираемаго же Короля Германскаго требовалъ присяги, какъ отъ васалла, и совершеннаго во всемъ повиновенія. Саксонію, покоренную Карломъ великимъ, почиталъ достояніемъ святаго Петра, якобы по завѣщанію сего Государя. Легатамъ своимъ во Франціи поручилъ, чтобы они съ cadaго дома приказывали вносить ежегодную подать святому Петру, если хотятъ признавать его по древнему обычаю своимъ пастыремъ, въ чемъ ссылался также на подложныя постановленія Карла великаго. Съ Англіи собиралъ дань, но отказъ въ вѣрноподданнической присягѣ, Короля Вильгельма, сильно его раздражилъ. Королю Датскому напоминалъ, что онъ обѣщалъ будто бы вручить себя и царство святому Петру, и предлагалъ, одному изъ сыновей его въ даръ, какую либо изъ областей, принадлежащихъ еретикамъ. (Ист. Флери кн. LXIII, гл. 11.)

О Испаніи отзывался въ своихъ письмахъ, что прежде нападенія на нее Сарациновъ, она принадлежала святому Петру, и лучше желаетъ,

чтобы она принадлежала невѣрнымъ, нежели Христіанамъ, непризнающимъ себя подданными Апостольской кафедры. Въ Сардиніи повелѣвалъ удовлетворять правамъ святаго Петра, съ угрозами грядущихъ бѣдствій за непослушаніе; ибо многіе народы предлагали ему уступить имъ сію область, обѣщая вознаградить за такой даръ. — Епископу Сардинскому велѣлъ обрить бороду, по обычаю Римской Церкви, соблюдаемому будто бы отъ самаго начала Христіанства, и заповѣдывалъ обычай сей всему клиру, подѣ страхомъ лишенія имущества за непослушаніе. Королю Венгерскому напоминалъ Григорій, что его государство издревле было предано святому Петру отъ влестителей, и за нарушеніе такого подданства утраченъ былъ имъ вѣнецъ; Далматія же будто бы искони принадлежала кафедрѣ Апостольской. Даже на отдаленную Россію простеръ свои притязанія честолюбивый Григорій, изъясняя въ грамотѣ къ Великому Князю Изяславу, будто сынъ его, пещщая святая мѣста Римскія, объявилъ, что хочетъ посвятить царство свое святому Петру, и принять оное обратно въ даръ отъ руки первосвятителя; Папа присовокуплялъ, что исполнить столь справедливое прошеніе.

Григорій, строгими узаконеніями, упрочилъ навсегда въ Западной Церкви безбрачіе клириковъ и запретилъ богослуженіе на иномъ языкѣ, кромѣ Латинскаго, вопреки разрѣшенія, даннаго за двѣсти лѣтъ до него, Папою Іоанномъ VIII, Славянамъ, чѣмъ еще болѣе умножилъ причины разрыва церковнаго между Западомъ и Востокомъ. Но самъ онъ такъ былъ занятъ, возмущеніями собственной столицы противъ него и распріею съ Императоромъ Генрихомъ IV, котораго низлагалъ будучи низлагаемъ взаимно, что не имѣлъ времени заняться Восточною Церковію, съ коею и не входилъ въ прямые сношенія, во все время своего правленія.

Второй его преемникъ Урбанъ II, двигатель крестовыхъ походовъ, имѣлъ прѣше съ Греками о исхожденіи Святаго Духа, въ 1098 году, на маломъ соборѣ въ городѣ Барѣ, куда не задолго были перенесены мощи чудотворца Николая, изъ Муръ-Ликійскихъ. Ансельмъ, Архіепископъ Британскій, котораго Папа называлъ отцемъ своимъ и владыкою, говорилъ за него, и отвергавшіе исхожденіе Духа Святаго, отъ Сына, впервые были тогда преданы анаѣемъ, вопреки правилъ вселенскихъ Соборовъ, запрещающихъ всякое измѣненіе въ символѣ. Однако Соборъ сей былъ слишкомъ незначителенъ, и потому не могъ имѣть вліянія на отношенія Запада и Востока. Напротивъ того мы видимъ

изъ исторiи, что Патріахъ Іерусалимскій Симеонъ писалъ къ Папѣ, чрезъ Петра пустытника, прося покровительства противъ невѣрныхъ; а крестоносцы, проходя чрезъ Константинополь, не совсѣмъ чуждались Грековъ; въ Антиохіи же освободили изъ темницы Патріарха Іоанна, мучимаго Сарацинами, и возстановивъ его съ честію на кафедрѣ, не рѣшились назначить другаго Патріарха, вопреки канонѣвъ, запрещающихъ двухъ Епископовъ въ одной Церкви; онъ оставался до произвольнаго удаленія въ Константинополь, уже два года спустя, когда увидѣлъ, что ему трудно управлять людьми Латинскаго обряда. Если же въ Іерусалимѣ поставили Патріарха Латинскаго на мѣсто Симеона, то потому только, что онъ находился тогда въ отсутствіи, да и Латинскіе Патріархи, два вдругъ, овладѣли кафедрою Іерусалимскою, по распрямъ крестоносцевъ, но легатъ папскій Данибертъ возымѣлъ верхъ надъ соперникомъ. Съ тѣхъ поръ Папы властно стали вмѣшаться въ дѣла управленія Патріарховъ Іерусалимскаго и Антиохійскаго, и вражда крестоносцевъ противъ Греческой имперіи послужила въ XII вѣкѣ къ доверщенію разрыва. (Ист. Флери кн. LXIV, гл. 31, 58, 59, 67.)

ВѢКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Однако и въ теченіи онаго еще случались миролюбивыя сношенія, между Константинополемъ и Римомъ. — Въ 1115 году Императоръ Алексій Комнинъ, услышавъ о насильственныхъ поступкахъ Императора Генриха V, противъ Папы Пасхалія II, отправилъ къ нему посольство для предложенія защиты, съ тѣмъ, чтобы Папа вѣнчалъ его самаго или сына его, вѣнцомъ императорскимъ въ Римѣ, и Римляне готовились отправить къ нему для почетной встрѣчи до 600 гражданъ, но путешествіе сіе не состоялось, и Флери, основываясь на современныхъ лѣтописяхъ, полагаетъ, что Алексій постоянно былъ въ общеніи съ Римскою Церковію, судя по его грамотамъ къ Папамъ Урбану и Пасхалію, не смотря на распри съ крестоносцами. На Латеранскихъ соборахъ, бывшихъ въ теченіи сего вѣка, которые на Западѣ считаются Вселенскими и на коихъ присутствовали иногда посланные изъ Царяграда, отнюдь не касались также вопроса о разрывѣ церковномъ, какъ будто оный не существовалъ, хотя дѣйствительно давно

уже не было единства духа между Западомъ и Востокомъ. (Ист. Флерм кн. LXVI, гл. 16, 52; кн. LXXIII, гл. 19; кн. LXVII, гл. 31.)

Замѣчательно однако сужденіе одного философа Греческаго, пришедшаго въ числѣ посланниковъ изъ Царьграда къ Императору Клотарію, въ 1137 году. Осуждая Западную Церковь и особенно Римскую каведру, онъ говорилъ: что Папа болѣе Государь, нежели Епископъ, и весь клиръ Римскій отлученъ отъ Церкви, за опрѣсноки и за приложеніе къ символу; такъ исполняются надъ ними слова Пророческія; (Иса. XXIV, 2.) „священникъ будетъ въ нихъ яко народъ,“ ибо Епископы ихъ ходятъ на брань, по примѣру Папы Иннокентія II, собираютъ войска, раздають имъ жалованье и носятъ баграницу. Посему возникло прѣніе между философамъ и Латинянами, описаніе коего онъ отправилъ къ Патріарху Льву въ Константинополь. (Кн. LXVIII, гл. 40.)

И въ 1149 году Папа Евгений III, получивъ изъ Царьграда, чрезъ пришедшаго къ нему Епископа, посланіе Греческое, въ коемъ изложены были спорные предметы, между Восточною и Западною Церковью, просилъ Ансельма, Епископа Саксонскаго, бывшаго некогда посланникомъ Императора Клотарія въ Царьградъ, извѣстить его о вѣрніихъ, какія онъ тамъ имѣлъ съ Греками. Ансельмъ отвѣтствовалъ, что Императоръ Кало-Іоаннъ и Патріархъ назначили ему общенародное прѣніе, съ Архіепископомъ Никомидійскимъ Никитѣю, который, послѣ многихъ разсужденій, о исхожденіи Духа Святаго, будто бы съ нимъ соглашался, но говорилъ, что не лзя рѣшить столь важнаго предмета безъ вселенскаго Собора; о первенствѣ же Римской Церкви выразился такимъ образомъ: (Кн. LXIX, гл. 42.)

„Мы не отказываемъ ей въ первенствѣ между ея сестрами, т. е. патриаршими Церквями, и мы дозволяемъ ей предсѣдать на Соборахъ вселенскихъ; но она отдѣлилась отъ насъ своею надмѣнностію, когда, выступивъ изъ своихъ предѣловъ, раздѣлила имперію и вѣсть Церкви Запада и Востока. Когда созываетъ безъ насъ Соборы изъ Епископовъ Западныхъ, они должны съ уваженіемъ принимать и соблюдать правила, устанавлиаемыя съ ихъ согласія и совѣта, но для насъ, хотя мы и не имѣемъ раздѣленія въ вѣрѣ съ Римскою Церковью, какъ могутъ быть приемлемы каноны, изданныя безъ вѣдома нашего? Ибо если Папа намѣренъ посылать намъ указы, гремя съ высоты своего престола, судить и рядить наши Церкви, безъ нашего совѣта, только по своей прихоти, то гдѣ же тутъ братство, или даже отчество?

Мы были бы рабами, а не чадами Церкви! И если бы надлежало нести столь тяжкое иго, то одна бы Римская Церковь пользовалась желанною ей свободою и давала бы законы всѣмъ прочимъ, не подчиняясь сама никакому закону; къ чему же служило бы намъ тогда знаніе Св. Писанія? къ чему разумъ? Одна власть папская, которая по словамъ вашихъ выше всѣхъ человѣковъ, дѣлаетъ все сіе тщетнымъ; Папа будетъ единымъ Епископомъ, единымъ учителемъ, единымъ пастыремъ, который дастъ отвѣтъ Богу за стадо, ему единому внутреннее. Если же хочетъ имѣть работниковъ, которые бы вмѣстѣ съ нимъ трудились въ вертоградѣ Господнемъ, пусть сохраняетъ свое первенство, не презирая братій, возрожденныхъ Иисусомъ Христомъ въ лоно Церкви, не для рабства, а для свободы; ибо всѣ мы, по словамъ Апостола, должны предстать на судилище Христово; всѣ, говоритъ онъ, не исключая и Папы, и его самаго, хотя былъ Апостолъ. Посему не находимъ мы ни въ какомъ символѣ, что должно исповѣдывать въ частности Церковь Римскую, но Церковь святую, соборную, Апостольскую. Вотъ что говорю я о Римской Церкви, которую вмѣстѣ съ вами уважаю; но не полагаю, какъ вы, должнымъ необходимо ей во всемъ слѣдовать, ни оставлять наши обряды для ея обрядовъ, не повѣривъ оные прежде разумомъ и властію Писанія священнаго, и идти за нею слѣпо, закрывъ глаза, повсюду, куда только заблагоразсудитъ вести по собственному ея разумѣнію. Мудрымъ между Греками и Латинами подобаетъ рассудить, полезно ли и честно ли было намъ такъ дѣйствовать.“

Кажется невозможно было сказать ничего скромнѣе и благоразумнѣе, однако Ансельмъ, раздраженный противорѣчіемъ, перебилъ рѣчь Архіепископа, говоря: „если бы вы знали, какъ я, вѣру, искренность, правосудіе, смиреніе, мудрость, осторожность, любовь ко всему міру Римской катедры, и особенно ея точность, въ разборѣ дѣлъ церковныхъ, и свободу въ судахъ, вы бы не говорили такимъ образомъ, но присоединились бы къ ея общенію и покорились ей.“ — Такой отзывъ особенно замѣчательнъ, послѣ всѣхъ ужасовъ, которые опозорили Римскую катедру въ X, XI и XII вѣкѣ, и служатъ лучшимъ оправданіемъ словъ Никиты и вмѣстѣ справедливою укоризною Риму.

Въ 1155 году были опять нѣкоторыя мирныя сношенія между Западомъ и Востокомъ, по случаю предложенія помощи Императоромъ Мануиломъ Императору Фридриху и Панъ, противъ Роберта Сицилійскаго. Папа Адрианъ IV, писалъ къ Архіепископу Василю Тесса-

лоникійскому, отправляя легатовъ въ Константинополь, чтобы онъ старался о соединеніи Церкви, и Василій отвѣтствовалъ: „что нѣтъ раздѣленія между нами и Латинами; если же и существуютъ нѣкоторыя причины соблазна, которыя отдалили ихъ другъ отъ друга, то святыня ваша можетъ легко ихъ упразднить, по обширности своей власти и съ помощію благонамѣреннаго Императора. Зачѣмъ же, уподоблять насъ заблудшей овцѣ или утраченной драхмѣ? отрицаемъ будто бы мы отпали отъ лона твоего отеческаго, и не чуждаемся ни сыновняго имени, ни отеческихъ заботъ; ибо по милости Божіей, вѣрно и твердо стоимъ въ исповѣданіи блаженнаго Петра, исповѣдуя и проповѣдуя Того, кого онъ исповѣдалъ и проповѣдалъ, ничего не измѣняя въ постановленіяхъ святыхъ Отцевъ и ни единой іоты не прибавляя къ словамъ Евангельскимъ и Апостольскимъ. Не знаемъ также иного основанія, кромѣ положеннаго, и то же съ тобою возвѣщаемъ и учимъ, какъ я, такъ и всѣ подлежаще великому Апостольскому престолу Константинопольскому. Единъ въ обѣихъ Церквахъ возглашается символъ вѣры, единъ приносится ащеиъ, какъ у Западныхъ святителей, которые подъ твоею верховною святынею священнодѣйствуютъ, такъ и у насъ, отъ востока солнца, пріившихъ святость священства отъ высочайшаго престола Константинопольскаго.“ — И Петръ, достопочтенный аббатъ Клунійскій, прославленный святостію жизни и ученіемъ на Западѣ, писалъ грамоты къ Императору Іоанну Комнину, о покровительствѣ Франковъ на Востокъ, напоминая, что родитель его пожаловалъ монастырь близъ Царьграда одному пріорату западному, захваченный съ тѣхъ поръ чужими, и о томъ же писалъ къ Патріарху, величая его: „достоважаемымъ и великимъ Святителемъ Божіимъ, съ коимъ хранить общеніе въ единствѣ вѣры и любви, и коего молитвъ и заступленія просить себѣ и всему братству Клунійскому, предлагая и ему взаимно тѣ же духовныя пособія.“ И такъ еще не было тогда обвертѣннаго разрыва. (Флери кн. LXX, гл. 11, 19. Palmer vol. 1. pag. 191, 192.)

Около половины сего столѣтія явилось собраніе законовъ церковныхъ нѣкоего монаха Граціана, составленное изъ отрывковъ святыхъ Отецъ, и папскихъ декреталій, которыя нынѣ признаются ложными самими Римлянами, хотя онѣ служили одною изъ первыхъ опоръ честолюбивымъ замысламъ ихъ первосвященителей. Папа Евгений III утвердилъ сие твореніе Граціана и велѣлъ преподавать по оному право церковное, такъ что въ теченіи трехъ послѣдующихъ вѣковъ, было единственнымъ

руководствомъ для всего Запада. Вотъ какъ говорилъ Граціанъ: „Святая Римская Церковь утверждаетъ каноны, но не связана ими и не покоряется имъ сама. Какъ Исусъ Христосъ, давшій законъ, исполнилъ его, чтобы освятить собою, и потомъ, чтобы показать, что онъ есть владыка закона, оставилъ его и освободилъ отъ него своихъ Апостоловъ; такъ и святители перваго престола, уважаютъ каноны, изданные ими или другими съ ихъ согласіемъ, исполняютъ ихъ по смиренію, дабы другіе ихъ исполняли, но иногда показываютъ своими рѣшеніями, или прихѣтами, что они выше канонѣвъ отъ нихъ проистекающихъ.“ Желательно бы знать, на какихъ вселенскихъ Соборахъ утверждены такіа преимущества Римской катедры, и на какихъ Евангельскихъ словахъ они основаны? — Папы, узаконившіе сіи противузаконныя правила, не явно ли нарушали сами всеобщее общеніе съ тѣми, которые держась древняго православія, не хотѣли имъ покориться, потому что не могли дѣйствовать вопреки своей совѣсти и каѳолицѣ. Впрочемъ долготѣнія и кровопролитныя распри Папъ съ Императорами Западными, о преимуществахъ власти, и внутренніи сдѣленія искателей Римской катедры, между коими раздѣлялись Государя Европа, занимали Епископовъ древняго Рима, въ теченіи сего вѣка и послѣдующихъ, отвлекая отъ истинной духовной цѣли Христіанства. — Еще продолжались однако иногда дружественныя сношенія, между Римомъ и Царьградомъ, и Императоръ Мануилъ благопріятствовалъ Папѣ Александру III, гонимому Императоромъ Фридрихомъ, такъ, что Греки говорили даже, будто ихъ Государь возстановилъ его на катедру; Мануилъ послалъ Митрополита Корцирскаго Георгія и потомъ игумена Нектарія, присутствовать на Соборѣ Латеранскомъ. Самъ онъ былъ женатъ на дочери князя Антиохійскаго, Раймунда, что показываетъ, что еще тогда Греки и Латини не чуждались между собою общенія братнаго, не смотря на разрывъ церковный, и Вильгельмъ Латинскій Архіепископъ Тира, проѣзжая чрезъ Царьградъ, во время кончины Мануила, писалъ, что душа его примется конечно на небо, и благословенна его память. Но уже политическая вражда между Греками и Франками была столь велика, отъ частыхъ войнъ имперіи съ крестоносцами, что многіе изъ нихъ были умерщвлены яростною чернью въ Константинополь, по смерти Мануила, и спасшіеся изъ числа Франковъ желали отмстить за то Грекамъ. Все сіе показываетъ, что одною изъ важныхъ причинъ совершеннаго отчужденія Запада и Востока было вооруженіе крестоносцевъ, проходившихъ чрезъ Византійскую имперію, и наконецъ

овладѣвшихъ ею, вѣроломнымъ взятіемъ Царьграда. Патріархи Антиохій и Іерусалима, изгнанные изъ своихъ епархій Франками, жили тогда въ Царьградѣ, и обладаніе Сиріи крестоносцами было для нихъ, столь же тягостно, какъ и самое иго Турецкое; самъ Патріархъ Константинопольскій, бывшій при Императорѣ Мануилѣ, Михаилѣ Анхіалѣ, не съ удовольствіемъ видѣлъ такое сближеніе Императора съ Папою, и отсовѣтовалъ ему принять предлагаемое легатами соединеніе, весьма благоразумно говоря: что легаты, подъ предлогомъ единства, ничего иного не домогаются отъ Греческой Церкви, какъ признанія первенства Папы и права на аппелляцію къ нему, вмѣстѣ съ возношеніемъ имени его въ поминаніяхъ. (Флери кн. LXX, гл. 28; LXXI, гл. 35, 53; LXXIII, гл. 19, 32, 42. Palmer. a Treat. on the Church, T. 1, p. 197.)

ВѢКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

I.

ВЗЯТІЕ ЦАРЬГРАДА КРЕСТОНОСЦАМИ.

Тринадцатый вѣкъ былъ одинъ изъ тягостныхъ для Церкви Православной, по случаю крестовыхъ походовъ, разорившихъ столицу имперіи Греческой, и отъ покушеній Римскихъ покорить себѣ Востокъ, ибо это было самое цвѣтущее время самодержавія Папъ. Иннокентій III и Вонифатій VIII, стоятъ въ началѣ и въ исходѣ вѣка сего, какъ представители высшей власти, до которой могли достигнуть: Иннокентій былъ двигателемъ всей Европы и распорядителемъ Востока, куда, послѣ покоренія Царьграда крестоносцами, поставлялъ Патріарховъ; Вонифатій рѣшился издать буллу такого содержанія: „мы исповѣдуемъ Церковь единую святую Апостольскую, въ которой нѣтъ спасенія, признаемъ также, что она есть единственная, т. е. единое тѣло, имѣющее единую главу, а не двѣ, подобно чудовищу. Сей единый глава есть Іисусъ Христосъ, а св. Петръ его намѣстникъ, а Папа преемникъ и наследникъ св. Петра. Если же Греки или другіе говорятъ, что они не подчинены

его прѣбнику, то чрезъ сіе самое сознаются, что они не суть овцы Христовы, ибо онъ самъ сказалъ, что едино стадо и единъ пастырь.“ (Ничего подобнаго однако сему новому исповѣданію, не встрѣчается ни въ первые вѣка, ни въ символахъ вселенскихъ Соборовъ, хотя они исповѣдуютъ также единую Апостольскую Соборную Церковь.) Венифатій даже разсуждаетъ о двухъ мечяхъ, свѣтскомъ и духовномъ, и о двухъ соответствующихъ имъ властяхъ, изъ коихъ первая должна покрываться второй, ибо человекъ духовный судить все и никто его не можетъ судить. „И такъ, кто противится его власти, противится Богу и вводитъ, подобно Манихеямъ, два начала, что совершенно ложно и исполнено ереси. Почему объявляемъ и определяемъ, что необходимо для спасенія всѣхъ, чтобы всякая тварь была подвластна Папѣ.“ (Ист. Флери кн. ХС, гл. 18.)

Вотъ до какого безумія можетъ достигнуть отступленіе отъ древняго чиноначалія церковнаго, учрежденнаго Господомъ и его Апостолами. Любопытно видѣть, какъ самые приверженцы Западной Церкви судили о тогдашнихъ притязаніяхъ ея Первосвятителей и вообще всѣхъ Епископовъ, непрестанно спорившихъ съ властителями мірскими. „Подобныхъ состязаній, говоритъ Флери, не встрѣчается въ Греческой Церкви, потому что ихъ Епископы не имѣли власти и должностей мірскихъ, ни ~~обладанія~~, и не знали ложныхъ декреталій папскихъ и происшедшихъ отъ того новыхъ постановленій Латинской Церкви; все ихъ каноническое право состояло въ соборныхъ правилахъ вселенской Церкви, и они судили только однихъ духовныхъ, возлагая только церковныя ~~эпитиміи~~ на кающихся. Латинскіе князья, будучи весьма невѣжественны, зѣрли всему, что имъ говорили духовные о преимуществѣхъ Церкви. У Грековъ же, гдѣ было гораздо болѣе образованности, частныя лица читали Священное Писаніе и каноны святыхъ Отцовъ, и потому сохранили лучше древній порядокъ церковный. Епископы ихъ и Патріархи судились на всѣхъ Соборахъ, не спрашивая у Папы дозволенія созывать ихъ, ни утвержденія оныхъ; Епископы переходили безъ согласія Папы съ мѣста на мѣсто и назывались новыми епархіи, ибо такимъ образомъ соблюдались древнія правила Восточной Церкви, не только послѣ Фотія, но и прежде, во время самаго тѣснаго союза съ Римскою Церковію, и это потому, что и на Западѣ до существованія прежде такого обычая. Разрывъ же утвердился только со времени взятія Царьграда крестоносцами.“ (Флери разсуд. о Церк. Истор. XIII вѣка гл. 5, и съ XI по XIII вѣк. гл. 8, 9.)

„Левъ IX и его преемники, которые хотѣли возстановить Римскую Церковь изъ развалинъ X вѣка, во всемъ ея блескѣ, старались утвердить и ея мірскую власть, которую основывали на ложномъ актѣ Царя Константина, и на послѣдующихъ актахъ Императоровъ Франкскихъ, и такъ была сильна въ то время довѣренность къ нимъ на Западѣ, что Св. Бернардь называлъ Папу Евгенія III, преемникомъ не только Св. Петра, но и Константина. Не ужели же въ XI вѣкѣ открылась мудрость неизвѣстная древнимъ вѣкамъ, и не ужели Левъ IX и Григорій VII были просвѣщеннѣе святыхъ Льва и Григорія великихъ?“

„Духовная власть Папъ унижилась до такой степени, чрезъ ложныя декретація, что они принуждены были повѣрять ее другимъ, ибо не могли идти всюду сами или всѣхъ къ себѣ привлечь. Отсея явилась необходимость частныхъ легатовъ, избираемыхъ изъ Римскихъ кардиналовъ, или живущихъ на своихъ мѣстахъ, Епископовъ и аббатовъ, которые распоряжались во всѣхъ епархіяхъ, уничтожая власть настоящихъ Пастырей и мѣстные Соборы каждой области, и дѣлались ненавистными своею надмѣнностію и корыстолюбіемъ; чрезъ сіе нарушился первоначальный порядокъ церковный, и Митрополиты областей такъ мало вѣдали право свое, что они сами жадно домогались титула легатовъ папскихъ.“ (Должно благословлять провидѣніе, которое оградило Церковь Православную, самымъ ея убожествомъ и внѣшними бѣдствіями отъ подобныхъ безпорядковъ, подрывавшихъ коренныя начала.) „Грустно, продолжаетъ Флери, обнаруживать дѣла столь постыдныя, и я опасаясь соблазнить людей болѣе благочестивыхъ, нежели просвѣщенныхъ, по основаніе исторіи есть истина.“ (Гл. 11, 13.)

Взглянемъ на отношенія Церквей между собою и въ теченіи сего вѣка. Иннокентій III, писалъ къ Императору Алексѣю Ангелу и къ Патріарху Іоанну, о помощи для крестовыхъ походовъ и о соединеніи Церквей, чрезъ признаніе его надъ всѣми господства; оба отвѣчали ему въ томъ же духѣ: Императоръ, что соединеніе было бы весьма легко, если бы пастыри отложили мудрость житейскую, и составили вселенскій Соборъ, на которой непремѣнно явятся и Епископы православныя; а Патріархъ писалъ весьма осторожно, спрашивая: какимъ образомъ Церковь Римская можетъ быть одна всеобщаю, когда есть другія частныя, и какъ можетъ она быть матерію всѣхъ Церквей, когда всѣ произошли изъ Іерусалима? Что же касается до упрека, будто Греки раздѣлили Церковь, мнѣніемъ своимъ о исхожденіи Св. Духа только отъ Отца, то они держатся собственныхъ словъ Іисуса Христа,

символа Никейскаго и постановленій другихъ Соборовъ, принятыхъ Павлами. (Ист. Флери кн. LXXV, гл. 14.)

Однако же, не смотря на сія дружелюбныя сношенія, когда крестоносцы вѣроломнымъ образомъ овладѣли Царьградомъ, что осудилъ и самъ Папа, Иннокентій не замедилъ дать Константинополью инаго Латинскаго Патріарха, Фому Морозини, котораго самъ рукоположилъ въ Римъ, вопреки всѣхъ правъ настоящаго православнаго Патріарха Іоанна Каматера. Между тѣмъ Папа писалъ къ крестоносцамъ: „вы предупредили всѣ упреки, какіе только можно сдѣлать крестоносцамъ, потому что не имѣя никакого права, ни власти надъ Греками, безъ всякой причины, отклонившись отъ чистоты своего обѣта, завладѣвъ Константинопольемъ, вѣсто того, чтобы освободить опять Іерусалимъ, и предпочли блага земныя небеснымъ. Но всего преступнѣе было то, что нѣкоторые изъ васъ, не щадя ни вѣры, ни возраста, ни пола, соверщали всенародно всякаго рода нечистоты, предавая насилію работъ, не только женъ и вдовицъ, но и дѣвъ и инокинь; не довольствуясь расхищеніемъ сокровищъ царскихъ и боярскихъ, вы коснулись святотатными руками церковнаго достоянія и расхитили алтари, утварь, престолы, иконы и мощи. Такимъ образомъ Греки не могутъ болѣе рѣшиться подчинить себя Римской Церкви, потому что они видятъ въ Латинахъ только преступленія и дѣла тьмы, за которыя ихъ ненавидятъ какъ исовъ.“ Не лзя было высказать яснѣе причину совершеннаго разрыва, однако Иннокентій вслѣдъ за тѣмъ продолжаетъ: „велику же судьбы Божіи неисповѣдны, мы не хотимъ легко судить сего дѣла, прежде нежели не извѣстятся подробности; ибо, можетъ быть, Греки праведно были наказаны за грѣхи свои, неправеднымъ вами противъ нихъ поступкомъ, а Богъ не оставилъ награждать васъ правдою за то, что вы были орудіями его ищенія. И такъ отложивъ всѣ сія сомнительные вопросы, долгомъ признаю отвѣчать вамъ рѣшительно, чтобы удержали за собою и защищали землю, данную вамъ судомъ Божіимъ, надѣясь со страхомъ, что онъ проститъ вамъ прошедшее, если съ правдою станете управлять своими подданными, сохраняя ихъ въ мирѣ и согласуя съ нашею вѣрою.“ И Церкви Западной написалъ Иннокентій окружное посланіе: „что Господь, желая утѣшить Церковь свою присоединеніемъ отдѣлившихся, отнялъ владычество у Грековъ надмѣнныхъ, суевѣрныхъ и непокорныхъ, и предалъ оное Латинамъ, смиреннымъ, благочестивымъ, православнымъ и покорнымъ!“ Какъ сія

послѣднія выраженія соотвѣтствуютъ тому, что писалъ Иннокентій въ граматѣ къ крестоносцамъ! (Ист. Флери кн. LXXVI, гл. 13.)

Между тѣмъ новый Императоръ Греческій Ласкарисъ, основавшись въ Никей жаловался Папѣ на неистовства Латинянъ въ Царьградѣ и на ихъ вѣроломный поступокъ, и Папа отвѣтствовалъ, что онъ не оправдываетъ Латинянъ и самъ напротивъ того часто осуждалъ ихъ, однако привелъ нѣкоторыя оправданія въ ихъ защиту; въ заключеніе же убѣждалъ покориться новому Императору Латинскому, потому что все сіе случилось, по суду Божию, за непокорность Грековъ Римскому престолу. (Ист. Флери кн. LXXVI, гл. 26.)

Въ 1232 году были также сношенія, между Папою Григоріемъ IX и Патріархомъ Германомъ, жившимъ въ Никей, при Императорѣ Исакіи Ватакисѣ, по случаю прихода въ Анатолию пяти Францисканскихъ братьевъ, для проповѣди слова Божія между неверными. Но продолжительныя прѣнія ихъ съ духовенствомъ православнымъ, о исхожденіи Духа Святаго и опрѣснокяхъ, не кончились ничѣмъ удовлетворительнымъ, ибо каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи. Патріархъ писалъ Папѣ: „изслѣдуемъ подробно кто виною разрыва: если это мы, то укажите намъ зло и приложите врачевство; если Латиняне, то ме думаю, чтобы вы захотѣли, по невѣденію или преступному упорству, оставаться внѣ наслѣдія Божія. Ибо всякой согласится, что существо раздора состоитъ въ разнорѣчій догматовъ, нарушеніи канонновъ и измѣненіи обрядовъ, принятыхъ нами отъ отцевъ нашихъ, и всѣ могутъ служить свидѣтелями, что мы простираемъ руки къ миру, когда изслѣдуется истина, дабы обоюдно не называть другъ друга схизматиками. Много сильныхъ повиновалось бы вамъ, если бы не страшились они тѣхъ неправедныхъ истязаній, какими обременяете своихъ подчиненныхъ; отъ сего проистекають кровавыя войны и опустошеніе городовъ и заключеніе храмовъ, въ конкъ прекращается божественная жертва. Не достаетъ одного мученичества, но и оно недалеко, что могутъ засвидѣтельствовать ужасы Латинянъ въ Кипрѣ.“ И кардиналакъ писалъ онъ, „что все зло происходитъ отъ тиранства Римской Церкви, которая изъ матери сдѣлалась мачихою, и тѣмъ болѣе порабощаетъ Церкви, чѣмъ болѣе ей покоряются.“ (Ист. Флери кн. LXXX, гл. 20.)

Папа отвѣчалъ Патріарху, что едва отдѣлилась Греческая Церковь отъ Римской, какъ сдѣлалась рабою свѣтской власти, и мало помалу отстала отъ истинной вѣры и порядка церковнаго. Основаніемъ сего упрека служило то, замѣчаетъ Флери, что Епископы и кляръ болѣе были

покорны государямъ и судиямъ, у Грековъ, нежели у Латинянъ, и лучше содержали въ древнихъ предѣлахъ неприкосновенность церковную.

Потемъ въ 1254 году, по ходатайству Маріи Королевы Венгерской, дочери Императора Ласкариса и Францисканцевъ, бывшихъ послани на Востокъ, отправлены были Императоромъ Іоанномъ посланники въ Римъ, съ Архіепископомъ Сардійскимъ Андроникомъ и Кизическимъ Георгіемъ, къ Папѣ Иннокентію IV, для договоровъ о соединеніи Церкви. Они уступали ему все, что онъ желалъ касательно Римскаго первенства, сколько могло оно согласоваться съ Св. Писаніемъ и правилами соборными; себѣ же требовали, чтобы возвращенъ былъ Константинополь, престолъ Греческаго царства, чтобы опять водворился тамъ Восточный Патріархъ со всіми своими преимуществами, и удался Латинскій, и чтобы Папа не давалъ помощи Латинскому Императору Балдуину. Но Папа Иннокентій отвѣтствовалъ нерѣшительно на сіи предложенія: „что на вселенскомъ Соборѣ разсмотрѣно будетъ дѣло обонхъ государей, Іоанна и Балдуина, и рѣшится кому изъ нихъ должно принадлежать Константинополь; если же сей престольный городъ достанется Грекамъ, то ничто не можетъ итти обонимъ Патріархамъ, Греческому и Латинскому имѣть въ немъ пребываніе, потому что у каждаго есть тамъ свое стадо. Притомъ общалъ и много другаго Архіереевъ Восточнымъ, которыхъ отправилъ обратно съ богатыми дарами. Смерть Папы и Императора, послѣдовавшая въ томъ же году, прервала опять сношенія; странно однако, что Папа рѣшался признавать законными двухъ Патріарховъ Цареградскихъ, въ одно и то же время, вопреки всѣхъ правилъ. Очевидно, что здѣсь выше всѣхъ правилъ поставлено было правило: всіми средствами достигать преобладанія; Папа уступалъ Константинопольскому Патріарху часть власти, законно ему принадлежащей, но у него похищенной, чтобы сею манкою уловить его въ свою зависимость. (Кам. собр. стр. 77.)

II.

ИМПЕРАТОРЪ МИХАИЛЪ ПАЛЕОЛОГЪ.

Настала эпоха славная и вмѣстѣ бѣдственная для Греческой имперіи. Михаилъ Палеологъ овладѣлъ престоломъ малолѣтнаго Іоанна, сына Теодора Ласкариса, и завоевавъ обратно Константинополь у Латинъ въ 1261 году, ослѣпилъ своего законнаго Государя, за что и самъ подвергся торжественному отлученію церковному, отъ добродѣтельнаго Патріарха Арсенія, который чрезъ нѣсколько времени принужденъ былъ удалиться. Германъ, избранный на его мѣсто, также не разрѣшилъ Императора, и только, спустя пять лѣтъ, духовникъ его Іосифъ, поставленный на престолъ Патріаршій, послѣ многихъ совѣщаній, рѣшился снять отлученіе, что показывало большую твердость въ пастыряхъ Цареградскихъ, особенно при Государѣ столь суровомъ, каковъ былъ Михаилъ. (Ист. Флери кн. LXXXV, гл. 15, 47. Камень соблазна стр. 79.)

Между тѣмъ Палеологъ, опасаясь изгнаннаго Императора Балдуина, который искалъ себѣ помощи на Западѣ, и сильныхъ Государей: Людовика Французскаго, шедшаго въ крестовый походъ, и Карла брата его, овладѣвшаго Неаполемъ, обратился съ грамотами къ Папамъ Урбану IV и Клименту IV, какъ бы подъ предлогомъ соединенія Церквей, но болѣе для огражденія своего государства отъ новыхъ нападений Латинскихъ. „Удивляюсь, писалъ онъ между прочимъ къ Урбану, что вы отлучили отъ Церкви Генуезцевъ, ради заключеннаго ими со мною мира, и что содержа первую степень между Епископами, предпочитаете кровопролитіе миру между Христіанами, каковы Генуезцы и Греки. — Поелику не лзя исправить прошедшаго, предупредимъ будущее. Вамъ бы, какъ отцу нашему, должно было предварить насъ, но я первый предлагаю миръ и не касаюсь теперь догматовъ и обрядовъ, что можно будетъ легко устроить послѣ.“ — Папа отвѣтствовалъ, изъявленіемъ радости о предложеніяхъ мирныхъ, но увѣрялъ, что, прежде покоренія Римскому престолу, не можетъ по совѣсти по-

терпѣть, чтобы кто либо изъ Латинскихъ князей далъ помощь Грекамъ. (Кн. LXXXV, гл. 16, 17.)

Въ 1263 году Папа Урбанъ IV, отправилъ опять къ Императору четырехъ Францисканскихъ братьевъ, для соглашенія о вѣрѣ, но преемникъ Урбана, Климентъ IV, остался недоволенъ присланнымъ къ нему исповѣданіемъ Михаила, и нашелъ въ немъ многія заблужденія и пропуски, (иначе сказать, Палеологъ не соглашался на противныя уставамъ Церкви нововведенія Римскія.) Посему онъ препроводилъ къ Палеологу полное исповѣданіе Латинской Церкви, съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ догматовъ, таинствъ, частныхъ мнѣній Западныхъ, и наипаче первенства и власти своей катедры, заключивъ сими словами: „мы не намѣрены подвергать вѣру сію новымъ испытаніямъ, почему излагаемъ ее просто, безъ всякихъ доказательствъ, и посылаемъ къ вамъ съ нашими избранными нунціями, съ коими можете прислать также своихъ мудрѣйшихъ, и общаемъ, если нужно, созвать соборъ для утвержденія союза.“ Но и это покушеніе осталось до времени безъ успѣха. (Ист. Флери кн. LXXXV, гл. 55.)

Между тѣмъ Палеологъ, движимый гораздо болѣе видами политическими, нежели церковными, будучи устранивъ побѣдами Карла Анжуйскаго, совершенно овладѣвшаго Неаполемъ, отправилъ пословъ къ брату его Людовику, избирая его въ посредники мира Церкви и прося вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ Грековъ оружіе Карла; но посланные: книгохранитель Іоаннъ Веккъ и архидіаконъ Константинъ Мелетиміотъ, нашли Людовика уже на одрѣ смертномъ.

Въ 1272 году, Михаилъ обратился, съ тѣми же прошеніями, къ Папѣ Григорію X и старался склонить у себя, къ миру церковному, Патріарха Іосифа и Епископовъ; но они внимали его убѣжденіямъ не охотно, и только изъ вѣжливости, опасаясь противорѣчить открыто; внутренно же были увѣрены, что Церковь ихъ сохранить независимость и власть, коею искони была облечена, не подвергаясь владѣчеству Римлянъ, которыхъ почитали не иначе какъ за купцевъ и рѣмесленниковъ; посему ласково принимали посланцевъ Римскихъ, надѣясь, что покушенія Императора, какъ и всѣ предыдущія, останутся тщетными. Григорій, въ дружелюбныхъ грамотахъ къ Государю и Патріарху, приглашалъ ихъ прислать знаменитыхъ сановниковъ на Соборъ съ полномочіемъ: не остался празднымъ и Палеологъ. (Кн. LXXXVI, гл. 18, 30.)

Однажды, въ присутствіи Патріарха и нѣсколькихъ Епископовъ,

онъ началъ съ угрозами склонять ихъ къ соединенію Церквей, и предлагалъ примѣры прежнихъ сношеній Императоровъ съ Папами, указывая на письма тогдашнихъ Епископовъ, которые не обвиняли въ ереси Латинявъ, а только требовали изключенія изъ символа словъ „и отъ Сына,“ и не чуждались ихъ общенія, когда принимали восточные обряды. „Что же противнаго канонамъ, спрашивалъ Императоръ, поминать Папу въ молитвахъ, когда обычай дозволяетъ поминать столькохъ присутствующихъ во время литургіи, хотя они и не Папы? Еще меньше грѣха называть его братомъ и первымъ, ибо и богачъ Евангельскій называетъ Авраама отцемъ своимъ, хотя удаленъ былъ отъ него невозвратно. Если же мы дозволимъ самыя апелліаціи въ Римъ, то кто будетъ стремиться такъ далеко за судомъ?“ Таковы были вѣроломныя предложенія Михаила, достойныя сходнаго съ ними образа дѣйствованія Римскихъ Первосвятителей, для покоренія себѣ непринадлежащихъ имъ Церквей.

Патріархъ молчалъ, ожидая отвѣта отъ ученаго книгохранителя Векка, но видя его безмолвіе, повелѣлъ ему сказать свое мнѣніе подъ страхомъ отлученія церковнаго, и Веккъ отвѣтствовалъ, что вѣчная казнь для него страшнѣе временной, и что бываютъ еретики по имени, которые не суть таковы внутренно, и бываютъ тайные еретики еще не обличенные симъ названіемъ, каковы Римляне. Раздраженный Императоръ распустилъ собраніе, заключилъ въ темницу Векка и составивъ, съ помощію архидіакона Мелетніота, бывшаго посланникомъ при Королѣ Франціи, и Георгія Кипріяна, писаніе, защищающее ученіе Латинявъ, отправилъ оное къ Патріарху, требуя немедленно отвѣта, основаннаго также на текстахъ; но Патріархъ, съ полнымъ собраніемъ духовенства, на коемъ присутствовала и сестра государя Евдокія, опровергъ писаніе царское.

Тогда Михаилъ началъ склонять на свою сторону заключеннаго Векка, надѣливъ его книгами и освободивъ отъ узъ, и наконецъ онъ убѣдилъ, что соединеніе возможно, если только Латиняне изключатъ приложеніе изъ символа. (Каково долженствовало быть сіе убѣжденіе, начатое темницею?) Между тѣмъ монахъ Іовъ, писавшій отвѣтъ Патріарха, совѣтовалъ ему разослать, ко всѣмъ вѣрнымъ, окружное посланіе съ клятвою, что онъ не хочетъ присоединенія, и всѣ Епископы, кромѣ дальновидныхъ (т. е. имѣвшихъ житейскіе виды) утвердили рукоприкладствомъ грамоту Патріарха. Между тѣмъ Палеологъ увѣдомилъ Папу, что немедленно отправитъ пословъ своихъ на Соборъ, и

что Греки расположены къ миру. Для сего избралъ онъ Германа, бывшаго Патріарха Цареградскаго и Митрофана, Митрополита Никейскаго, съ великимъ логоветомъ Георгіемъ Акрополитомъ и своимъ протовестіаріемъ, съ богатѣйшими дарами, но дары погибли съ кораблемъ, на которомъ находился протовестіарій. Однако опасаясь нарушить согласіе съ Патріархомъ Іосифомъ, который разрѣшилъ его отъ отлученія церковнаго, Михаи́лъ заблаговременно убѣдилъ старца удалиться временно изъ палатъ своихъ, съ сохраненіемъ титула и всѣхъ преимуществъ, на тотъ случай если удастся соединеніе Церкви, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ опять возвратится, при неудачномъ дѣйствованіи пословъ. (гл. 31, 39, 40.)

Такъ какъ всѣ убѣжденія совратившагося Іоанна Векка къ Епископамъ оставались тщетными, Императоръ созвалъ ихъ еще однажды и упрекалъ въ непокорности его власти: будто бы они проклинали его за то, что силою принуждалъ нѣкоторыхъ къ соединенію. „Я стараюсь о мирѣ, говорилъ онъ, только для того, чтобы избѣжать жестокихъ войнъ и пощадить кровь нашу, ничего не вводя вновь въ Церкви. Условія съ Римскою Церковію ограничиваются тремя предметами: первенствомъ, апелляціями и поминовеніемъ, которыя всѣ обращаются въ ничто, если только внимательно разсудить о нихъ. Ибо когда придетъ сюда Папа занимать первое мѣсто? Кто рѣшится переплыть море и сдѣлать столь дальній путь, чтобы защищать права свои? и наконецъ, что за нужда помянуть имя Папы, когда Патріархъ служитъ въ великой церкви? Сколько разъ отцы наши дѣлали подобныя снисхожденія? вы же ссоритесь между собою и предаете насъ анаемѣ, какъ будто мы хотимъ идти далѣе и совершенно измѣнить обычай, по примѣру Латинскому. И такъ пусть каждый скажетъ свое мнѣніе, имѣя въ виду общее благо Церкви.“

Епископы отвѣчали единодушно, что никто изъ нихъ не проклиналъ Императора, призывая на себя градскую казнь, если докажетъ вину ихъ, что имъ не лзя давать каноническихъ рѣшеній безъ Патріарха, и что если опасность угрожаетъ государству, они могутъ представить отъ себя единственнымъ средствомъ молитву. Когда же спросили ихъ потомъ наединѣ, то нѣкоторые совершенно отвергли всѣ три предложенія, другіе же соглашались на первенство и апелляцію въ той надеждѣ, что это будетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ, но не хотѣли помянуть имя папское на молитвѣ, чтобы не сообщаться съ измѣнившими символъ вѣры. Великій эконо́мъ Ксифилинъ бросился къ

поганъ Императора и умолялъ его, съ благимъ намѣреніемъ отклонить войну вѣщяю, не возбудить внутренней, болѣе опасной.

Тогда Михаилъ, чтобы показать, что имѣетъ у себя какое либо рукоприкладство Епископовъ, потребовалъ отъ нихъ подписки въ покорности его свѣтской власти, и сталъ отнимать ихъ имущество и изгонять изъ домовъ, будто бы принадлежавшихъ казнѣ и готовить корабли для разсылки ихъ въ заключеніе; почему нѣкоторые покорились, страха ради человѣческаго. Тщетно весь клиръ молилъ Императора подождать по крайней мѣрѣ возвращенія пословъ съ собора.— Михаилъ объявилъ государственными преступниками всѣхъ, которые не дадутъ подписки, а чтобы успокоить ихъ совѣсть, обнародовалъ подъ страшными клятвами и анафемами, что никого не принудитъ прибавлять ни единой іоты къ символу, требуя только признанія первенства, апелляцій и поминовенія, и то только на словахъ и ради снисхожденія. Малодушествовавшіе подписали, твердые были изгнаны или вынуждены угрoзами къ невольному согласію.

III.

СОБОРЪ ЛІОНСКІЙ.

Между тѣмъ послы царскіе явились на многолюдный Соборъ Ліонскій и встрѣчены были, съ чрезвычайною честію, Епископами Западными. На торжественной литургіи, которую совершалъ Папа въ день Петра и Павла, Евангеліе было читано на языкахъ Греческомъ и Латинскомъ, равно и символъ съ приложеніемъ „и отъ Сына“ и бывший Патріархъ Германъ, съ прочими Греками, не устыдились воспѣвать во время литургіи похвальные стихи въ честь Папы, что показываетъ какимъ духомъ были они движимы. Любопытно, что на томъ же соборѣ Папа принималъ также съ большею честію пословъ Татарскихъ, и онъ посылалъ къ нимъ на встрѣчу точно также, какъ и духовнымъ посламъ Греческимъ, предатовъ съ домашними кардиналами, и принялъ ихъ въ присутствіи Епископовъ, сошедшихся къ нему въ покои для совѣщаній

соборныхъ. — Такъ перемѣшано было на Западѣ житейское съ духовнымъ! (гл. LXXXVI, 41—43.)

Наконецъ 6 Юля 1274 года происходило торжественное застѣданіе Собора Лионскаго; Папа объявилъ причину созванія, и что, противъ всякаго чаянія, Греки свободно покорились Римской Церкви, не требуя ничего временнаго: „мы писали къ ихъ Императору, говорилъ Григорій, захочетъ ли онъ добровольно придти въ послушаніе наше принявъ исповѣданіе Римское? и онъ прислалъ къ намъ о томъ договариваться. Милостію же Божіею, Государь сей отложивъ всякое состязаніе, добровольно призналъ первенство и исповѣданіе наше, и посланники его предстали къ намъ для изъясненія его согласія.

Тогда читаны были грамоты царскія, въ конхъ Императоръ нарекалъ Папу отцемъ всѣхъ Христіанъ и вселенскимъ первосвятителемъ, съ утвержденіемъ клятвеннымъ исповѣданія вѣры, которое нѣкогда послалъ къ нему Папа Климентъ IV. Признавая первенство Папы, Михаилъ просилъ однако, чтобы дозволено было Восточной Церкви сохрѣнить символъ безъ приложенія и всѣ обряды бывшіе до соединенія, не противныя соборнымъ постановленіямъ древнимъ и преданіямъ отцевъ, и уполномочивалъ пословъ своихъ, отъ имени его, утвердить все написанное.

Грамота епископская къ Папѣ написана была, отъ лица сановниковъ Православной Церкви, съ подчиненнымъ имъ клиромъ, и что весьма замѣчательно, безъ имени Епископовъ, а только съ титулами ихъ епархій, какъ-то: Митрополитъ Ефесскій съ своимъ соборомъ, Митрополитъ Ираклійскій и тому подобное, числомъ до 35. Они называли Григорія только великимъ и изряднымъ святителемъ Апостольской каедрѣ, свидѣтельствовали о стараніяхъ Императора соединить Церкви, вопреки сопротивленію нѣкоторыхъ изъ нихъ, и что не смотря на ихъ просьбы, Патріархъ не согласился отступить отъ своего мнѣнія и потому удаленъ въ монастырь, доколѣ, по возвращеніи пословъ, не согласится воздать должнаго почтенія Римской каедрѣ.

Тогда великій логоуетъ Георгій учинилъ присягу вмѣсто Императора, въ томъ, что отрекается отъ разрыва и принимаетъ исповѣданіе Римской Церкви, признавая ея первенство, съ обѣщаніемъ никогда не отступаться отъ нея. Папа же, стоя и безъ митры, со многими слезами воспѣлъ: „тебе Бога хвалимъ,“ и въ краткихъ словахъ изъяснилъ радость свою о соединеніи Церквей. Потомъ бывший Патріархъ Германъ и Митрополитъ Никейскій выступили на среднюю Церкву,

и Германъ повторилъ по-Гречески символъ, произнесенный по-Латыни Папою, съ приложеніемъ словъ „и отъ Сына,“ слѣдственно вопреки прощенія самаго Императора и клятвеннаго обѣщанія даннаго имъ своимъ Епископамъ. Въ заключеніе торжества сего, достойнаго Римскихъ нововведеній, Папа велѣлъ читать собору грамоты Хана Татарскаго, и хотя это было внутри храма, послы, вѣроятно для большаго блеска, сѣдѣли противъ Папы, у ногъ Патріарховъ Латинскихъ Константинополя и Антиохіи. Такъ кончилось сіе знаменитое дѣяніе Лионскаго Собора, смѣсь Христіанскаго съ языческимъ! (гл. 44.)

По возвращеніи пословъ въ Константинополь, надѣленныхъ богатыми дарами, Патріархъ Іосифъ былъ заключенъ въ монастырь и Іоаннъ Веккъ возведенъ на его мѣсто, отъ чего возникъ внутренній раздоръ въ Церкви Православной. Напрасно Іоаннъ поражалъ анаеюмо непокорныхъ и, въ почтительныхъ грамотахъ къ Папамъ, признавалъ исполнѣ ихъ господство, все царство исполнилось смятенія духовнаго и гражданскаго, ибо нѣкоторые изъ влестителей Греческихъ подняли даже оружіе противъ Уніи, какъ то предсказывалъ Государю Ксѣфильнъ. Немного выигралъ Палеологъ и со стороны внѣшней, потому что Папа Николай III, съ трудомъ могъ удерживать Короля Карла, отъ нападенія на его владѣнія, и не сбылось условіе насательно символа. (гл. 57—58.) Онъ отправилъ въ Константинополь своихъ легатовъ, съ тайною инструкціею, настаивать, чтобы Греки непремѣнно читали символъ съ приложеніемъ, и чтобы Императоръ, всѣ Епископы и весь клиръ, дали каждый отъ себя еще новое клятвенное обѣщаніе съ рукоприкладствомъ, о твердости ихъ вѣры, согласно съ формулою Григорія X, хотя и самъ сознавался, что такая присяга есть нововведеніе, несходное съ обычаями восточными; однако присовокуплялъ Папа: „всякой обмчай, прекословащій верховнымъ правамъ Римской Церкви, долженъ быть необходимо уничтоженъ, какъ злоупотребленіе.“ Съ такими честолюбивыми и лукавыми происками трудно было Римскому владычеству укорениться на Востокѣ, хотя Папа хитро совѣтовалъ своимъ посланнымъ, какимъ образомъ внушить Императору мысль и желаніе имѣть постояннаго у себя легата, полнаго распорядителя дѣлами Церкви и представителя папскаго. (Кн. LXXXVII, гл. 22.)

„Не лучше ли сперва коснуться сего предмета въ видѣ вопроса, а не требованія, и спросить у Грековъ, не хранятъ ли они въ памяти или въ актахъ своихъ, какимъ образомъ принимались у нихъ легаты Апостольской каведры и какими правами пользовались? если отвѣтъ

царскій сообразенъ будетъ съ тѣмъ, чего можно желать, то надлежитъ испросить оный на бумагѣ; если же нѣтъ, то слѣдуетъ объяснить ему, что наблюдается у Латинянъ касательно легатовъ, и говорить это не вдругъ, чтобы не испугать, а напротивъ стараться привлечь мало помалу, внушая также, что не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и въ гражданскихъ онъ можетъ быть полезенъ.“ (Кн. LXXXVII, гл. 23.)

Прибытіе посланниковъ папскихъ не было пріятно Палеологу, ибо чувствовалъ, что они возмутятъ царство, слишкомъ рѣшительными требованіями, и въ такое время, когда по личнымъ съ нимъ неудовольствіямъ, удалился самъ Патріархъ Іоаннъ Веккъ, благопріятный Уніи. Онъ просилъ его возвратиться и, созвавъ Епископовъ, еще однажды увѣрялъ ихъ, что не попуститъ никакого измѣненія въ символахъ и обрядахъ, и лучше начнетъ войну съ Неаполемъ; для успокоенія же легатовъ и увѣренія ихъ въ своемъ единствѣ съ Римомъ, послалъ съ ними Епископа Ефесскаго въ темницы, показать тамъ четырехъ родственниковъ свѣихъ, содержавшихся въ оковахъ за несогласіе въ вѣрѣ. А для большаго удовлетворенія Папы, Императоръ велѣлъ написать весьма лестную грамоту, съ подложными подписями большаго числа Епископовъ, между коими были и такія епархіи, которыя вовсе не существовали, и всѣ подписи начертаны были одной рукою. (гл. 28, 29.)

Когда Патріархъ, писаніями и соборами, старался утвердить Унію, вопреки всѣхъ старѣйшихъ Епископовъ, Императоръ дѣйствовалъ ужасами и началъ ослѣпленіемъ своихъ родственниковъ, долго томившихся въ узахъ; но жестокости его были бесполезны, потому что новый Папа Мартинъ IV, не довѣряя ему и возбуждаемый Королемъ Неаполитанскимъ, не только принялъ съ презрѣніемъ пословъ Императора, присланныхъ для его поздравленія, но даже торжественно отлучилъ отъ Церкви Михаила, какъ начальника ереси, и запретилъ всѣмъ государямъ имѣть съ нимъ какое либо общеніе. Раздраженный Императоръ, услышавъ о томъ, самъ остановилъ, во время литургіи, діакона, хотѣвшаго помянуть Папу, и воскликнулъ: „вотъ что я приобретаю за то, что искалъ мира Латинскаго и воевалъ съ моими ближними!“ сіе невольное сознаніе было достойнымъ слѣдствіемъ всѣхъ вѣроломныхъ поступковъ Михаила! Онъ скоро скончался и тѣло его погребено было безъ всякихъ почестей. Андроникъ, сынъ его, немедленно отрекся отъ Уніи, и удаливъ Патріарха Векка, взялъ на

мѣсто его престарѣлаго Іосифа, который не иначе, какъ съ церковною эпитимією, принималъ опять въ лоно православія отпадшихъ въ Унію клириковъ и мирянъ. (гл. 54, 67, 70.)

Бывшій Патріархомъ Іоаннъ Веккъ, принужденъ былъ на Соборѣ, созванномъ въ столицѣ, оправдываться въ своихъ поступкахъ и писаніяхъ, и подписать православное исповѣданіе вѣры, которое не избавило его отъ заточенія, гдѣ и умеръ. Однако внутреннее смятеніе, возбужденное въ Церкви насиліями Михаила Палеолога, отъ нововведеній и частой сѣбны Патріарховъ, продолжалось въ царствованіе сына его Андроника, потому что ввволнованные умы не могли скоро успокоиться. (Кн. LXXXVIII, гл. 6.)

ВѢКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Въ теченіе XIV вѣка Римская Церковь занята была собственными смятеніями, по случаю переселенія Папъ въ городъ Авиньонъ, въ область Королей Французскихъ, и явленія антипапъ, которые около полувѣка раздѣляли между собою Государей Западныхъ. — Однако проявлялись нѣкоторыя покушенія къ соединенію церковному Западу и Востоку, и Папа Іоаннъ XXII, посылалъ въ 1334 году нунціевъ своихъ въ Константинополь, для прѣній духовныхъ, къ Императору Андронику младшему, въ той надеждѣ, что онъ, будучи женатъ на сестрѣ Герцога Савойскаго, имѣлъ болѣе склонности къ Римской каведрѣ. Но посольство осталось тщетнымъ, какъ и покушеніе преемника Іоаннова, Венедикта XII, два года спустя. (Кн. XCIV, гл. 36, 52.)

Но въ 1339 году Императоръ Андроникъ отправилъ къ Папѣ игумена Варлаама, съ благороднымъ Венеціаниномъ Стефаномъ Дандоло, разсуждать, а не договариваться о мирѣ церковномъ, ибо они объявили, что не имѣютъ полномочія отъ Царя и Патріарха. Варлаамъ говорилъ искренно и благоразумно, что изъ двухъ способовъ устроить соединеніе, чрезъ насиліе или чрезъ убѣжденіе, первый рѣшительно невозможенъ, какъ уже доказалъ примѣръ Михаила Палеолога. „Если, говорилъ Варлаамъ, кто либо будетъ ссылаться на Соборъ Ліонскій, то никто изъ Грековъ не пріемлетъ сего Собора, потому что присутствовавшіе на ономъ были посланы, не четырьмя Патріархами, управляющими Восточною Церковію, и не отъ лица народа, но Им-

ператоромъ, который хотѣлъ устроить соединеніе не добровольно, насильемъ. И такъ, если желаете вселенскаго Собора, то пришлите сперва въ Церковь Восточную легатовъ богобоязненныхъ, исполненныхъ духа смиренія и терпѣнія, съ пригласительными грамотами къ четыремъ Патриархамъ и прочимъ Епископамъ, дабы собравшись съ вами гдѣ либо, съ любовію разсудили дѣло, какъ Духъ Святой полагать имъ на сердце. Вотъ единственное средство привести къ единству народъ и Церковь.

Что же касается до возраженій вашихъ: „пусть сперва Греки соединятся съ нами церковно и тогда поидемъ съ ними противъ Турковъ;“ то сіе разсужденіе весьма не справедливо, ибо Турки не нападаютъ собственно на Грековъ, отъ васъ отдѣленныхъ, но вообще на Христіанъ, и помощь ваша будетъ всему Христіанству, ибо доколѣ будетъ существовать имперія Греческая, вамъ легко будетъ одолѣть Турковъ; если же по несчастію она падетъ, трудно будетъ и для васъ сопротивляться имъ. — И такъ дѣйствуйте доколѣ есть время, чтобы вамъ не пришлось защищаться, вмѣсто того чтобы нападать!“ Опытъ доказалъ истину сихъ словъ.

„Знайτε еще и вѣруйте, что не столько разность догматовъ и обрядовъ дѣлаютъ васъ чуждыми Грекамъ, сколько ненависть, которую они возымѣли къ вамъ, по причинѣ жестокихъ золъ нанесенныхъ имъ Латинами и доселѣ ежедневно наносимыхъ, и соединеніе не можетъ совершиться, если не престанетъ ея ненависть, чрезъ какое либо великое благодѣяніе, съ вашей стороны оказанное, безъ чего даже и не захотятъ васъ слушать. Знайте также, что не народъ Греческій меня послалъ къ вамъ, но одинъ Императоръ и притомъ втайнѣ, такъ, что если прежде не пошлютъ ему помощи, онъ не дерзнетъ даже объявить, что желаетъ мира съ вами.“

Однако Папы и Кардиналы не приняли сего благоразумнаго совѣта, ссылаясь на минимы рѣшенія соборныя, коины будто бы уже окончательно разрѣшены были въ ихъ пользу вопросы догматическіе, и что трудно и бесполезно созывать новый соборъ, ибо Грекамъ не о чемъ болѣе вступать въ прѣвіе, а имъ остается только прислать своихъ повѣренныхъ для ихъ наученія. И на сіе весьма основательно возразилъ Варлаамъ, „что не боится испытанія истина, которая можетъ только яснѣе чрезъ то обнаружиться, ибо и отцы Никейскіе вѣровали единосущію Сына ео Отцѣмъ, но ради невѣрія Аріяна, хотѣли испытаніемъ привести ихъ къ спасенію. Такъ и вамъ надлежало бы

поступить съ Греками и не подавать имъ причины говорить, что вы страшитесь испытанія, не доверяя правотѣ своей.“—Однако стараніе Варлаама и его посольство остались тщетными. (Кн. ХСV, гл. 1.) .

Въ такомъ же духѣ отвѣчалъ Императоръ Іоаннъ Кантакузинъ лундіямъ папскимъ, въ 1350 году, предложившимъ ему войну съ невѣрными и миръ церковный: „не могу довольно выразить вамъ, сколько я желаю соединенія церковнаго; скажу только, что если бы можно было достигнуть онаго пожертвованіемъ собственной жизни, я бы не только подставилъ голову мою, но подалъ бы и мечъ. Однако дѣло такой важности требуетъ большой осторожности, ибо касается не временныхъ благъ, а вѣчныхъ, и чистоты вѣры. Не хочу доверять самъ себѣ, какъ будто бы возможно было одному достигнуть столь высокаго знанія; это самое произвело вначалѣ раздѣленіе Церквей, ибо если бы тѣ, которые впервые ввели догматы, поддерживаемые нынѣ Римскою Церковью, вмѣсто того, чтобы доверять самимъ себѣ и пренебрегать прочими Святителями, оставили имъ свободу испытанія, зло не имѣло бы такого успѣха. Св. Павелъ сообщилъ Апостоламъ свое ученіе, опасаясь, какъ онъ говорилъ, чтобы не вотще подвизаться.“

„Противный образъ дѣйствованія не удался Императору Митханлу, первому изъ Палеологовъ, и только умножилъ раздѣленіе. Я самъ не думаю, чтобы кто когда либо убѣдилъ меня, безъ опредѣленія вселенскаго Собора, привязаться къ нововведеніямъ и принуждать къ онымъ другихъ; ибо тѣ, коихъ хотятъ принудить, прежде всего затыкаютъ себѣ уши, чтобы не слышать перваго слова. Не думаю, чтобы и вы доверяли моей вѣрѣ, если перейду къ вамъ легко и безъ всякаго испытанія, ибо какую можете вы имѣть довѣренность въ дѣлахъ новѣйшихъ къ такому человеку, который не твердо привязанъ къ мнѣніямъ, полученнымъ имъ отъ предковъ и въ коихъ былъ воспитанъ?“

„И такъ я полагаю, что должно составить вселенскій Соборъ, изъ Епископовъ Восточныхъ и Западныхъ, и если сіе будетъ, то Богъ не позволитъ намъ отклониться отъ истины. Когда бы Азія и Европа были, какъ прежде, подчинены владычеству Римскому, должно бы, по древнему обычаю, соединить Соборъ у насъ, но теперь это не возможно; Папа не можетъ придти сюда и намъ не легко удалиться отъ селъ, по причинѣ безпрестанныхъ войнъ. И такъ, если Папѣ угодно, мы соединимся гдѣ либо, въ приморскомъ мѣстѣ, на срединѣ пути, куда придетъ онъ съ Епископами Западными, а я съ Патріархами и подчиненными имъ Епископами. И если онъ на это согласенъ, пусть

извѣститъ меня заблаговременно, о времени и мѣстѣ собранія, потому что не мало потребуется для меня времени, чтобы собрать Патриарховъ и Епископовъ.“ Но и это благоразумное воззваніе, возбуждившее нѣсколько дружелюбныхъ сношеній, осталось безъ успѣха по несогласіямъ внутреннимъ Западныхъ Государей и за смертію Папы Климента VI (Флери кн. XCV, гл. 52.)

Не такъ осторожно дѣйствовалъ преемникъ и воспитанникъ Кантакузина, Іоаннъ Палеологъ, заточившій бывшаго Императора въ монастырь и ослѣпившій собственнаго сына, по внушенію Султана Турецкаго. Онъ далъ клятвенное обѣщаніе покориться Римской Церкви и принудить къ тому своихъ подданныхъ, и отдавалъ въ залогъ сына своего Папѣ Иннокентію VI, чтобы только получить помощь противъ Турковъ; наконецъ самъ явился, три года спустя, въ Римъ, гдѣ исповѣдалъ торжественно догматы Западные, о исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына, и забывая достоинство личное, съ колѣнопреклоненіемъ цѣловалъ ногу Епископа Римскаго Урбана V, хотя по древнему обычаю, сходному съ смиреніемъ пастырскимъ, Епископы сін, утверждаемые Императорами, сами простирались ницъ предъ его вѣнценосными предметниками. Но малодушіе Палеолога не принесло ему никакой существенной пользы, ни помощи его имперіи, болѣе и болѣе распадающейся отъ усиленія Турковъ. (Кн. XCVI, гл. 29; кн. XCVII, гл. 13.)

По смерти же Григорія XI, который возвратился въ Римъ, послѣ шестидесятилѣтняго отсутствія Первосвятителей, насиліемъ и хитростію Королей Франціи переселившихся въ Авиньонъ, прекратили, на нѣкоторое время покушенія о соединеніи Церквей, ибо начался жестокий внутренній разрывъ на Западѣ. Избраніе двухъ Папъ, Урбана VI въ Римъ и Климента VII въ Авиньонъ, раздѣлило Европейскихъ Государей между собою и потрясло въ основаніяхъ самую кафедру Римскую, ибо расколъ продолжался съ 1378 и до 1448 года, когда настоятельно окончанъ былъ соборнымъ актомъ Базельскимъ, послѣ семидесятилѣтняго страданія Церкви Западной.

I.

СОБОРЫ КОНСТАНСКІЙ И БАЗЕЛЬСКІЙ.

Столь бѣдственно было между тѣмъ положеніе Западной Церкви, соблазненной взаимными проклятіями искателей папской кафедры, что Государи и Епископы убѣждали обоихъ мнимыхъ намѣстниковъ Христовыхъ отступить отъ престола; наконецъ, когда ни Григорій XII въ Римѣ, ни Венедиктъ XIII въ Авиньонѣ, не смотря на свои обѣщанія, не хотѣли оставить папства, соединился противъ нихъ многолюдный Соборъ, въ городѣ Пизѣ, въ 1403 году, и низложивъ обоихъ, какъ схизматиковъ, еретиковъ, нарушителей клятвы, соблазнитель Церкви, избралъ на мѣсто ихъ третьяго Папу, Александра V. (Кн. С, гл. 30, 32.)

Но выборъ сей только умножилъ замѣшательства числомъ Папъ, потому что, съ его назначеніемъ, утратилась истинная цѣль Собора — исправленіе безпорядковъ церковныхъ. Новый Первосвятитель искалъ выдти изъ-подъ тяжкаго надзора столькихъ Епископовъ, властно распорядившихъ, предъ его глазами, дѣлами Церкви, вопреки укоренившемуся въ среднихъ вѣкахъ мнѣнію, о неогрѣшительности и самодержавіи преемниковъ Петровыхъ. Онъ распустилъ Соборъ, отсрочивъ его на три года, и умеръ прежде сего времени, оставивъ по себѣ преемникомъ Іоанна XXIII, который подтвердилъ анафемѣ двумъ своимъ противникамъ, и не торопился также соединить Собора. Когда же Король Владиславъ Неаполитанскій овладѣлъ Римомъ, то Папа не могъ долѣе отклонять предложеннаго Собора, однако дѣйствовалъ не безъ хитрости, хотя Соборъ былъ, въ мысляхъ Императора Сигизмунда и всѣхъ благонамѣренныхъ, единственнымъ средствомъ исцѣлить болѣзнь церковную. Такъ открывался Папа секретарю Ареццо, въ своихъ тайныхъ замыслахъ: „все зависитъ отъ мѣста, гдѣ будетъ Соборъ, и я

не хочу, чтобы тамъ Императоръ былъ сильнѣе меня. И такъ я дамъ своимъ легатамъ обширное полномочіе, чтобы могли всемірно показывать оное, но втайнѣ назначу имъ только нѣсколько мѣстъ, на которыя они должны соглашаться.“ Съ такими лукавыми предположеніями, глава Западной Церкви, хотѣлъ исправлять ея безпорядки, и хотя принужденъ былъ дать полную свободу легатамъ, полагаясь во всемір на ихъ благоразуміе, однако крайне огорчился, когда узналъ, что городъ Констанція, въ предѣлахъ имперіи Германской, избранъ мѣстомъ собранія. Съ неудовольствіемъ явился онъ самъ въ Констанцію для предсѣданія, на непріязненномъ ему Соборѣ въ 1414 году. (гл. 54.)

Историкъ Флери замѣчаетъ, что въ Западной Церкви, уже нѣсколько вѣковъ, Соборы во многомъ отличались, отъ древнихъ Соборовъ первенствующей Церкви. Тамъ засѣданія были настоящими дѣяніями, на которыхъ предлагались и испытывались дѣла и Епископы подавали свои мнѣнія, за коими немедленно слѣдовали рѣшенія; посему и продолжались они не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; здѣсь же напротивъ, такъ называемыя дѣянія, были ничто иное, какъ обряды, совершаемыя въ церкви; они начинались торжественною обѣдней, потомъ слѣдовала проповѣдь, и напоследокъ читали постановленія советамъ готовымъ, заблаговременно разрѣшенныя на частныхъ сходкахъ или конгрегаціяхъ; оттого и длились соборы, какъ на прим. Констанскій, три года. — Однако же Соборъ сей, какъ и всѣ послѣдующіе, показали, что наконецъ Церковь Западная почувствовала нужду соборнаго правительства, вмѣсто единодержавія папскаго, вовлекшаго ее въ такіе безпорядки, изъ коихъ не могла она выдти даже и постановленіями соборными, ибо многіе навыки и мнѣнія укоренились теченіемъ времени. Примѣромъ служить можетъ слѣдующее постановленіе Констанскаго Собора, о приобщеніи подъ однимъ видомъ, которое возбудило столько смятеній и ересей: (Кн. СІ, гл. 1.)

„Въ некоторыхъ частяхъ міра есть люди, дерзновенно утверждающіе, что народъ Христіанскій долженъ принимать св. таинство евхаристіи, подъ двумя видами хлѣба и вина, и дѣйствительно приобщаютъ такимъ образомъ мирянъ, даже не натощахъ, вопреки благому обычаю Церкви, отвергаемому ими какъ святотатство. Почему настоящій Соборъ объявляетъ и рѣшаетъ, что хотя Іисусъ Христосъ учредилъ на вечери сіе достоуважаемое таинство и преподалъ оное ученикамъ своимъ, подъ двумя видами, однако же, во важности св. каноновъ и признаннаго обычая, Церковь наблюдаетъ, чтобы евхаристія не была священна

послѣ трапезы и принимаема вѣрными, иначе какъ натомакъ, разлѣ въ случаѣ болѣзни или въ иныхъ крайностяхъ. И хотя въ первостепенствующей Церкви вѣрные принимали таинство сіе, подѣ двумя видами, однако въ послѣдствіи, для избѣжанія нѣкоторыхъ опасностей и соблазновъ, обычай благоразумно ввелъ, чтобы одни служащіе пресвитеры приобщались подѣ двумя видами, міряне же подѣ однимъ лишь видомъ хлѣба; ибо несомнѣнно, что все тѣло и вся кровь Іисуса Христа содержатся въ каждомъ изъ двухъ видовъ. Посему обычай сей, какъ благоразумно введенный въ Церковь и догло въ ней соблюдаемый, долженъ сдѣлаться закономъ, который невозможно будетъ отринуть или измѣнить безъ согласія Церкви. И такъ, тѣ, которые упорно станутъ поддерживать противное, должны быть смряемы, какъ еретики, и строго наказываемы епархіальными Епископами и инквизиторами.“ (гл. 21.)

Если бы столь святотатное опредѣленіе возглашено было на одномъ изъ седьми вселенскихъ Соборовъ, то святые отцы, въ ушахъ коихъ отзывались еще слова Христовы, на вечери тайной, о своей божественной крови: „пійте отъ нея вси“ не ужаснулись ли бы, слыша названіе еретиковъ, налагаемое на исполнителей сего завѣщанія?

Не благопріятствовало самовластію папскому опредѣленіе, что Соборъ приѣмлетъ власть свою непосредственно отъ Господа Іисуса Христа, и всякій человекъ, какого бы достоинства ни былъ, даже папскаго, долженъ ему повиноваться во всемъ, что касается вѣры, истребленія раскола и преобразованія Церкви, въ ея главѣ и членахъ. Если же и самъ Папа откажется упорно, слѣдовать постановленіямъ сего или всякаго другаго вселенскаго Собора, то будетъ подвергнутъ кривичной эпитиміи, и даже въ случаѣ нужды прибѣгнуть и къ другимъ законнымъ наказаніямъ.“ (гл. 8.)

Приговоръ сей исполнился надѣ Папою Іоанномъ XXIII, который открылъ сперва торжественно засѣданіе Собора и далъ клятвенное обѣщаніе отказаться отъ своего сана, чтобы побудить къ тому же своихъ двухъ соперниковъ; узнавъ потомъ, что дошли до слуха соборнаго многія нареканія на -его симонію и нечистую жизнь, онъ бѣжалъ изъ Констанціи, былъ осужденъ заочно и лишенъ сана за свои преступленія. На его мѣсто поставили Мартина V, и положено было созывать Соборы вообще, чрезъ каждые десять лѣтъ, для устроенія дѣлъ церковныхъ; такъ окончился Соборъ Констанскій. (гл. 20, 39, 43.)

Папа Мартинъ, желая мира церковнаго, отправилъ въ 1422 году нунція въ Константинополь, къ Императору Мануилу, для того, чтобы

предварительно условиться о мѣстѣ Собора, и получилъ отзывъ молодого Императора Іоанна Палеолога, ибо отецъ его Мануилъ скоропостижно скончался: — „мы поручили нашимъ посланникамъ обѣщать только то, что содержится въ нашихъ письмахъ, т. е. соединеніе Собора, по обычаю седми вселенскихъ Соборовъ. Мѣстомъ будетъ избранъ Константинополь, потому что не можемъ отлучиться, и по причинѣ издержекъ. Прежде падали онѣ на Императора, но теперь мы не въ силахъ, ни коимъ образомъ, принять ихъ на себя: посему просимъ васъ взять ихъ на свой счетъ. Что же касается до времени, мы бы желали немедленнаго соединенія, но вашъ нунцій видѣлъ въ какомъ положеніи дѣла наши. Мы почти совершенно уничтожены; столица наша и государство подъ мечемъ невѣрныхъ, и намъ невозможно созвать Епископовъ Азии и Европы по причинѣ войны. Но какъ только Господь даруетъ миръ и нѣкоторое облегченіе дѣламъ нашимъ, мы немедленно къ вамъ отищемъ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ объ издержкахъ, положимъ соединиться Собору въ теченіи года. Мы просимъ еще, чтобы вы произнесли страшную анафему на всѣхъ тѣхъ изъ вашихъ, которые будучи въ мирѣ съ нами, оставятъ насъ однихъ сражаться противъ невѣрныхъ. Христіане должны помогать намъ и не позволять невѣрнымъ имѣть на своихъ корабляхъ Христіанъ, вооруженныхъ противъ насъ.“ Письмо сіе ясно показываетъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находилась имперія Греческая, и какъ легко было Епископамъ Римскимъ воспользоваться ея убожествомъ и крайностью, для насильственнаго соединенія Церкви. (Кн. СЦ, гл. 6, 7, 8.)

Между тѣмъ соперники Мартина V, Григорій XII и Іоаннъ XXIII, отреклись отъ престола и скончались; Венедиктъ же XIII оставилъ и по смерти своей слабого преемника Климента VIII. А предположенный всякое десятилѣтіе Соборъ, начавшійся сперва въ Павіи, продолжался весьма слабо въ Сіенѣ, гдѣ былъ распущенъ, ибо Папы не любивши такого надзора за своими дѣлами. Будущій Соборъ чрезъ семь лѣтъ назначили въ Базель, съ обѣщаніемъ новыхъ болѣе дѣятельныхъ преобразованій Церкви, и Мартинъ V умеръ не дождавшись онаго. Евгений IV, хитрый и искусный въ дѣлахъ, но невѣрный въ словѣ, посвященъ на его мѣсто, и не сдержалъ клятвы своей, данной при избраніи: возстановить первобытный порядокъ церковный, не переносить кафедры своей изъ мѣста въ мѣсто и созывать всеобщіе Соборы въ назначенное время и мѣсто. (гл. 12, 14, 33.)

Едва соединился въ 1431 году Соборъ Базельскій, какъ уже Евгений,

недовольный слишком смѣлыми опредѣленіями, хотѣлъ, подѣ разными предлогами, перенести его ближе къ себѣ, въ Болонію; но Соборъ укрѣпился противъ него, объявивъ, что рѣшился пребыть твердымъ на томъ же мѣстѣ, благодатию Св. Духа, дѣйствуя для истребленія ереси, исправленія нравовъ Христіанскаго народа и водворенія мира, и надѣется, что и Папа Евгеній благопріятствовать будетъ Собору, начатому властію его предшественника и его собственною. — Съ тѣмъ вмѣстѣ подтвердилъ опредѣленіе Констанскаго, о повинненіи всякаго лица, и даже папскаго, власти соборной, и положилъ звать самага Евгенія, съ назначеніемъ срока и съ угрозою, что въ случаѣ сопротивленія, Соборъ поступитъ, по внушенію Св. Духа и законамъ божественнымъ и человѣческимъ. (гл. 42.)

Когда же Папа, вмѣсто пришествія личнаго, прислалъ своихъ повѣренныхъ, съ неудовлетворительными извиненіями, Соборъ хотѣлъ уже приступить къ отрѣшенію Папы, но еще назначилъ двухмѣсячный срокъ, для избѣжанія соблазновъ, опредѣлилъ однако: „что поелику въ символѣ вѣры исповѣдуется одна только соборная Церковь, то и одинъ только вселенскій Соборъ можетъ представлять ее; и такъ не можетъ быть инаго гдѣ либо вселенскаго Собора, кромѣ сего Базельскаго, во все продолженіе онаго, какъ правильно созваннаго властію двухъ Соборовъ, Констанскаго и Лионскаго, и двумя Папами Мартиномъ V и Евгеніемъ IV. Посему всякое иное собраніе, хотя украшенное именемъ вселенскаго Собора, будетъ ничто иное, какъ соборіще раскольниковъ, а не Каеолической Церкви, и Соборъ, подѣ страхомъ отлученія церковнаго и отрѣшенія, запрещаетъ всякому лицу, какаго бы ни былъ достоинства, Императору, Королямъ или Папѣ, дѣлать самовольно собранія, подѣ именемъ вселенскаго Собора.“

Папа Евгеній видя, что Императоръ Сигизмундъ есть главная опора Собора Базельскаго, отправилъ къ нему нунціевъ, чтобы совѣщаться о перемѣнѣ мѣста, и принужденъ былъ, по его непреклонности, убѣждать къ тому самый Соборъ. Положеніе Евгенія становилось часъ отъ часу затруднительнѣе и двусмысленнѣе. Услышавъ, что отцы соборные хотятъ приступить къ его отрѣшенію, онъ утвердилъ буллою продолженіе Собора въ Базелѣ, оправдываясь въ своихъ побужденіяхъ перенести оный въ Италію, ради удобства Грекамъ, и послалъ четырехъ кардиналовъ предсѣдательствовать вмѣсто себя, чѣмъ однако не остались довольны отцы Собора, которые требовали личнаго присутствія Папы и дали еще краткій срокъ, съ угрозою окончательнаго отрѣ-

шенія. Папа съ своей стороны объявилъ, сперва недѣйствительными всѣ заключенія Собора, противъ преимуществъ Римской кафедры, запрещая вѣрнымъ ему повиноваться, а три дня спустя обнародовалъ новую буллу, что вполне приѣмлетъ рѣшенія Собора Базельскаго и будетъ благопріятствовать ему всею своею властію, съ тѣмъ только, чтобы уничтожено было все сдѣланное противъ его особы, и потомъ опять обнародовалъ апологію, въ видѣ окружнаго посланія, въ коемъ доказывалъ необходимость переѣзды мѣста, и что Папа свыше Собора; а между тѣмъ послалъ отъ себя въ Базель удовлетворительное письмо. Соборъ призналъ оное достаточнымъ, и позволилъ четыремъ легатамъ присутствовать въ засѣданіяхъ, давъ прежде присягу, что признаютъ Соборъ свыше Папы и не измѣнять мѣста безъ общаго согласія. (гл. 53, 55, 57, 59, 62.)

Самъ Евгеній, принужденный спастись бѣгствомъ, въ иноческой одеждѣ отъ буйства Римлянъ, которые хотѣли выдать его Герцогу Миланскому, до разсужденія о немъ соборнаго, писалъ еще разъ изъ Флоренціи отцамъ Базельскимъ, чтобы возбудить ихъ къ дѣятельному преобразованію Церкви, въ коемъ она нуждалась, менѣе разсуждая, нежели подавая примѣръ собственнымъ соблюденіемъ канонѣвъ, и Соборъ, довольный покорностію Папы, примирилъ его съ Римлянами.

Между тѣмъ посланники Греческіе пришли, отъ Императора Іоанна въ Базель, съ отвѣтами на тѣ предложенія, какія Соборъ отправилъ къ нему съ своими посланниками. Они объяснили, что соединеніе Церквей можетъ только произойти на всеобщемъ Соборѣ Западныхъ и Восточныхъ, и что Базель не былъ въ числѣ городовъ, предположенныхъ вначалѣ мѣстомъ собранія, почему и рѣшились отцы еще однажды спросить о томъ Императора Палеолога. Но прежде полученія отвѣта, уже опять поссорился Папа съ Соборомъ, который воспретилъ пошланны подѣ именемъ аннать, собираемыя съ утвердительныхъ грамотъ, разсылаемыхъ изъ Рима; на сей разъ распря уже не прекращалась, потому что Соборъ настоятельно сталъ обличать поступки Евгенія, а Папа, окружнымъ посланіемъ къ государямъ, ему болѣе благопріятствовавшимъ, осуждалъ дѣйствія Собора, непріязненныя его особѣ, который будто бы хотѣлъ изъ себя представить другую главу Церкви и такимъ образомъ раздѣлить ее. (гл. 57.)

Но и на Соборѣ произошли несогласія, по случаю рѣшительнаго отзыва Греческаго Императора, что Патріархамъ Восточнымъ слишкомъ далеко идти чрезъ горы и что необходимо соединить соборъ гдѣ либо

въ Италиі, такъ чтобы и Папа могъ на ономъ присутствовать. Отцы Базельскіе раздѣлились въ мнѣніи; одни назначали Авиньонъ, другіе соглашались на Флоренцію, и Папа воспользовался симъ несогласіемъ, чтобы назначить буллою Флоренцію, какъ мѣсто соединенія съ Восточною Церковію. А между тѣмъ, все болѣе и болѣе умножалось пламя раздора между Евгениемъ и Базельскимъ Соборомъ. (гл. 82.)

По случаю смерти Королевы Неаполитанской Юанны II, Папа объявилъ, что королевство ея, какъ будто зависѣвшее отъ Римской кафедры, возвращается къ ней обратно, по неизмѣнію прямыхъ наследниковъ, и послалъ титулярнаго патріарха Александрійскаго, Іоанна Вителески, съ войсками для отраженія Аррагонскаго Короля Алфонса, отыскивавшаго сіе наследіе; за одержаніе же побѣды произвелъ Патріарха въ кардиналы, вопреки постановленія соборнаго, запрещавшаго умножать самовольно число кардиналовъ. Соборъ вступился за свои права, а не за соблазнъ, что Патріархъ производится въ кардиналы, за одержанную побѣду, какъ военачальникъ, и, не позволивъ признавать его въ новомъ санѣ, рѣшился приступить къ сужденію Папы, потому что уже миновался нѣсколько разъ опредѣленный срокъ для личнаго предстанія. (гл. 85.)

Евгеній, съ своей стороны, видя, что продолженіе Собора въ Базелѣ совершенно уничтожаетъ власть его, издалъ буллу, которою, ради удобнѣйшаго соединенія Церкви и устроенія дѣлъ неуспѣшныхъ въ Базелѣ, властію Апостольскою и съ согласія кардиналовъ, повелѣвалъ перенести Соборъ въ Феррару и соединиться тамъ всѣмъ находившимся въ Базелѣ Епископамъ и аббатамъ. Но сіи послѣдніе, раздраженные столь рѣшительнымъ актомъ, объявили оный ничтожнымъ и, жалуясь на неповиновеніе Папы они грозили низложить его; отвѣчали князьямъ имперіи Германской, за него ходатайствовавшимъ:

„Развѣ не видите вы, что дѣлаетъ ежедневно владыка Евгеній, чтобы разрушить до основанія начатое нами, для водворенія мира и преобразованія Церкви? Или не знаете, что когда разсѣется, по волѣ его, Соборъ сей, законно начатый, никогда болѣе не соединится иной, и Папа стремится къ сей цѣли, посредствомъ васъ, чтобы въ одно мгновеніе истребить то, что одѣлано было къ спасенію всего міра. И такъ, мудрые сыны, не просите отъ насъ того, что отъ насъ не зависить; ибо вамъ незаконно просить, а намъ неприлично уступить. Мы обязаны наблюдать, чтобы власть вселенской Церкви не была презираема, а напротивъ, какъ данная ей отъ Бога, сохранилась бы въ цѣлости; владыка Евгеній оскорбилъ власть сію вознамѣтрившись вне-

запно разсѣять Соборъ. Можемъ ли быть равнодушными къ столь вредному для Церкви предпріятію, если не хотимъ сдѣлаться сами участниками онаго? Если оставимъ сіе безъ наказанія, кто дерзнетъ воспротивиться Папѣ, сколько бы знатенъ онъ ни былъ? и такъ всѣ должны будутъ покориться одному и предаться на его волю?“ Въ слѣдствіе сего Соборъ объявилъ Папу запрещеннымъ во всѣхъ должностяхъ своихъ, по управленію свѣтскому и духовному, въ ожиданіи рѣшительнаго приговора. (гл. 87, 88, 89, 91.)

Но не смотря на то, Евгенийъ открылъ свой соборъ въ Феррарѣ, съ 23 только Епископами, и повелѣлъ продолжать на ономъ всѣ дѣла, начатыя въ Базелѣ, объявивъ ничтожнымъ все, сдѣланное послѣ изданія буллы о закрытіи. На второмъ засѣданіи собралось уже болѣе 70 Епископовъ, и всѣ отцы Базельскіе объявлены были отлученными отъ Церкви, подъ страхомъ отлученія и всему городу, если не выгонитъ изъ себя Собора. Посреди такой внутренней войны Западной Церкви и взаимныхъ проклятій двухъ соборовъ, именовавшихся вселенскими, Папа Евгенийъ приступилъ къ соединенію Церкви Западной съ Восточною, въ томъ же духѣ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ и дотолѣ, въ отношеніи къ собственной паствѣ. (гл. 90—92.)

II.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ СОБОРУ ВСЕЛЕНСКОМУ.

Обстоятельства Флорентинскаго Собора такъ важны, что не лзя не обратить на нихъ особеннаго вниманія; съ одной стороны Церковь Западная, которая, какъ мы сей-часъ видѣли, почти не хотѣла въ немя участвовать, ибо и Базельскій Соборъ еще продолжался, и никто изъ государей не явился лично или чрезъ пословъ своихъ, — теперь напротивъ сильно опирается на рѣшенія Флорентинскія, какъ на правильныя и вселенскія; съ другой же стороны Церковь Восточная, вопіющая противъ насильственныхъ дѣйствій сего собора, присутство-

вала на нежь главными своими лицами, свѣтскими и духовными. И такъ надлежитъ вникнуть подробнѣе, какъ въ самыя дѣянiя соборныя, такъ и въ обстоятельства, предшествовавшiя имъ на Востокѣ, и въ средства, употребленныя для собранiя Епископовъ, потому что мы бросили краткiй взглядъ и на современное состоянiе Западной Церкви.

Для разсмотрѣнiя дѣянiй могутъ служить подлинныя ихъ записки, помѣщенныя въ изданiи Соборовъ на Греческомъ, съ Латинскимъ переводомъ Юанна Матѳея Карiофила, которыя однако Патрiархъ Иерусалимскiй Досиѳей находитъ неполными, въ книгѣ X своей исторiи, и это весьма вѣроятно, потому что сокращенiя замѣтны. Не смотря на то записки сiя гораздо правдоподобнѣе тѣхъ, какiя Римляне помѣстили, вслѣдъ за ними, въ собранiи актовъ, на одномъ Латинскомъ языкѣ, съ слѣдующею оговоркою: (Concil. T. 33 p. 3.) „о публичныхъ вѣдѣнiяхъ, между Греками и Латинами, глубокое у всѣхъ было молчанiе, въ теченiи почти ста лѣтъ, т. е. со времени Папы Евгенiя IV до Климентя VII, хотя однако извѣстно, что многими писателями и нотарiями соборными описаны были. Когда такимъ образомъ Латинскiе экземпляры гнили въ архивахъ и библиотекахъ, одна изъ Греческихъ, безымянная рукопись, напечатана была въ Римѣ, при Климентѣ VII, въ 1526 году, съ Латинскимъ переводомъ, и та же рукопись, съ инымъ переводомъ Карiофила, напечатана при Папѣ Павлѣ V, въ общей книгѣ Соборовъ. „Многие ожидали однако, чтобы, для пользы общей, явился также въ свѣтъ какой либо экземпляръ Латинскихъ писателей, по сему предмету, и я отыскалъ въ Ватиканской библиотекѣ древнiй манускриптъ, писанный Андреемъ Патрициемъ Римскимъ, адвокатомъ Апостольской консисторiи, который самъ присутствовалъ на Соборѣ:“ (это говоритъ въ предисловiи Флорентинскаго Собора позднѣйшiй издатель онаго въ 1644 году.)

Удивительно какъ въ дѣлѣ столь важномъ, каковъ Флорентинскiй Соборъ для Римлянъ, которые съ большимъ тщанiемъ собирали всѣ дѣянiя древнихъ Соборовъ, внезапно явилась такая безпечность, что сто лѣтъ молчатъ они о соборѣ, потомъ дважды издають переводъ безымянной Греческой рукописи, и наконецъ, только чрезъ двѣсти лѣтъ, отыскивають подлинникъ Латинскiй исполненный подложными выписками древнихъ отцевъ, (какъ на прим. если сравнить письмо Папы Дамаса къ Павлину о Св. Духѣ, съ тѣмъ, которое привелъ въ своей церковной исторiи Феодоритъ, и тому подобное.) Для чего также Римляне не упоминають, о современной книгѣ великаго Екклесi-

арха Константинопольской Церкви, Сильвестра Скиропула, присутствовавшего на Соборѣ, которая явилась въ Царьградѣ тотчасъ послѣ, во время мнимаго столѣтняго молчанія. Съ паденіемъ Царьграда она должна была сдѣлаться извѣстною, ибо Греки принесли въ Италію писанныя ими книги. А между тѣмъ это есть весьма полное описаніе, не столько самыхъ дѣяній соборныхъ, сколько обстоятельствъ, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ, и побудительной причины самыхъ рѣшеній; оно составлено лицомъ дѣйствовавшимъ на Соборѣ, однимъ изъ пяти ближайшихъ совѣтниковъ Патріарха, подъ именемъ правдивой исторіи несправедливаго соединенія. — Не лѣзя и нѣтъ причины подозрѣвать правдивости Скиропула, ибо не только его записки, большею частію, сходны съ вышеименованными, дополняя опущенное, но онъ и не старался скрыть горькихъ обстоятельствъ времени, ни малодушныхъ дѣйствій Императора, Патріарха и другихъ Епископовъ, ни даже собственнаго невольнаго согласія на Унію, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавалъ полную справедливость твердости Марка Ефесскаго: такимъ образомъ, совершенною откровенностію, заслуживаетъ и совершенную довѣренность читателей, для которыхъ, безъ его объясненія, непонятными бы показались записки Каріюфила, отчасти благопріятныя Риму.

Есть еще одинъ источникъ, которому однако не лѣзя слишкомъ довѣрять, въ бібліотекѣ Ватиканской: — это сборникъ, писанный на холстинной бумагѣ, послѣ XV вѣка. По языку и правописанію видно, что онъ писанъ въ югозападной части Россіи. Въ числѣ многихъ статей, въ немъ содержащихся, всѣхъ занимательнѣе и любопытнѣе нятая, подъ заглавіемъ: „исторія о листрикійскомъ, то есть: разбойническомъ Ферарскомъ або Флорентинскомъ Синоде, вкратце правдиве списанная.“ Эта исторія писана, по всему вѣроятію, въ Острогѣ, центрѣ нашего югозападнаго православія: и содержитъ въ себѣ такіа свѣдѣнія, о Флорентинскомъ Соборѣ, которыя хотя и были уже напечатаны, однако мало извѣстны ученому міру, судившему о дѣлѣ, по однимъ только западнымъ источникамъ. (Смотри 1 книжка Жур. Мин. Народ. Просв. 1841 года).

Теперь приступимъ къ описанію того, что предшествовало Собору. Императоръ Іоаннъ Палеологъ и Патріархъ Константинопольскій Іосифъ, возбуждаемые къ соединенію Церквей, легатами Собора Базельскаго, отправили отъ себя посланниковъ къ тремъ Патріархамъ Восточнымъ и властителямъ Иверскому, Трапезонтскому, Сербскому и Молдавляхійскому, чтобы вся Церковь православная представляема была на

Западѣ, своими верховными Епископами. О Россіи облегчилась имъ забота, чрезъ поставленіе, весьма неправильное, Иллирійскаго іеромонаха Исидора, въ Митрополиты всея Руси, вмѣсто Святителя Іоны, законно присланнаго въ Царьградъ, отъ всего Собора Московскаго. Рукопись, найденная въ Ватиканѣ, весьма правдиво и удовлетворительно изображаетъ происки папскія, для рукоположенія Исидора, безъ которыхъ оно могло быть непонятнымъ.

„Въ 1436 году, по кончинѣ Кіевскаго Митрополита Фотія, избранъ былъ Епископами и всѣмъ причтомъ церковнымъ, также Князьями Западныхъ земель Русскихъ и Литовскаго княжества, на митрополию Кіевскую, человекъ добрый, набожный, тихій, скромный и ученый, Епископъ Рязанскій Іона. По избраніи, онъ отправленъ былъ въ Константинополь, съ грамотами къ Цезарю Палеологу и Патріарху Іосифу, чтобы принять благословеніе отъ сего послѣдняго. Но еще до Іоны прибылъ въ Царьградъ изъ Рима, съ грамотою отъ Папы, нѣкій Исидоръ, Словакъ, изъ краевъ Западныхъ, человекъ уклончивый, хитрый, снаружи льстивый, внутри превратный. Ласковыми словами, покорными просьбами, грамотою Папы, онъ склонилъ Цезаря и Патріарха на то, чтобы вручить ему митрополию Русскую; а грамота Папы Евгенія къ Патріарху Іосифу была слѣдующаго содержанія: „Евгеній, слуга слугъ Божьихъ, Бискупъ Римскій, высокой столицы новаго Рима честному Іосифу Патріарсе, брату нашъ о Христе намишному, покоя и потѣхи, за побожнымъ и чести годнымъ и досвежчонымъ мужемъ на имя Изидоромъ, покорность наша желаетъ, абысте его не помешкаваючи, на архіепископство Русской столицы посветившы, и зъ моцью зуполною послали, о чымъ есмо и до намишного сына нашего Яна Цезаря, яснеудожонаго, листъ нашъ за тымъ святоблывымъ мужемъ Изидоромъ, который есть отъ столицы нашею, во всѣхъ годностяхъ досвежчонъ, писали, Господу Іисусу васъ поручаемъ. Данъ въ Риме, року тисеча чтыреста тридцать семого.“

Патріархъ Іосифъ, не вѣдая скрытныхъ умысловъ человѣческихъ, только Богу одному открытыхъ, по просьбѣ Папы и по ходатайству Цезаря, а болѣе для того, чтобы Церковь Христова, въ великомъ народѣ Русскомъ, не оставалась долго безъ пастыря и старшаго строителя, посвятилъ Исидора на митрополию Кіевскую и отпустилъ его съ грамотами на Русь. Вскорѣ по отбытіи его, пріѣхалъ Іона въ Царьградъ, съ грамотами изъ Москвы. Патріархъ раскаялся въ томъ, что уступилъ просьбамъ Исидора, и созвавши на совѣтъ духовенство, по

совѣщаніи, объявилъ Іонѣ: „сынъ наимилѣйшій Іона! благословеніе на митрополію Кіевскую, хитростію и лестію у меня уже выманено: я посвятилъ и отпустилъ туда Исидора. Но когда Богу угодно будетъ, или смертію, или какимъ другимъ случаемъ, удалить Исидора отъ митрополіа, тогда я тебѣ, избранному отъ всѣхъ Святителю, даю благословеніе мое воспринять престолъ митрополіа Русской.“

Посвятивъ Іону, Патріархъ отпустилъ его; между тѣмъ Исидоръ прибылъ на мѣсто своего назначенія: всѣ дивились неожиданному гостю, ни чье сердце не лежало къ нему; но не смотря на то, духовные и свѣтскіе чины приняли его съ должною честію, и онъ сѣлъ на духовный престолъ столицы. Пробывъ на митрополіи четыре мѣсяца, Исидоръ замыслилъ ѣхать въ Италію на Соборъ Флорентинскій: назначенное время было ему извѣстно, и онъ ясно говорилъ что ѣдетъ туда за тѣмъ, чтобы оборонять православіе Восточной Церкви. Обыватели и Князья земель Русскихъ, равно и нѣкоторые Епископы, узнавъ о его намѣреніи, одни лично, другіе чрезъ письма, просили его, чтобы онъ на тотъ Соборъ не ѣздилъ, а если уже поѣдетъ, то ни въ чемъ бы не отступилъ отъ преданій Апостольскихъ и канонѡвъ богоносныхъ Отецъ. Упорный въ своемъ намѣреніи, Исидоръ сказалъ, что поѣдетъ, но обѣщавъ всѣмъ стоять за православіе, не переступая ни въ чемъ границъ истинной вѣры, и, взявъ съ собою не малое число особъ духовныхъ, поѣхалъ въ Феррару; но еще на дорогѣ обнаружилось лукавство его сердца. Случилось ему, на границахъ Нѣмецкихъ, пріѣхать въ одно мѣсто, въ которомъ жило много Христіанъ православнаго исповѣданія. Жители, услышавъ о прибытіи Русскаго Митрополита, вышли къ нему на встрѣчу съ крестами, по своему обычаю. Увидя то, Нѣмцы папскаго исповѣданія, вышли также вслѣдъ за процессіею. Тутъ Исидоръ впервые обличилъ свою измѣну: — онъ миновалъ первыхъ, не поклонившись даже кресту и притекъ прямо къ посѣднимъ. Епископъ Суздальскій, Авраамій, видя такой поступокъ, удивился и въ жалости молвилъ тихо своимъ: „видно не пастыря, а волка, овчею одеждою прикрытаго, мы имѣемъ.“ Папезники приняли гостя своего съ великою радостію, угощали и проводили далѣе.“ (Жур. Мин. Просв. кн. 1.)

Посланникъ царскій къ Патріархамъ долженъ былъ внушить имъ тайно, отъ лица Императора, что если не имѣютъ кого назначить своими мѣстоблюстителями, избрали бы людей достойныхъ, въ нѣдрахъ имперіи, какихъ имъ указывалъ самъ, и Патріархи безпрекословно

избрали: Александрійскій, Антонія Митрополита Иракійскаго и іеромонаха Марка Евгенія, бывшаго потомъ Ефесскимъ; Антиохійскій, Іоасафа Митрополита Ефесскаго и Григорія духовника; Іерусалимскій, Діонисія Сардійскаго Епископа и Исидора Митрополита Русскаго, бывшихъ тогда еще іеромонахами, и въ грамотахъ своихъ связали ихъ крѣпкимъ словомъ, чтобы не дерзали ничего утверждать на Соборѣ или опредѣлять, кромѣ того, что будетъ согласно съ правилами вселенскихъ Соборовъ и святыхъ Отецъ, и дабы отнюдь не было какого либо измѣненія или прибавленія въ символъ вѣры. (Скиропула кн. III, гл. 3.)

Когда же Патріархъ Іосифъ узналъ, что мимо его избраны мѣстоблюстители по одному внушенію царскому, онъ огорчился за столь неумѣстную тайну, и еще болѣе смутился легатъ Базельскаго Собора Іоаннъ, остававшійся въ Царьградѣ, прочитавъ грамоты, которыя связывали мѣстоблюстителей.—Онъ убѣдилъ Императора послать опять къ Патріархамъ, на утвержденіе, другія довѣрительныя грамоты, въ которыхъ исключено было все то, что могло не благопріятствовать соединенію, подъ тѣмъ предлогомъ, что сіе необходимо для собственной чести Царя и Собора, и самихъ мѣстоблюстителей. „Знайте, писалъ Императоръ, что мы не хотимъ ничего творить, кромѣ того, о чемъ вы сами къ намъ писали, и не хотимъ измѣнить что-либо, вопреки уставовъ вселенскихъ и отеческихъ, ничего не убавляя и ничего не прибавляя къ доселѣ вѣрованному нами и укрѣпленному соборно. И такъ отложите всякое подозрѣніе, и измѣнивъ грамоты ваши, пребывайте спокойны, что ни въ чемъ не отступимъ отъ заповѣдей вашихъ.“ Опытъ показалъ противное и потому справедливо возстали въ послѣдствіи Патріархи Восточные, на рѣшенія Флорентинскаго Собора, неправильно принятія ихъ мѣстоблюстителями. Вскорѣ по полученіи вторичныхъ грамотъ отъ Патріарховъ, скончался мѣстоблюститель Антиохійскаго престола, Митрополитъ Ефеса, и поставленъ на его каведру знаменитый Маркъ, наилучшее украшеніе Церкви Восточной.

Императоръ отправилъ, въ то же время, хранителя печати Мануила къ Папѣ, съ вѣстію, что готовъ, съ наступленіемъ осени, идти на Соборъ, и другаго посланника Іоанна къ отцамъ Базельскимъ, чтобы прислали, въ условенное время, галеры въ Константинополь для отплытія. Онъ же долженъ былъ условиться съ Соборомъ и объ издержкахъ пути; но какимъ образомъ, замѣчаетъ Скиропулъ, перешелъ посланникъ сей отъ Собора къ Папѣ и съ нимъ условился, какъ будто мы имѣли дѣло съ Папою, касательно денегъ и судовъ,—

это отъ насъ совершенно скрыто и даже объяснить не можемъ, хотя для всѣхъ казалось весьма подозрительнымъ, что посланный не дѣйствовалъ по своему назначенію. (гл. 5.)

Осенью явились неожиданно галеры папскія, съ обоеими посланми Греческими, легатомъ, тремя Епископами, и братомъ царскимъ Деспотомъ Константиномъ, который прибылъ изъ Пелопоннеса, чтобы управлять имперіею въ отсутствіе Государя. Посланники и Епископы Западные обольстили Царя и Патріарха, и самого прокуратора Собора Базельскаго Іоанна, будто бы прижирился Папа съ отцами соборными; прокураторъ, будучи обманутъ тѣмъ, что три пришедшіе Епископа находились прежде въ Базелѣ, и не зная, какинъ образомъ перешли они на сторону Евгенія, началъ убѣждать вмѣстѣ съ ними Императора, немедленно пуститься въ дальній путь. Но не прошло двухъ недѣль, какъ приплыли обѣщанныя суда, прямо отъ Собора, и шемиянникъ папскій, начальствовавшій его галерами, хотѣлъ вступить съ ними въ бой, но не былъ допущенъ Императоромъ. Легаты соборные, вмѣстѣ съ прокураторомъ Іоанномъ, обличили коварство Папы и принесли условенныя деньги для издержекъ пути; папскіе легаты, съ своей стороны, не щадили денегъ и обѣщаній, чтобы привлечь къ себѣ колеблющихся и недоумѣвающихъ между двумя сильными противниками. Тщетно Епископы Базельскіе представляли Императору и Патріарху, что Папа враждуетъ противъ Собора, и предлагали оставить суда свои въ Царьградѣ, доколѣ не обошлются съ Соборомъ, чтобы дознать истину. Тщетно Императоръ Германскій Сигизмундъ прислалъ гонца въ Царьградъ, убѣдить Палеолога не ѣхать въ Италію, повременить дѣломъ соединенія церковнаго, доколѣ не утихнетъ внутренній раздоръ въ Церкви Западной; тщетно всѣ благоразумные, между Святителями Восточными, склоняли къ тому же своего Государя, и даже Султанъ Турецкій Амуратъ совѣтовалъ ему болѣе надѣяться на прочность союза съ нимъ, нежели съ Латинами,—какое то странное ослѣпленіе овладѣло его умомъ, и онъ, отвергнувъ предложенія соборными, рѣшился плыть на галерахъ папскихъ, чтобы испить полную чашу горя и позора въ Италіи. Братъ его Деспотъ Димитрій, Патріархъ Іосифъ и двадцать Епископовъ раздѣлили съ нимъ печальное странствованіе, съ пятью духовными сановниками великой Церкви, настоятелями обителей, пресвитерами, иноками и многочисленнымъ клиромъ; Патріархъ, движимый чувствомъ славолюбія, хотѣлъ, чтобы Церковь Восточная показала на Западѣ въ полношъ блескѣ, и взялъ

съ собою великолѣпнѣйшія утвари, потому что надѣялся быть принятымъ Папою, съ равенствомъ братскимъ, а не какъ одинъ изъ многочисленной толпы покорныхъ ему Епископовъ. (гл. 9, 11 — 15, 17.)

Съ чрезвычайною честію встрѣченъ былъ Императоръ, Дожемъ и Сенатомъ въ Венеціи, куда прибылъ и кардиналъ Іуліанъ, председательствовавшій на Соборѣ Базельскомъ и перешедшій на сторону Евгенія. Они продолжали путь въ Феррару, но Императоръ, принятый тамъ съ должною почестію Евгениемъ, послалъ гонца къ Патріарху Іосифу, для предупрежденія, что Папа требуетъ отъ него земнаго поклона и цѣлованія туфли. Ужаснулся Патріархъ, достигнувъ Феррары, отвѣчалъ Епископамъ Римскимъ, посланнымъ къ нему на встрѣчу, съ тѣмъ же предложеніемъ, что согласенъ только на цѣлованіе братское, и созвавъ своихъ Епископовъ, съ негодованіемъ объявилъ имъ требованія Папы. Тогда Митрополитъ Трапезундскій напомнилъ ему всѣ предостерегательные совѣты, какіе онъ отвергъ въ Царьградѣ. Между тѣмъ Императоръ опять прислалъ вѣстника, что онъ продолжаетъ спорить съ Папою, о сохраненіи достоинства патріаршаго, и Іосифъ рѣшительно сказалъ пришедшимъ отъ Папы Епископамъ, что не сойдетъ съ галеры и не позволитъ выдти никому изъ своихъ Святителей, если не отступится Евгений отъ столь безумнаго требованія, противнаго церковнымъ уставамъ. Тогда, въ свою чреду, принужденъ былъ уступить Папа, подъ предлогомъ желанія мира; но, чтобы скрыть отъ народа свое невольное смиреніе, принялъ Патріарха въ своихъ покоехъ, а не торжественно, и стоя цѣловался съ нимъ братски, но не упустилъ случая посадить его наравнѣ съ кардиналами, на низкое сѣдалище, подлѣ своего высренняго престола. Прочіе Епископы цѣловали щеку и руку Евгенія, какъ прилично Патріарху, и такимъ образомъ, уже съ первой минуты, поселилась взаимная холодность и недоувѣрчивость между тѣми, которые должныствовали устроить миръ церковный. (Книга IV, гл. 19—22.)

III.

СОБОРЪ ВЪ ФЕРРАРЬ.

Начались новыя распри, о устроеніи мѣстъ въ митрополіи Феррарской, для вселенскаго Собора. Папа хотѣлъ председательствовать на престолѣ, Императоръ и Патріархъ не соглашались. Послѣ многихъ прѣвій рѣшились поставить, на срединѣ церкви, наложь съ Евангеліемъ, по правую сторону онаго престолъ для Папы, и подлѣ для Императора Германскаго, (котораго тогда не было, ибо Сигизмундъ скончался), съ лѣвой же стороны наложь, сперва тронъ Императора Греческаго, потомъ патріаршій, такъ чтобы вся Церковь Восточная была на одной сторонѣ, Западная же на другой, а между ними поставили скамью для нищихъ вступить въ состязаніе; но и тутъ, возвышеніе и убранство трона папскаго, возбудили жалобы Патріарха, и съ негодованіемъ воскликнулъ Императоръ: что онъ видитъ только, въ приготовленіяхъ соборныхъ, одну гордость житейскую, чуждую всякаго духовнаго приличія. (гл. 26.)

Съ большими трудомъ могли также вымолить у Папы, чтобы, во исполненіе его обѣщанія, раздаваемы были, въ руки Императора и Епископовъ, деньги на ихъ содержаніе, вмѣсто ежедневной пищи, которую хотѣлъ удѣлять имъ, какъ нищимъ, и въ продолженіе всего Собора, въ Феррарь и Флоренціи, жалованье сіе было непрестаннымъ предметомъ распрей и жалобъ, а также однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ, какія употреблялъ Папа для порабощенія Грековъ: ибо онъ замедлялъ нарочно выдачу денегъ до послѣдней крайности, такъ что нѣкоторые Епископы продавали свои одежды, и выдавалъ деньги, какъ милость, большею частію, когда соглашались на какое либо благопріятное ему предложеніе. (гл. 28.)

Произошли перемѣны и въ назначеніи мѣстоблюстителей патріаршихъ, по волѣ Императора, но не безъ затрудненій и взаимныхъ несогласій: Митрополитъ Антоній Ираклійскій и духовникъ Григорій

избраны были въ лицѣ Александрійскаго; Маркъ Ефесскій и Исидоръ Русскій въ лицѣ Антиохійскаго, а Діонисій Сардійскій въ лицѣ Іерусалимскаго; по смерти же сего послѣдняго, Маркъ Ефесскій, какъ ревностный поборникъ Церкви, представлялъ на Соборѣ двухъ Патріарховъ, Антиохійскаго и Іерусалимскаго. (гл. 29.)

Съ трудомъ согласился Папа уступить Патріарху, даже малый монастырь, для богослуженія исключительно православныхъ, и когда болѣзнь престарѣлаго Іосифа замедляла открытіе Собора, рѣшился начать засѣданія безъ него, въ присутствіи Императора и мѣстоблюстителей, на страстной недѣлѣ, 3 Апрѣля 1438 года, провозглашеніемъ Собора, на Латинскомъ и Греческомъ языкахъ. Дальнѣйшія засѣданія отложены были на четыре мѣсяца, въ ожиданіи пришествія пословъ отъ Европейскихъ Государей, ибо Евгенийъ отправилъ для сего легата въ Галлію и ожидалъ также участія князей Германскихъ; но всѣ громкія обѣщанія, о пышныхъ посольствахъ, которыхъ ожидалъ отъ Короля Франціи, остались тщетными, равно какъ и пустымъ пребылъ тронъ Императора Германскаго; Соборъ Базельскій поколебалъ довѣренность Западныхъ владыкъ; явились только посланники отъ Герцога Бургундскаго, оскорбившіе дерзкимъ своимъ поведеніемъ Императора Греческаго; Митрополитъ Исидоръ Россійскій съ Епископомъ Суздальскимъ Авраміемъ и нѣсколькими пресвитерами, пришли восполнить Церковь Восточную, а Западная считала на Соборѣ около двухъ сотъ Епископовъ, большею частію Италіанскихъ, которые потомъ во множествѣ разошлись изъ Феррары, отъ бездѣйствія и чумы. (гл. 31.)

Между тѣмъ Папа Евгенийъ, желая, чтобы распространилась повсюду молва, о дѣяніяхъ Собора Феррарскаго, и чрезъ то упалъ бы въ общемъ мнѣніи Соборъ Базельскій, ему непріязненный, предложилъ Императору частныя совѣщанія между Епископами обѣихъ Церквей, до открытія торжественныхъ засѣданій, и были избраны со стороны православныхъ: Маркъ Ефесскій, Виссаріонъ Никейскій съ тремя другими Епископами, со стороны же Римлянъ: кардиналы Іуліанъ и Фирміанъ, Андрей Епископъ Родосскій, бывшій нѣкогда православнымъ, и учитель или проповѣдникъ двора папскаго Іоаннъ. Императоръ дозволилъ говорить только Марку и Виссаріону, надѣясь на силу ихъ слова, и строго запретилъ имъ касаться главныхъ предметовъ: исхожденія Духа Святаго и опрѣсноковъ, доколѣ не начнутся торжественныя собранія; но и въ двухъ другихъ предметахъ: чистилищѣ и власти папской, велѣлъ соблюдать крайнюю осторожность, чтобы на

частныхъ сходкахъ не повредятъ послѣдующимъ прѣніямъ. Когда же Маркъ предложилъ на выборъ Римлянамъ два послѣдніе предмета, они предпочли разсуждать о чистилищѣ, какъ о вопросѣ менѣе опасномъ. Но прѣнія сіи, весьма многословныя съ обѣихъ сторонъ, не произвели ничего удовлетворительнаго, ибо каждая осталась при своемъ мнѣніи, хотя Маркъ говорилъ, что не столь велико различіе по сему предмету, сколько предполагали. (Кн. V, гл. 3, 13.)

„Римляне исповѣдуютъ, и въ вышнемъ вѣкѣ, (т. е. до страннаго суда) огонь и очищеніе огненное, въ будущемъ же не чистительный огонь, но вѣчный; исповѣдуютъ, во времени, очищеніе душъ огнемъ, и тѣмъ искупленіе отъ грѣховъ: такъ, что кто согрѣшилъ много, освободится послѣ долговременнаго чистилища, кто же мало, скорѣе разрѣшится также съ помощію молитвъ Церкви.—И такъ Римляне признаютъ огонь, и временный и вѣчный, и первый называютъ чистительнымъ.“

„А Греки предполагаютъ огонь только въ вѣчности (основываясь впрочемъ на словахъ Писанія), однако признаютъ и временное наказаніе душъ, т. е. что души обремененныя грѣхами, отходятъ въ мѣста мрачныя, въ мѣста плача, гдѣ пребываютъ до времени въ плачѣ и наказаніи, лишеными божественнаго свѣта; очищаются же, т. е. изъ сего мрачнаго и плачевнаго мѣста разрѣшаются, молитвами, приношеніемъ безкровной жертвы, милостынею, а не огнемъ;“ (Tom. 32. Conciliorum pag. 28.)

„Взаимно потребовали изложенія догматовъ на бумагѣ и новыхъ объясненій, которыя опять остались безъ успѣха. А между тѣмъ пришла вѣсти изъ Царьграда, что Султанъ Амуратъ хочетъ осадить столицу, и тщетно умолялъ Императоръ Папу послать на помощь галеры. Евгенийъ требовалъ ихъ отъ Венеціи, или денегъ для ихъ содержанія, но Венеціане не доверяли денегъ Папѣ, и одно только провидѣніе спасло на сей разъ Константинополь. Такъ бѣдственно было положеніе Епископовъ Греческихъ въ Феррарѣ, что многіе хотѣли тайно удалиться въ Венецію и Царьградъ, какъ то Митрополиты Ираклійскій и Ефесскій, но ихъ удержалъ строгій указъ Императора, который самъ проводилъ время въ бездѣйствіи на ловлѣ, поселившись въ загородномъ монастырѣ; болѣзненный Патріархъ также ничего не предпринималъ къ успѣшному окончанію дѣла. Жалобы Святителей Греческихъ побудили ихъ наконецъ требовать отъ Папы продолженія засѣданій, шесть мѣсяцевъ спустя послѣ открытія Собора, на такихъ условіяхъ, чтобы Греки имѣли право предлагать вопросы Римлянамъ, и для сего

опять назначены были Маркъ Ефесскій и Виссаріонъ Никейскій. (гл. 12. кн. VI, гл. 6, 14.)

Но пятнадцать засѣданій, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, бывшія въ палатахъ папскихъ, не подвинули дѣла. Они протекли въ прѣспіяхъ, о исхожденіи Духа Святаго, утомительныхъ многословіемъ состязавшихся, которые старались выказать свое краснорѣчіе; одинъ Маркъ Ефесскій отличался твердостью отвѣтовъ, основанныхъ на прямомъ смыслѣ Св. Писанія. Онъ требовалъ настоятельно, вопреки желанію Римлянъ, чтобы вмѣсто разсужденій, читаны были опредѣленія вселенскихъ Соборовъ о догматахъ вѣры, и наипаче о томъ, чтобы ничего не прибавлять къ символу; православные, съ общаго предварительнаго согласія, сильно опирались на сіе постановленіе, дабы, примышля и явнымъ его смысломъ, отклонить хитросплетенія Римскія въ поясненіи самыхъ догматовъ. (гл. 18.)

Замѣчательно, что послѣ втораго засѣданія, два кардинала, съ нѣсколькими Епископами Латинскими, приходили къ Патріарху, гдѣ находился Императоръ и Святители православные, отклонять ихъ отъ торжественнаго чтенія правилъ вселенскихъ на Соборѣ, предлагая домашнее о томъ изслѣдованіе; но православные единодушно настояли въ своемъ требованіи, не смотря на всѣ сопротивленія и отговорки; посему Римляне старались, чтобы послѣдующія засѣданія были менѣе торжественны и многолюдны. (гл. 19.)

Когда прочитали правила Ефесскаго Собора, Маркъ Ефесскій сказалъ: „на третьемъ вселенскомъ Соборѣ читанъ былъ также символъ, составленный Несторіанами, о коемъ упоминаемо было на шестомъ дѣяніи, и отцы соборные, сказавъ о немъ свое мнѣніе, постановили единодушно: что символъ Никейскій должно сохранить неизмѣннымъ и непоколебимымъ, и что не позволено ничего къ нему приложить или отъ него убавить, или предложить иное исповѣданіе, подъ страхомъ изверженія клирика и анаемы мирянамъ. По причинѣ сего запрещенія не дерзнули и отцы соборные въ Ефесѣ, приложить къ символу наименованіе Матери Божіей, столь необходимое противъ Несторіанъ.“ (Ист. Флери кн. СII, гл. 99.)

Такъ недобросовѣстны были дѣйствія Римлянъ, что въ предложенныхъ ими актахъ седьмаго вселенскаго Собора, символъ Никейскій обрѣли съ приложеніемъ „и отъ Сына,“ и они дерзали даже увѣрять Грековъ, будто рукопись сія есть подлинная и древность ея доказана исторически. „Если бы это было истинно, отвѣчали Греки, то всѣ

ваши ученые богословы, и наипаче Тома Аквинскій, не старались бы доказывать приложеніе къ символу, безчисленными доводами и ссылками на древнія книги; достаточно было бы и сего одного, но они молчатъ о томъ.“ Когда же кончилось чтеніе Соборовъ вселенскихъ, съ замѣчаніями на нихъ Марка Ефесскаго, многіе изъ любителей истины, между монашествующими Латинскими, невольно сознались, что дотолѣ ничего подобнаго не слышали и жаловались на своихъ учителей, превознося Марка и правду Грековъ. Сановники же Римскіе, именовъ Папы, приказали имъ умолкнуть, какъ невѣждамъ, и не разглашать такіе слухи въ народѣ. Андрей, Родосскій Епископъ, защищавшій сторону Римскую, предлагалъ въ удостовѣреніе того, что приложеніе къ символу не было главною причиною разрыва, отрывокъ изъ неполнаго посланія св. Максима, который говорилъ, что и въ его время существовало уже сіе приложеніе, и православные почли весьма для нихъ полезнымъ, что Латиняне приводили въ свидѣтельство отрывки письма, которое нигдѣ не обрѣтается въ цѣлости, и даже искаженный текстъ актовъ соборныхъ, по принятому ими обычаю измѣнять писанія святыхъ Отецъ. Однако, въ послѣдующихъ собраніяхъ, Римляне уже не хотѣли болѣе говорить ни о письмѣ, ни о рукописи. — Когда же на седьмомъ засѣданіи Митрополитъ Никейскій спросилъ рѣшительно: „относятся ли каноны и опредѣленія Соборовъ вселенскихъ прямо къ символу вѣры, или къ чему другому?“—состязатели Римскіе, совѣщавшіе нѣсколько между собою, у трона папскаго, ничего не отвѣчали, и Андрей Родосскій старался пространною рѣчью замѣть вопросъ. Съ тѣхъ поръ Римляне домогались перенести прѣніе, отъ неправильности приложенія къ истолкованію самаго догмата, о исхожденіи Св. Духа. Но православные, соединясь у Патріарха, твердо положили не отклоняться отъ перваго вопроса, ибо чувствовали, что Римляне, по неимѣнію на то отвѣта, усиливается вытѣснить ихъ изъ неприступной крѣпости. (Скиропула кн. VI, гл. 19, 20, 21, 22, 23.)

Однако же хитрость Латинская превозмогла: кардиналы непрестанно приходили убѣждать о томъ Патріарха, страдавшаго на болѣзненномъ одрѣ; а Императоръ, вынужденный оставить загородный монастырь, по возмущенію поселянъ за его непрестанныя ловли, и подстрекаемый желаніемъ окончить скорѣе прѣніе соборное, для возвращенія въ Царьградъ, принудилъ наконецъ своихъ Епископовъ удовлетворить требованіямъ Латинянъ. Тщетно благоразумнѣйшіе представляли ему, что если Римляне, въ вопросѣ о приложеніи къ символу, для нихъ

неблагопріятнонь, до такой степени обольщаютъ ложными доводами, что даже осмѣливаются утверждать, будто до нихъ не касаются опредѣленія соборныя по сему предмету: — то чего же ожидать отъ нихъ, когда коснутся догмата, о коемъ заранѣе уже торжествуютъ, приводя по произволу свидѣтельства своихъ отцевъ, невѣдомыя православнымъ? Укрѣпляемые властію Папы, не разгласятъ ли они по всему міру, что ясное солнце доказали свое мнѣніе, когда не стыдятся провозглашать правильнымъ приложеніе къ символу, вопреки всякой правдѣ, которую ничѣмъ не могли доказать! Императоръ положилъ рѣшить вопросъ сей, по большинству голосовъ, на частномъ совѣщаніи у Патріарха, и, вопреки мнѣнія самаго Юсифа, рѣшились приступить къ прѣвію о исхожденіи Св. Духа. (Кн. VII, гл. 2, 5, 7, 10.)

На предпоследнемъ засѣданіи соборномъ, бывшемъ въ Феррарѣ, громко вопіялъ еще разъ Маркъ Ефесскій, въ слухъ Римлянъ, противъ неправильнаго ихъ приложенія. Онъ умолялъ возвратить символъ, въ томъ же неизмѣнномъ видѣ, въ какомъ нѣкогда сами пріяли его изъ Царьграда, и отринуть малое приложеніе, что ни сколько не повредитъ имъ, а принесетъ великую пользу, ибо примиритъ Христіанъ между собою, и тогда, едиными устами и единымъ сердцемъ, будутъ вкупѣ славить великолѣпное имя Пресвятой Троицы. (Concil. T. 32, pag. 214.)

Новое огорченіе возмутило православныхъ; давно уже носились слухи, что по случаю чумы, недостатка припасовъ и опасности отъ своихъ недоброжелателей, Папа хочетъ перенести Соборъ во Флоренцію; Императоръ старался успокоить своихъ Епископовъ, увѣряя ихъ, что никакъ не согласится оставить Феррару. Но, въ началѣ 1439 года, Папа прислалъ рѣшительно объявить Императору, что не имѣетъ средствъ продолжать Собора въ Феррарѣ, и что Флорентинцы предлагаютъ отъ себя 400,000 золотыхъ, дабы только перенесенъ былъ Соборъ въ ихъ городъ. Онъ же, съ своей стороны, обѣщаетъ тамъ Грекамъ содержаніе общественное и отпускъ послѣ четырехъ мѣсяцовъ, съ тремя вооруженными галерами и 12,000 золотыхъ. (pag. 218.)

Сильно воспротивились православные еще большему отдаленію отъ своей родины, послѣ долгаго и бесполезнаго пребыванія въ Феррарѣ. Они подозрѣвали нахѣреніе Папы вынудить ихъ согласіе во Флоренціи; съ великимъ трудомъ, почти насильственно, могъ убѣдить Императоръ сперва Патріарха, потомъ Епископовъ, согласиться на предложеніе Евгенія, чтобы не сдѣлать тщетнымъ ихъ путешествія и дотолѣ

понесенныхъ бѣдствій; совершенный недостатокъ въ деньгахъ, для ежедневной пищи, служилъ сильнымъ убѣжденіемъ покориться волю тѣхъ, въ чьи руки безразсудно предался; стараясь отнять всякую возможность бѣгства, Императоръ объявилъ, что всякое судно Греческое, направляемое въ Венецію, предано будетъ пламени. Въ митрополи Феррарской провозглашено было перенесеніе Собора во Флоренцію, и Папа съ великимъ торжествомъ выступилъ изъ города; но потомъ, опасаясь враждебнаго нападенія, съ малымъ числомъ служителей, почти бѣжалъ во Флоренцію. Императоръ же, предоставивъ Флорентинцамъ сдѣлать сперва торжественную встрѣчу Патріарху, чтобы восполнить ему недостатокъ почести въ Феррарѣ, самъ, съ великою пышностію, принять былъ народомъ, и такимъ образомъ устроился новый Соборъ во Флоренціи. (Кн. V, гл. 15.)

IV.

СОБОРЪ ФЛОРЕНТИНСКІЙ.

При самомъ началѣ Флорентинскаго Собора, положено было, безъ всякихъ отговорокъ, соединиться для прѣній, по три раза въ недѣлю; но условіе это не было исполняемо, съ обѣихъ сторонъ, и прежде бездѣйствіе возобновилось, по тѣмъ же причинамъ: Римляне настаивали на унію, а Греки, мучимые голодомъ и нуждою, безпрестанно совѣщались между собою, то у Патріарха, то у Императора, ибо не знали какъ выдти изъ столь затруднительнаго положенія, и сначала нѣкоторые, а потомъ многіе изъ ихъ числа, стали малодушествовать и уступать; отъ сего возникли внутреннія несогласія, а Римляне безпрестанно укоряли ихъ въ медленности. Но хотя они испросили себѣ у Палеолога, втайнѣ отъ Епископовъ, право предлагать вопросы православнымъ, вмѣсто того чтобы отвѣчать на оныя, какъ въ Феррарѣ, однако доколѣ продолжались совѣщанія соборныя о исхожденіи Духа Святаго, Маркъ Евѣскій не давалъ имъ торжествовать. Его доводы были такъ тверды и ясны, что Римляне большею частію уклонялись отъ прямыхъ отвѣтовъ, обращаясь то къ жалобамъ, на

несоблюдение будто бы порядка въ состязаніяхъ, то къ нѣкоторымъ свидѣтельствамъ изъ книгъ сомнительныхъ, и усиливались одержать поверхность діалектическими изворотами. Въ двадцать третье засѣданіе Маркъ Ефесскій принужденъ былъ сказать одному изъ своихъ противоборниковъ: „ты знаешь, почтенный отецъ, что всѣ бывшія засѣданія потрачены на два или на три изреченія, вами предложенныя.“ Къ сему присовокупилъ и Императоръ, обращаясь къ Римлянамъ: „ваша цѣль была всегда, чтобы безпрестанно говорить вамъ, а мы не находили бы времени.“ (Кн. VIII, гл. 1. Concil. T. 32, p. 365.)

Получивъ, посредствомъ сего обличенія, болѣе свободы продолжать свои доводы, Маркъ Ефесскій обратилъ между прочимъ вниманіе на составъ Никейско - Цареградскаго символа вѣры, и прочитавъ слова его: „вѣруемъ и въ Духа Святаго Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима,“ разсуждалъ: „здѣсь должно примѣтить намѣреніе святыхъ Отцевъ; ибо подлежащія слова суть развитіе богословія. Собору сему угодно было ясно показать образъ единенія Святаго Духа со Отцемъ и Сыномъ, и смотрите, какъ различительно опредѣляетъ онъ присвоеніе Духа Святаго Отцу и Сыну. Какъ бы такъ говоритъ онъ: Духъ Святой, отцами оными, сочисляется Отцу и Сыну, яко отъ Отца происходящій, со Отцемъ же и Сыномъ споклоняемый и славимый, т. е. равночестный и единосущный. Если бы Соборъ признавалъ его происхожденіе отъ обоихъ, то почему не сказалъ: „отъ Отца и Сына исходящаго, и съ ними споклоняема и славима?“ такъ слѣдовало бы сказать, если бы таково было мнѣніе Собора. Поелику же, въ первомъ случаѣ, отцы не упомянули о Сынѣ, когда хотѣли опредѣлить вину исхожденія; а во второмъ случаѣ упомянули, когда хотѣли показать равночестіе и единосущіе: то очевидно, что они не признавали исхожденія Духа Святаго и отъ Сына; ибо иначе не опустили бы сего, и особенно тогда, когда составляли изложеніе догмата. И что сіе изложеніе есть совершеннѣйшее, а не полусовершенное, какъ вы говорите, сіе видно изъ того, что ни одинъ изъ послѣдующихъ Соборовъ не сдѣлалъ на сіе изъясненіе новаго изъясненія, и не прибавилъ исхожденія и отъ Сына; напротивъ того всѣ Соборы, своими опредѣленіями, возбранили сіе и запретили, какъ бы пророчески провидя то, что у васъ имѣло случиться.“ (Concil. Florent. sess. XXIII.)

Когда Маркъ кончилъ рѣчь, въ которой содержалось сіе примѣчательное изложеніе символа и многія свидѣтельства отцевъ, въ пользу

Восточнаго догмата, Іуліанъ кардиналъ, вмѣсто того, чтобы признать справедливость доводовъ, или доказывать противное, далъ только слѣдующій отвѣтъ Марку: „поелику ты сказалъ, что тебѣ нужно, то справедливость требуетъ, чтобы ты отвѣчалъ на сказанное Іоанномъ провинціаломъ;“ то есть онъ вновь обращалъ споръ къ одному изъ тѣхъ немногихъ изреченій, на которыя, какъ жаловался Маркъ, потрачены были всѣ засѣданія.

Подъ конецъ сего послѣдняго провинціалъ Іоаннъ объявилъ, что Римская Церковь признаетъ единую токмо причину Сына и Духа, т. е. Отца, и не исповѣдуетъ двухъ началъ или двухъ причинъ, но единуючину и начало, предавая противно себѣ мыслящихъ анаемѣ. (Concilium T. 32, pag. 381.)

На этомъ словѣ кончилось засѣданіе и православные обрадовались, что Римляне признали Отца, какъ единую причину Сына и Духа, а не два начала. Императоръ, соединивъ своихъ Епископовъ у Патріарха, сказалъ, что во избѣжаніе гоненія, горчайшаго нежели какое было при Діоклитіанѣ, должно думать о средствахъ соединенія, потому что провинціалъ Іоаннъ явно исповѣдалъ на Соборѣ, единое начало Сыну и Духу во Отцѣ, и Римляне прислали къ нему даже сіе исповѣданіе на бумагѣ. (pag. 383.)

Не здѣсь ли можно помѣстить то, что рукопись Ватиканская говоритъ, о колебаніи Папы и дѣйствіяхъ В. Магистра Родосскаго? ибо хотя дальнѣйшіе факты, въ ней описанныя, не совсѣмъ сходны съ истиною, но здѣсь однако есть убѣдительная сообразность съ обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что самъ Императоръ, въ текстѣ, приведенномъ Римлянами, предостерегаетъ о гоненіяхъ Діоклитіановыхъ.

„Такъ долженъ былъ кончиться Соборъ Флорентинскій: написали грамоту соединенія, которая начиналась тѣмъ, что Богъ Отецъ единая причина, а Духъ Святый причину имѣетъ отъ Отца; постановили на другой же день приложить руки къ сей грамотѣ. Но сатана внушилъ злую ревность великаго Родоса Ипату, Магистру богатому; а съ нимъ было войска 2000 человекъ. Ночью Магистръ Родосскій отправился къ Папѣ Евгенію и спросилъ его: „для чего уступилъ онъ тому издавна упорному и гордому Грецкому народу?“ Евгеній отвѣчалъ Магистру, что уступилъ не народу, а доводамъ текстовъ, для общаго покоя. Магистръ припомнилъ Евгенію предѣстниковъ его Папъ, которые навсегда расторгли „общеванье съ народомъ Сирскимъ и надутымъ Грецкимъ.“ Онъ укорялъ Папу въ томъ, что онъ попираетъ

учрежденія бывшія и гаситъ тѣмъ славу Западныхъ народовъ. Многіе кардиналы и Епископы, приглашенные Магистромъ, помогали ему въ увѣщаніяхъ. Евгений не рѣшался еще нарушить данное слово, но Магистръ грозилъ употребить силу противъ самаго Цезаря Палеолога, если Папа не нарушитъ своего обѣщанія. Кардиналы удержали пылъ Магистра и сказали ему, что можно склонить Цезаря обѣщаніями, Патріарха деньгами, потому что „Грекъ за злато себѣ очи вылупить;“ только съ Маркомъ Ефесскимъ трудно будетъ сладить, но противъ него найдутся тайныя средства. И Папа Евгений далъ наконецъ, какъ будто противъ воли, позволеніе Родосскому Магистру и кардиналамъ расторгнуть Соборъ Флорентинскій,

Въ ту же ночь послали сказать всѣмъ своимъ кардиналамъ и Епископамъ „чтобы они для замкненія уніи не въ церковь приходили, а къ Папѣ.“ Наступило утро; Восточные съ радостію текутъ въ соборный храмъ, ничего не вѣдая о бывшемъ ночномъ совѣтѣ, и дожидаются до вечера; поздно уже узнали они объ умыслѣ, но не хотѣли вѣрить; послали спросить о томъ оратора Яна; отвѣтъ его убѣдилъ ихъ въ обманѣ. Немедленно побѣжали они къ Цезарю, но у него уже находились кардиналъ Іуліанъ и два Епископа, которые подсланы были отъ Папы, съ подарками и обѣщаніями. Отчаявшись найти помощь въ Императорѣ, они съ воплемъ печали стали расходиться.“ (Жур. Мин. Прос. 1841, кн. 1.)

Поелику же Римляне прислали православнымъ нѣсколько свидѣтельствъ, въ пользу своего мнѣнія изъ отцевъ Западныхъ, то Императоръ хотѣлъ знать о нихъ мнѣніе Святителей Греческихъ. Маркъ Ефесскій отвѣчалъ, что едва ли свидѣтельства отцевъ Западныхъ, которыми превозносятся Римляне, извлечены изъ сихъ отцевъ, и потому должно ихъ отвергнуть, какъ незаконныя; когда же нѣкоторые изъ Епископовъ возстали противъ строгости его мнѣнія, оскорбительнаго для святыхъ отцевъ, онъ опять сказалъ: „уважаю отцевъ, но доселѣ ничего не видѣлъ и не слышалъ отъ нихъ подобнаго, и потому выраженія сомнительныя слѣдуетъ въ нихъ опустить; ибо я могу доказать, что предложенныя свидѣтельства не суть мнѣнія вселенской Церкви, но явились послѣ отдѣленія Римскаго.“ Наконецъ онъ согласился, вмѣстѣ съ прочими, предложить Римлянамъ, въ основаніе союза, письмо Максима исповѣдника, на которое сперва они сами ссылались; святой Максимъ такъ выразился: „свидѣтельства Римскихъ отцевъ согласны съ толкованіемъ Кирилла Александрійскаго на Іоанна: „что Сынъ не есть вина Духа, ибо одна

только вина Сына и Духа—Отецъ, единого по рожденію, другаго же по исхожденію; а что у него говорится, якобы Духъ происходитъ чрезъ Сына, сіе для того, чтобы показать, что они суть того же существа и безъ всякаго различія.“ (Скир. кн. VIII, гл. 2. Concil. T. 32, pag. 384.)

Но Римляне не согласились на такое предложеніе, и чтобы исправить свое пораженіе, потребовали новыхъ засѣданій; Императоръ, желая только найти средства къ миру, чтобы удалиться въ Царьградъ, (ибо еще разъ прислали просить у него помощи и онъ опять тщетно просилъ ее у Папы), запретилъ Антонію Ираклійскому и Марку Ефесскому идти на засѣданіе; онъ зналъ, что Маркъ никакъ не согласится уступить, и съ тѣхъ поръ самъ безпрестанно совѣщался втайнѣ съ протосингеломъ Григоріемъ, бывшимъ въ послѣдствіи Патриархомъ, и съ двумя избѣнившими православію Митрополитами, Никейскимъ и Россійскимъ, удаливъ отъ себя всѣхъ прочихъ. Они положили между собою, всѣми средствами, дѣйствовать къ совершеному единству, и это было причиною безпрестанныхъ распрей съ Маркомъ и Антоніемъ. Протосингелъ же Григорій, посреди всеобщей нищеты, возникавшей отъ того, что Папа не хотѣлъ платить условленнаго содержанія, нарочно возбуждалъ умы служителей и воиновъ царскихъ, отсылая ихъ за жалованьемъ къ Марку Ефесскому, какъ единственной препонѣ общаго спокойствія. (pag. 385. кн. VIII, гл. 4, 5, 6, 8.)

Однако, на двухъ послѣднихъ торжественныхъ засѣданіяхъ, когда провинціалъ Іоаннъ нагло вызывалъ на состязаніе отсутствующаго Марка, какъ бы побѣжденнаго, и распространялся въ многословныхъ рѣчахъ, Императоръ и потомъ Митрополитъ Исидоръ отвѣчали ему: „что Ефесскій отсутствуетъ потому только, что всѣ они пришли на сей разъ, не для состязанія, а чтобы исполнить ихъ требованіе, по условію являться въ назначенные для засѣданія дни; отвѣта же болѣе давать не будутъ, и что текущій одинъ на поприщѣ, напрасно почитаетъ себя побѣдителемъ, когда никто съ нимъ не спорить.“ (Concil. T. 32. pag. 386, 390.)

Послѣ сего не было болѣе соборныхъ засѣданій, но православные часто сходились между собою въ келліи патриаршіи, и когда Исидоръ совѣтовалъ лучше соединиться, нежели разойтись съ неконченныи дѣломъ, ибо не предвидится и средствъ къ свободному удаленію, Митрополитъ Монеивасійскій, заступавшій, вмѣстѣ съ Маркомъ, мѣсто Патриарха Іерусалимскаго, воскликнулъ: „чего же хотите? возвратиться

ли въ отечество, даянками Папы, и продать наши догматы? — лучше умереть, нежели латинствовать!“ (pag. 391.)

Послѣ многихъ совѣщаній, на которыхъ Никейскій Митрополитъ старался убѣдить, что Восточные отцы, одинаково съ Западными, признаютъ исхожденіе Духа и отъ Сына, Ефесскій же доказывалъ порчу книгъ Римлянами и истинный смыслъ отцевъ, а Папа, чрезъ своихъ посланныхъ, требовалъ, чтобы вопреки прежнихъ вселенскихъ Соборовъ и обычаевъ, православные и Римляне, произнесли странную клятву, надъ тѣломъ Христовымъ, чье мнѣніе признаютъ справедливымъ:— Императоръ, обще съ Патріархомъ, рѣшились послать такой отзывъ Папѣ:— „что еще спорить? не хотимъ болѣе судить и быть судимыми, ибо нѣтъ пользы отъ словопрѣвія. Каждый изъ насъ остается убѣжденнымъ въ справедливости своего мнѣнія и не согласится измѣнить оное: ни мы прибавимъ слово къ символу, ни вы изъ него убавимъ.— И такъ, вмѣсто тщетныхъ клятвъ, поищи иное средство къ соединенію; если же нѣтъ, то да возвратимся съ миромъ въ отечество;“ но Папа не далъ рѣшительнаго отвѣта, а только обѣщавъ прислать кардиналовъ посовѣтовать съ Императоромъ. (pag. 399.)

Опять начались частныя сходы, между православными и Римлянами, но и тѣ ничего не произвели, равно какъ и взаимныя разсужденія, изложенныя на хартіи. При личномъ свиданіи, Папа упрекалъ Императора, что допускаетъ Грековъ, не давая дальнѣйшаго изъясненія на слова св. отцевъ, о догматѣ исхожденія Святаго Духа; Государь отвѣтствовалъ, что онъ не есть владыка Собора, не хочетъ тиранническимъ образомъ соединенія и не можетъ принудить своихъ давать, противъ воли и совѣсти, отвѣты. Потомъ когда еще разъ, Папа жаловался посланнымъ отъ Императора, на медленность и бездѣйствіе Грековъ, Исидоръ Митрополитъ отвѣчалъ: что великія дѣла требуютъ большаго времени, которое однако не проходитъ въ праздности, ибо уже четыре года, какъ стараются непрерывно совершить соединеніе Церкви. Возвратившись же къ Императору, Митрополитъ Россійскій съ Никейскимъ, Лакедемонскимъ и Митилеискимъ, объявили рѣшительно, что если не хочетъ соединенія, они присоединятся и безъ него. Слово сѣе весьма устрашило Императора и онъ опять созвалъ своихъ Епископовъ, которымъ Никейскій старался доказать, писаніями отступника Патріарха Векка, справедливость мнѣній Латинскихъ, и что слова „отъ и чрезъ“ однозначущи; но Маркъ Ефесскій, словами св. Григорія

Нисскаго, доказавъ истинный смыслъ сихъ выраженій. (pag. 473, 481, 484, 485. Скироп. кн. VIII, гл. 13, 15, 16.)

Положено было наконецъ: составить такую формулу исповѣданія, которая бы могла быть принята и Римлянами и Греками, ибо въ ней каждый сохранялъ свое мнѣніе, не отвергая и мнѣнія противнаго. Но когда стали читать сіе странное исповѣданіе, оно произвело шумное прѣніе и раздоръ, между православными и латинствующими. Изъ числа ихъ, кромѣ Марка, сильно воспротивился Ираклійскій Антоній, говоря, что Императоръ сдѣлалъ тщетными все ихъ надежды; Моневасійскій же напомнилъ ему горькій примѣръ дѣда его Михаила Палеолога. Приступили къ голосамъ; одни зывали: „утверждаемъ!“ другіе нѣтъ; для умноженія числа голосовъ, Лакедемонскій предложилъ Императору принять, вопреки всехъ правилъ, голоса мірскихъ писмоводителей, и по большинству 24 противу 12, рѣшились отослать исповѣданіе къ Римлянамъ, которые предложили на оное 12 своихъ вопросовъ, чтобы тѣмъ заставить Восточныхъ совершенно признать ихъ мнѣніе, безъ всякихъ опущеній или оговорокъ; но Императоръ убоялся обнаружить Собору сіе писаніе Римское. (гл. 17, 18.)

Между тѣмъ ежедневныя совѣщанія, то у Царя, то у Патріарха, колебали непрестанно умы и сердца православныхъ, насильственно влекомыхъ къ уніи. Никейскій приводилъ ложныя или искаженныя свидѣтельства, то изъ св. Кирилла, то изъ Елифанія, чтобы Восточными отцами оболъстить Восточныхъ; Императоръ, одушевляемый одною только мыслию, возвращенія въ отечество, забывалъ все прочее и полагалъ, что совѣсть его останется совершенно спокойною, если приметъ новый догматъ отъ лица цѣлаго Собора, почитаемаго имъ за вселенскій; болѣзненный Патріархъ малодушествовалъ на смертномъ одрѣ, внимая прѣніямъ Епископовъ, то лести Никейскаго и Русскаго, то твердости Ираклійскаго и Ефесскаго. Многіе приступали къ Марку, умоляя его смягчиться; онъ отвѣчалъ „что въ защитѣ вѣры нѣтъ снисхожденія;“ когда же они увѣрили, что различіе между двумя исповѣданіями такъ незначительно, что если только пожелаетъ, можно согласиться утвердить союзъ; Маркъ опять возразилъ: „вспомните, какъ уговаривалъ правитель области св. Θεодора Студита, однажды только сообщиться съ еретиками, и потомъ дѣлать все, что ему угодно, и какъ отвѣчалъ ему Святой: „знаешь ли на что похоже твое предложеніе? позволь мнѣ отрубить тебѣ голову и потомъ иди куда

хочешь; ибо часто въ догматахъ весьма важно то, что кажется для нѣкоторыхъ неважнымъ.“ (Кн. IX, гл. 4, 6, 7.)

Наконецъ, когда Императоръ видѣлъ уже большую часть Епископовъ на своей сторонѣ, онъ предложилъ опять рѣшить дѣло головами, по внушенію Никейскаго, какъ будто бы на основаніи отцевъ Восточныхъ, о исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына. Патріархъ не соглашался обнаружить прежде всѣхъ своего мнѣнія, но другіе принудили его говорить первымъ, и онъ выразился такъ двусмысленно, что многіе приняли слова его за отверженіе догмата Латинскаго; послѣ него семнадцать Епископовъ также отринули сей догматъ, а десять приняли. Императоръ хотѣлъ даже отобрать голоса мирянъ, но Патріархъ воспрепятствовалъ и собраніе разошлось. (гл. 8.)

Тогда приступилъ съ льстивыми рѣчами Митрополитъ Исидоръ къ Патріарху, увѣряя его, что если онъ будетъ на ихъ сторонѣ, то всѣ согласятся; слабый Іосифъ опять двусмысленно отвѣчалъ, что ему самому неприятно постыдное раздѣленіе ихъ малаго сонма и, призвавъ нѣкоторыхъ Епископовъ, упрекалъ ихъ зачѣмъ выдають его, не поддерживая мнѣнія, основаннаго на древнихъ отцахъ? Они же отвѣчали, что дѣйствуя такимъ образомъ, полагали быть съ нимъ единомысленными, ибо изъ разума словъ его понимали, что и онъ не признаетъ новаго догмата; но Патріархъ, къ крайнему удивленію, возразилъ, что имъ бы надобно было лучше вникать въ смыслъ его рѣчи, и что на слѣдующемъ собраніи объяснится точнѣе. Изъ сего видно, что малодушный Іосифъ, не смѣя изложить прямо своего мнѣнія, ожидалъ прежде, чтобы Епископы себя обнаружили; онъ призывалъ также и Марка, умоляя его, всеми Святыми и памятью отца его, согласиться на унію, но ничто не могло поколебать сего адманта.

Митрополитъ Исидоръ употреблялъ другія средства; онъ угостилъ, роскошнымъ пиршествомъ, нѣкоторыхъ изъ собратій и выманилъ у нихъ послѣ трапезы роковое согласіе; Императоръ же ублажилъ пословъ Трапезундскихъ и Молдовлахійскихъ, подсылая съ ласковыми словами и къ Епископамъ, а Митрополита Кнзическаго Митрофана, бывшаго потомъ Патріархомъ, склонилъ уступкою давно просимой имъ земли. (гл. 9.)

Наконецъ, на послѣднемъ совѣщаніи, въ присутствіи Императора, когда всѣ были уже приготовлены къ уніи, Патріархъ представилъ письменное свое мнѣніе такого содержанія: „поелику слышаны были свидѣтельства отцевъ Восточной и Западной Церкви, изъ коихъ нѣкоторые исповѣдуютъ исхожденіе Духа Святаго, отъ Отца и Сына, другіе

же, отъ Отца чрезъ Сына, и послѣду сіе есть одно и то же: мы однако опустили слово „отъ Сына“ исповѣдуемъ также, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, прежде всѣхъ вѣкъ и по существу своему, какъ отъ единого начала и вины, словомъ „чрезъ“ знаменуя вину исхожденія Духа Святаго.“

Послѣ Патріарха первый говорилъ Митрополитъ Ираклійскій, какъ мѣстоблюститель Александрійскаго престола, и отринувъ новый догматъ „отъ Сына;“ другой же мѣстоблюститель, протосингелъ Григорій, принялъ оный и союзъ съ Римлянами къ общему всѣхъ удивленію; ибо еще, за три дни предъ тѣмъ, онъ оспаривалъ дѣйствительность ихъ крещенія, совершаемаго безъ погруженія, вопреки истинному смыслу слова „вапизо“ (погружаю). Митрополитъ Трапезундскій не присутствовалъ по болѣзни и не хотѣлъ дать своего мнѣнія, не смотря на всѣ убѣжденія. Его примѣру слѣдовали Митрополиты Ефесскій, Монасвасійскій, Анхіальскій; прочіе согласились на унію, числомъ до тринадцати, и совратили еще шесть другихъ. Настоятелей обителей запрещено было подавать свои голоса, потому что знали ихъ твердость, а миряны спросили; Императоръ хотѣлъ принудить къ тому же своего брата Деспота Димитрія, котораго съ трудомъ могъ убѣдить возвратиться изъ Венеціи во Флоренцію; но онъ остался непоколебимъ и опять уѣхалъ въ Венецію, тотчасъ по смерти Патріарха, взявъ съ собою двухъ мудрейшихъ между Греками философовъ, Гемиста и Схоларія, бывшего Патріархомъ подъ именемъ Гекнадія, послѣ разоренія Царьграда. (Кн. IX, гл. 9, 10.)

Аврамій Суздальскій бѣжалъ въ Россію съ своими пресвитерами: Епископъ Иверскій, тщетно показывая другимъ грамату Патріарха Антиохійскаго, который умолялъ твердо стоять за догматы, наконецъ притворился безумнымъ и укрылся въ Венецію; посолъ же его земли, съ нимъ бывший, не убоялся обличить въ лице самаго Папу, за измѣненія, какія себѣ позволила Римская Церковь, почему и отсѣкла ее Восточная отъ своего общенія. Онъ совѣтовалъ ему исправить погрѣшности своихъ предшественниковъ; когда же, въ другой разъ, услышалъ провинціала Іоанна, въ доказательствахъ своихъ непрестанно ссылающагося на Аристотеля, Иверскій вельможа воскликнулъ: „говори намъ лучше о святыхъ Петръ и Павлъ, Богословъ и Златоустъ!“ (гл. 12.)

Императоръ, желая утвердить насильственный союзъ сей, объявилъ, что послѣ соборнаго рѣшенія уже никому не позволено измѣнять своего мнѣнія, подъ страхомъ наказанія, и велѣлъ сановникамъ вонскимъ

строго наблюдать за присоединившимися. Но сколь велико было собственное его удивленіе, когда пришедши къ Папѣ, съ радостною вѣстію о соединеніи Церкви, былъ принятъ холодно и услышалъ, что это только начало, недостаточное для совершеннаго единства. (гл. 13.)

Римляне настоятельно требовали, чтобы изъ присланнаго къ нимъ, новаго исповѣданія Грековъ, выкинуть былъ предлогъ „черезъ“ и, по словамъ Скрипула, Императоръ съ Патріархомъ начали расказываться въ своей поспѣшности къ униі; въ Латинскомъ текстѣ Собора, о томъ умолчено и не ясно видно, какъ послѣдовало согласіе на сіе предложеніе; но весьма замѣчательно, что когда Папа изъявилъ соизволеніе на принесенное Греками изложеніе, и Римляне обнялись съ ними въ его присутствіи, Евгенийъ внезапно предложилъ Митрополитамъ Русскому, Никейскому, Трапезундскому и Митиленскому, немедленно окончить прѣшіе и о другихъ предметахъ, какъ-то о чистилищѣ, опрѣсноксахъ, времени освященія даровъ и власти папской; — они отвѣчали, что это не частное дѣло, а всего Собора. Въ другой разъ Папа опять говорилъ имъ: „что осталось малое нѣкое недоумѣніе для совершеннаго единства,“ и велѣлъ имъ прочесть четыре предложенія, въ главѣ конихъ столпо; „что намѣстникъ Господа Іисуса Христа, на Апостольской кафедрѣ, сохраняетъ свои преимущества, и посему онъ въ правѣ, какъ верховный Первосвятитель, приложить къ символу те что приложено.“ (гл. 16. Conoii. T. 32 pag. 500, 501, 503.)

Посланные Греческіе опять возразили: „что они не въ правѣ отвѣчать безъ Императора, но дружески даютъ отъ себя частный отзывъ, что сіе предложеніе есть несправедливѣйшее, ибо какими образомъ можемъ имъ уступить Римской кафедрѣ право прибавлять что либо, безъ согласія своихъ братьевъ Патріарховъ? И такъ, хотя благочестиво то, что приложено къ символу, но приложившій безъ вѣдома соборнаго, не чуждъ вины. Если же угодно вамъ, то сознайтесь, что сіе несправедно учинили и впредь сего творить не будете, и такимъ образомъ получите прощеніе.“

Напрасно принуждалъ ихъ Папа отнести его предложеніе, на бумагѣ къ Императору; они отреклись, какъ неимѣющіе на то полномочія, и словесно передали, все происходившее, ему и Патріарху, предъ самымъ обѣдомъ. Вечеромъ же внезапно извѣстили ихъ, что Патріархъ скончался. Всѣ сбѣжались узнать, какъ онъ скончался? и отъ служителей его узнали, что послѣ трапезы онъ по обыкновенію удалился въ свою спальню, гдѣ, взявъ перо и чер-

нила, писалъ, по внезапно, объятый трепетомъ и чрезвычайнымъ волненіемъ, предалъ духъ. Въ написанной же имъ хартіи прочли слѣдующее:

„Поелику я достигъ предѣла моей жизни и готовлюсь воздать общій всѣмъ долгъ, приношу благодареніе Богу и излагаю мнѣніе мое открыто всѣмъ моимъ чадамъ. И такъ все, что исповѣдуетъ и чему учить Католическая и Апостольская Церковь Господа нашего Иисуса Христа, древняго Рима, то и самъ я исповѣдаю, и на все изъявляю мое согласіе. Исповѣдаю, для твердаго увѣренія всѣхъ, блаженнѣйшимъ отцемъ отцевъ и намѣстникомъ Господа нашего Иисуса Христа, Папу древняго Рима, также и чистилище душъ, и сіе для общей вѣры подписываю. Іюня 2, индикта втораго, 1439 года.“ (pag. 506.)

Какая странность, или лучше, какой явный подлогъ! Утромъ еще посланные къ Папѣ, отъ лица патриаршаго и царскаго, говорятъ, что не имѣютъ полномочія признать неограниченную власть Папы, и увѣдомляютъ о томъ самаго Патриарха, за часъ до его смерти; а при самой кончинѣ, столь внезапной, онъ подписываетъ то, о чемъ не было даже и рѣшенія во все продолженіе Собора; ибо самъ Патриархъ, какъ мы видѣли, съ большою настойчивостію, защищалъ всѣ свои малѣйшія преимущества и права, при торжественныхъ свиданіяхъ съ Папою. Хотя же Скиропуло не описываетъ въ подробности кончины Патриарха, говоря только о ея внезапности, — необходимо или отвергнуть сіе послѣднее завѣщаніе Іосифа, или вѣрить ужасному сказанію о его смерти, почерпнутому изъ рукописи Ватиканской.

„Патриархъ Іосифъ, видя обманъ и тиранство, раскаялся въ своемъ поступкѣ, отъ ушіи отступилъ и не подписывалъ. Составили подложную подпись; три монаха удушили его, а подпись какъ будто найдена была въ рукахъ умершаго.“

По смерти Патриарха, Римляне умножили свои усилія, для скорѣйшаго написанія формулы соединенія церковнаго, и кардиналы, непрестанно переходя изъ палатъ папскихъ въ царскія, убѣдили наконецъ, послѣ многихъ распрей, Императора, безъ Собора Греческаго, согласиться на четыре спорные предмета: о правильности приложенія къ символу, о безразличномъ употребленіи кваснаго хлѣба или опрѣснокъ, о чистилищѣ и власти папской; но Императоръ настоялъ, чтобы православные сохранили символъ свой неизмѣннымъ и освященіе даровъ, чрезъ призваніе Святаго Духа, по чину древнихъ литургій Василія Великаго и Златоуста. Такъ утомительны были Государю немѣстныя требованія Римлянъ, что онъ невольно воскликнулъ: „Рим-

лане думаютъ только о состязаніяхъ, и если бы кто изъ нашихъ предложилъ имъ предметомъ разсужденія, что Христосъ есть истинный Богъ нашъ, они и объ этомъ готовы бы спорить два дня. Но если бы не прельстили они на свою сторону нѣкоторыхъ изъ числа нашихъ, никогда бы не дерзнули дѣлать имъ столь непріятныхъ предложеній о власти папской.“ Онъ говорилъ такъ потому, что Никейскій и Русскій Митрополиты, старались чрезмѣрно ее возвеличить. (Кн. X, гл. 1, 3.)

Между тѣмъ Епископъ Митиленскій, достойный сотрудникъ сихъ двухъ измѣнниковъ, втайнѣ совѣтовалъ Папѣ, воспользоваться скудостью Грековъ и раздать имъ по рукамъ нѣкоторую сумму денегъ, что и исполнилъ съ удовольствіемъ Папа, чрезъ его посредство; ибо столь велика была нищета Епископовъ, что Никомидійскій принужденъ былъ просить денегъ, для выкупа своей одежды. Тогда Маркъ Ефесскій, видя къ чему клонится дѣло, испросилъ, чрезъ посредство Деспота Дмитрія, дозволеніе Императора не участвовать ни въ какомъ совѣтѣ, и получилъ обѣщаніе царское, о безопасномъ возвращеніи на родину, не смотря на твердость, съ какою отрекался отъ уніи. Главные же ея поборники, Никейскій и Русскій, хотѣли даже, чтобы несогласяющіеся преданы были анаемѣ; но Митрополитъ Трапезундскій сильно воспротивился столь нечестивому предложенію, отчего возникла жестокая распря между самими защитниками уніи.

Книга актовъ Латинскихъ, не касаясь домашнихъ обстоятельствъ Епископовъ Восточныхъ, съ большою подробностію излагаетъ постепенный ходъ совѣщаній для принятія уніи. Тотчасъ, по смерти Патріарха, Папа призвалъ къ себѣ Митрополитовъ Исидора, Виссаріона и Митиленскаго, и опять предлагалъ имъ, послѣ изъявленнаго согласія на правильность приложенія къ символу, согласиться на прочіе предметы; они отвѣчали, что нѣтъ большой важности въ спорѣ о чистилищѣ и опрѣснокахъ, и о нихъ можно совѣщаться послѣ соединенія, равно какъ и о томъ, какія права принадлежатъ Папѣ; „приложеніе же къ символу мы дозволяемъ только въ вашихъ церквахъ, а въ нашихъ онаго отнюдь не приедемъ, равно какъ сохраняемъ у себя освященіе даровъ, чрезъ призваніе Св. Духа, хотя признаемъ, что оно совершается и словами Господними.“ (Tom. 32. Concilior. pag. 508)

Когда кардиналы объявили Императору, что нельзя соединить Церквей, если не будетъ разсуждено о чистилищѣ и объ освященіи даровъ, или хотя оговорено, въ формулѣ соединенія, объ одноѣ чистилищѣ,

и Папа лично убѣждалъ о томъ же Государя, — онъ сказалъ : „намъ остается только отвѣчать, что время готовить нужное къ нашему отъѣзду, ибо мы все сказали, что могли сказать, и болѣе намъ невозможно медлить.“

Папа и кардиналы старались умягчить его, обѣщаніями о приготовленіи вооруженныхъ галеръ въ Венеціи и деньгахъ для блистательнаго возвращенія, по совершеніи союза. Черезъ нѣсколько дней Папа призвалъ опять нѣкоторыхъ Епископовъ Греческихъ, безъ Императора, чтобы разсуждать съ ними, о преимуществахъ, принадлежащихъ ему, какъ верховному пастырю, учителю, преемнику Петрову и наиѣстнику Христову. Епископы, возвратясь въ царскія палаты, открыли правила соборныя, чтобы извѣдать подробнѣе : каковы суть права каждой Церкви? и послѣ долгихъ прѣній, разсудили признать преимущества папскія, исключая сихъ двухъ : „Папа не можетъ созывать Собора вселенскаго, безъ приглашенія Императора и Патріарховъ; если же званые не придутъ, не смотря на то, Соборъ дѣйствителенъ. Если кто почитаетъ себя обиженнымъ Патріархами и обратится къ Папѣ, Патріархъ не можетъ уже болѣе судить его, но Папа пошлетъ отъ себя изслѣдователя на мѣсто, чтобы дать судъ обиженному.“ — Папа, по совѣту съ кардиналами, продолжалъ требовать безпрекословнаго повинновенія всѣхъ Патріарховъ и полной власти во дворѣ овечьемъ, какъ верховный пастырь, на что Императоръ кратко отвѣчалъ : „и такъ позаботьтесь о нашемъ отправленіи.“ Но кардиналы и Митрополиты: Русскій, Никейскій и Митиленскій, стали посредниками между Папою и Государемъ. (pag. 511, 514, 515.)

Наконецъ рѣшились признавать Папу верховнымъ Первосвятителемъ и наиѣстникомъ Христовымъ, управляющимъ всею Церковію, съ сохраненіемъ однако правъ и привилегій патріаршихъ, и уже ни въ чемъ болѣе не уступать ему ни на словахъ, ни на бумагѣ, но просить ускоренія союза и отъѣзда. Евгенийъ согласился, и съ обѣихъ сторонъ назначены были избранные мужи, для написанія опредѣленія о мирѣ церковномъ, однако и тутъ опять возникла распря.

Римляне хотѣли поставить, во главѣ, одно только имя Папы; Палеологъ же настоялъ, послѣ многихъ споровъ, чтобы прибавлено было, съ согласія свѣтлѣйшаго Императора, Патріарха Цареградскаго и прочихъ Патріарховъ; такъ же, гдѣ касалось до преимуществъ Папы, велѣлъ приписать, что онъ пользуется ими, по правиламъ вселенскихъ Соборовъ и Св. Отецъ, съ сохраненіемъ всѣхъ правъ и привилегій

прочихъ Патріарховъ. Такъ уорно стояли Римляне за права своего Епископа, что одно слово „всѣхъ“, относившееся къ правамъ патріаршимъ, возбудило новую распрю. (pag. 521.)

Надлежало приступить къ подписанію акта, горькаго для православныхъ, въ которомъ они, для мнимаго соединенія, вынуждены были признать приложеніе Латинское, о исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына, правильнымъ, хотя и не обязывались включать оное въ свой символъ, исповѣдать догматъ западный о чистилищѣ и, что всего было тягостнѣе знающимъ древнія преданія отцевъ Церкви, согласиться на слѣдующее новое ученіе, которое называлось правильнымъ и сходнымъ съ актами вселенскихъ Соборовъ, хотя стоитъ только заглянуть въ нихъ, чтобы убѣдиться въ противномъ:

„Мы опредѣляемъ также, что святая Апостольская кафедра и Архіерей Римскій имѣютъ первенство во всемъ мірѣ, что онъ есть преемникъ блаженнаго Петра, представителя Апостоловъ, истинный наместникъ Исуса Христа, глава всей Церкви, отецъ и учитель всѣхъ Христіанъ, и что Исусъ Христосъ далъ ему, въ лицѣ блаженнаго Петра, полную власть пасти, учить и управлять всемирную Церковь, какъ сіе содержится въ актахъ вселенскихъ Соборовъ и во святыхъ канонахъ. Обновляемъ еще порядокъ, преданный канонами, касательно прочихъ блаженнѣйшихъ Патріарховъ, такъ чтобы Константинопольскому быть вторымъ, послѣ святѣйшаго Папы Римскаго, Александрійскому третьимъ, Антиохійскому четвертымъ, Іерусалимскому пятымъ, съ сохраненіемъ однако всѣхъ преимуществъ и правъ каждаго изъ нихъ.“ (pag. 527.)

Хотя сія послѣдняя оговорка и обезпечивала патріаршіе престолы, равно какъ ссыла на каноны вселенскіе опровергала до основанія все вышесказанное, о мнимоиъ наместничествѣ Христовомъ и власти папской,—однако постыдно было православнымъ придти такъ издалеко чтобы жертвовать свободою Церкви стѣсненнымъ обстоятельствомъ имперіи. Маркъ Ефесскій остался непоколебимъ, Епископъ Ставропольскій укрылся и не подписалъ, Митрополитъ Ираклійскій сказался больнымъ, но вынужденъ былъ, властію Императора, подписать и на болѣзненноиъ одрѣ, за что въ послѣдствіи просилъ всенародно, чтобы ему отсѣкли руку. Поелику же Маркъ Ефесскій заступалъ мѣсто Патріарховъ Антиохійскаго и Іерусалимскаго, то его отреченіе колебало твердость Собора. Митрополиты Исидоръ и Виссаріонъ, съ протосингеломъ Григоріемъ, подписали съ радостію, какъ главные виновники уніи, за что первые два сдѣланы были кардиналами, и въ послѣдствіи Гри-

горій получилъ титулъ Патріарха Цареградскаго. — Прочіе, особенно Трапезундскій и Монеивасійскій, уступили тяжкимъ обстоятельствамъ времени и неодолимой воли Императора, который думалъ только о возвращеніи и спасеніи Царьграда, но обманулся въ надеждахъ, какъ справедливо сказалъ ему Султанъ Амурать, что вѣрнѣе союзъ съ нимъ, нежели съ Латинами; ибо Амурать до смерти своей далъ еще нѣсколько лѣтъ простоять ветхой имперіи Греческой, Западные же Государь, не смотря на союзъ Флорентинскій, выдали ее сыну Амуратову. Когда Папа Евгенийъ сталъ подписывать актъ соборный и не увидѣлъ на немъ имени Марка, онъ невольно воскликнулъ: „и такъ мы ничего не сдѣлали!“ (Кн. X, гл. 8, 9.)

Должно еще замѣтить, что хотя говорится, будто одинъ только Маркъ Ефесскій не подписалъ соборнаго дѣянія, однако изъ самыхъ Латинскихъ актовъ, напечатанныхъ въ 32 томѣ Соборовъ, оказываются вначалѣ только руки: Митрополитовъ Иракійскаго, Русскаго, Монеивасійскаго, Кизическаго, Трапезундскаго, Никейскаго, Никонидійскаго, Тырновскаго, Митленскаго, Молдовлахійскаго, Амасійскаго и Родосскаго, и того 12 человекъ, между коими еще непонятно, по какой причинѣ, подъ рукоприкладствомъ Митрополита Никонидійскаго Макарія, подписался опять за него же, какъ его мѣстоблюститель, Митрополитъ Тырновскій Игнатій. Прочіе же пять и между ними Анхіальскій, который такъ ревностно стоялъ съ Маркомъ противъ уніи, подписались послѣ всѣхъ Римлянъ, а не въ одно время съ своими собратіями, такъ, что издатель актовъ принужденъ былъ вставить о томъ оговорку, и это можетъ показать, какъ вынужденно было ихъ рукоприкладство, если только оно точно было; Лакедонскаго же Епископа подписи вовсе нѣтъ. Достойно вниманія также, что хотя Монеивасійскій и подписался за Патріарха Іерусалимскаго, но въ актѣ есть и другая подпись Латинскаго Патріарха съ града:—и такъ двое считались на одной каедрѣ, вопреки всѣхъ правилъ. (pag. 529, 539.)

V.

ПОСЛѢДСТВІЯ СОБОРА.

Папѣ Евгенію весьма желательно было, чтобы православные Епископы приобщились торжественно въ соборной церкви Флорентинской, во время литургіи, которую намѣревался совершить 6 Юля, для празднованія уніи, но желаніе его не исполнилось. Торжество ограничилось громогласнымъ прочтеніемъ акта соединенія, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, и взаимнымъ объятіемъ провозглашавшихъ Митрополита Никейскаго и кардинала Іуліана. На предварительный вопросъ: угодно ли сіе соединеніе? Римляне единодушно и громко воскликнули: угодно, угодно; изъ Грековъ же только нѣкоторые повторили слово сіе, и все общеніе состояло въ томъ, что они простояли литургію отдѣльно съ Императоромъ, хотя и въ облаченіяхъ, и цѣловались между собою, а не съ Латинами, когда по чину церковному настало время цѣлованія. Истиннаго же общенія не совершилось, ибо они не приобщались отъ той же божественной трапезы съ Римлянами, ибо причастниками были одни служившіе съ Папою. Митрополитъ Ираклійскій отсутствовалъ по болѣзни, а Епископъ Анхіальскій не хотѣлъ даже стоять вмѣстѣ съ своими, чтобы не участвовать въ торжествѣ. (Кн. X, гл. 9, 10.)

День спустя, Императоръ послалъ Митрополитовъ Русскаго и Никейскаго къ Папѣ, просить его, чтобы съ такимъ же торжествомъ совершена была, въ его присутствіи, литургія Святителями православными, дабы онъ видѣлъ великолѣпіе чина Восточнаго; но Папа не согласился, предлагая имъ втайнѣ отслужить обѣдню, чтобы удостовѣриться прежде, благоуспеетъ ли чинъ сей и можно ли дозволить совершить оный открыто? — Раздраженный такимъ отзывомъ Императоръ воскликнулъ: „мы надѣялись исправить множество погрѣшностей Латинскихъ, мынѣ же напротивъ Латины, непрестанно нововождящіе и

погрѣшающіе, хотятъ исправить насъ, никогда не отступавшихъ отъ канонѣвъ!“ и болѣе не просилъ о литургіи. (гл. 11.)

Вслѣдъ за тѣмъ Папа предложилъ десять вопросовъ, касавшихся до совершенія литургіи и другихъ таинствъ и обрядовъ, на которые отвѣчалъ ему удовлетворительно Митиленскій Епископъ; но Евгеній оспаривалъ расторженіе браковъ, какъ будто бы, вопреки словъ Евангельскихъ, допускаемое Православною Церковію; сверхъ того настоятельно требовалъ осужденія Митрополита Ефесскаго, за его упорство принять унію, и избранія новаго Патріарха Цареградскаго во Флоренціи, изъ числа присутствовавшихъ Митрополитовъ, угрожая, въ случаѣ сопротивленія, поступить по собственному усмотрѣнію. Онъ предлагалъ существовавшаго у Римлянъ, титулярнаго Патріарха Константинопольскаго, (который однако не подписался на актахъ, по примѣру титулярнаго Иерусалимскаго), и выставялъ его благородство, глубокую старость и богатство, чтобы уловить Грековъ; ибо, говорилъ Евгеній, послѣ малаго терпѣнія Церковь ваша наследуетъ все его достоинствѣ;— весьма достойная причина въ устахъ Папы! (Concilior. T. 32, pag. 534. Скироп. кн. X, гл. 12.)

Но Императоръ рѣшительно отвергъ избраніе Патріарха, гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ, кромя Царьграда; Ефесскому же велѣлъ явиться предъ лице Папы, только къ большому его позору; потому что Маркъ, поклонясь почтительно Евгенію, когда увидѣлъ сидящихъ вокругъ него кардиналовъ, и самъ сѣлъ передъ ними, извиняясь подагрическою болью отъ трудовъ соборныхъ; на угрозы же папскія отвѣчалъ мужественно: „Соборы вселенскіе всегда осуждали возмутителей, которые, отклонясь отъ догматовъ церковныхъ, проповѣдывали другимъ свои заблужденія, и посему правильно назывались еретиками, и извергались вмѣстѣ съ своею ересью; я же не преподавалъ никогда какого либо частнаго моего мнѣнія и не вводилъ ничего новаго въ Церковь, или защищалъ какой либо незаконный догматъ, но держался твердо того ученія, какое Церковь вначалѣ пріяла непосредственно, отъ самаго Христа Спасителя, и какое содержала святая Римская Церковь, до ея отдѣленія, единомысленно съ нашею Восточною; ученіе сіе, какъ и прежде восхваляли всѣ, яко православное, такъ и на нынѣшнемъ Соборѣ воздавали оному должную хвалу, и никто не можетъ осудить его или измѣнить. Если же я твердо защищаю такое ученіе и никакъ не хочу отъ него отступить, то почему Соборъ намѣревается осудить меня, какъ еретика? есть ли тутъ какое либо благочестіе или справедливость? Должно

прежде осудить самое учение, иною проповѣдуемое; а если оно признается правильнымъ и благочестивымъ, какого суда еще могу страшиться?“ Папа отпустилъ Марка безъ всякаго суда. (гл. 15.)

Между тѣмъ, чтобы отклонить безпрестанныя требованія Папы, о избраніи Патріарха, Императоръ отпустилъ въ Венецію старшихъ Митрополитовъ и отговаривался, невозможностію приступить безъ ихъ содѣйствія къ дѣлу столь важному; самъ же началъ требовать условленныхъ денегъ на содержаніе свое и Епископовъ, которое наконецъ выдали съ большимъ затрудненіемъ, только въ минуту отъѣзда, за пять просроченныхъ мѣсяцевъ, что показываетъ, какъ домогался Папа вынудить ихъ нищетою къ подписи акта. (гл. 16, 17.)

Великій епископъ, сравнивая въ книгѣ своей, Соборъ Флорентинскій съ прежними вселенскими, говоритъ, что онъ имѣлъ только вначалѣ видъ такого Собора, по личному присутствію Императора, Папы и Патріарховъ или ихъ мѣстоблюстителей, доколѣ продолжались засѣданія торжественныя; потомъ же все происходило скрытно, въ частныхъ домахъ, въ совершенномъ мракѣ, и десять Архіереевъ совершали втайнѣ отъ другихъ дѣло нечестія; ибо никто, не только изъ православныхъ, но даже изъ Западныхъ, не зналъ, что творится между Императоромъ и Папою съ ихъ совѣтниками, и такимъ образомъ, не единомыслиемъ вселенскаго Собора, но частными мнѣніями нѣсколькихъ человекъ, совершилась унія. Никогда такъ не дѣйствовали на прежнихъ истинныхъ Соборахъ; посему никому не обязательны были такого рода рѣшенія на послѣдующее время. Многіе изъ Епископовъ Греческихъ и Латинскихъ не знали даже, что они подписывали, и прилагали только руку, видя подпись Императора или Папы, ибо самый актъ составленъ при немногихъ свидѣтеляхъ и никому не былъ читанъ прежде подписи. Послѣ такихъ козней не заслуживаютъ ли осужденія соборнаго виновники такого акта и ушіи? и сіе пишу не по ненависти, заключаетъ епископъ, но ради истины, дабы каждый могъ видѣть ее своими очами. (гл. 18, 19.)

Императоръ, предпославъ въ Венецію прочихъ Епископовъ, удержалъ при себѣ Ефесскаго, изъ уваженія къ его твердости и для того, чтобы сохранить отъ злобы Латинской, ибо Латины умышляли и на жизнь Деспота Димитрія, за его непоколебимое православіе; но, прежде пришествія царскаго, Митрополитъ Кизическій отважился, въ одномъ изъ монастырей Венеціанскихъ, совершить литургію и помянуть имя Папы, за что, въ горькихъ выраженіяхъ, былъ осужденъ Деспотомъ и

всѣми Епископами Восточными. Самъ Императоръ, съ большими трудомъ, могъ принудить Митрополита Ираклійскаго отслужить обѣдню въ соборѣ, предъ лицомъ Дожа Венеціи, и не иначе, какъ съ своею утварію и сосудами, безъ поименованія имени папскаго и безъ всякаго участія Латинянъ. Наконецъ, послѣ долговременнаго и тщетнаго странствованія, въ теченіи полутора года, Іоаннъ Палеологъ возвратился въ Царьградъ, съ братомъ и Святителями, не только безъ всякой помощи со стороны Папы или Западныхъ государей, но даже и не на галерахъ папскихъ, которыя сманили его въ Италію, но на купеческихъ судахъ, весьма убого и неблаголѣпно. (Кн. XI, гл. 1, 2, 4, 5.)

Неблагоприятны были и въ Константинополѣ послѣдствія уніи, возбужденной общее негодованіе въ народѣ; не только имя папское не поминалось въ церквахъ, но иногда даже и царское, ибо повсюду распространилось недоумѣніе, и внутренними смятеніями исполнилась столица и слабая имперія. Самые братья Іоанна дѣйствовали противъ него и уніи. Три мѣсяца спустя по возвращеніи началъ онъ помышлять о выборѣ Патріарха и предлагалъ мѣсто сіе Митрополиту Ефесскому, но Маркъ рѣшительно отрекся; притѣру его послѣдовали Ираклійскій и Трапезундскій, и первый горько обличилъ самаго себя въ малодушіи, предъ всѣми Епископами, говоря, что слѣдовало бы отсѣчь ему ту руку, которою по неволѣ подписалъ унію, и что сердце его облегчилось только съ той минуты, когда могъ свободно отринуть сіе незаконное соединеніе, и онъ готовъ понести наказаніе церковное за вынужденное согласіе. (Кн. XII, гл. 3.)

Тогда обратились, отъ имени царскаго, къ Митрополиту Кизическому Митрофану, который утверждалъ, что однажды совершивъ унію, надлежитъ ее держаться, и онъ былъ избранъ въ Патріархи, какъ будто по жребію, хотя на обоихъ жребіяхъ было написано одно и то же лице, на одномъ имя Митрофана, а на другомъ Митрополита Кизическаго. Все сіе происходило, по замѣчанію Скрипула, въ недѣлю слѣпца, и при первомъ посвященіи, которое совершалъ Митрофанъ уже Патріархомъ, посвящаемый имъ Митрополитъ Херсонскій, открывъ нечаянно Евангеліе для чтенія, остановился на сихъ словахъ: „если слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба падутъ въ яму.“ Митрополиты Ираклійскій и Трапезундскій не хотѣли присутствовать на его поставленіи; но легатъ папскій не отходилъ отъ новаго Патріарха, во время торжественнаго шествія въ палаты царскія, и тѣмъ возбуждалъ негодованіе народное. Никто изъ Святителей не хотѣлъ служить съ

нимъ литургіи и когда, при наступленіи пятидесятницы, Императоръ хотѣлъ къ тому принудить Ефесскаго и Иракійскаго, они бѣжали изъ столицы. Многіе сановники духовные оставили свои должности, въ томъ числѣ великій епископъ Смиропуло, не смотря на всѣ убѣжденія царскія, ибо не хотѣлъ почитать имени папскаго. Самъ Патріархъ видя, что всѣ усилія, для преобразования Церкви и нововведеній Римскихъ, остаются тщетными, удалился отъ дѣлъ церковныхъ; онъ требовалъ помощи отъ Императора, угрожая совершенно оставить престолъ свой, и послѣ трехлѣтняго правленія скончался, не достигнувъ желаемой цѣли; пришествіе же легата, племянника папскаго съ флотомъ, для утверженія уніи въ Константинополѣ, только ожесточило сердца православныхъ, ибо онъ требовалъ себѣ почестей царскихъ. Сижъ заключается книга великаго епископа, или правдивая исторія несправедливаго соединенія. (гл. 4, 5, 6, 7, 8, 12.)

Любопытно взглянуть и на то, что происходило на Западѣ, во время Флорентинскаго Собора и тотчасъ послѣ; ибо мы видимъ только однихъ Италійскихъ Епископовъ на множествѣ вселенскомъ Соборѣ. Базельскій все продолжался и, подтвердивъ опредѣленіе о своей самостоятельности, объявилъ низложеннымъ самаго Евгенія, въ сихъ выраженіяхъ: „Господь услышалъ стenanія своей Церкви, о безчисленныхъ бѣдахъ, какія ей угрожаютъ, и благоволилъ совершить судъ надъ единымъ человекомъ, коимъ пришелъ соблазнъ, и который навлекаетъ гнѣвъ небесъ на весь народъ; — это Папа Евгенийъ IV. Предвидя затрудненія, какія будетъ онъ противопоставлять преобразованію Церкви, Господь внушилъ Собору Базельскому, объявить, какъ истину вѣры Каеолической, что вселенскій Соборъ имѣетъ власть свою непосредственно отъ Иисуса Христа, и что всякій Христіанинъ обязанъ ему повиноваться во всемъ, что касается до вѣры и преобразования Церкви. По сему объявленію, Соборъ вселенскій Базельскій въ правѣ изречь судъ на Евгенія, котораго преступленія столь явны, ибо онъ упорно отказывается повиноваться Церкви, употребляя во зло ея долготерпѣніе и пренебрегая снисходительными увѣщаніями. И такъ настоящій Соборъ, сиѣ рѣшительнымъ опредѣленіемъ, изрекаетъ и объявляетъ, что Гавріилъ, прежде называемый Папою Евгениемъ IV, явно виновенъ и есть открытый ослушникъ Церкви, и слѣдовательно раскольникъ, еретикъ, расточитель всякихъ правъ и благъ церковныхъ, и недостойный всякой почести и достоинства. Соборъ объявляетъ его лишеннымъ первосвятительства Римскаго, низлагаетъ его и запрещаетъ ему впредь

именоваться Папою, и всѣмъ вѣрнымъ признавать его такимъ, или повиноваться ему въ чемъ бы то ни было, подѣ страхомъ наказанія, присуждаемаго раскольникамъ и еретикамъ, и лишенія всѣхъ почестей.“ (Истор. Флери кн. СШ, гл. 1, 2.)

Не доставало, говорить Флери, только хорошаго войска, для исполненія сего приговора, ибо Соборъ Базельскій ежедневно упадалъ, и Папа оставался такимъ до смерти, стараясь привлечь на свою сторону Короля Франціи Карла VII и новаго Императора Алберта II. Императоръ тщетно искалъ примирить Соборъ съ Папою; они уничтожали другъ друга своими опредѣленіями, и поелику Евгений издалъ новую буллу противъ отцевъ Базельскихъ, то они избрали и посвятили на его мѣсто бывшаго Герцога Савойскаго Амедея, под именемъ Феликса V, который носилъ сей титулъ около десяти лѣтъ, хотя немногіе признавали власть его, и большая часть князей имперскихъ оставались средними между Папою и Соборомъ.

Замѣчательно, что отъ лица Короля Французскаго Карла VII, послано было увѣщаніе Папѣ Евгению, съ указаніемъ на слова сказаннымъ Спасителемъ ученикамъ своимъ о смиреніи: „князья языковъ господствуютъ надъ ними, вы же не такъ, но первый изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга“ и съ требованіемъ новаго вселенскаго Собора, болѣе удовлетворительнаго, нежели Базельскій или Флорентинскій, который соединился бы по обычаю св. отцевъ и древнихъ Соборовъ, безъ шума и воплей, и служилъ бы лучшею опорой власти святительской, упавшей въ народѣ отъ частыхъ злоупотребленій. (Кн. СШ, гл. 12.)

Папа Евгений, которому благопріятствовалъ новый Императоръ Римскій Фридрихъ III, примирился и съ князьями имперскими, на такихъ условіяхъ однако, чтобы созванъ былъ новый Соборъ и сохранились опредѣленія Базельскаго. — Онъ вскорѣ скончался; преемникъ его Николай V, съ помощію Императора, восторжествовалъ надъ своимъ соперникомъ Феликсомъ V, который принужденъ былъ отказаться въ его пользу отъ своего достоинства, и надъ Соборомъ Базельскимъ, который перейдя въ Лозанну, и постепенно угасая, призналъ Николая V, избравъ его снова, какъ бы отъ себя. — Такимъ образомъ кончился долгій разрывъ Западной Церкви, но тѣмъ не кончились ея внутренніе безпорядки. Еще надлежало Александру VI осквернить собою кафедру Римскую, къ ужасу и соблазну всего міра, и Юлію II, съ оружіемъ въ рукахъ входить побѣдителемъ въ проломъ осажденнаго имъ города, и Льву X продавать индулгенціи, для удовлетворенія своей расто-

чительности, а между тѣмъ уже вся Германія воспыдала расколѣмъ Гусситовъ, и вдали, какъ темныя облака, показывались на горизонтѣ Лютеръ, Цвингліи и Кальвинъ. (гл. 18—21.)

Мы видѣли бѣжайшія послѣдствія Флорентинскаго Собора на Западѣ и Востокѣ, которому грозило величайшее бѣдствіе, паденіе Царьграда, и которое тщетно думалъ отклонить Императоръ Іоаннъ, насильственнымъ соединеніемъ Церквей; оно только приблизило къ паденію разсыпаншееся царство, наполнивъ его внутреннимъ несогласіемъ царственныхъ братьевъ, за унію, и православныхъ съ латинствующими, въ стѣнахъ осажденной столицы; но не принесло никакой помощи, ибо послѣдній Константинъ напрасно умолялъ о ней Папу Николая V, и государей Западныхъ. Константинополь палъ, въ 1453 году, предъ лицемъ всей Европы, равнодушной до его паденія и дрогнувшей отъ поздняго ужаса, при паденіи сего древняго оплота Христіанства.

Но прежде послѣдняго часа имперіи, еще ярко возгорѣлось въ ней православіе, чтобы потомъ, въ теченіи четырехвѣковаго ига, явить въ лѣтописяхъ утѣшительный примѣръ народа, неизмѣнно сохранившаго чистую вѣру отцевъ своихъ, при самыхъ тяжкихъ гоненіяхъ, и вѣры, взаимно сохранившей народъ сей въ цѣлости.

Патріархъ Іерусалимскій Досеѣй пишетъ въ своей исторіи, что Краль Сербскій, не пославшій мѣстоблюстителей на Соборъ Флорентинскій, не принялъ и его опредѣленій, равно какъ и воевода Молдовлахійскій отвергъ ихъ, по возвращеніи своихъ пословъ. То же сдѣлалъ властитель Трапезундскій и Царь Грузинскій, со всеми подвластными имъ Христіанами. Въ самомъ Константинополѣ сперва соединился Соборъ семнадцати Епископовъ, изъ коихъ нѣкоторые были и во Флоренціи, и обличилъ Императору, Іоанну, неправильность дѣйствій уніи; нѣсколько времени спустя, гораздо многочислѣннѣе собраніе духовныхъ лицъ въ храмъ Софійскомъ, предало анаемъ Соборъ Флорентинскій. На Востокѣ Патріархи Филофей Александрійскій, Іерофей Антиохійскій и Іоакимъ Іерусалимскій, сошедшись въ Іерусалимъ, отвергли рѣшенія мнимыхъ своихъ мѣстоблюстителей въ 1443 году, и отлучили отъ Церкви Патріарха Царьградскаго Митрофана, единомышленника Латинянъ; потомъ, пришедши въ Царьградъ, при послѣднемъ Императорѣ Константинѣ, соединили Соборъ въ храмъ Софійскомъ и отрѣшивъ отъ престола преемника Митрофанова, Григорія Мамму, бывшаго протосингеломъ во время дѣланій Флорентинскихъ, возвели на мѣсто его православнаго Аѳанасія, изъ настоятелей св.

Афонской горы.—Послѣ же паденія Царьграда, знаменитый ученостію и православіемъ Георгій Схоларій, другъ и послѣдователь Марка Ефесскаго, подъ именемъ Геннадія, возведенъ былъ, съ общаго согласія клира и народа, на престолъ Константинопольскія Церкви, которая съ тѣхъ поръ пребыла непоколебимою въ православіи, не смотря на бѣдственное иго.

Стало же мало имѣли успѣха дѣянія Флорентинскія въ православномъ отечествѣ нашемъ, хотя Митрополитъ Исидоръ былъ главнымъ поборникомъ уніи. Господь, по выраженію псалма, умудрившій слѣпцовъ, внушилъ неодолимую ревность къ чистому ученію Церквей Великому Князю Василію Темному, и онъ самъ облечилъ извѣстника, въ соборѣ Успенскомъ, дерзнувшаго провозгласить унію. Заточеніе въ Чудовъ монастырь постигло Исидора; онъ бѣжалъ въ Римъ, а Святитель Іона, у котораго восхитилъ митрополию, единогласно возведенъ былъ на кафедру вося Русіи. Просіявъ въ краткое свое правленіе, всѣми добродѣтелями пастырскими, онъ и послѣ блаженной кончины прославился чудесами, и, покомся нетлѣнно въ первопрестольномъ соборѣ, какъ краеугольный камень Церкви Россійской, доселѣ утверждаетъ вѣрныхъ чадъ ея, непереложнымъ свидѣтельствомъ святыхъ мѣщей своихъ, въ той истинной вѣрѣ, какую нѣкогда они пріѣли съ Востока и неизменно сохранили, чрезъ рядъ вѣковъ, постепенно видѣвшихъ возвышеніе Россіи.

К О Н Е Ц Ъ .